

Андрей Фролов
Кредит на милосердие

Анклавы Вадима Панова –

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600087
«Кредит на милосердие»: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-47777-7

Аннотация

Долгожданное продолжение легендарного цикла Вадима Панова «Анклавы»!

Грандиозный эксперимент на станции «Наукома» вызвал на Земле разрушительную Катастрофу. Столб чистой энергии устремился в Космос и прошел планету насквозь. Рухнули горные хребты, реки повернули вспять, изменились очертания материков, погибли миллионы людей – такой оказалась цена человечества за доступ к Новым Мирам. Уцелевшие и вновь созданные государства сошлись в ожесточенной схватке за наследство погибшей цивилизации. И за доступ к Станции. А людям остается только выживать кто как может. По отдаленным сибирским деревням разъезжают бандиты на вездеходах и заготавливают мясо, не разбирая – где чье... Юной Варваре пришлось стать невольной свидетельницей страшной гибели своей бабушки, от которой девушке достался необыкновенный дар... Наемник Илья Вебер по заданию неведомых заказчиков стремится пробиться далеко на

север, чтобы раскрыть злоеущий секрет станции «Куэн Као». А президент Республики Сибирь Ростислав Гиляров пытается найти компромисс между потребностями страны и неослабным давлением китайских соседей...

Андрей Фролов

Кредит на милосердие

*Эта книга – моей маме.
Спасибо, что всегда верила в меня!*

* * *

Светло-зеленый столб чистой энергии устремился в небо и прошел сквозь планету. Добрался до звезд, ударил в раскаленное сердце Земли.

И скорчился пронзенный мир.

Изнасилованная планета огрызнулась волной землетрясений, самое слабое из которых тянуло на восьмерку. Новосибирск, Дели, Куала-Лумпур, Сياتл, Берлин, Денвер, Кито... Жертвами стали не только города – по всему миру к ним присоединились тридцать пять атомных электростанций.

Потревоженная вода ударила наотмашь: тридцатиметровые волны разбежались по Индийскому океану и Атлантике, а огромный Тихий породил пятидесятиметрового монстра. Цунами захлестнули Лос-Анджелес и Новый Орлеан, Нью-Йорк и Бостон, Калькутту, Сингапур, Шанхай...

Вулканы Исландии и Камчатки «отозвались» почти мгновенно, а через два часа после запуска Станции в ста милях от Солт-Лейк-Сити начал пыть первый из «новых вулканов», заливая окрестности вырвавшейся из глубин лавой.

Пришли в движение плиты, вздрогнули разломы земной коры, ушли под воду острова, и возникли новые.

Географические карты устарели.

Мироустройство рухнуло, правительства большинства стран перестали существовать, а понятие «глобальная сеть» надолго стало анекдотом.

Все, что не взорвалось и не исчезло – остановилось.

Это был ад.

Это был «День Станции».

День величайшей в истории Земли катастрофы, которая открыла человечеству дорогу в восемь новых миров. Глобальная перезагрузка, запустившая программу «Цивилизация 2.0». Разрушившая прежний мир, но подарившая надежду.

Люди, привыкшие к удобствам технического прогресса, окунулись в первозданный Хаос, увидели гибель незыблемого, казалось бы, мира, но не отступили, потому что нет у настоящих людей такого правила – отступать.

Люди хотели выжить. Любой ценой.

CREDITUM I

Новеньких заметили с восточного поста и сразу просигналили в основной лагерь. К тому времени, как двое добрались до периметра, об их приближении знали все старшаки, да и среди детей слух разлетался со скоростью лесного пожара.

– Пошли, епта, посмотрим. – Напильник требовательно пнул по корпусу панцирной кровати, пружины загудели. – Свежее мясо прибыло...

– Угу.

Митяй спрятал под подушку потертую книжонку, неохотно сунул ноги в армейские

ботинки, встал. Было почти два, самое время подремать после недавнего обеда... Да и вообще идти не хотелось, но так предписывали негласные правила, а лаяться лишний раз не хотелось сильнее.

Набросил на плечи выцветшую куртку, вышел в пробиваемый сквозняками коридор. Там к Напильнику уже присоединился плоскомордый Клёпа, как обычно улыбчивый без причины. Парни двинулись к лестнице, и Митяй без особенного удивления заметил автомат, висящий на плече директора.

Ствол, конечно, лишний – если бы лагерю угрожала опасность, сигнал был бы иным, заставив исполниться всех, кто имел право пользоваться оружием. Сейчас же это походило на обычную игру мускулами, как такое поведение называли в любимых Митяем книгах. Но Напильник встречал во всеоружии любого пришлого. Да и в обычное время предпочитал не расставаться с настоящим спецназовским «Ураганом», одним из их лучших трофеев.

Спустились во двор, где уже собралась кучка малышни, сегодня освобожденная от вахт. Дети негромко обсуждали новость, шушукаясь с тревожным нетерпением. Заметив появление старших, примолкли. Сбились в стайку, пытаясь угадать настроение лидеров, на всякий случай чуть попятись от дверей барака.

– Они у ворот, – медовым голосом отчитался Беляш. – Их Косила встретил уже, вас только ждут.

Митяй поморщился, отвел взгляд. Он никогда не любил полного пухлощекого подростка, всеми силами пытавшегося заслужить расположение вожakov. А уж в последние месяцы тот и вовсе не скрывал намерений, готовый лебезить и выполнять любые приказы. Васька Косороев, закадычный Беляшин дружок, такую тактику поведения перехватил мигом, а потому его присутствие на воротах тоже не стало сюрпризом.

– Ну, епта, vedi, посмотрим, – прищурившись, согласился Напильник.

Столпившаяся перед двухэтажным зданием кучка малолетних кропоткинцев расценила его слова как официальное разрешение наблюдать за встречами. Шумно устремилась вслед. Митяй, даже не стараясь нагнать процессию, пристроился в хвост, хмуро поглядывая по сторонам.

Он видел, как из теплиц выглядывают занятые работой обитатели лагеря, видел любопытство и легкий страх, купающиеся в детских глазах. Им тоже не терпелось узнать, кто пожаловал в гости, но боязнь оставить рабочие посты была сильнее, а потому дети лишь украдкой высматривали, что же происходит на центральной площади.

Митяй поежился, застегивая куртку. Весна в этом году приходила неохотно, неспешно. Будто издевалась над людьми, дразня тусклым солнышком, но тут же полосуюя холодным ветром и мокрым снегом. Закончится ли она вообще, эта весна? Иллюзиями себя в Кропоткине никто не тешил, даже несмотря на юный возраст. После Толчка погода вела себя непредсказуемо, и если июль они встретят в сугробах, значит, так тому и быть...

К тому времени как Митяй добрался до единственных ворот лагеря, Напильник и Клёпа уже рассматривали новичков. Директор хмуро и внимательно, его первый помощник – с идиотской щербатой ухмылкой, за которой обычно не крылось ничего хорошего. Остальные, в том числе тощий Косила, пристроились за старшаками, образовав полумесяц.

Слева надрывались цепные псы, посаженные по такому случаю накоротко. Зверей, таких же ничейных и одиноких, как сами дети, малышня уже три года собирала и выхаживала, превращая в преданных союзников и сторожей.

Новеньких оказалось двое, как, впрочем, и шептались в толпе. Мальчишка лет десяти-одиннадцати, худой и измотанный долгим пешим маршем. И девочка лет шести, намертво вцепившаяся в его рукав. Беляш, косящийся на директора в ожидании новых распоряжений, торопливо запирает калитку. Сверху, дымя папиросками, за встречей наблюдала воротная стража.

– Ну что, епта, – протянул Напильник, – кем будете?

– Здравствуйте, – спокойным, хоть и дрогнувшим голосом ответил ему незнакомый мальчишка. Он не отводил глаз от автомата на плече взрослого парня. – Меня зовут Алексей,

а это Даша.

– Даша, – негромко прошепелявил Клёпа, и Митяй вздрогнул, стараясь лишний раз не смотреть на улыбчивого.

В лагере слишком хорошо знали отвратительную тягу беззубого, и приветливый блеск в глазах Клёпы мог обмануть только новенького. Ничего, это ненадолго. Если пришлые задержатся в Кропоткине, они быстро научатся понимать, что к чему...

– Чего пришли? – всё тем же хозяйским тоном спросил Напильник, щепкой вычищая грязь из-под ломаного ногтя.

Еще полгода назад он бы спросил совсем иначе. Конечно, Митяй в этом был уверен, новеньких примут. Впустят, накормят, определят к делу, разместят по баракам и даже дадут новую одежду. Но еще каких-то полгода назад директор спросил бы совсем иначе...

– Мы слышали про лагерь, – честно ответил мальчик по имени Алексей.

Поклажи у него было совсем немного: полиэтиленовый мешок за спиной, да и только. Причем давно без провизии – это Митяй предположил по изможденному виду путников.

– Слышали, что тут можно найти приют. Что тут можно найти защиту.

Даша, не выпуская рукав мальчишеской куртки, постаралась спрятаться за его спину. Наверное, иначе представляла себе место, о котором так много мечтала...

– Защиту? – правильно подобранные новеньким слова заставили Напильника улыбнуться.

Он вынул из кармана армейской разгрузки пачку, набитую самокрутками. Беяш тут же оказался рядом, укрывая ладонями подоженную спичку.

– Правильно слышали. А от кого?

Директор выпустил в весенний морозный воздух клуб густого белоснежного дыма, выжидающе глядя на бледного мальчишку.

– Все говорят, – пожал тощими плечами тот. – Мы слышали, что здесь живет много детей. Сами, без взрослых или надзирателей. Тех, кому больше некуда идти. Еще вчера вечером я думал, что это брехня. Но мы продолжали идти, и...

– Упорный, епта, молодец. – Напильник кивнул, а Митяй подумал, что пришлый пацан явно не из простой семьи. Может, вообще из городских. Держится прямо, хоть и видно, что боится до обморока. – Нашпигованы?

– У меня есть чип, но он не работает. – Алексей послушно раздвинул на затылке грязные волосы, показывая отсутствие «балалайки». Затем закатал левый рукав, обнажив предплечье со шрамом от таблеточной вакцинации. – У Даши нет ничего, по возрасту не успела...

– Ладно, вытащим, – словно это должно было успокоить или обнадежить, пообещал Напильник. – А с чего вы вообще взяли, что вам тут рады?

Вопрос поставил мальчишку в тупик, и он даже ахнул, распахнув глаза. За его реакцией внимательно наблюдали десятки глаз. На губах блуждали улыбки, и кое-кто уже придумывал, в каких красках расскажет про увиденное ближайшей ночью, когда в бараках объявят отбой.

Митяй внимательно рассмотрел пришельцев. Одежда рваная и грязная, совсем не приспособленная к лесным переходам. Ботинки износились, один перемотан веревкой, чтобы не «просил каши».

Когда-то и они были такими же – оборванными, грязными, ищущими свой новый дом или всего лишь место, где можно укрыться от непогоды. Тогда, сразу после Толчка, не дойти до лагеря выпало многим. Слишком многим, которых они хоронили второпях, неумело и неглубоко. Хоронили спешно, чтобы продолжить путь.

– Я думал, здесь можно укрыться любому, – наконец ответил мальчик, совладав с собой, но в глазах заблестело, и отнюдь не от холода. – Возьмите хотя бы девочку, она не выдержит дальнейшего странствования...

– Сестра твоя? – негромко спросил Клёпа, но Напильник опередил:

– Откуда сами?

– Из Черемух, это под Туруханском. – Алексей еще держался, чтобы не заплакать, но его настроение передалось девочке, теперь поджавшей губы. – Отец был агрономом, мать в библиотеке работала. Месяц назад родители поехали на юг, поближе к Новосибирску, но на нас напали...

– Куницы, епта?

– Я не знаю... Бандиты какие-то. Всех, кто шел в караване, убили. Маму тоже... Но мне... но нам удалось бежать. – Слеза скатилась по чумазой щеке мальчишки, прочертив светлую полосу. – Почти всю зиму жили в Фарково, работали в столовой, там про Кропоткин и узнали. А к весне хозяин решил заработать и сдать нас службам по надзору, и мы сбежали.

– Сестра твоя? – повторил Клёпа, прищуриваясь, и теперь его вопрос прозвучал громче.

– Да.

Директор бросил на Беляша короткий многозначительный взгляд, и толстяк понял сразу, поспешив исполнять. Широким шагом подошел к мальчику, вздрогнувшему от неожиданности. Хлестко, но коряво ударил того по лицу. Алексея мотнуло в сторону, он чуть не упал, а Даша вскрикнула и тут же заплакала, горько и громко.

Митяй вздохнул, брезгливо отворачиваясь. Посмотрел на любопытных и настороженных детей, стоявших за спинами старшаков. Крохотные лица были бледны и испуганы, словно пощечину получил каждый из них.

Таков порядок, да. Митяй точно знал, что дальше скажет директор новичкам.

– За что?.. – затравленно глядя на хозяев лагеря, мальчишка схватился за покрасневшую скулу, приготовившись увернуться от нового удара.

– Пока хватит...

Беляш, как вышколенный пес, мигом вернулся на место.

– Вы, малыши, теперь находитесь на территории исправительно-трудового лагеря имени какого-то там Кропоткина, – неторопливо, старательно выговаривая слова, ответил Напильник, читая знакомую лекцию. – А значит, епта, подчиняетесь порядкам, установленным директором лагеря, то есть моим. А я, епта, считаю, что врать очень нехорошо. За что наказываю сразу, это ясно?

– Ясно, – кивнул Алексей. – Я извиняюсь. Из Черемух только я, Дашу встретил в лесу. Я не знаю, откуда она... совсем ничего не говорит, только плачет. Я даже имя ей сам придумал...

– Молодец, епта, – похвалил Напильник, но довольства в его голосе как не было, так и не появилось.

Беляш, косясь на старшего в ожидании похвалы, переминался с ноги на ногу. Клёпа всё еще улыбался, но теперь Митяй точно знал, что творится в голове у этого страшного и непредсказуемого парня.

Старшие, старшаки, руководство лагеря. Все подростки после тринадцати, но не перешагнувшие свое семнадцатилетие. Способные управлять, принимать решения, делить, решать проблемы. И наказывать. Наказывать так, как не умели даже надсмотрщики родного детдома.

Жесткие, строящие новый мир по только им ведомым законам, не имевшим никакого фундамента. Справедливые, как считали беляши, косилы и им подобные.

Иногда Митяй задумывался, как поступил бы, попав в Кропоткин, будучи лет на пять моложе? Наверное, убежал бы. Хотя это лишь фантазии – капкан условной защищенности и крова над головой затягивал детей крепче любой удавки, уже не выпуская на свободу...

Напильник шелчком отбросил окурочек в лужу под ногами, где тот громко шикнул.

– Проживание на территории лагеря нужно оплачивать. Ты знаешь об этом, Алеша? – спросил он, поправляя на плече ремень автомата.

Лишний жест, но насколько демонстративный...

Мальчик кивнул, всё еще потирая щеку. Голодным зверьком посмотрел на Беляша.

– Но у нас ничего нет. Немного денег, но в лесу от них проку...

– У нас, епта, ни у кого ничего не было, – важно согласился директор, как будто услышал ожидаемое, а кто-то из парней на воротной вышке хохотнул. – Поэтому мы работаем. Чтобы была еда. Тепло. Крыша. Определим тебя в теплицы. Еще будешь чинить ограду лагеря, носить дрова. Летом ходить на промысел в лес. Девчонку отправим на кухню к Юльке, пусть учится готовить и шить.

Митяй, стоящий за спиной Напильника, не вытерпел – скривился. Последнее время новые дети приходили в Кропоткин совсем не часто, раз в пару месяцев. И каждого из них его старый друган по детдому встречал всё более и более... надменно, как сказали бы книги. Словно оказывал одолжение, проявляя невиданное милосердие. Словно был не пареньком, которому повезло уцелеть в хаосе Толчка, а верхолазом с богатой родословной...

Взгляд Беяша. Внимательный, запоминающий. Митяй поймал его, когда поворачивался обратно к новеньким. Толстый видел, как поморщился приятель его обожаемого вожака, он обязательно передаст ему всё в красках. Улыбнувшись, Митяй показал Беяшу обидный жест, и тот мигом сник. Вступать в драку или даже рычать в ответ *такие* не приучены вовсе...

– Это значит, что мы можем остаться? – глаза Алексея распахнулись, и Митяй почти наяву услышал лязг захлопнувшегося капкана.

– Можете, епта, – улыбнулся Напильник.

На какое-то короткое время в нем промелькнуло что-то прежнее. Озлобленное на жизнь, родителей и любых взрослых, но всё же человеческое.

– Косила, проводи гостей в квартиры. Одежку выдай, правила объясни.

Он обернулся к двум десяткам зрителей, выразительно приподнимая брови. Сдвинул вязаную шапочку на затылок, почесал лоб.

– Так... я не понял, епта?! А чего мы тут всё тремся? Занять себя нечем? Так я придумаю! Или кто-то выходной отгулял и снова на грядки хочет?

Дети, пришедшие к воротам лагеря посмотреть на пришельцев, прыснули в разные стороны, как перепуганные мыши. Несколько секунд – и на асфальтовом плацу перед въездом не осталось никого, кроме старшаков и новеньких.

О чем-то негромко переговаривались парни на вышке. Васька Косороев, чью фамилию переделали обидно, но очень давно, что-то объяснял Алексею. Даша перестала плакать, однако отпускать рукав своего спутника отказывалась категорически.

– Беяш, запиши их, – распорядился Напильник уже на ходу, направляясь к барaku, в котором жило «руководство». – В нашем Анклаве прибыло...

Митяй, посматривая на низкое косматое небо, побрел следом, перешагивая лужи и пятна недотаявшего снега. Уже на пороге барака он остановился, обернувшись к воротам. Там, не спуская взгляда с удалявшихся к кухне новичков, застыл Клёпа. Он улыбался.

CREDITUM II

Ублюдков оказалось трое, как он и вычислил по голосам. Трое взрослых существ, не имеющих права называться людьми, сидящих вокруг костра и ложками выскребающих консервные банки. А еще женщина. Почти труп, но пока живая, постанывающая и что-то бормочущая в предсмертном бреду.

Нужно было уходить, бесшумно и осторожно, как он умел. Это подтвердила бы и Колокольчик, выйди она сейчас на связь. Это декларировали выданные заказчиком инструкции. Об этом напоминал скиталец, отставший всего на день, а может, и меньше. Об этом же нашептывала интуиция, которой он уже давно привык доверять.

Избегать встреч с местным населением, как можно скорее продвигаясь к цели, было приоритетной задачей. Жертвовать которой допустимо лишь в случае смертельной опасности исполнителя.

Но, прислушиваясь, как железные ложки скребут железные доньшки, а в стороне негромко стонет пленница, он уже точно знал, что не уйдет...

Сделает всё быстро, четко, без последствий. Тратить ли патроны, вот вопрос? Наверное, если бить наверняка, можно и потратить... Атака «в ножи» вызовет гораздо больше возни, да и исход схватки не столь предсказуем.

Без лишних движений Вебер вынул из нагрудного кармана крохотное зеркальце со специальным противобликовым покрытием. Выставил из укрытия руку, внимательно изучил размещившийся в ложбинке лагерь. По всему выходило, что жили нелюди именно тут – об этом говорил крепкий шалаш-землянка, способный укрыть от снега или дождя, россыпи пустых банок из-под жратвы, горы мусора и подобные мелочи, выдававшие постоянную стоянку.

Медленно ведя руку и стараясь запомнить всё до последнего бревна на земле, Вебер просчитывал дальнейшие действия. Ружья не составлены в общую стойку, каждый из ублюдков держит свое рядом. В осторожности им не отказать, жизнь в тайге научила... Как только один встает, даже чтобы отшвырнуть пустую упаковку из-под синтетической тушенки, он машинально прихватывает с собой обрез. Всего же стволов пять – кроме охотничьих ружей и винтовок выродки сумели вооружиться двумя полицейскими револьверами, по калибру не уступающими «дыроделам».

Сидят у костра, только что пообедали. Передают по кругу пластмассовую канистру с бурой жидкостью внутри, но на алкоголь не налегают, глотают по чуть-чуть. О чем-то негромко и добродушно подшучивают, время от времени поглядывая в сторону пленницы. Тот, что выглядит младше остальных, с хохотом изрекает, что нужно успеть *кинуть* еще палку, пока метелка не *откинула* копыта... Остальные ржут, женщина у дерева стонет в забыты.

Возможно, она вообще не придет в себя, одной ногой уже находясь там, куда не торопится никто из живых. Это Вебер умел определить и на глаз. Но колючая проволока, которой связаны охватившие ствол голые руки, всё равно не позволит ему уйти. Даже если нелюди прямо сейчас добьют свою игрушку...

Убрав зеркальце обратно в клапан на разгрузке, Илья притянул к себе оружие. Верный автоматический «Смерч», разработанный «Наукомом» для боев в горной или лесной местности, лег в руку. Прикрыв ладонью переключатель, Вебер аккуратно снял автомат с предохранителя, выставил на одиночные.

Как же хотелось выйти! Как же ему хотелось выйти прямо туда, к костру, в полный рост, чтобы у нелюдей отвисли челюсти. А потом в упор, прямо в небритые чумазые рожи расстрелять всех троих. Чтобы испачкали штаны, не успев дотянуться до своих стволов или хоть что-то возразить. Чтобы последнее, что запомнили перед кончиной, было его лицо...

Илья тонко улыбнулся собственным мыслям. Он мог сколько угодно фантазировать о возможной кинематографичности предстоящего, но всё равно знал, что действовать будет совершенно иначе.

Поглубже натянул маскировочный капюшон куртки. Одним плавным движением перекатился из-за дерева, за которым прятался, на ребро ближайшего холмика. Маневр был плавным, естественным, такой не заставит насторожиться даже дикого зверя, случайно заметившего что-то уголком глаза. А уж трех увлеченных беседой уродов...

Заняв новую позицию, наиболее удачную для обстрела, Вебер раскинул ноги, открывая резиновые крышки оптического прицела. В глухом лесу, оторванный от цивилизации на сотни и сотни километров, он предпочитал доверять механике, нежели электронике. Именно поэтому боевые очки-хамелеоны лежали в подсумке, а «балалайка» была и вовсе переведена в спящий режим. Она вообще не нужна тут, в царстве лесных духов. А заработает только в том случае, если спутник Колокольчика снова ляжет на нужный им курс, позволив провести сеанс связи.

По большому счету, в оптике большой нужды тоже не было. Дистанция допускала четкий бой без линзы, особенно такому стрелку, как Илья. Но раз уж он решил задержаться, пусть всё будет наверняка...

По привычке выбирая самого опасного, как ему казалось, из противников, Вебер

поймал в прицел лохматую рыжую шевелюру. Щелкнул. Специальный ствол «Смерча» тактично приглушил выстрел, отчего оставшимся в живых показалось, что где-то в лесу хрустнула веточка.

А затем они оторопело уставились на своего старшего, во лбу которого раскрылся яркий красно-розовый цветок, и Вебер всё же насладился видом отвисших челюстей. Рыжий медленно завалился вбок, кулем падая с бревна, на котором сидел.

Остальным Илья, пусть и между делом, должное отдать успел – не растерялись, в панику не впали. Посрывали с плеч ружья, валясь в разные стороны прямо на стильную влажную землю. Принялись высматривать противника.

Одного из них, с неопрятной бородой и тревожным пятном болячки на щеке, Вебер *добрал* уже в полете. Когда мужик упал в надежное укрытие шалаша, пытаясь вскинуть оружие, в его груди уже булькало, расплываясь по штормовке темно-красным пятном. Нелюдь попытался что-то сказать последнему из уцелевших, но только захрипел и пустил кровь ртом.

И вот тут младший, успевший отпрыгнуть за поленницу, все-таки дал слабинку. Выставив пятизарядный карабин, он принялся стрелять наугад, вслепую, преисполненный страха и злости. Выстрелы – это плохо... Вебер покривился, снова прикивая к прицелу. Выстрелы может услышать скиталец, которого он очень рассчитывал всё же сбить со следа. Или такие же нелюди, как эта троица. И то и другое не устраивало Илью нисколько.

Ухватив дрожащую руку в прицел, он отстрелил молодому пальцы, заставив выронить карабин. Тот завыл, словно угодивший в капкан звереныш, забился по земле, пытаясь зажать кровоточащие обрубки.

– Культяпки в гору, останешься жив! – рявкнул Вебер, не спеша покидать укрытие. – Быстро, я сказал, или открываю огонь на поражение!

К удивлению Ильи, последний нелюдь не окончательно спятил от боли и даже осознал, чего хотят нападавшие. Подвывая и пытаясь унять кровь вязаной шапочкой, он выкатился из-за поленницы, становясь на колени. Безумный и отчаянный взгляд блуждал по обступившему лесу, пытаясь выследить того, кто так жестоко и быстро убил его товарищей.

– Не стреляй... пожалуйста... – взмолился последний из троицы, роняя вполне неподдельные слезы. – Я не вооружен, видишь?

– Вижу.

Илья медленно поднялся из укрытия, только теперь позволив разглядеть себя. Только что на этом месте лежал замшелый камень, и тут раз – уже стоит человек с автоматом в руках.

– Где остальные? – приказным тоном начал он допрос, медленно спускаясь в ложбинку, облюбованную вырожденками. – Отвечай, гнида, а то на месте положу!

– Да какие остальные? – дрожь и высокие ноты, навывлет изрешетившие голос раненого, позволяли верить. – Трое нас тут, да только ты убил всех... сука... за что ты так с нами?! Палыч, Федюня... сука, за что ты нас так, а?!

Чувствуя, что мужичок вот-вот скатится в истерику, подкрепленную щедрой потерей крови, Вебер рявкнул так, что застонала даже пленница:

– Где метелку взяли, сучьи дети?! Отвечать, пока не завалил!

– Да наша она, честно, наша, – баюкая на груди изувеченную руку, забормотал раненый, – мы ее у жмыхинских еще месяц назад на патроны обменяли... Ты чо же это, сучара, за метелку нас так? Ах ты...

Илья вступил на территорию лагеря. Двигался медленно, ставя ногу уверенно и только на ровную поверхность, выжившего лесовичка с прицела не отпускал. Осматривался внимательно, настороженно, при первом признаке возможной опасности готовый прыгнуть за ближайшее дерево.

Подошел к рыжему, убитому первым. Ногой перевернул на спину, присел. Теперь не было необходимости соблюдать тишину, а вот еще один патрон «Смерча» тратить не хотелось.

Выдернув из-за пояса покойника револьвер, Вебер поднялся на ноги и повернулся к раненому. Тот еще что-то бормотал, причитал и на сто ладов клял его, убийцу безвинных, но Илье было всё равно. Он уже и не слушал. Поднял оружие, оставшийся без пальцев мигом умолк.

– Ты ж обещал... – успел сказать тот, а потом получил пулю прямо в лоб, валясь обратно за пленницу.

Отбросив револьвер в кусты, Илья еще раз осмотрелся, прислушался и даже жадно втянул воздух носом. Только после этого повесил автомат на плечо, осмелившись взглянуть на женщину.

Несмотря на морозную, еще совсем не весеннюю погоду, она была голой. Лет пятидесяти, может, даже больше, следы побоев и истощения не позволяли точнее установить возраст. В затылке пустой разъем от «балалайки». Илья приблизился, не спеша освобождать пленницу, чтобы не навредить лишней опекой. Судя по дыханию, у женщины сломаны ребра, да и «колючка», сковывающая запястья, просто так не снимется...

Одним глазом наблюдая за лесом, Вебер снял с пояса специальный блок из нержавеющей стали. Пощелкал, трансформируя универсальный инструмент в кусачки, осторожно перерубил проволоку в нескольких местах. Женщина застонала, но в себя так и не пришла, продолжая оставаться в забытьи. Будто игнорируя холод, она даже не тряслась на морозном апрельском ветерке. Освободив опухшие руки, Илья аккуратно, как только смог, отцепил пленницу от дерева. Подхватил почти невесомое тело на руки, укладывая на скамейку, сколоченную из пары бревен. Нашел в шалаше-землянке несколько пледов, каких-то драных одеял, укрыл изувеченное тело, попробовал напоить из фляги.

Вздохнул, отходя на пару шагов. С неожиданным интересом уставился на затылок нелюдя, пристреленного вторым. Помня о пятне на щеке убитого, он палкой брезгливо перевернул на животы остальные трупы, многозначительно хмыкнув.

Из затылочных разъемов насмешками над прошлой жизнью свисали своеобразные украшения. В одном случае «балалайка» была настоящей, только сломанной и с вкрученным прямо в чип колечком, за которое цеплялся беличий хвостик. В двух других ее заменили пластиковой заглушкой, привесив пустую ружейную гильзу и медвежий коготь.

Вебер вернулся к умирающей женщине, раздумывая, что об увиденном стоит сообщить Колокольчику. Они уже слышали о людях... о нелюдях, вставляющих фетиши туда, где еще четыре года назад располагался самый нужный гаджет в жизни любого человека. Но вот так, воочию, он встретил впервые. Включив свою «балалайку», Илья даже записал находки на видео, сопроводив короткими комментариями о времени, месте и дате происходящего.

Пленница умирала, об этом говорили все признаки. Однако ускорить ее уход Вебер не мог ничем. Тратить обезболивающие, хранящиеся в его аптечке, не позволяли инструкции и здравый смысл. Других вариантов не было.

Поэтому он решил ждать. Ждать, чего бы это ни стоило, больше нескольких часов рабыня всё равно не протянет. Ждать, наплевав на приближающегося скитальца, на сеанс связи с Колокольчиком и предписания свыше. Не сумев помочь этой безымянной женщине при жизни, он хотя бы достойно проводит ее в мир густых теней...

Прислушиваясь к ее слабеющему дыханию, Илья скользнул в землянку, принявшись ворошить запасы нелюдей.

CREDITUM III

Новый день был хорош, как, впрочем, и предыдущий. Как любой из новых дней, морозных, не по-весеннему сумрачных, но всё равно щедрых, полных событий, распахивающих горизонты. Особенно перед такими уникальными людьми, как он.

Айбар Темирбаев вышел на балкон. В любимой пижаме с начесом и уютных домашних тапках, презирающих гаденький ветерок, пахший льдом и холодом. Какой бы ни была погода, нарушать сложившуюся традицию нельзя. Зачем отказывать себе в удовольствии

испить чашку кофе, осматривая городок, который Султан считал своим? По праву, нужно заметить, по почти узаконенному праву. Увидят жители, что балкон на рассвете пуст, еще подумают, что заболел хозяин, лишнее это.

Облокотившись на железные перила, Айбар сделал первый глоток обжигающего горького напитка. Неплохо. Наконец-то Маруська научилась варить, не то что полгода назад, когда ему пришлось раз за разом показывать нескладной чернавке, сколько сыпать порошка, сколько наливать воды, когда бросать пряности. Чтобы искусственный заменитель стал хоть отдаленно похож на благородный напиток предков, требовалось настоящее умение, талант. Темирбаев был рад, что сумел обучить прислугу, теперь вкушая плоды громких, с криками и пощечинами, уроков.

Тайга просыпалась, ежась от утреннего озноба, высыпала на улицы, брела на работу, готовилась муравьями расползтись по размежеванным участкам. Разглядывая грохочущую под балконом почтовую повозку, запряженную двумя крепкими жеребцами, Султан попил кофе. Пригладил черные с проседью усы, важно кивнул мужчине, поклонившемуся с противоположной стороны улочки.

С каждой минутой народ всё шустрее покидал дома и гостиницы. Показались первые «кроты», торопливо и шумно громоздящие на телеги свои инструменты. На выкупленные участки уже двинулись старатели-одиночки, открывали свои двери закусочные и прачечные.

Все они были его детьми – неразумными, крикливыми, думающими только о себе, но любимыми. Каждый вечер приходящими в «Шелковый путь», чтобы выложить за выпивку, дурь или девочек заработанные деньги, карты со свежими пометками, пушнину или полезный скарб, найденный в лесах.

Султан допил кофе. С удовольствием крикнул, ставя чашечку на блюдце, а блюдце – на балконные перила. Полной грудью вдохнув бодрящий ветер нового рассвета, вернулся в комнату, оставив дверь полуприкрытой.

Точные, как хорошие европейские часы, в дверь постучали Пружинка и Фэн Вэйань. Да, в свое время выучить их пунктуальности тоже было проблемой, особенно машиниста... Но кропотливый труд обязательно приносил свои плоды, в какой бы сфере деятельности ни искал себя Темирбаев. Принес и тут. Уже не первый год помощники Султана приходили на утреннюю планерку так точно и одновременно, что Айбар даже задумывался – а не ночуют ли мужчины вместе, только чтобы не опоздать?

Он улыбнулся. Нет, конечно, глупости всё это. Но озорное настроение способствовало обострению чувства юмора, а потому Султан улыбнулся еще шире.

Не дожидаясь ответа или приглашения, в кабинет вошли двое, молча занимая свои места перед широким письменным столом. К чему лишние формальности, когда они уже не один день идут по жизни плечом к плечу? Да, иногда хозяин Тайги и вспылить может, и накричать, и даже ударить, но зачем ждать подвоха или неприятностей, когда жизнь так хороша?

– Доброе утро, Султан, – чуть ли не в один голос поздоровались вошедшие, и Айбар кивнул в ответ. Сел в кресло, откинулся на высокую спинку.

– Добрейшее, – согласился он и важно пригладил усы, разглядывая сидящих перед собой мужчин.

Смотрел нарочито строго, но с плохо скрываемым удовольствием.

Айбар по прозвищу Султан очень ценил своих помощников. Цепных псов, преданные левую и правую «руки» – людей, корыстно, но с должным рвением помогающих ему строить свой город. Свой собственный Анклав.

Пружинка. Худосочный бритый парнишка без возраста, болезненный и сутулый. Но талантливый. И машинист, что в наши дни вообще редкость. А еще – машинист, переживший «синдиновый» голод и ломки, что еще большая редкость для их глубинки...

Наверное, звезд с неба Пружинка не срывал, настоящим гением своего дела не был, но, как говорят русские, на безрыбье и рак – рыба. Он был тем, кого Айбар приютил, защитил, приблизил. С самого *начала*, когда планета вздрогнула, покорная Катастрофе. Именно

Пружинка помог оснастить Тайгу, превращая заброшенный военный городок в настоящий оплот цивилизации. Именно он, настоящий таежный визирь, наладил выходы в сеть.

Представить только! В сеть! Это когда в Новосибирске-то половина оборудования до сих пор лежит, а многие предпочитают пользоваться рациями, а не возможностями «балалаек». А он смог – тут, в глухих лесах, куда и в мирное-то время здравомыслящие люди предпочитали не соваться. Настроил антенны, откалибровал «тарелки», нацелил на функционирующие спутники, запустил собственные рабочие станции и системы связи, действующие сканеры и даже несколько наноскопов. Подарил хозяину открытый доступ в покачнувшийся мир Цифры, вот так работник!

Конечно, оборудование в Тайге стояло старенькое, в основном списанное или краденое, но оно работало, и это главное. Помогало управлять. Помогало строить новый мир. Те, кто до злополучного августа личной «балалайки» не имел, а «таблетку» извлечь из тела почему-то не решился, разом попадали в собственную базу данных Султана, даже не подозревая об этом...

Знали об этом, конечно, немногие. Только ближайшие приближенные Темирбаева и сотрудники СБА, чья затылочная электроника была оснащена боевыми программами. Еще оптимисты, которым хватило ума после беспредела тритонов не выбросить свой взломанный чип за ненадобностью, да редкие приезжие из крупных сибирских городов.

Айбара такое положение дел устраивало более чем. Он с юных лет не относился к числу людей, полагающих, что безграничные знания должны быть собственностью народа. А потому искренне почитал века старины, когда информация являлась инструментом могущественной власти и контроля, который легко может разрушить грубая рука крестьянина.

Эпоха свободной Цифры для всех? Полное отсутствие кордонов и запретов? Глупости! Бред безумца, в итоге вызвавший гибель современного общества! Вдосталь наелись своей свободой, дети шакала?! Информация должна быть опечатана, промаркирована и надежно спрятана, выдаваясь подданным порционно и после тщательного отбора.

Наверное, именно поэтому Султан так не любил тритонов, последние из которых изредка, но заплывали в его омут. Не любил и безжалостно уничтожал, едва стража Тайги доносила ему о появлении одного из последователей Сорок Два. Для таких, как эти вредоносные бактерии, чуть не уничтожившие планету, Султан даже жалел места на кладбище. Трупы уничтожал одним из самых древних способов – скармливал обитателям свинофермы...

Вторым его помощником был Фэн, широкоплечий поднебесник, преданный раб и безмолвная машина для решения щекотливых вопросов. Он же возглавлял личную армию Султана, которую тот без лишней скромности величал СБА.

Коротко стриженный на лбу и висках, но с узкой косой до пояса, китаец был похож на голову резака, каковым и являлся. Левый глаз Вэйяня был полностью скрыт белесой катарактой, дополняя и без того грозный вид. И пусть врачи Тайги давно могли исправить дефект, Фэн не хотел. Отметина служила ему напоминанием, самым крепким поводком, на котором его держал хозяин.

Он и сам по себе был надежным смертоносным оружием, а уж когда выходил на дело в окружении полудюжины гвардейцев... Айбар улыбнулся, снова провел пальцами по усам. Пусть другие думают, что китайцы преданы лишь себе, заботясь только о процветании Председателя. Те, кто считает так, не знает, на какие рычаги нужно надавить, чтобы сделать любого, в том числе и поднебесника, самым надежным человеком на планете.

– Рассказывайте, – приказал Темирбаев, лениво почесывая грудь под расстегнутой пижамой.

Первым начал Пружинка:

– Особых новостей нет, Султан. В столице запустили еще один гидрогенератор ГЭС. Под Ачинском казаки разгромили многочисленный отряд Куниц. Синоптики предсказывают скорое потепление. В целом это всё, достойное внимания...

Вообще-то Айбар мог бы просмотреть новостные ленты и сам, благо его «балалайка» была одной из самых современных во всей Тайге. Но по-прежнему предпочитал узнавать новости из уст машиниста, лишний раз подчеркивая свой статус.

– Сходи к печатникам, – распорядился он после короткого размышления. – Пусть опубликуют новости про ГЭС, про Куниц не говори. Пусть еще раз повторят, как благотворно восстановление электростанции повлияет на укрепление позиций Сибирской Республики, которая скоро окажет нашему поселению знаки внимания, достойные его положения... ну или как-то иначе, пусть сами разберутся, они умеют.

Единственную газету, выпускавшуюся под патронажем Султана, раскупали быстрее, чем пирожки со свиными потрохами, которыми хозяин Тайги потчевал жителей через пяток закусочных. Тираж составлял всего 400 экземпляров, но увеличивать его никто не собирался. Пусть зачитывают до дыр, передавая из рук в руки...

Вот оно – настоящее богатство, настоящая власть. Привыкшие к тому, что узнают обо всем на свете одним движением глазного яблока, после Катастрофы люди впали в кататонии. Информационный голод, охвативший их, привыкших считать себя всесильными, был настолько лют, что и местные, и пришлые с одинаковым аппетитом кушали всё, что печатал на своих страницах Темирбаев.

Ах, как славно Султан в свое время придумал с газетой, восстановив древние печатные станки, обнаруженные в брошенном поселке!

– Что у тебя? – он кивнул Фэну, давая разрешение заговорить.

– Новости две, – на североминьском диалекте ответил ему поднебесник, но «балалайка» Султана перевела почти без задержки. – Кажется, Ромашенко что-то нашел. Не могу сказать точно, «чернуху» или гелий, но он сворачивает экспедицию и собирается на юг...

Пружинка повел носом, закатил глаза, но промолчал. Его раздражало, что даже в присутствии самых преданных соратников головорез предпочитал принципиально говорить с боссом на родном языке. Но установить редкий переводчик без дозволения Султана машинист не решался, а потому лишь тихонько ворчал. Ответов хозяина, хоть и с трудом, но хватало, чтобы окончательно не потерять нить беседы.

– Вот как? – бровь Темирбаева изогнулась, он задумчиво куснул губу. – Купить результаты ты пытался?

– Пытался, хозяин, но старик стоит на своем. – Фэн сопроводил ответ коротким кивком. – Вообще не хочет ничего говорить, но Глиста разнюхал. Уверен, что они что-то откопали. Мы будем действовать?

Султан задумался. Если Ромашенко и его люди действительно что-то нашли, рискнуть стоило. Но если нет, он угробит очередную экспедицию просто так, невольно подмочив репутацию города, в котором «кроты» защищены от любых нападений.

Айбар раздумывал пару минут, после чего мягко опустил руки на стол перед собой.

– Хорошо, действуй. Сделай так, словно на них напали Куницы. Километров сто от Анклава, не меньше, ясно? Лишних не убивай. Пусть люди разбегутся по лесу, а ты поймаешь только самых нужных и завладеешь обозом. Я пока начну прощупывать почву относительно покупки его участка.

– Хорошо, хозяин.

– Ты сказал, новости две?

Хрустнув суставами, Султан встал из кресла, покинул кабинет. Двухкомнатная квартира, которую он занимал, не имела внутренних дверей, поэтому Айбар хорошо видел спины сидящих за его рабочим столом.

– Да, хозяин. – Помощники были привычны, что Султан ведет дела на ходу, а потому даже не изменили поз. Продолжали вести себя так, словно Темирбаев по-прежнему находился перед ними. – Ночью в город прибыли новенькие.

– Кто?

– Экспедиция. Оснащена неплохо, приехали на собственных лошадях, восемь человек.

Остановились в «Добытчике» у Арсена. Вряд ли это федеральные разведчики, по виду русские. Есть вооруженные, но на корпоративных бойцов тоже не похожи...

– Если вы про тех, кто приехал среди ночи, то я уже пробиваю их по базам, – вклинился Пружинка, прислушиваясь к интонациям китайца. – Скорее всего обычные авантюристы. Один из них был в Тайге в начале декабря, они застолбили участок № 124.

– Про них, родимых. Летите, пчелки, летите, – улыбнулся Султан, переодеваясь. Бросил пижаму на мягкую постель, выбрал в шкафу утепленные брюки и рубаху. – Несите пыльцу... Кто еще?

– Большие люди, – ответил Вэйань, невольно раскрошив улыбку на лице хозяина. – Два внедорожника на бензине, шесть человек сопровождения, стволы хорошие, все с «балалайками», мои парни успели просветить их на въезде. Старший сразу прошел в номер, пока не высовывался...

– Остановились в «Люксе»? – Темирбаев хмурился всё сильнее.

– Да, хозяин. Сразу видно, что это серьезный человек.

Неужели? Неужели в потенциал региона наконец-то поверили и корпорации? Послали своего человека прощупать почву? Москвичи? Эмиссар верхолаза? Султан замер, не заметив, что теребит последнюю не застегнутую пуговицу рубахи.

За годы существования Тайги как центральной перевалочной базы «кротов» в городок приезжало много солидных господ. И каждый раз, когда он узнавал об их визите, сердце Темирбаева замирало.

Нет, он совершенно не боялся, что Республика попытается прижать его к ногтю. Не боялся шпионов-поднебесников, ОКР или резидентов других стран. А вот если в его Анклав пожаловали гости из настоящего Анклава... Значит, он выиграл джекпот. Сорвал куш. Взял банк. Потому что, когда корпорации бросят средства на разведку «чернухи», им точно понадобится человек, обладающий связями, знаниями и положением. А уж этого добра за три года Султан скопил немало...

– Покажи, – приказал Темирбаев, возвращаясь в кабинет.

Вэйань послушно придвинул лежащий на углу стола коммуникатор, отбросил на плечо иссиня-черную косу, подключил к «балалайке» психопривод. Задержав дыхание, Айбар уставился на небольшой экран, сбоку заглянул Пружинка.

Телохранитель лично наблюдал за прибывшими. Съемку вел с крыши одноэтажного барака, где ютился персонал свинофермы и другой рабочий люд, приносящий прибыль хозяину. Когда два угольно-черных автомобиля припарковались возле лучшей из двух гостиниц Тайги, изображение надвинулось. Молодец, Фэн, предусмотрительный малый.

Действовали пришлые уверенно и четко. Не выключая моторов, выгрузились из машин, взяв транспорты в оцепление. В руках виднелись «дрели», которые бойцы совершенно не скрывали. Осматривались без спешки, с наигранной ленцой, но Султан точно знал, что боевые «балалайки» настроены на режим внезапной атаки.

Из второй машины выскользнул мужчина – худой, высокий, светловолосый, одетый в дорогой синий костюм. Наверняка пуленепробиваемый... Голову мужчина держал низко опущенной, лица почти не открывал. Показавшись в кадре всего на пару секунд, тут же исчез в дверях гостиницы, сопровождаемый большей половиной охранной группы. Двое «телков» вернулись в джипы, отгоняя их с улицы на задний двор «Люкса».

– Это всё, – отчитался Вэйань, выключая психопривод.

– Идите работать, – сухо бросил Султан, и помощники сразу поднялись на ноги. – Фэн, я хочу знать о передвижениях этого человека всё. Что он будет кушать на завтрак, куда пойдет и с кем заведет беседу. Это ясно?

– Да, хозяин.

Помощники удалились, а Айбар снова прошел в спальню. Прямо через голову стянул с себя повседневную рубаху, швырнул поверх пижамы. Придирчиво осмотрев гардероб, вынул из шкафа не новый, но еще вполне приличный костюм и галстук. Застегивая пуговицы, Султан с неодобрением заметил, что у него подрагивают кончики пальцев.

CREDITUM IV

Мир жесток, это Митяй знал точно. Испытал на собственной шкуре: впитал, познал, принял. Он жесток с первых минут твоего существования, с первого шлепка санитаря, заставляющего кричать истошно и надрывно. С первых дней пребывания в детском доме, с первых уроков в так называемой школе-интернате, с первых метких и болезненных ударов надзирателей и учителей. С первых драк со сверстниками и старшими мальчишками, с первой кражи и первого наказания в карцере.

Он был жесток к нему, Димке Пологову, все двенадцать лет до Толчка, еще до того, как он навсегда стал Митяем. И почти ничего не изменилось, когда наступило «потом». Когда мир вздрогнул, слетев с катушек, для бывшего Дмитрия Пологова не изменилось ничего.

Едва всё полетело в тартарары, он тоже полетел. В прямом смысле этого слова. В автобусе, наполненном такими же, как он сам, детдомовцами, обалдевшими от страха. Орущими и прыгающими по салону, как блохи в стеклянной банке. Он полетел с обрыва, в кювет, сквозь стволы крепких сибирских сосен, ломавшихся под тяжестью машины.

Свой первый день «после» Митяй помнил отчетливо, как вчерашний, хотя прошло уже больше трех лет. Помнил ярко и до последней мелочи. А если вдруг начинал забывать, происходящее являлось к нему во сне. Заставляло просыпаться в поту, сминая простыни и комкая одеяло.

Трасса. Отрог Енисейского кряжа. Длинный автобус, наполненный детьми – старшие у выхода, мелкотня в хвосте. Надзиратели, отгороженные от пассажиров железной сеткой. Они негромко, скорее по привычке, подкалывают интернатовских черенков, и делают это вяло, сонно, почти беззлобно. За бортом августовская жара, нагревающая салон, будто нутро духовки.

А потом удар, словно кто-то огромный пнул земной шарик, как футбольный мяч. И ужас, рванувшийся из глубинных тайников души, о которых и не подозревал.

Такого страха Митяй прежде не испытывал никогда. Он не был похож на леденящую сосредоточенность, когда идешь на противника с ржавой заточкой. Не был похож на томительное замирание, когда надзиратель проходит в трех шагах от куста, в котором укрылись малолетние хулиганы, стащившие с кухни ведро картошки.

Это было похоже на смерть, мгновенную и очень болезненную. Но костлявая малость не дотянулась...

Когда Митяй осознал, что всё еще жив, они были на дне, а рядом до хрипоты вопил оглушенный Напильник. Потом, уже снизу, было заметно, что асфальт трассы лопнул, будто картон, отшвырнув автобус с обрыва. Что часть насыпи превратилась в курган, когда на нее сполз обломок скалы. Что им повезло чудом, если чудеса вообще бывают...

Из пятидесяти шести детей, перевозимых в автобусе, выжило двадцать восемь. Из трех надсмотрщиков – никто. Когда пассажиры постарше, выползавшие из-под коряженых обломков и помогавшие выбраться малолеткам, осознали это, многие начали ликовать. Кричать, радоваться и даже плевать на трупы ненавистных тюремщиков.

Митяй сидел в сторонке, бинтуя разодранную ногу какому-то восьмилетнему мальчишке. Он уже тогда понимал, что это не настоящая радость – это истерика. Это припадок, вызванный шоком, страхом и неожиданным осознанием того, что они-то выжили. Но буйствовать не мешал, не его дело...

Раненых перевязывали, как могли, аптечка опустела мгновенно. За последующие пять часов умерли еще трое уцелевших, но переломанных. Умерли, потому что помощь задерживалась. Мелкие плакали беспрерывно, старшие беспрерывно курили сигареты, найденные в карманах надзирателей. Рация была разбита, но все до последнего верили, что за ними пришлют помощь. Многие даже задирали рукава, поднимая к небу предплечья – чтобы спутнику было удобнее засечь сигнал «пилюли»...

Это позже, намного позже они узнали, что в стране произошел Толчок – невиданной

силы катастрофа, эпицентр которой располагался где-то под столицей. Что подземными ударами смело почти весь Кузбасс, затопило половину Новосибирска и сровняло Алтай, что рванула атомная станция в Северске. Что за ними никто, совсем никто не собирался приезжать.

Решение, это Димка тоже помнил хорошо, принял Напильник. Наверное, потому он и стал главным, хотя в группе были парни и крупнее, и гораздо сильнее его. Но побеждает умнейший, и именно Напильник раздал найденные в автобусе ружья и патроны, собрал всё, что могло пригодиться им в походе, приказал идти за ним.

За ним тронулись молча, словно так и следовало. Трупы оставили прямо в искуроченном железном гробу – подростки верили, что не сегодня-завтра сюда придут машины интерната и сделают всё... сделают всё правильно, похоронив тех, кто погиб в аварии.

Уже потом, в Кропоткине, старший кореш Митяя признался, что не планировал их действия так далеко. Просто хотел уйти. Сбежать, уберечь себя и его как единственного друга. Оставить прежнюю жизнь за спиной, ибо до путевки на фабрику обоим осталось всего ничего, несколько лет. А остальные... Напильник, епта, попросту считал, что они помогут ему выжить... Выходит, епта, что спас.

Конечно, было тяжело. Особенно сначала, когда шли по летней тайге наугад, даже не представляя, куда. Когда несли раненых и успокаивали истерящих малышей. Когда ночевали в старом зимовье, где нашлись хоть какие-то припасы. Когда старым охотничьим ножом под рев детей вырезали из предплечий чипы – простые и дешевые аналоги «таблеток», с недавних пор распространенных в Анклавах. Когда посылали разведку, а потом с опустошением в сердцах выслушивали неправдоподобные рассказы о том, что «всё кончилось». Что на Земле наступил Ад.

Дальнейшее, в отличие от того – самого первого – дня, Митяй мог бы пересказать лишь смутно, обрывками, будто спешил запомнить. Как Напильник подавлял панику и первые бунты, как добывали еду, как хоронили еще одного раненого, не дожившего до следующего утра.

Всё это было словно в густом тумане. Первая охота, первая вылазка в деревню, где дети наворовали куриных яиц. И первое ощущение, что они никому не нужны. Совсем никому, даже ненавистным чиновникам, отправляющим совершеннолетних работать на производства. Казалось, о существовании пяти десятков детдомовского отребья элементарно забыли. И тогда глоток свободы ударил в голову. Крепче, чем стакан самогона, что они с Напильником в свое время сцедили из бутылки сторожа.

Вокруг рушился мир, пытаясь удержать равновесие, а они прятались по лесным норам, постепенно привыкая к осознанию того, что теперь лично распоряжаются своей судьбой. Еще одного раненого мальчишку пришлось бросить – был совсем плох, а помочь ему беглецы ничем не могли. Оставили на краю безымянной деревни, так ничего и не узнав о дальнейшей участи...

Уже потом они нашли брошенную базу, в которой когда-то располагался исправительный лагерь. Уже потом к ним стали прибиваться новенькие, такие же бесхозные и брошенные, как сами они. Оставшиеся без родителей или проданные матерями в интернаты, озлобленные, сражающиеся за выживание. Но упорные, злые и готовые на всё...

– А правда, что директор хочет нас всех отсюда увести?

Вопрос вырвал Митяя из плена воспоминаний, и он даже вздрогнул – так неожиданно подкрался шельмец. Стоял сейчас в паре шагов, такой нелепый в куртке не по размеру, но зато в новых целых башмаках.

– Чего?

– Я спросил, правда ли, что директор... Напильник, то есть, хочет увести всех детей на запад? – Алексей уже немного освоился в лагере, о чем свидетельствовал свежий фингал под левым глазом. – Что хочет собрать всех, кому плохо, а потом увести всех в сторону Питера, где Дыра?

Опять двадцать пять. Слух, распускаемый малолетками уже примерно полтора года, стал неотъемлемой частью местного фольклора, из уст в уста передаваемого среди кропоткинцев. Митяй покачал головой, в который раз поражаясь живучести сплетен.

– Ты почему не на работе? – вместо ответа поинтересовался он. – Если Беляш увидит, влетит потом...

– Мы закончили уже сегодня, – с достоинством ответил Алексей. – Ребята пошли в баню, а я решил сначала к сестре... к Даше то есть. Она на кухне.

– Знаю. – Митяй кивнул, поглядев на небо.

Разнежившись под редким весенним солнцем, он почти задремал, даже не заметив, что скамейка уже давно оказалась в тени. Из рта опять шел пар, морозец начинал пощипывать мочки ушей. Нужно идти во второй барак, пора... Отвечая за охоту, Митяй обязан проконтролировать улов, с которым должны вернуться посланные на промысел парни.

Охотиться, как и многому другому, они учились на ошибках, хоть и выручало большое количество деревенских, знавших дикие леса с малых лет. Сначала изредка, затем всё чаще, стол коммуны принялся баловать свежим мясом. Еще, конечно, были свиньи, которых выращивали в бывшем спортзале, но резали зверушек редко, только по праздникам, вроде Нового года.

– Ты иди мойся, Леша.

Все-таки вспомнив, как зовут новенького, Митяй встал. Мальчишка был симпатичен ему, воспитанный и сдержанный, немного не похожий на простых, если не сказать – туповатых, обитателей Кропоткина.

Он зашагал прочь. Не оборачиваясь, но зная, что Алексей всё еще стоит на месте, глядя в его спину.

Охотники, и правда, вернулись, причем только что, и даже послали гонца за старшаком. Поймав посыльного прямо в дверях склада, Митяй вместе с ним спустился в прохладный подвал барака. Именно тут кропоткинцы хранили небогатые запасы мяса, именно сюда несли туши убитых животных.

– О, Митяй! – услышал он довольного Хирурга. – Прикинь, всё вышло, как ты и сказал! Точно в указанных местах. И сразу двое!

Хирург доволен, это было заметно и по голосу, и по счастливой улыбке, так редко появлявшейся на его прыщавом лице. С помощью двух парней помладше он затаскивал мертвую олениху на разделочный верстак, покрытый бурыми разводами.

Отлично. Митяй придиричиво осмотрел добычу – две туши молодых зверей, попавших в его ловушки и добытых стрелами кропоткинцев. Сам он на охоту уже давно не ходил, не по статусу. В коммуне теперь хватало крепких подростков, способных выполнять приказы. Но, благодаря интуиции и необъяснимому чутью, продолжал перед каждым рейдом наставлять охотничью бригаду, объясняя, где и как ловить.

– Замеряли уже? – больше для порядка поинтересовался он, склонив голову.

– Обижаешь, е... оно колом! – Хирург кивнул на старенький счетчик, лежавший поверх разделочных инструментов. – Всё в норме, можно жрать.

И расхохотался, оттопырив оба больших пальца.

Хирург, единственный врач их растущего лагеря. Так и не закончивший медицинское училище, угодивший в колонию для несовершеннолетних, но всё равно обладавший самым большим запасом лекарственных знаний. С одинаковым умением и равнодушием свежую звериную тушу, вырезающий аппендициты и вшитые под детскую кожу «пилюли» федералов.

– Патроны тратили? – Митяй осмотрел сваленное на соседний верстак оружие.

– Нет, Митяй, стрелами обошлись, – ответил крепкий пацан, выглядевший явно старше своих четырнадцати лет. Имя его никак не вспоминалось, да и не было желания голову ломать. – Вот...

Он протянул старшаку открытую картонную коробку, в которой болтался пяток охотничьих патронов. Митяй забрал, удовлетворенно кивнул. Когда на счету каждый

выстрел, эффективнее добывать дичь копьями, капканами и самодельными арбалетами. Патроны пригодятся, если к лагерю опять подступят Куницы или другие отморозки, позарившиеся на запасы Кропоткина или девочек.

Наспех осмотрев оружие, Митяй взвалил связку на плечо – два копья, арбалет, колчан и старенькая двустволка, найденная у погибшего в волчьей яме охотника. Конечно, кроме этого в арсенале лагеря было и кое-что посерьезнее. Например, автоматические винтовки, но их ответственный за боеприпасы на охоту не выдавал.

– Я загляну на кухню, – пообещал он Хирургу, уже повязывавшему на шею кожаный фартук.

– Ага, – рассеянно отмахнулся тот, приступая к разделке.

На плацу темнело всё быстрее, а потому главную площадь лагеря Митяй пересек уже в наступающих сумерках. Личным ключом вскрыл склад, служивший арсеналом, расставил оружие вдоль стен, убрал патроны на полку. Взглянул на одну из винтовок, поблескивавшую смазкой в углу.

В отличие от многих других единиц арсенала, эти пушки они добыли без труда. Можно сказать, повезло, как и с двустволкой. Двое федеральных солдатиков, что дезертировали в тайгу сразу после Толчка, не справились с ее гнетом. Оказались слабее детей, вышвырнутых на обочину жизни.

Митяй вспомнил, как мальчишки нашли их стоянку во время очередной вылазки в лес. Потухший костер, возле которого лежали два тела с аккуратными дырками в висках. Он до сих пор не мог понять, как двое вооруженных и отлично экипированных мужчин могли пойти на групповое самоубийство. Ну да, пайки закончились, на много километров вокруг ни души, компасы сошли с ума, не говоря уже о боевых «балалайках» или других военных имплантатах. Но чтобы вот так сдаваться?

Однако тогда, три с половиной года назад, Митяй был находке только рад – растущему сообществу достались винтовки, два пистолета, четыре гранаты, отличные ножи, боеприпасы, одежда, рации и еще кое-какой полезный армейский хлам. Сейчас большинство этого богатства находилось на стенах, где несли круглосуточную вахту дозорные Напильника. А уж сколько раз оружие выручало детский лагерь от непрошенных гостей...

Он вышел из арсенала, надежно запер дверь. Направился к кухне, пряча озябшие руки в карманах куртки.

Плац был пуст, как обычно по вечерам. Обитатели лагеря разбредались по баракам в четко условленное время, шастать без дела не разрешалось никому, особенно ночью. Причина была даже не в историях про дикое и изувеченное радиацией зверье, изредка проникающее за периметр, – она была в приказах директора. Просто он так хотел. Считал, что так правильно, и Митяй его за это не судил. Не его это дело...

Подбежал Лорд, здоровенная псина неизвестной породы, старшак среди живущей в лагере стаи. Приветливо помахал обрубком хвоста, поластился, получил запасенную корочку. Погладив собаку по грубой пыльной шерсти, Митяй пошел дальше.

У крыльца кухонного блока, в котором еще горел свет, а девчонки перемывали посуду с общего ужина, Митяй снова встретил Лёшку. Тот, подперев руками подбородок, сидел на ступеньках. Сидел неподвижно, глубоко задумавшись, едва попадая в кружок света, что бросала сверху маломощная лампа.

– Ты чего здесь? – недовольно поинтересовался Митяй. – Ужин и баню пропустил, как вижу. Шел бы в барак, уже и собак спустили.

– Да ладно, баня... – сонно ответил мальчишка, глядя перед собой. – Ты только не ругайся, ладно? Дашку вот дождусь и сразу в барак. Я Игореху попросил, он мне каши отложит, голодный не останусь.

– А где Дашка твоя? – Митяй уже взошел на крыльцо, ухватился за дверную ручку.

– По делам ушла, сказали...

– Ну, мерзны-мерзны, волчий хвост. – Поведя плечом, Митяй вошел в кухню, сразу угодив в царство тепла и самых разных запахов.

– Осспида, Митяй! – переполошилась Юлька, торопливо вытирая пухлые руки о фартук. – Ты чего это к нам?

Самая старшая девочка в лагере, почти восемнадцать лет, а при ее увесистой комплекции и вовсе тянет на взрослую женщину. Бойкая, резкая, настоящая деревенская бой-баба. Говорят, в свое время даже нашла в себе смелость отказать Напильнику. Цела, мол, осталась только потому, что умеет из топора кашу сварить да бригаде своей девчачьей спуску не дает, командовать умеет.

– Случилось что или как?.. Ты шел бы в корпус, мы сейчас вам ужин принесем...

– Нет, не случилось, Юль, не переживай. Парни вернулись, добыча хорошая в этот раз... Ты бы послала кого-то из своих! Чтобы помогли... ну, и сразу в дело...

– Осспида, я-то уж перепугалась... Ну, конечно, конечно. Машка, Маринка, ну-ка в подвал бегом!

Митяй неуверенно переминался у порога.

Общаться с девчонками ему было неловко, даже несмотря на свое положение старшака, сказывался опыт проживания в однополном интернате. Стыдно кому признаться, но он еще даже не спал ни с одной, хотя имел на это все моральные права. Другие старшие подшучивали, но беззлобно, чтобы не нарваться на кулак. А Напильник только удивлялся, настоятельно советуя корешу как можно скорее «сделать кого-то из лагерных девок».

Он осмотрел кухню. Девочки, одни девочки, от семи лет до пятнадцати, все чем-то заняты. Как и говорил Алексей, молчаливой Дашки нет.

– На вот, полакомься. – Юлька сунула ему кусок хлеба, присыпанный искусственным сахаром. – И давай, иди себе, неча на девок моих пялиться.

Девчонки постарше, хорошо знающие о стеснительности Митяя, заулыбались, зашептались. Более мелкие, оттирающие тарелки в едва подогретой воде, бездумно подхватили заряд веселья, разглядывая стоящего в двери необычного старшака.

– Спасибо... – Митяй выскользнул наружу, чуть не споткнувшись о сидящего на ступенях Алексея. – Ты опять? Сказал же, мотай в барак, пока Лорд жопу не откусил! И на вот, поешь.

Он протянул Лёшке дареный кусок лакомства, и тот благодарно схватил, впился зубами, ладошкой подхватывая сыплющиеся белые крупинки.

– Да я скоро, сейчас Дашка придет, и мы пойдем... – мальчишка жевал, а потому говорил неразборчиво, смешно. – О, да вот она!

Вскочил, шурясь в полумрак, торопливо завернул половину краюхи в тряпку, спрятал в карман. Митяй повернулся в указанную сторону. И стиснул челюсти.

Из-за ближайшего корпуса к ним шла Даша, больше похожая на сорванный с ветки осенний листок, чем на живую девочку. А за ней, беззубо улыбаясь, вышагивал Клёпа, сопровождавший малолетку обратно к кухне.

– Значит, по делам ее вызвали, говоришь?

Алексей, конечно, ничего не понял. Поспешил к названной сестренке, опасливо косясь на старшего. Начал что-то рассказывать девчонке, попробовал взять за руку. Та дернулась, как дикий зверек, и, не мигая, отрешенно уставилась на носки потертых туфель. Казалось, готова плакать... только больше не может.

Убедившись, что девочка добралась до кухни, Клёпа двинулся прочь. Расслабленно, лениво, как нажравшийся вкусного кот. На Митяя взглянул таинственно, с неизменной улыбкой, словно знал что-то интересное, но доступное далеко не всем.

Чувствуя, как стучит в висках, Митяй шагнул с крыльца следом.

– Клёпа?

– Чо тебе?

– Стой, поговорить надо...

Айбар Темирбаев не был верующим. Точнее сказать, перестал им быть когда-то давно, так и не обретя веру вновь. Да, в далеком детстве были строгий отец и еще более строгий дед, заставляющие мальчишку пять раз в день гнуть спину в сторону Аль-Харама. Но это было давно, задолго до того, как будущий Султан убедился, что Бога нет.

Нет никого и ничего, способного помочь ему жить, выживать и добиваться своего. Нет никого, способного услышать молитвы, прийти на выручку, хоть чуточку изменить ход вещей. Скрывая это от своей родни, он перестал верить и в Аллаха, и в какого-то другого Бога, будь то Иисус Лоа или Будда. И чем старше становился Айбар, тем искреннее верил, что древние книги, такие как Коран или Библия, попросту устарели. Морально, физически, нравственно.

Наверное, когда-то они помогали людям удержать равновесие. Помогали не упасть, а то и укрепнуть целым народам. Показывали, как можно выжить, и заставляли навеки запомнить свод этических норм, удерживающих человека от превращения в зверя.

Затем что-то изменилось, и на смену старым книгам пришли новые. Ради любопытства Айбар изучил и их, заглянув даже в писанину Эммануэли Нейк, вновь не найдя ничего, способного помочь ему на жизненном пути. Верь, молись, сражайся, надейся на чудо и жди, когда тебя изберут для проживания где-то там, на условных небесах...

Покинув отчий дом и окунувшись в мир политики, молодой секретарь Думы Кемеровского уезда Айбар Темирбаев уже не скрывал, что является атеистом. С сочувствием смотрел репортажи из Мекки, выступления высших священнослужителей Католического Вуду, проповеди епископов отечественного розлива. На любых банкетах и вечеринках обличал Анклавы, являвшиеся рассадниками культов и новорожденных религий, за которыми ничего не стоит. Порицал, громил и логически опровергал. Охотно вступал в самые сложные теологические споры, справедливо считая, что они помогают ему прослыть умным и эрудированным юношей. Юношей, у которого есть будущее.

И однажды, почти шестнадцать лет назад, это действительно позволило ему сделать шаг, превратившись из помощника уездного чиновника в матерого сома глубоководных политических игр.

Даже когда всё закончилось, чтобы начаться с чистого листа, Айбар не дрогнул душой. Не побежал, как многие, в падающие храмы, в последней попытке купить индульгенцию... Даже после того, как на Кольском полуострове жахнуло, таким сильным и уверенным людям, как он, не понадобились духовные костыли и религиозный допинг. Тогда, долгими осенними днями перебирая трофеи, привезенные в пустую еще Тайгу Фэном и его бандой, он с чистой совестью и без сомнений выбрасывал всё, что имело отношение к религиозным убеждениям его жертв.

Однако один якорь, один путеводный маяк, каким для верующего является икона, у Султана всё же был, и в этом он стеснялся признаться даже Вэйаню. Сейчас, задумчиво поглядывая на старинные настенные часы, Темирбаев вдруг вспомнил об этом якоре. Непрошеное беспокойство, отчего-то охватившее его в этот день, требовало...

Айбар надежно запер дверь, отбросил покрывало с сейфа, занимавшего целый угол рабочего кабинета. Сейф был старым, запиравшимся на обычный, не электронный замок, но пережившие Катастрофу знали – так надежнее. А потому бронированный куб на маленьких гнутых ножках, способный выдержать направленный взрыв, был третьим в Тайге хранителем тайн Темирбаева. Покрутив ручки, он распахнул квадратную дверцу, заглянул внутрь.

В железных недрах обнаружилось много чего, а потому Султан принялся бережно перебирать сокровища, пока не нашел жесткий прямоугольный лист, завернутый в шелковый платок. Вынул, прикрыл створку, снял материю.

Под тканью оказался большой плакат, сложенный пополам. Старинный, очень старинный, что было заметно сразу. Еще до того, как чья-то забота спрятала бумагу под защитную пленку, на месте складки образовалась белая полоса. Этот плакат был одним из самых ценных фетишей сухого душой хозяина Тайги. Вещью из прошлого, которого уже

никогда не вернуть и которое вполне может быть воссоздано снова.

Надпись о том, что Министерство экстренной помощи и чрезвычайных ситуаций предупреждает об опасностях пожаров, – по верхней части листа. Фотография – в нижней. На ней двое детей, мальчишки лет восьми-девяти, только что спасенные из пожара. Где-то на заднем фоне видны защитные комбинезоны и каски спасателей, но перед объективом только два детских лица, щедро перепачканных сажей. Дети плачут и кричат, глядя куда-то в сторону, но Темирбаев думает, что это не слезы – это роса нового дня. Как и эти двое безымянных мальчуганов, потерявших кров в круговерти событий до Катастрофы, он тоже лишился всего... Положения, накоплений, карьеры.

Но оставить разрушенное Кемерово и уйти в леса было его собственной идеей, рискованной и взвешенной в равных объемах. А потому снимок из прошлого вызывал не депрессию, решительно нет. С точки зрения Айбара, напротив, фото на плакате ярко и откровенно светилось надеждой на возрождение, скорое обновление, первый удар крыльев мифической птицы Феникс.

Они все закричали, когда мир содрогнулся. Но это был не крик предсмертной боли, это был вопль новорожденного, которому подчинится новый день...

Прислушавшись к себе и убедившись, что равновесие восстановлено, Темирбаев убрал плакат МЭПЧС обратно в сейф.

Он откровенно не уважал своего партнера по бизнесу, а потому не собирался принимать его в кабинете. Не хватало еще, чтобы прокуренным и наспиртованным Арсеном пропахло кресло или занавески на окнах.

Айбар вышел в коридор, запер за собой дверь. Неспешно, чтобы успеть настроиться на деловой лад, прогулялся до лестницы, спустился на первый этаж. Заметив хозяина, вежливо кивнул бармен, выглядывающие из комнат девочки почтительно отводили глаза.

Цепко осмотрев владения, Султан прошел через просторный зал, останавливаясь у стойки.

Когда-то тут было фойе жилого барака, неудобный холл, окруженный подсобными помещениями. Теперь же первый этаж «Шелкового пути» расширился, заполнился столиками, стульями, вешалками для одежды и длинной стойкой, за которой легко помещались двадцать человек. Будуары девочек подешевле тоже остались на первом, соседствуя с комнатами персонала. Сам Темирбаев, как и товар для состоятельных клиентов, занял весь второй этаж, почти не подвергшийся перепланировке.

Посетителей не было по двум причинам. Кабак и в обычные дни открывался только в обед. А уж сегодня, когда Арсен сам дерзнул броситься во взведенный капкан, Султан приказал закрыть все двери до отдельного распоряжения.

Опершись на стойку, Айбар вопросительно посмотрел на Глисту, одного из своих барменов. Тот, по обыкновению пряча глаза и нервно облизывая губы, только покачал головой. Арсен еще не пожаловал.

Часы над стеллажами с алкоголем показывали, что до визита еще пара минут. Осмотревшись, Темирбаев решил воспользоваться этим, чтобы надавать работникам по шее за пыльные подоконники и не самый чистый пол. И даже открыл рот, грозно сдвигая брови, но тут двери «Пути» скрипнули, и Султан обернулся, приклеивая к лицу фальшивую сладкую улыбку.

Толстяк заглянул робко, будто опасался, что в него могут запустить ботинком. Прищурился, углядев у стойки Айбара, проскользнул в двери, прикрывая за собой. Помялся, не спеша проходить, и Темирбаев широким жестом поманил его к столу.

– Спасибо, Султан, что согласился уделить мне пару минут... – мелкими шажками толстяк пересек зал и уселся за указанный столик в центре. – Я ведь знаю, насколько ты занят...

– Здравствуй, Арсенчик, здравствуй. – Султан с интересом рассматривал бутылку, которую хозяин «Добытчика» держал в левой руке, не зная, куда пристроить. – Все ли благополучно в бизнесе?

– И тебе доброго здоровья, Султан. – Толстяк наконец решил, что выглядит неловко, и поставил бутылку на стол. Внутри плескалось что-то белесое и мутное. – Всё в порядке, вашими молитвами, пусть так и остается...

Темирбаев подал знак: Глиста мгновенно исчез в подсобке, а двери копеечных будуаров закрылись.

– Хочешь выпить? Крепкого или чаю? – Темирбаев широкими мягкими шагами отошел от стойки, присаживаясь напротив.

– Нет, спасибо, Султан. Я ведь тебя надолго не отвлеку, да...

– Хорошо. – Айбар кивнул. – Давай сразу к делу. Ну, рассказывай, что там у тебя?

Арсен замялся. Иногда Айбар вообще не понимал, как такие люди умудряются не только вести дела, но еще и оставаться в выигрыше. Но у каждого свой путь, и он крепко постарается не демонстрировать своего отвращения.

– Вот, смотри. – Хозяин гостиницы покосился на принесенную бутылку, как будто это всё объясняло.

– Вижу, бутылка, – улыбнулся Султан. – Хочешь меня угостить?

– Нет-нет, Султан, я о другом. – Пухлые губы Арсена растянулись в ответной улыбке, которую Темирбаев с удовольствием разбил бы в кровь. – Это привезли мои люди из леса. Километров тридцать на юго-восток. Там живет дед, он может гнать самогонку промышленными объемами... Дешево, за копейки считанные. Если будем забирать партиями, неплохо наваримся!

И он опустил глаза, не выдержав пристальный взгляд хозяина Тайги.

– М-м-м... – протянул тот. – Новый канал поставки алкоголя? Предлагаешь мне войти в долю и поставлять это пойло в «Шелковый путь»?

– Ты, как всегда, видишь меня насквозь, – неумело польстил Арсен, вытирая вспотевшие руки о штанины. – Качество, конечно, не очень... Но как выпивка эконом-класса прокатит влёт. Для тех, у кого вообще с баблом туго...

Султан потянулся вперед так быстро, что Арсен дернулся. Взял со стола бутылку, отковырял самодельную пробку, осторожно поднес горлышко к носу. Принюхался, постаравшись не морщиться, изучил взвесь на просвет. Так же бережно закупорил и поставил на место.

– Ну, что скажешь?

О, ему многое хотелось сказать Арсену. О том, что продавать алкоголь и спаивать целый город – разные вещи. О том, что вытягивать у «кротов» деньги за добрый продукт и обманывать людей, втюхивая сивуху, – разные вещи. О том, что репутация, созданная годами, порою рушится в один миг. Айбар хотел сказать всё это, сопровождая слова ударами ног.

Вместо этого он еще раз улыбнулся и покачал головой.

– Это нельзя пить, Арсен.

– Так я тебя и не заставляю, Султан, – расхохотался тот, всплеснув пухлыми руками, но сразу осекся, изучая морщинистое лицо собеседника. – Ну, то есть я хотел сказать, что и сам понимаю, гонят они настоящую отраву, но...

– Нет, – негромко отрезал Темирбаев, и блеск в глазах толстяка потух. – Я не буду торговать этим дерьмом. Даже за копейки. Вместо этого я вложу деньги в новую партию хорошего столичного пойла и элитных трансеров-проституток. Но отравы в моем заведении не будет никогда. Я помогаю добытчикам скрашивать досуг и ремонтирую оборудование, но я не душегуб.

Он хотел добавить, что решительно не советует торговать таким самогоном и самому Арсену, но это шло вразрез с дальнейшими планами Султана. Лучше Айбар просто пошлет Вэйяня и тот спалит доморощенную винокурню вместе с ее обитателями...

– Мне жаль, Султан... Прости, я не хотел тебя обидеть... Просто я...

– Да ты и не обидел, – Айбар миролюбиво показал ладони. – Это бизнес, какие тут обиды?

Обижаться – вообще не в привычках Темирбаева, это знали все. Потому что умные и деятельные люди не обижаются вовсе. Султан себя таковым считал. И то, как ловко он сумел взять быка за рога сразу после неприятностей со Станцией, было прямым подтверждением. Новый мир потребовал новых свершений, не так ли?

В принципе, Темирбаев не делал секрета из своей жизни. Многие, в том числе и в столице, знали, как три года назад он обнаружил в лесах брошенный военный городок, опустевший после войны с «Наукомом». Как назвал его Тайгой, своих первых работников доставив сюда почти силой. А потом принялся упорно превращать поселок в столицу своей империи, опираясь на силу лояльных бандитских группировок.

В Новосибирске, разумеется, знали, и это было главной причиной встречи с Арсеном, на которую не без брезгливости пошел Султан. Знали, как тонко выдерживал грань хозяин Тайги, умудряясь плясать и для непризнанных республиканцев, и для бандитов, и даже для геологоразведчиков из Поднебесной. Среди последних даже ходили слухи, что Президент новой Республики лично финансирует поиски «чернухи», опираясь на силы и авторитет Айбара. Чего только люди не придумают?

Изучая помрачневшего визитера, Темирбаев с трудом удерживал себя от смеха. Да, именно такой человек ему и нужен... Когда рука власти дотянется до Тайги, в ее пальцы должен будет попасть только Арсен.

Поселок рос стремительно, как на дрожжах. Если год назад его население не превышало 400 человек, то сегодня эта цифра перевалила за тысячу. Хватка Султана и его умение воспользоваться ситуацией вызвали уважение у многих. Попытки отделения Сибири от Федерации сыграли ему на руку, убрав из окрестных лесов способных помешать военных и агентов ОКР. Остальное он решал взятками и регулярными обещаниями, что новый Эльдorado вот-вот будет найден кем-то из «кротов».

Но так не могло продолжаться вечно. Всё чаще и чаще ему доносили, что иллюзия готова дать трещину. Что множатся разговоры, будто именно Темирбаев в свое время стал отцом новой мифологии севера. Источником слухов о том, что после Инцидента в старых месторождениях Сибири можно найти новые запасы нефти. «Чернухи», как ее называли клиенты Айбара. А еще гелия для отрасли дирижаблестроения и других ресурсов, запасы которых были до дна выбраны десятилетия назад... А ведь именно эта мифология потащила в Тайгу авантюристов, которых Султан обеспечивал, продавая им женщин, наркотики и алкоголь.

Чего только люди не болтают, не так ли? Послушать их, так Темирбаев просто чудище. Заманивает в глушь глупеньких людишек, обирает их, бандитов каких-то использует, взятки дает... Скоро заговорят, что и детишек ест на завтрак...

«Чудище» смотрело на примолкшего Арсена, не отрывавшего взгляда от мутной бутылки. Грустного взгляда, полного разочарования. Наверное, он уже просчитал, сколько наварит на согласии Султана. Как же тяжело ему сейчас прощаться с мечтами!

Ну, ничего, хозяин Тайги кинет ему кость, только накалит до нужной температуры. Откровенно, Темирбаев был бы рад отдать толстяка под нож Вэйаня и спустить в свинарники. Но Султан умел извлекать пользу из всего, даже из таких жалких человечков...

Он встал, с сочным стуком отодвигая стул. Подошел к стойке, налил себе и гостю из титана кипятку, добавил из чайничка крепкой ароматной заварки. Вернулся за стол, протягивая напиток собеседнику. Тот с удовольствием принял чашку, глотнул, поставил на свой край стола рядом со злополучной бутылкой.

– У меня ведь тоже к тебе есть предложение, Арсенчик, – негромко нарушил молчание Султан, прихлебывая мелкими глоточками. – Деловое, выгодное...

Глаза толстяка прояснились, будто кто-то дохнул на покрытое инеем стекло. Он подался вперед, уже не гипнотизируя бутылку с самогоном.

– На самом деле? Ох, Султан, как же я рад вести с тобой дела...

– Да подожди ты лебезить, – не стерпел Айбар, но хозяин «Добытчика» не обиделся на резкость. Хоть и замолчал. – Скажи, Арсенчик, ты ведь не будешь спорить, что Тайга – мой

город? Мой Анклав, если угодно. Со своей службой безопасности, со своими корпорациями по продаже инструмента или бухла. С инфраструктурой и амбициями.

– О, Султан, конечно, нет! – Арсен дернул рукой, чуть не расплескав из кружки. – Всевышний упаси тех, кто думает иначе!

– Хорошо.

Султан сделал паузу, чтобы неспешно отхлебнуть чаю.

– В Новосибирске меня не трогают в обмен на услуги, информацию или взятки, – сухо и убедительно продолжал он, констатируя факты. – Бандиты уважают, а большинство их просто-напросто боится. Федералам тут делать нечего, любого агента ОКР я за богатое вознаграждение сдаю казакам из БАРСа. Однако осенью в Республике пройдет перепись. И в этот раз, как на референдуме, нам уже не избежать официоза. Ты ведь понимаешь, о чем я, Арсенчик?

Тот уверенно замотал головой, но по свинячьим глазкам Айбар читал, что толстяк усвоил не до конца. Вздохнув, он терпеливо продолжил:

– Официальные базы данных. Мы станем законным населенным пунктом Республики, а не просто призраком на старых картах. Будем платить налоги, вшивать государственные «таблетки», во всем подчиняться Новосибирску. Может быть, даже откроем отделение полиции. Кто знает...

– Ага, теперь я понимаю.

– Не перебивай! Так вот, друг мой, я перехожу к главному. Городу, входящему в лоно Республики, нужен посадник. Настоящий, официальный. Человек, которого народ сначала назначит, а после – когда столица доберется до нашей глуши – переизберет в соответствии с законом.

Рот Арсена приоткрылся, по виску скатилась капля пота. Он потянулся за махоркой в нагрудном кармане, но только помял пакет, забыв свернуть сигарету.

– О, Султан... ты станешь настоящим посадником? – с завистью выдохнул брюхотряс, глядя на Айбара преданно и жадно.

Тупой баран... Темирбаев скрыл вернувшееся раздражение громким дружеским смехом. Даже руками покрутил, отмахиваясь от перспективы.

– Нет, нет, Арсенчик, ты меня неверно понял. Не может Султан стать официальным лицом. Хозяйственник я хороший, исполнитель тоже. Но быть законным посадником? Нет, увольте. – Он рубанул ладонью воздух. – Таким человеком должен быть кто-то умный и ловкий. Вроде тебя.

– Меня?! – челюсть Арсена отвисла еще ниже.

– Конечно, дружище, потому я тебя и пригласил. И поэтому... если ты, конечно, не против?... – Темирбаев изогнул бровь и пригладил роскошные усы. – Я предлагаю обсудить условия. Жалованье твоё до выборов беру на себя, организацию народного схода – тоже. Ну и, разумеется, подключу связи в столице, когда дело дойдет до перевыборов...

Арсен смотрел на него и одновременно куда-то мимо, хлопая ресницами и всё еще забыв закрыть рот. Похожий на рыбу. Толстую оглушенную рыбу.

Султан откинулся на спинку стула и улыбнулся. Он умел и любил рыбачить, заранее чувствуя, когда жертва заглатывает крючок.

CREDITUM VI

Она опять оказалась в этом месте – холодном и безжизненном. Мертвенный молочный свет лился откуда-то сверху, ослепительный, но не мешавший смотреть по сторонам. А лучше бы и не смотреть...

Фигур были сотни. Невысокие, шуплые, они рядами уходили куда-то за горизонты, теряясь в белоснежной дымке. А сколько их там, за гранью? Она не различала лиц, не могла рассмотреть, во что одеты фигуры. Понимала, что в какие-то одинаковые робы мышинового цвета, но стоило ей сфокусировать взгляд, как зрение тут же подводило, всё начинало плыть,

ускользая от понимания. То же было с лицами. Она могла поклясться, что глаза ближайшей фигуры зеленые, как и у нее самой. Но только поворачивалась, всматриваясь пристально, перед лицом будто натягивали матовую непрозрачную пелену.

Она пошла вперед, медленно и осторожно. Это тоже было частью происходящего, хоть сопротивляйся, хоть кричи. Шла среди безликих фигур, чьи многочисленные ряды статуями коченели под ярко-белым потолком. Прислушивалась к полнейшей тишине, наполнявшей зал. Почему-то она думала, что это именно зал – огромный и круглый, с куполообразным потолком. И хотя никогда прежде не видела ничего подобного, сознание продолжало цепляться за найденную ассоциацию, не позволяя удариться в панику.

Шагов не слышно, нет и теней. Место в зловещей ослепительной пустоте, где всё ненастоящее, мертвое, неживое. Но готовое переродиться, эта мысль была еще более уверенной, чем предположение об архитектуре странного «нигде».

Казалось, бесполые фигуры дышат. Краешком глаза она все-таки замечала, как сжимаются под одинаковыми одежками легкие. Но убедиться в этом было решительно невозможно, а потому девушка и не пыталась услышать или разглядеть.

Шаг, другой, третий. Кругом овалы бледно-розовых лиц, кругом сотни силуэтов, самый высокий из которых чуть выше ее. Давящая тишина, и ослепительный свет. Бабка говорила ей, что многие предпочитают считать белый цвет добрым, благородным и очищающим. Но бабка не была в этом месте, чтобы вместе с ней убедиться, каким ледяным и зловещим может он оказаться.

Скоро, совсем скоро. Еще десяток шагов, может, чуть больше – она всё равно никак не могла запомнить, где это случится... Двигалась вперед, не ощущая ни озноба, ни жары, а затем невысокая фигура справа от нее качнулась. Послышался совиный крик, и в ее запястье вцепилась крохотная ручонка, холодная, как ледышка. К такому нельзя подготовиться, даже пройдя через кошмар хоть сто раз, поэтому девушка вздрогнула, внезапно ощутив всю боль и отчаянье этого места. Ощувив безысходность, переполнявшую окружающих людей. Ощувив их *изменение*, непреодолимое и зловещее. Вскрикнула, попытавшись выдернуть руку, отвернулась от чьего-то цепкого взгляда, отшатнулась, но ручонка держала крепко, как медвежий капкан.

– Варвара...

Пленка сна лопнула, и она сразу почувствовала присутствие бабки, безмятежное и доброе. Нечто, защищающее от ураганов лучше крепких стен.

– Варвара! – теперь это было не в жутких грезах, теперь по имени ее звала бабушка Люба. – Вставай, радость моя, пора.

– Конечно. – Девушка с удовольствием потянулась, жмурясь от приятного покалывания. – Уже встаю, бабуль.

И тут же почувствовала что-то незнакомое, чего не было ни вчера, ни зиму назад. Что-то, нарушившее мерный распорядок их такой уединенной жизни. Что-то волнующее, причем не самым дружелюбным образом. Казалось, в дом пришло новое, незваное, как запах гари от пожара.

Варвара зевнула, прикрывая рот ладонью, встряхнула головой, прогоняя остатки морока.

– Бабуль, а сколько времени?

Она недоуменно уставилась за крохотное окошко. За стеклом, собранным из четырех осколков, всё еще помалкивала ночь. Конечно, и в обычные дни они вставали затемно, особенно зимой. Но сегодня это произошло определенно раньше, на час уж точно. Потому что и сам день обещал быть не самым обычным. И Варя еще не знала, как отнестись к охватившему ее незнакомому щемящему чувству.

– Самое время, внученька, – теплая морщинистая рука ласково потрепала девушку по запястью, точно в том месте, где в кошмаре ее хватили мертвой хваткой. Тревога тут же ушла, а сердце забилось ровно и чисто. – Сегодня пораньше нужно. Вставай, поможешь.

– Конечно, бабуль... – Варвара опустила босые ноги на пол, подтянула края

застиранной ночной сорочки. Привычным движением отбросила косу за спину, пригладила волосы. – Умоюсь только... А может, случилось что?

Она с тревогой взглянула в лицо своей бабушки, такое уютно-морщинистое и славное, словно июльское солнце. Любава прищурилась, глаза озорно блеснули в полумраке, а от их уголков бросились врассыпную лукавые морщинки.

– Да что ты, хорошая моя, – бабушка отошла от кровати, от горящей свечи подпалила еще одну, потолще. Верткая, шустрая, не потерявшая твердости рук даже к своим восьмидесяти четырем зимам. – Что тут у нас случиться может?

Она улыбалась, была полна энергии и хорошего настроения, но что-то всё же не укрылось от Варвары. Не от слуха или зрения, которым девушка иногда доверяла не до конца, а от скрытого внутри, подальше от всего мира. Неужто обманывает ее бабуля? Быть такого не может, глупости... Разве что сердце снова прихватило, отсюда и тревога.

Чувство, зародившееся еще во сне, набирало силу. И печка затоплена не только что... Значит, баба Люба встала заранее?

Искося поглядывая на старушку, Варвара легкими шажками порхнула через девичью спальню, склоняясь над примитивным механическим умывальником. Плеснула в лицо горсть прохладной воды, еще одну, улыбнулась влажной прохладе, впитала каждую капельку.

– Собирайся, внучка. – За ее спиной бабушка Любава что-то искала в шкафу для одежды. – Пойдешь сейчас на Кривую Косу, хорошая моя, заберешь посылочку.

Она что-то нашла на нижних полках и завернула в чистое кухонное полотенце. Прошаркала в соседнюю – самую большую комнату их дома, служившую одновременно и столовой, и кухней, и горницей, и местом для рукоделья. Там, чему Варвара удивилась еще сильнее, неярко горела керосиновая лампа, которую зажигали только по праздникам.

– На Косу? – удивленно переспросила девушка, начиная одеваться. – А чего в такую рань-то? Бабуль, давай я после Ластенки схожу, а? Ночь же еще...

– Нет, родная, сейчас нужно... – теперь бабушка возилась где-то вне поля зрения, гремя посудой. – Запомню, напроць твоя бабка, плохая совсем стала. Сплошные дырки в голове, а через них добрые мысли высыпаются... Нельзя тянуть, вчера еще забрать нужно было, так что ты иди. Тележку не бери, там нетяжкое.

– Ладно, ба. – Варвара не привыкла спорить с самым близким человеком в своей жизни. Натянула теплые кальсоны, мохнатые шерстяные носки, нижнюю рубаху из конопляных ниток, ткань на которую соткала сама. – Только до ветра схожу да Ластенку проведаю. А то проснулась, поди, красавица наша, услышала, что мы на ногах-то...

– По дороге сходишь, – вдруг отрезала Любава, и что-то упало из ее руки на стол, необычно громко звякнув.

Варя вздрогнула, напуганная этим простым звуком, и даже замерла, так и не просунув голову в ворот платья. Посылки, которые им оставляли жители окрестных сел в обмен на услуги или подарки леса, были, разумеется, жизненно необходимыми. Бесценное горючее для насоса или ламп, гвозди, кое-какой инструмент, соль и многое другое. Но чтобы вот так, ни свет ни заря, отправлять внучку за добрых десять верст от дома? Да при неподоенной корове-кормилице? Да еще и *таким* тоном?

– Ба? – она выглянула в соседнюю комнату.

Любава стояла над кухонным столом, втянув голову в плечи. Сейчас она казалась такой старой, удрученной, сгоревшей. словно десятки прожитых зим разом навалились на ее шею, заставив впервые в жизни опустить голову.

– Что случилось-то? Я ж вижу...

– Ничего, родненькая, – Любава обернулась, преобразившись в один миг так разительно, что девушка даже опешила – не привиделось ли, что бабка чем-то подавлена? – Ничего не стряслось, не волнуйся... Сердце припекло малость, но ты ж знаешь, что всё будет в порядке.

Девушка знала, хотя успокоилась не от слов – от любимой и любящей улыбки и

ласкового взгляда. Они все знали, и бабушка, и мать, и матери всех матерей. Когда, как, почему. Если бы Любава увидела смерть, то не стала бы скрывать от внучки, Варя в это искренне верила.

– Ты давай беги, радость моя. – Бабушка опустила руку на увесистый сверток, перемотанный бечевкой так, чтобы удобно нести на спине. – Вот, собрала тебе в дорогу чутка...

– А куда столько-то? – из дверей разглядывая поклажу, удивилась Варвара.

Она уже была одета, а потому погасила свечи, скользнув по горнице к выходу. На ходу плеснула из кувшина родниковой воды, жадно опустошила стакан.

– А тут и не всё тебе, – наставительно поправила бабушка. – Доберешься, покушаешь, а остальное деревенским в схроне оставишь, уяснила?

– Конечно, ба. – Последние тенета сна таяли, и девушка почти настроилась на долгую дорогу. В сенцах сунула ноги в мягкие кожаные мокасины, накинула меховую куртку. – Телегу точно не брать?

– Нет, внученька. – Любава вышла проводить ее, прикрыла за собой створку, отчего в сенях стало темно и уютно. – Там тяжелого нет, донесешь...

Протянула внучке сверток, помогла набросить на спину, затянула веревки. Повязав платок и накинув сверху капюшон, Варвара в последний раз повернулась к бабушке. Приоткрыла внешнюю дверь, впуская в клеть полосу тусклого лунного света.

– Ну, миленькая моя, с Богом. – Любава обняла внучку, осенила несколькими быстрыми, но плавными жестами. – Ты беги, торопись, а то зазря всё...

– Конечно, ба. – Варя улыбнулась ее теплым глазам, поблескивающим в полумраке. Наклонилась, целуя морщинистую щеку. – Я мигом, ты и обернуться не успеешь...

– Осторожнее там, внученька, – сказала бабушка Люба. Хотела добавить что-то еще, но слова не пожелали выходить, и она только вздохнула, выпуская девушку из объятий. – Ты у меня умничка, ты справишься...

Варвара, чтобы не напускать в сени утреннего морозцу, шустро выскочила наружу и плотно прикрыла створку. Услышала, как лег засов. Какое-то время постояла неподвижно, позволяя глазам привыкнуть к ранней утренней хмари. И уверенно зашагала в тайгу, густым ворсом окружавшую их крохотный отшельничий хутор...

Позже, когда бродила по горькому пепелищу, роняя слезы на еще теплые угли, вспоминала, как крепко-крепко обнимала ее напоследок обманщица-бабка. Как многое намекало о том, чего девчонка понять не смогла. О том, как Варваре спасали жизнь.

CREDITUM VII

«На прошедшей вчера конференции секретарь Конфедерации Католического Вуду по связям с иностранными государствами Джеферсон Прэтт направил правительству Индии ноту протеста, в резкой форме отметив, что подразделения Седьмого Флота Конфедерации не имеют никакого отношения к исчезновению «Галилея». Учения, уже месяц проводимые конфедератами у берегов Европы, развернулись в тысяче миль южнее места предполагаемого исчезновения танкера и под бдительным контролем Союза и мировой общественности. В ответ на высказанные официальным Дели обвинения господин Прэтт порекомендовал усилить борьбу с пиратами, наводнившими Среднеазиатский бассейн, а не искать угрозу за пределами Гибралтарского коридора.

Реагируя на слова Прэтта, МИД Индии заявил о необходимости проведения самостоятельного расследования, призвав в наблюдатели офицеров разведки и ВМФ Европейского Исламского Союза. Также анонимный источник в министерстве индийской обороны уже заявил журналистам о неких данных военных спутников, с помощью которых потерпевшая сторона обещает предоставить неопровержимые доказательства неоднократного вмешательства конфедератов в разработку Каспийского бассейна.

Напомним, что первые поставки нефти, практически одновременно обнаруженной

специалистами Союза и официального Дели, начались чуть более пяти месяцев назад. Месторождение на дне нового Среднеазиатского моря вскрылось сразу после Инцидента и было вызвано обрушением части Каспийской тектонической плиты. Наиболее пострадавшими от наводнения и цунами регионами тогда стали треть Поволжья, часть среднеазиатских провинций Исламского Союза, а также ряд пустынь.

По мнению экспертов, новое месторождение не позволит до конца решить проблемы энергетического голода, ощущаемые даже спустя три с половиной года после Инцидента, однако поспособствует укреплению мировых экономик и даст веру в стабильное будущее всей планеты. Однако участвовавшие нападения на...».

Щелчком пальцев Ростислав выключил экран, резко разворачиваясь на крутящемся кресле. Жалобно пискнула кожа обивки, подлокотник ударился о стеклянный край письменного стола. Облокотившись на лежащие перед ним папки с документами, Гиляров потер лицо ладонями. Нужно завязывать с просмотром утренних новостей, довольствуясь отчетами секретарей, хотя это решение он пытался принять уже год. Ничего, кроме изжоги и испорченного пищеварения, мировые скандалы не вызывали, так зачем трепать нервы?

Избранный Президент новорожденной Республики Сибирь откинулся на спинку кресла, сделав несколько глубоких вдохов. Официальный рабочий день начнется через пару минут, и к тому времени никто не должен видеть смятения и злости, только что царивших на породистом лице Гилярова.

Никто не должен видеть груза усталости, лежащего на его плечах. Никто не должен знать, каким невыносимым трудом достается ему строительство новой Республики. А ведь он так утомлен... Пожалуй, гораздо больше, чем в ту зиму, что случилась сразу после Инцидента.

Тогда умерли многие, очень многие, едва ли не столько же, как в момент катаклизма. Но выжившие, и их тоже немало, будут благодарны ему навеки. Во всяком случае, он на это надеялся.

Потерев кончики пальцев, Ростислав вызвал на сетчатку левого глаза рабочий экран «балалайки». Бегло просмотрел рабочее расписание и список неотложных дел. Наперво предстояло надрать кое-кому уши – третий гидрогенератор так и не запущен, и в народе уже начинали роптать. Конечно, пресс-служба спешно выпустила в свет дезинформацию о его удачном пуске, но на деле до этого еще было далеко, очень далеко. А они обязаны, просто обязаны закончить работы, пока на водохранилище не сошел лед, и тут иных вариантов не существовало.

Отдельного внимания заслуживали китайцы. Новая ветка «Звездного пути», ведущая на запад, уже почти дотянулась до Хакасии, и представители Поднебесной требовали усилить охрану – далеко не все сибиряки были готовы равнодушно наблюдать, как трудолюбивый Китай семимильными шагами строит дорогу, проходящую прямо через центр новой Республики. Знать о том, куда именно ведет дорога, им не полагалось принципиально, а потому наиболее простым решением представлялось выделение поднебесникам еще одного казачьего подразделения.

Еще предстояло отчетное заседание по автодорожному комплексу, пора строить планы по региону на наступивший год. Новый асфальтовый завод почти завершен, а это означало, что к следующей осени транспортное сообщение с Омском и Красноярском будет окончательно налажено. Магистрали протянутся параллельно линии «Звездного пути», причем так, чтобы географические интересы узкоглазых максимально помогли развитию его собственной инфраструктуры...

Строительный комплекс в этот весенний день также, увы, потребует вмешательства. Демонтаж небоскребов в центральной части города продвигается слишком медленно, и Ростиславу очень не хотелось допустить повторения прошлогоднего происшествия. Тогда, разобранный только до двадцать шестого этажа, огромный жилой комплекс рухнул на крыши соседних домов. Если строители не хотят новых жертв, темпы придется ускорить. Любыми средствами, пусть даже город примет помощь китайских наемных бригад...

Разобрать всё, что шатко стоит, перебросить силы на возведение нового жилья.

Еще были очевидные неполадки с коммунальными сетями, но в это он точно не полезет. Иногда Гилярову вообще казалось, что он занимает сразу десять постов – и Президента, и главы города, и множества министров. Но что поделать – светлых голов в чиновники, причем не лентяев и не воров, найти было нелегко и раньше, а уж после катастрофы... Ну ничего, сегодня он министрам скипидару в одно место зальет. Пусть снимают сорочки и лично едут менять трубы, полопавшиеся в морозы. Через пять дней сбор посадников со всех городов Республики, а у него в столице авария на аварии...

Кстати, из Кемерово рапортовали, что отреставрировали целый микрорайон, подачу электроэнергии восстановили и сеть запустили по всему городу. Это хорошо, но нужно проверить, прижать посадничка к стенке, не врет ли? Завышать удои на бумаге Русь любила испокон веков.

Вспомнив о неприятном, Ростислав невольно нахмурился. В Норильске в самом конце зимы посадник погиб, может, даже убили. Может, даже ОКРовцы... А замену так и не нашли, хотя сделать это должны были сразу. Непросто, очень непросто ему в новой роли. Республика набирала силы, но до чего же медленно, надрывно, с постоянной нехваткой людей, ресурсов, времени...

Гиляров оправил галстук, легко помассировал виски. Он считал себя толковым руководителем, деятельным, инициативным, решительным. Много умел, еще большему научился после Инцидента. А вот делегировать обязанности, доверяя кому-то другому решение важного вопроса, не мог ни за какие коврижки. Даже поручив исполнение министру или главе специального руководства, он непременно лез проконтролировать, ускорить, усилить. Это, конечно, руководителя высшего ранга не красит, так можно и спичкой сгореть, но поделать с собой Ростислав ничего не мог. Особенно сейчас, когда в его внимании нуждалось сразу столь дел.

Но сначала...

До того, как в кабинет станут ломиться многочисленные секретари и помощники, ему необходимо решить еще одно важное дело. Важное настолько же, как сохранение жизнеспособности самого крупного города Сибири.

Выключив экран в глазу, Ростислав дотянулся до коммуникатора, лежащего поверх бумаг. Новенький пластиковый короб телефона удобно лег в ладонь. В свете потолочной лампы блеснул голографический логотип «Наукома». Интересно, в корпорации так быстро развернули новую спутниковую систему связи, потому что были готовы к потрясениям, охватившим мир?

Набрал номер, переводя сигнал на стационарный коммуникатор, почти мгновенно получил ответ. Казалось, начальник Министерства внутренней безопасности Свободной Сибири и вовсе ночевал на рабочем месте, а потому его скуластое лицо сразу заполнило экран.

– Да, Ростислав Михайлович, у аппарата. Доброе утро.

– Кому как, Бугаев, кому как... – Гиляров придвинулся к видеокамере, не удостоив соратника встречным приветствием. – Ты помнишь, что сегодня я снова общаюсь с «птицами»?

– Конечно.

Морщинистое, покрытое шрамами лицо министра было невозмутимым. Он уже давным-давно мог избавиться от боевых отметин, но предпочитал оставить всё как есть. Шрамы, они ярче медалей блестят, говаривал ветеран, и Ростислав не мог винить его за этот небольшой каприз.

– Отчет готов, но шибко порадовать не смогу...

– Что есть? – сухо поинтересовался Президент, еще три года назад бывший всего лишь наместником.

– Пара микроавтобусов, человек сорок. – Говорили безмятежно, доверяя надежности канала связи. Вся электроника, поставляемая в Сибирь из «Наукома», тут же взламывалась и

шифровалась Терпением. – Готовы к отправке на север Красноярского посада, выдвигаются послезавтра. В рамках программы заселения. В сопровождении, как и оговорено, мои архаровцы, ни одного казака. Всё чисто, в посылке старше семнадцати никого. Как один, все беспризорники или сироты. Комар носа не подточит...

– Семнадцать – много. – Гиляров задумчиво покусал губу. – Снимай переростков с рейса, установи верхний порог на пятнадцати.

– Будет сделано.

Ростислав точно знал, что бывшему майору совсем не по душе дело, которым тот решил заняться вместе со своим патроном. Но также новый Президент знал, что цель оправдывает средства. И что Бугаев не подведет. Такие, как он, будут исполнять приказы до последней буквы, отбросив в сторону мораль, справедливость и милосердие. Будут исполнять приказы до тех пор, пока не сломаются, послав себе в лоб пулю. Но осознание чудовищности операции «Средний фон» еще не скоро постучится в их совесть. А это значит, нужно продолжать работу.

Вообще-то министра звали не Бугаев. Но так уж получилось, что сразу после Инцидента лично отобранные майором бойцы составили так называемую «тысячу бугаев», после чего к решительному тысячнику приклеилось прозвище, так похожее на фамилию.

– Хорошо, – после короткого размышления подвел черту Гиляров. – Пусть будет сорок. Так и сообщу, готовь товар к отправке. Есть еще что-то срочное?

– Ничего, что нельзя обсудить на дневной планерке, – за время разговора на изрытом фронтовыми окопами лице Бугаева не дрогнул ни один мускул, но в глазах блестели льдинки.

– Тогда отбой, – вздохнул Президент, выключая коммуникатор.

Они наверняка будут прокляты, непримиримые найдутся всегда. Но имена Гиляровых и Бугаевых предадут забвению, только если они проиграют. Только если не смогут скрыть, какой ценой возродилась Сибирь, сумев дать отпор разрушенному «центру» и шакалам-поднебесникам, выжидающим момент, чтобы подмять.

Историю пишут победители, об этом говорили все учебники истории, это доказывали биография доктора Кауфмана или строительство Станции «Наукома». И, если проект будет удачным, новое поколение сибиряков воздаст Гиляровым и Бугаевым должное. Воздаст, переживая зимы в теплых домах, вода детей в отстроенные школы и больницы, имея в кармане кулак, способный ударить любого врага – сильно и без пощады.

Ростислав вдруг понял, что сознательно накручивает себя перед предстоящим разговором. Накручивает, чтобы не дрогнуть в последний момент, отказав подрядчикам и вдруг не поставив крест на том, чего уже нельзя остановить.

Послав в сеть условный зашифрованный сигнал, он приготовился ждать. Откинувшись в кресле, побарабанил пальцами по подлокотнику. «Человек-птица», как про себя называл его Гиляров, никогда не отвечал сразу.

Вызов поступил минут через пять-семь, как обычно. По той же традиции вызывающий вновь воспользовался стационарным спутниковым коммуникатором, позволяя видеть себя, но не требуя от собеседника встречного видеоконтакта.

Подключая гаджет к «балалайке», Ростислав вздрогнул, заметив на сетчатке глаза сразу несколько пиктограмм – новый канал связи был защищен так, как безопасникам сибирского Правительства и не снилось. Прикоснувшись к левой ладони, Президент принял входящий, про себя вознес короткую молитву Всевышнему.

– Здравствуйте, Ростислав Михайлович, – сказал с экрана человек в плаще и птичьей маске, выглядывающей из-под темного капюшона.

– Здравствуйте... – со стороны казалось, что решительный Ростислав Михайлович оцепенел, уставившись в пустоту. Ему всегда было не по себе, когда *это* называло его по имени. – Сегодня, если я не ошибаюсь, у нас очередной сеанс связи?

– Верно. – Птичий клюв, похожий на журавлиный, склонился, когда его обладатель медленно кивнул. – Вы готовы сделать новые инвестиции в проект?

– Да, – ответил Гиляров, чувствуя, что потеет. Радуюсь, что его в этот момент не видно, он потянул узел галстука. – Увеличить темпы пока не удастся, но еще сорок единиц товара вы получите уже на следующей неделе...

CREDITUM VIII

Он никогда не считал себя бандитом, нет. Хотя за короткую житуху и грабить приходилось, силой отбирая у слабого то, что по нраву. И воровать, подхватывая, что плохо лежит, в основном одежду и еду. И даже убивать, брать немалый грех на душу, защищая свое добро, здоровье и жизнь.

Нет, он не бандит, потому что переступать законы его *заставляли* – угроза смерти от голода, угроза изнасилования в общей душевой, угроза не добиться положенного по возрасту авторитета. Бандиты не такие, Митяй это точно знал, вычитав в книгах, услышав от взрослых надзирателей и убедившись на себе.

Они отморозки, сознательно – и это главное слово – выбравшие себе путь ножа и «дыродела». Люди, а часто и нелюди, которые не представляют себе жизни иной. Примеров и раньше было достаточно, а уж после Толчка вообще как прорвало...

Не успела осесть пыль, поднятая землетрясениями, а на большие дороги уже выползали вооруженные группировки националистов, наконец-то решивших очистить Сибирь-матушку от узкоглазых и арабов. За ними насладиться плодами хаоса рискнули маргиналы – тритоны и прочие недочеловеки, сообразившие воспользоваться суматохой и потрясти за мощную небольшие сибирские города. Хотя этих, благодаря особому виду безумия и полному отсутствию «синдина», задавили быстро... Задавили те же «революционеры». Это сейчас освободители Сибири стали БАРС, или «барсами», как сами себя величают. А тогда, три года назад, были бунтовщиками, обычными рейдерами, грабившими, убивавшими и набивающими карманы.

И еще появились Остроухие Куницы... Отлично экипированные, имеющие собственные жесткие законы, безбашенные лихачи, наводнившие Сибирь, расшатывавшие ее и без того шаткие основы.

Митяй не знал, была ли между разрозненными отрядами Куниц какая-то координация или же новое веяние само по себе размножилось под порывами ветра свободы. Но факт оставался фактом – и под Омском, и за Красноярском, и в окрестностях сибирской столицы начали бесчинствовать отряды странных людей, для демонстрации собственной жестокости и устрашения врага подрезающих себе кончики ушей.

Вот это бандиты, да. Как фермеры на луга, выходят они на большую дорогу, совершают вылазки по деревням, вступают в отчаянные схватки с федералами. Для них это романтика, образ мышления и жизни, без которого они задохнутся, как выброшенные на берег караси. Среди мальчишек Напильника, пусть даже и преступавших закон, таких было очень мало. Может быть, позже, когда дети подрастут, как это произошло с Клёпой... Но об этом лучше и не помышлять.

Митяй не был бандитом, нет. Сейчас, изучая белый, в лохмотьях облупившейся извести потолок карцера, он в который раз оценивал себя. Думал о том, что, выпади второй шанс или возможность, непременно поступил бы иначе. Сделал бы так, чтобы не красть. Не грабить. Не убивать...

Но только не в этот раз. Вспоминая произошедшее за кухонным блоком, Митяй снова и снова убеждался в своей правоте и даже желании повторить содеянное. А может быть, и не один раз. Такое с ним происходило впервые, а потому паренек нервничал, ворочаясь на железной койке без матраса.

Раскаивался ли он? Нет, нисколько.

Конечно, с Напильником вышло неправильно. С нарушением законов Кропоткина – тоже неправильно. Ведь можно было надавить на директора, ввести поправки в свод правил лагеря, что-то изменить. Чтобы с девчонками только по обоюдному желанию и чтобы не

раньше двенадцати лет...

Но даже для своих годков Митяй знал, причем с горькой убежденностью, что слова ничего изменить не смогут. После Толчка они уже не совсем люди, как те же Куницы или «барсы». Они – молодые зверята, живущие по законам стаи. Не нравятся волчьи уставы, по которым существует коммуна, – ворота тебе откроют в любой момент. А значит, позавчера он выбрал единственно верный путь, и раскаиваться поздно...

Без жестокости, без надрыва, без пролитой крови крепкий дом не построить. Так считал Напильник, примерно так же когда-то рассуждал и сам Митяй. Но всё чаще убеждался, что правила пишет тот, в чьей руке автомат. Он сам, директор, Клёпа, Беляш и другие черенки... А уж если такая справедливость не устраивает кого-то из слабых, это его проблемы.

Им было трудно, факт. С рождения оторванные от «обычной» жизни по колониям и интернатам, дети не успели узнать ни основ армейской организации, ни муниципальной. Единственный пример сообщества, яркий и показательный – тюрьмы для подростков, в которых они мужали, – лежал прямо перед глазами. От него Напильник в свое время и оттолкнулся.

А это означало, что старшие могли наказывать младших, выполняя только военные и охотничьи функции. Заставлять работать тех, кто оружия держать не умел. Могли притеснять, издеваться и насиловать. Не без причины, конечно, не на пустом месте. Но представления о справедливости и законности наказаний в Кропоткине были вовсе не такими, как в книгах местной библиотеки. И это Митяй с каждым днем ощущал всё острее, всё болезненнее...

Новый, поднимающийся из обломков мир сомкнулся вокруг них, превратившись в лагерный забор. Интересно, что будет, если через пару лет их найдут федералы или силы Свободной Сибири и попытаются вернуть под свое крыло?..

Митяй перевернулся на бок, натягивая на плечи драное одеяло. Карцер был расположен в неотапливаемом бараке, нежилом и отведенном под склады. Зимой заключенные Напильника тут умирали, сейчас изо рта всего лишь шел легкий парок.

Ничего, жить можно, и не такое случалось. Кормили, конечно, всего раз в сутки, да и то абы как. Но выручали Юлькины девчонки. То ли сами, то ли по ее наставлению они уже несколько раз подкармливали узника через зарешеченное окно. И еще приходил Алексей.

Неизвестно, как ему позволили общаться с заключенным, хотя и официального запрета на визиты директор не выдавал. Обыскали на оружие, которое щегол мог пронести в «камеру», да и пропустили.

– Вот. Это тебе, поешь. – Лёша положил на единственный табурет пару вареных картофелин, завернутых в черный целлофан. – И спасибо.

– Не спасет, но приятно, – вдруг вспомнил Митяй дерзкую поговорку надсмотрщиков. – Это еще за что спасибо-то?

Он не хотел огрызаться, получилось невольно, вырвалось с паром дыхания.

Бывший старшак сел на кровати, со стуком опустив на пол ноги в тяжелых ботинках. Развернул еще теплые клубни, отломил кусочек, прожевал.

– За всё, – просто ответил мальчишка, не обидевшись на резкость. Синяк под его глазом уже почти сошел, превратившись в бледно-желтое пятно. – Это от нас с Дашей. Ты кушай, а то и разболеться недолго.

– Без сопливых скользко, – Митяй отвернулся к окну.

Он ведь почти сразу увидел в мальчишке что-то... Что-то теплое, от чего кропоткинцы давно отказались. И, возможно, никогда не обретут вновь. Увидел нечто, чего был лишен сам. Воспитание, будущую благородную статью, заботу о близком существе, только вчера совсем чужом. А еще неугасимое умение оставаться человеком под любыми ударами судьбы. Какой-то упорный блеск в глазах, даже когда на скулах расцветают фингалы.

А вот злиться, обрывать беседы и грубить мальчишке заставляло осознание того, что через какие-то полгода Лёша тоже станет волчонком. Таким же, как другие жители коммуны. Злобным, недоверчивым, думающим только о себе. А если не станет, то погибнет – в драке,

неудачном походе в лес или вообще в этом самом карцере.

– Иди давай! – он всё еще смотрел в окно, не обращая внимания на Алексея, стоящего у двери. – Директор узнает, башку оторвет, понял? И вообще, я спать хочу...

Он спрятал картофелины под подушку, снова лег, укрываясь одеялом.

– Хорошо, – согласился незванный гость, с пониманием кивнув. – В следующий раз попробую раздобыть тебе новое одеяло...

– Да плевать...

– До свиданья. И еще раз спасибо.

Он постучал, охранник отпер, дверь легко хлопнула, щелкнул засов, и Митяй снова остался один.

Наверное, стоило сделать всё иначе. Например, взять Клёпу на охоту, в кои-то веки сходить самому, найти укромное место... Тогда и вопросов бы не возникло, и отношения с Напильником не испортились.

Он укорил себя за вспыльчивость, толкнувшую к краю пропасти, и перевернулся на другой бок. Из-под подушки, пробившись сквозь целлофан, ему в ноздри ударил аппетитный аромат еще теплой еды.

CREDITUM IX

Сухих дров почти не нашлось, но это никогда не являлось преградой для знающего человека. Наломав у основания хвойных деревьев сухих веточек, он ножом соскоблил влажную кору, приготовил растопку. Свалив полдюжины тонких елей и молодых сосенок, выложил подстилку, ведь даже в выбранном месте ночлега почва просохла еще недостаточно. Дров заготовил без излишка, чтобы хватило на ночные угли. На всякий случай натаскал от ручья несколько камней – если ночевка будет холодной, как пару дней назад, горячие камни согреют спальный мешок... Затем Илья использовал половину пластинки прессованного горючего, и уже через пятнадцать минут костерок запылал, радуя глаз.

Развалившись на тонком, но не пропускающем стужу коврике, Вебер смотрел на игривое пламя, привычно разбирая автомат. Разложил детали перед собой, осмотрел, протер, смазал там, где это было необходимо, переоснастил магазины. Затем наступила очередь компактного пистолета из секретной кобуры на поясе. Следом внимания дождался и нож, чьи грани Илья осторожно выводил небольшим бруском. Безоружный человек в дикой тайге и раньше-то становился легкой добычей, а уж что говорить про наши дни?

Закончив с оружием, он неспешно поел, прикончив остатки пайка, закусил галетами. Жаль, что не удалось прихватить с собой больше, лишний вес замедлял передвижение. А потому он ел трофейные консервы неспешно, по полбанки за раз, стараясь экономить и продлевать удовольствие. Троим нелюдям, казненным Вебером несколько дней назад, прямо перед кончиной крупно повезло. То ли ублюдки наткнулись на брошенный склад, то ли в деревнях выменяли еду на дары леса. Но в «погребе» землянки Илья нашел несколько коробок с армейской тушенкой, причем китайской, не самого поганого качества. Взял, сколько считал нужным, но уже сейчас с улыбкой фантазировал, что мог бы ухватить и на пару банок больше...

До входа подконтрольного спутника в нужный сектор оставалось еще почти полчаса, спешить было некуда. Срыв и подняв слой мокрого дерна, Илья справил в яму нужду, заодно прикопав и смятую банку от консервов. Бережно уложил дерн на место, замаскировав без следа. Он всё еще надеялся, правда без особых иллюзий, что скиталец потерял след, и поэтому не хотел оставлять зверю лишних маяков...

Вернувшись к костру, Вебер подкормил огонь полешками потолще, проверив, тщательно ли укрыта поклажа от возможного дождя. А то и снега, тут уж чем черт не шутит, на прошлой неделе шел ведь...

Убедившись, что лагерь готов к приближающейся ночи, Илья снова лег на коврик, рассматривая раскаленные в пламени камни. Быть захваченным врасплох от того, что после

огня на зрачках останутся плясать предательские сполохи, он не боялся – светофильтры на линзах позволяли многое.

С таким же спокойствием он не боялся и ночного леса, начинавшего нашептывать вокруг человека на десятки разных голосов. Сказывался опыт юности, когда он пару лет проработал егерем в одном из охотничьих угодий. Да и вообще Илья считал, что если путник идет в лес с чистой душой, не желая навредить, ничего ему не угрожает. Ничего, кроме детей Инцидента, которых всё больше и больше появлялось на территории Томского посада...

Повращав глазами и несколько раз моргнув, он активировал «балалайку», возвращая ее из спящего режима. Вызвал на экран, спроецированный на правый зрачок, фотографию, которую рассматривал каждый день. Прислушиваясь к звукам темнеющей тайги, мужчина снова и снова всматривался в лицо светловолосой девушки, улыбавшейся с картинки. В лицо девушки, держащей на руках маленькую девочку, так похожую на мать.

Они-то думают, что Вебер на задании в одном из городов Республики, но рассказывать родным правду или хотя бы часть ее Илья бы не стал ни за что. Света могла не понять. Не отпустить, в конце концов. А уходить из дома под аккомпанемент ссоры ему очень не хотелось. Пусть жена и дочка Вера думают, что он в Ачинске или вообще в Абакане, охраняет важных господ из нового Правительства. Пусть. Так спокойнее всем. Того, что их муж и отец готовится ко сну в нескольких сотнях километров северо-восточнее Томска, им лучше не знать...

Интересно, как всё сложилось бы, не случись Инцидента? Можно было сколько угодно размышлять на эту тему, но истина так и не откроется. Наверное, сейчас бы служил в одном из подразделений московской СБА, умирал волнения Уруса или Шанхайчика. Выполнял приказы, получал стабильную зарплату, обзавелся друзьями по работе. Побывал бы в знаменитом Пирамидоме, может быть, лично повидал бы мифического Мертвого, о котором слышал столько неправдоподобного. А семья жила бы в сытом Анклаве, но это было всё, о чем разрешалось фантазировать наверняка.

Наверное, в свое время ему очень повезло. Выпал джекпот, как с завистью нашептывали другие кадеты. Слухи о том, что эмиссары доктора Кауфмана присматривают за каждым военным институтом в стране, оказались не просто городской легендой.

Они действительно присматривали, отбирая лучших, в том числе и по Новосибирску. Так в их прицелы Вебер и попал. Лучшие показатели в группе по «физухе», высокие показатели интеллекта, блестящая академическая подготовка по множеству видов вооружения, психологические показатели выше нормы. Он хорошо запомнил короткий разговор с вышколенным мужчиной в строгом костюме. В июле, сразу после выпускных экзаменов. Мужчина предложил будущее. Он предложил новую жизнь. Конечно, Вебер согласился, причем даже не советуясь с женой. И тут же поехал в Москву, проходить повторное собеседование, тесты и подписывать контракт...

Вышло совсем иначе, чем мечталось, и Илья себя за это не винил. И Светка не винила, что важнее. Потому что по-другому он поступить не мог. И не смог бы, даже получи второй шанс. Когда случился Инцидент, ему попросту *пришлось*. Бросать, бежать, рваться домой, к жене и дочке, так и не успевшим переехать к Веберу в Анклав. Защищать от непогоды, мародеров, сумасшедших адептов Апокалипсиса и опьяневших от волюшки казаков...

Да, добираться из Анклава в Сибирь было нелегко, особенно через охваченную хаосом и горем страну. Но он сумел, где-то на попутках, где-то на украденных лошадях, где-то пешком, благо опыт был. Дошел, добрался, домчался. Вовремя.

Официально он считался дезертиром. Попал наверняка во все мыслимые черные списки. Заслужил пятно на репутации и строку приговора в личное дело. Стал тем, кто не оправдал надежд. Но не пошел против себя, если это могло как-то греть... Да, «белой» работы ему отныне не найти, а потому Илья обрадовался неожиданному предложению, как ребенок. Увидел свет в конце тоннеля, как сказала бы теща.

Разумеется, всегда можно было пойти работать в полицию Сибирской Республики, а то и вовсе записаться в Боевую Армию Республики – с такими навыками и уровнем обучения

Вебера бы там приняли с распростертыми. Подумать только, выпускник военной академии и кандидат в СБА Москвы, прошедший первый уровень экзаменов! Но он не захотел. Долго, почти год, перебивался разовой работой, то расчищая от завалов улицы Новосибирска, то вкалывая вышибалой в ночных кабаках. Пока его не приметил заказчик...

Имени его Илья не знал, да и не хотел. Ни пола не знал, ни возраста, ни социального положения. Выполнил одно поручение, не самое сложное, добыв на окраине столицы два системных блока с ценной информацией. Применил силу, но в меру, без излишеств, обойдясь дубинкой и электрошокером. Вернул трофеи, не задавая лишних вопросов. Получил деньги и благодарность нового начальства. А затем принялся раз за разом, не чаще задания в два-три месяца, получать аналогичные заказы.

Жизнь наладилась. Света не задавала лишних вопросов, стали покупать нормальные продукты, лекарства и одежду, отвели Веру в детский сад, куда попасть было сложнее, чем на полигон «Наукома». Илья обзавелся кое-какими связями, получил неплохую «крышу» от возможного любопытства полиции. А сразу после Нового года вдруг узнал о новом предложении работодателя. Выгодном настолько, что еще год после этого мог бы поплевывать в потолок, планируя дальнейшую жизнь. Или, например, заплатить профессиональным ломщикам, чтобы переписали биографию...

Специальная программа, встроенная в «балалайку», сообщила, что через несколько минут он окажется в зоне покрытия орбитального спутника. Илья свернул фотографию семьи, взглянул в ночь. Она подступала, накатывалась холодным непроглядным одеялом, способным привести в ужас любого горожанина. Слушая уханье филина, Вебер ждал вызова.

Колокольчик, или Динь-Динь, как называла себя добрая сетевая фея, была единственным звеном, связывавшим Илью с таинственным заказчиком, так своевременно взявшим его под крыло. Машинист, причем хороший, она уже не раз демонстрировала способности столь же незаурядного ломщика. Вела, направляла, помогала. Когда Вебер отправился на север, в тайгу, она всё так же была рядом, при первой возможности выходя на связь. Как сейчас.

Вынув из непромокаемого чехла брикет спутникового телефона, он с помощью психопривода подсоединил аппарат к затылку. Оценил емкость батареи, прикинув, что после сеанса придется подзаряжать телефон от ручной динамомашины. Кстати, ломкой и прошивкой гаджета, ставшего незаменимым в современных условиях нестабильной сети, тоже занималась Колокольчик.

Вызов, ответ.

– Привет, Леший, – звонкий голос девушки прозвучал в голове, и Илья убавил громкость, чтобы не мешала контролировать ночной лес, временами небезопасный.

– Привет, Колокольчик, – негромко произнес он, машинально кивнув, будто машинистка могла его видеть. – Что нового?

– Да особенно ничего... Вот, на ГЭС запускают новый движок. Китайцы со своей железкой скоро войдут в Хакасию, ни дня не отдыхают, прямо как муравьи. Вижу, ты сделал крюк?

– Были причины, – ответил он. Про скитальца, чье логово невольно вскрыл, Илья до сих пор не рассказал. – Местность подтоплена, приходится петлять.

– Понятно, – легко согласилась машинистка, не вороша тему. – Как самочувствие?

– Вполне, держусь. Новости по проекту есть?

– Ты меня опередил. Нам удалось сузить круг, но на бочку меда не рассчитывай. Пятак ужасен до сотни квадратных километров, я уже заливаю обновленные данные в твою головушку.

– Ну, хоть что-то. – Он и не рассчитывал, что ему укажут цель с точностью до метра.

Взглянул в ночное небо, где среди звезд мерцала крохотная точка спутника, позволившего им вести этот разговор.

– Уверен, что если бы вы знали точное место, послали бы «вертушку».

– В точку, Леший. И еще...

Он ждал, не проявляя любопытства. Всё, что нужно, Колокольчик ему рано или поздно расскажет, так зачем лишний раз тревожить звуками голоса ночную чашу?

– Возможно, через семьдесят километров маршрут придется еще раз скорректировать. Если шеф подтвердит информацию о Куницах, объявившихся в твоих краях, двинешься через населенные пункты. Так безопаснее.

Вебер подумал про вооруженных нелюдей, населяющих сибирские леса, но смолчал и на этот раз.

– Ты имела в виду вымирающие деревни? – тихо поинтересовался он, одновременно загружая карту. – Это сможет помочь?

– Не совсем. – Девушка, казалось, сарказма не уловила. – Доберешься до Елогуя, спустишься до Енисея, дальше пойдешь вдоль него. Двести километров вдоль реки, затем снова на запад, к этому времени мы постараемся еще сильнее сузить площадь поисков. Так что там почти сразу приступишь к работе. Если после этого информация о Куницах подтвердится, перед возвращением какое-то время отсидишься в Тайге. Слышал о такой?

– Да.

Кто же не слышал? Городок, в котором можно всё. Словно сошедший со страниц вестерна, он возник на одном из притоков Енисея, маня свободой и слухами о несметных богатствах, спрятанных под землей. Илья даже знал людей, бросавших дома в Новосибирске, только чтобы отправиться на негостеприимный север в поисках легкой наживы и лучшей жизни.

– Я озвучила самый бедовый вариант, – добавила Колокольчик, хотя это было и так понятно. – Если казачки и Остроухие не затеют новую войнушку, будешь двигаться прежним маршрутом...

«Если мне позволит скиталец...»

– ...и в Тайгу даже не заглянешь. Хотя я всё равно рекомендовала бы. Там можно основательно пополнить запасы. В случае чего, я постараюсь сделать так, чтобы тебя встретили.

– Спасибо, Динь-Динь. Еще что-то?

– Вроде нет, от шефа привет, – она усмехнулась, заканчивая традиционным: – Медведям поклон передавай.

– Непременно.

Спутник, подконтрольный ломщице, ушел, завершив сеанс связи. Равномерно разложив костер и нагретые камни, Вебер прикрыл костровище подготовленными пластами дерна. Бросив на теплую землю спальный мешок, заполз внутрь, кладя под голову пистолет. И почти сразу погрузился в тревожный, чуткий сон.

CREDITUM X

Провожали всем лагерем, и на том спасибо, уважили старшака. Без особых эмоций провожали, громких разговоров или напутствий, но таковых Митяй и не ждал. Точно был уверен, что в стоглавой толпе у ворот есть немало тех, кто благодарен ему. Искренне благодарен. В основном, конечно, это были маленькие девочки, но встречались и пацаны...

Напильник тоже молчал, хотя и было заметно, как порывается что-то сказать. А зачем? Директор и так сделал и сказал всё, что мог и должен. Жизнь, оставленная Митяю его интернатовским корешем, красноречиво это доказывала. Ведь казнить не приказал, хотя имел полное право, и то хорошо.

Уходить, конечно, было тяжело. Все-таки за прошедшие месяцы лагерь стал настоящим домом, надежным и сытным, в котором они совместно, день за днем строили свое будущее. Было печально оставлять девчонок, с которыми так и не лег на кровать, редких приятелей, с которыми изредка болтал ни о чем, ребят-охотников, буквально поклонявшихся его чутью. И Алексея с Дашей, выплакавших все слезы...

Мальчик и молчаливая девчонка, успевшая познать настоящую звериную жестокость

на восьмом году жизни, стояли в первых рядах. Даша ревела, беззвучно и горестно, не сводя с заступника блестящих зеленых глазенок.

Алексей старался держаться мужчиной, но получалось не очень. Неподвижный, он до изморози в пальцах прижимал к груди прощальный сувенир уходящего старшака. Митяю было обидно прощаться с книгой, но он отлично понимал, что брать обузу в путешествие – идея не из лучших. А потому отдавал истрепанный томик сочинений Конан Дойла без лишних переживаний.

Вручать книгу было непросто, он даже не помнил, что пробубнил, заставив мальчишку взять сверток. Кажется, что-то нарочито грубое. А потом Лёшка развернул тряпку, увидел, прочитал, загорелся, и Митяю неожиданно стало стыдно. За весь этот недобрый мир, за редкие крупички тепла, которые им всем приходилось вылавливать, как золотой песок в ручье. Ему стало неловко, неуютно, некомфортно, и он не придумал ничего лучше, как выставить обомлевшего мальчугана за порог, довольно резко захлопнув дверь...

Но и мучительных терзаний в своей душе Митяй не находил, радуясь легкому опустошению, переполнявшему все последние дни. С этим невесомым чувством парнишка возвращался из карцера, собирал рюкзак, прятал украдкой принесенные Юлькой съестные припасы, убирал в тайник оставшиеся книги, чтобы не достались на самокрутки.

Да, ему придется начать всё сначала. Начать, как сделали они тем жарким летом, перевернув знакомый мир вверх тормашками. Но жизнь состоит именно из такого круговорота событий, заставляющих нас подниматься всё выше и выше. Только вот знать бы, куда?..

– Бывай, Димка. – Директор, с неразлучным «Ураганом» на плече, стоял чуть поодаль от толпы. За его спиной с трудом сдерживали ликование Беляш и Косила. – Вернуться не пытайся, лады?

– Лады.

– Вот, епта... – директор всё же не сдержался, шагнул к нему. Сначала Митяй думал, что приятель хочет пожать руку, но тот что-то протянул. – Бери, чтоб не пропасть. Собаку бы еще дал, но двоим прокормиться труднее, сам знаешь.

Развернув промасленную тряпицу, Митяй уставился на подарок. Многозначительно покачал головой, вопросительно взглянул на Напильника. Но тот спешно отвернулся, изучая клетки лагерной псарни.

Второй бесценный подарок за прошедшую неделю. После оставленной жизни не менее важный по значимости. На ладони Митяя лежал потертый увесистый «дыродел» с полным магазином.

– Прячь, епта, пока шакалы не увидели, – сквозь зубы прошипел директор. – На говно же потом изойдут, сам знаешь...

– Спасибо, Толян. – Митяй торопливо убрал сверток в рюкзак. – Век не забуду.

– Ага, епта... А теперь это... ты иди, ладно?

– Конечно.

Митяй повернулся, махнув пацанам на воротной башне. Тявкнул сидящий на цепи Лорд, его голос подхватили другие псы, на которых даже пришлось кричать, чтобы заткнулись. Этим с удовольствием занялся Косила, с ненужным рвением разогнавший зверей обратно по железным будкам.

Теоретически, изгнанник уже не имел права командовать гарнизоном Кропоткина, но из старшаков не пискнул никто, даже Беляш. Парни сверху увидели жест, взяли за ворот лебедки, и металлическая створка поползла в сторону по добротнo смазанным полозьям. Тоже своего рода жест – могли бы и через калитку выпустить, но нет – почти полностью отворили...

Митяй не стал прощаться, развернулся и вышел прочь, провожаемый сотней взглядов. Там, в толпе, он точно это знал, среди них были благодарные, очень благодарные. Особенно двое, ради которых всё и произошло...

...Когда втягивался в «разговор», еще не совсем точно представлял, чем закончит и как

будет действовать. Просто шел к Клёпе через площадь, стараясь не кривиться от его поганой ухмылки. А тот, словно зверь, всё уловил сразу, по каким-то самым незначительным признакам.

– Не надо, Митяй. – Старшак шагнул в сторону, стараясь держаться подальше от света фонарей. – Не дури.

Он ничего не ответил Клёпе, не пожелал говорить с мразью. Да и нечего было, раз тот уже и сам всё понял.

Митяй ударил первым, стремительно и спешно, как привык за многолетнюю практику. Сделал обманное движение рукой, ногой выстрелив прямо в пах противника. Но Клёпа тоже не был комнатным растением, свои мерзкие привычки добывая на улицах, в подворотнях и камерах колоний. Увернулся змеей, успел хлестнуть по уху, почти сбил с толку, а потом нацелился в печень.

Его удар Митяй отвел, рванулся вперед, сократил дистанцию, вцепился в шею, быстро сунул пару раз в бочину. Клёпа всхлипнул, попытался вывернуться, не сумел. Обманчиво обмяк, но тут же развернулся пружиной, выбросил вперед пальцы, метясь в глаза. Почти попал, оцарапав щеку, но следом получил два коротких хука в висок. Теперь обмяк по-настоящему, почти упал, но Митяй не позволил.

Подхватил в зажим, начал душить.

Вовремя заметил сверкнувшую в полумраке заточку, отшвырнул противника на асфальт, добавил вдгонку ногой, но пинок получился слабым, смазанным. Клёпа извернулся, снова оказавшись к нему лицом и в полный рост. С разбитой брови капала кровь, идиотская улыбка исчезла с лица, в глазах зажглись недобрые светлячки. Покачивая ножиком, он мягко двинулся вперед.

– Бляха-муха, Митяй, я же просил... – до этого дрались молча, только пытая и охая, и теперь негромкий голос извращенца, казалось, натурально прогремел на весь плац. – Уверен, что хочешь этого? Или, лошара, сам не можешь, так завидно?..

И во второй раз Митяй ничего не ответил. С легкостью ушел от пробного, размашистого и широкого удара, сдал на пару шагов назад. Рука юркнула за пояс, нащупала нож – один из двух армейских, найденных на телах самоубийц. Настоящий меч против самодельной заточки.

Потом долго кружили по пустырю за кухонным блоком, это Митяй запомнил хорошо. Выжидали, примерялись. В какой-то миг он даже подумал, что драку сейчас обнаружат и поднимут тревогу, чтобы разнять сцепившихся, но всё произошло слишком быстро, чтобы заметили стражники или даже собаки.

Клёпа рискнул первым, атакуя комбинацией из нескольких уверенных ударов. Но Митяй оказался быстрее. Опытнее. Злее. Он выжил и победил, дав выход всему черному, что скопилось внутри.

Ушел в сторону, увернулся от выпадов, позволил лезвию противника полоснуть по рукаву куртки. А затем ударил один раз, но очень сильно и метко, вспоров горло Клёпы от правой ключицы до левой скулы. Булькая и пытаясь сжать расплывающуюся плоть, тот еще немного пошатался. Сделал неуверенный шаг, еще один, а затем упал лицом вперед в грязную лужу, уже начинавшую подмерзать с краев...

Напильник сначала обезумел. Кричал, всё порывался схватиться за автомат. Успокаивали сразу всеми старшаками, переположили половину лагеря. Разумеется, директор знал о пагубных привычках помощника, но убийство своего, кропоткинца, было одним из самых страшных преступлений в его крохотной детской империи. Митяй, сидящий на стуле напротив друга, равнодушно ожидал расправы. Сам ведь пришел сознаться, ничего не скрыл, а ведь мог бы за ограду – и ищи ветра в поле.

Директор это, в конце концов, признал и осознал. Правда, к тому времени убийца Клёпы почти три дня провел в холодном карцере, но это ничего. Еще и не в таких местах приходилось ночки коротать, Митяй был привычным. Да и доброжелатели помогли...

А затем директор рассудил единственно возможным способом.

Изгнание.

Навсегда, без права возвращения. На произвол жестокой судьбы, на все четыре стороны, с минимумом вещей и жратвы, без оружия и лекарств. Ан нет, не выдержало в итоге сердце, вот какой подарок сделал...

Митяй услышал, как за спиной закрываются ворота. Посмотрел в неприветливое небо, готовое разродиться то ли дождем, то ли мокрым снегом. И зашагал от Кропоткина прочь, еще не очень представляя, куда держать путь.

CREDITUM XI

Давно, очень давно они жили своим укладом. При необходимости Варвара могла бы вспомнить всех своих прародительниц до двадцатого колена, так давно это началось. Жили в глуши, выбираясь в большие села и города только для того, чтобы найти себе мужчину, делящегося. А затем возвращались, храня под сердцем новую звездочку, яркую и сильную. Живое тепло, идущее по стопам всех женщин их рода.

Именно благодаря этому образу существования Варя и не понимала, почему пару зим назад люди вдруг стали делить свою жизнь на две половины. Проводить глубокую, как борона, черту, отделяя то, что было *раньше*, от того, что стало *сейчас*.

Да, конечно, лес-батюшка вздрогнул, сотрясся, роняя могучие сосны и вставая на дыбы норовистым жеребцом. Вспухли новые сопки, кое-где земля просела низко-низко, изломавшись и растрескавшись. Появились новые речки, горячие источники, в которых так хорошо купаться или стирать одежду. Но и это не стало для женщин отправной точкой, за которой жизнь вдруг превращалась в лютого врага. Этой точкой стало раннее утро, когда бабушка обманула ее, выпроводив из дома, отправив на проклятую Кривую Косу, на которой и посылка-то не ждала...

Вот тогда всё изменилось. Прорвало привычный ход вещей, навсегда перечеркнуло прошлое. Вышвырнуло на берег, будто рыбину, по первости заставляя жадно глотать чужеродный воздух, сжимая сердце в болезненный комочек. И плакать, плакать беспрерывно, пока не высохло тело.

Это утро Варвара не забудет никогда, пройди еще хоть сто зим. Не забудет, как бабка спасла ее, углядев беспощадное зло в наступающем рассвете.

Сейчас, сидя на поваленном бревне и замороженно глядя на просеку для саней и вездеходов, Варя снова и снова вспоминала тот день. Опустошенная, одинокая, раздавленная в лепешку...

О том, что ее обманули и что-то *не так*, она поняла за пару верст от дома, уже вышагивая по таежной тропке. Шла уверенно, привычно, мысленно беседуя с окружающим лесом и делясь с ним последними новостями. Он-то и намекнул, что близится неладное. Мелькнула тревожно белка, застрекотала сорока, и девушка – дивной красоты девушка, не прожившая на безгрешной земле и восемнадцати зим, вдруг встала как вкопанная.

Глаза ее распахнулись, дыхание прервалось, рот приоткрылся. Варвара обернулась, как будто могла рассмотреть их скрытый дом через стены темно-бурых великанов, обступивших тропу. А затем побежала обратно, уже не заботясь о том, как сохранить силы или не стоптать подошвы.

О том, что ничего не сможет поделать, поняла чуть позже, когда добралась. Тогда же хлестнула жгучая мысль, что нужно прятаться, иначе заступничество Любавы будет напрасным. Она ясно услышала ее низкий голос, спокойный, но строгий.

– Стой, внучка. Прячься, миленькая, всё будет хорошо...

И зайцем нырнула в кусты, припадая к твердой заиндевевшей земле.

Вездеходов было два. Судя по отвратительному запаху и маслянисто-черному дыму, коптящему воздух над избой, работали машины на дерьме. Таким же оказалось и содержимое.

Один за другим два компактных «Пионера» вкатились на пятак, условно считавшийся

внутренним двориком. С ревом, гулом и струями дыма. С гиканьем людей, высовывающихся из приоткрытых окон. Машины были модернизированы, но грубо, топорно, абы как. Наваренные со всех сторон листы жести превращали вездеходы в боевую технику, защищая пассажиров от пуль, поручни и сиденья позволяли желающим ехать прямо на крыше.

Перепахали двор, крутанувшись на месте, сломали заборы и прыснули вооруженными, по-хозяйски спрыгивавшими с высоких зубастых гусениц. Мужчин была дюжина, все с ружьями или арбалетами. А еще, что отныне заставляло Варю до ломоты стискивать зубы, поражаясь гнилости душ и сердец, там были две женщины. Тоже вооруженные, в удобной походной одежде, они олицетворяли для Варвары образ нового, ранее незнакомого ей мира. Жестокого, бесполого, коварного и не имеющего никаких якорей или правил.

Любава вышла к непрошеным гостям спокойная и улыбчивая, вытирающая мокрые руки подолом передника. Знала, предчувствовала, как это было заведено издавна, а потому и не пыталась укрыться от судьбы. Пусть и такой недоброй.

Старушка встала на крыльце, такая сухая и крохотная, но еще крепкая и готовая ко всему. Взглянула на восток, куда отправила внученьку, но взгляд спрятала, чтобы ненароком не догадались... Интересно, почуяла, что внучка близко, в нескольких сотнях шагов?

Хозяйка заимки что-то спросила у пришлых, негромко и вежливо, как и прожила жизнь.

Ей ответил самый высокий, которого Варя сразу записала в вожаки. Именно за его спиной толпились, переминаясь с ноги на ногу, еще четверо, включая женщин. Остальные же, с любопытством осматриваясь, разбрелись по двору. Один открыл кривенькую дверь сарая, загремев инструментами, а еще трое расхлябанной походкой направились к коровнику.

Варвара закусила губу, совсем не чувствуя слез, катящихся по лицу. Тем проклятым утром она еще не оставляла надежды, что бабушка Люба сумеет договориться с лихими людишками. Зашептать, после чего те уйдут и всё останется, как прежде...

Любава покачала головой, словно сетуя на неразумность гостя, и задала новый вопрос. Вожак что-то сказал, отчего шайка захохотала так, что услышала даже Варя в своем укрытии. После этого шагнул вперед, отталкивая старуху с дороги, и бесцеремонно прошел в дом. Четверо последовали за ним, причем одна из женщин добавила бабке тычка, чтобы не мешалась.

Теперь Варя рыдала почти в голос, даже не опасаясь, что ее могут заметить. На губах оставались отметины, назавтра налившиеся настоящими кровоподтеками, но девчонке было наплевать. Не в силах смотреть, но и не в состоянии отвести взгляда, она наблюдала за тем, как рушится ее привычная жизнь.

Двое бандитов, над чем-то посмеиваясь, выводили из пристройки верную Ластенку. Корова чуяла недоброе, мотала головой и жалобно, с каким-то незнакомым ранее надрывом мычала, упираясь всеми ногами. Следом появились еще несколько мужчин, держащие под мышками кормилец-квохтушек, а последний нес коробку с яйцами.

Мелькнула мысль, что теперь жить станет труднее. Многим труднее. Может быть, и совсем не жить, если к зиме на хуторке не появятся новые звери. Варвара наблюдала, как бандиты уводят скотину, позволявшую им выживать, и машинально, почти не цепляясь за печальные мысли, раздумывала о том, что придется просить помощи деревенских. Ну да ничего, лето на носу, что-то придумают, главное – не унывать, да и лес всегда поможет...

Любава кинулась на чужаков, когда мужики принялись скручивать головы кур. Ухватила лопату, стоявшую возле входа в дом, ту самую, которой еще совсем недавно убирала со двора снег, обнажая пятак для весеннего солнца. А потом всё произошло так быстро, что Варвара не успела даже вскрикнуть.

Бабушка с немыслимой для своего возраста прытью подскочила к ближайшему бандиту, забросившему ружье за спину. Широко размахнулась и впечатала деревянный штык прямо в удивленную рожу, покрытую язвами. Что-то хрустнуло, словно об колено ветку переломили, на черенок брызнуло красным, и мужик завалился на спину, хватаясь за лицо.

А затем щелкнул выстрел, один-единственный, но такой громкий... После которого наступила тишина. Полная, кремешная тишина, окутавшая оцепеневшую Варвару ватным одеялом, отрезавшая даже звуки любимого леса, не сумевшего защитить...

Любаве выстрелили в затылок, и сделал это сам вожак, показавшийся на крыльце. Грабители высыпали на улицу, и девчонка заметила в чужих руках нехитрый скарб, которым была богата их изба. Убирая пистолет в набедренную кобуру, вожак отшвырнул в сторону свою драную шапку, примеряя обновку. С полнейшим безразличием Варя увидела, что это ее собственный малахай, не раз сберегавший уши в самый лютый мороз.

К раненому бандиту подошли двое, притащили аптечку, принялись обрабатывать рану. На лежащую посреди двора женщину с пробитым затылком никто даже не смотрел. Уже потом Варвара думала, что так и должно было остаться. Бандиты должны были забрать скот и птицу, выпотрошить сундуки и подпол, а бабуку оставить там, где и убили. Оставить, чтобы Варвара смогла похоронить, попрощаться, сказать последние слова... Всё произошло совсем иначе, и в отношении Любавы у бандитов, увы, тоже имелись свои планы.

Окаменев, не чувствуя ни рук, ни ног, девушка просидела в своем укрытии почти до вечера. То, что она видела, навсегда отпечаталось в ее памяти, чуть не сведя с ума. Осталось выжжено на сетчатке глаза, как это себе делают люди из городов и Анклавов. Засело в сердце огромной каленой иглой...

Как оказалось, лесные бандиты не собирались уводить Ластенку с собой, как подумалось вначале. Растащив небогатые поленницы, найденные в сених и за домом, они развели перед избой огромный костер, на который установили сразу три закопченных котла. Затем закололи буренку, наперво привязав к вездеходам, и принялись свежевать тушу. Когда всё было готово, чужаки принялись варить тушенку, вялить и солить. Экономно, бережливо, стараясь не израсходовать попусту ни один кусок мяса или потрохов. В том числе и человеческих.

Варвара помнила, что бабушку разделявали трое, в том числе одна из женщин. А вот когда пыталась восстановить в памяти картину, сознание услужливо размывало всё до непрозрачности, пряча жуткие образы подальше, как это было в повторяющемся кошмаре девушки.

Чужаки управились за пару часов, прямо в котлах смешав несколько видов мяса, кости тоже сожгли вперемешку. Обезумевшая Варвара, замшелым камнем просидевшая в кустах почти двадцать часов, видела каждую деталь процесса готовки, улыбки на довольных лицах добытчиков и слышала запах варева, от которого ее дважды болезненно рвало желчью.

Она пыталась отвернуться, но не могла. Хотела выйти к этим ужасным людям и попросить убить ее, причем дважды просить бы не пришлось, – но не могла встать, вспоминая о поступке Любавы. Тогда пробовала смотреть внимательно, насилуя себя зрелищем, подмечая любые подробности, чтобы перегруженное шоком сознание потухло, погрузилось во мрак, – не выходило. Несколько раз порывалась покинуть укрытие, вернувшись в тайгу, но оказалась не способна и на это. Что-то паскудное, червивое и липкое в светлой девчачьей душе требовало досмотреть до конца. Увидеть, как в ее прошлой жизни будет поставлена точка, жирная и неоспоримая.

Она досмотрела. Все-таки проваливаясь в короткие обмороки, но приходя в себя и снова наблюдая за убийцами. Досмотрела, всё это время мысленно прося прощения у бабы Любы. И столь же горячо благодаря ее за свой обман, не позволивший им *правильно* проститься.

Когда тушенка была готова, ее закатали по десяткам пустых банок, заботливо хранящихся в багажниках «Пионеров». Сгрузив мешки с грабленным добром и свежей солониной, бандиты покинули хутор. Подожгли дом, бросив всё, что не посчитали нужным, и уехали, коптя вечернее небо струями ядовито-черного дыма.

Всё это произошло невесть сколько дней назад. Всё это произошло только что, сию секунду, так свежи были образы. А теперь она одна, совсем одна идет через ставший мрачным лес, даже не представляя, куда ведут ноги.

Лес, конечно, не выдаст. И накормит, если будет нужно, и напоит, и спать уложит в теплый ельник. Но ради чего? Что теперь делать ей, одинокой девчонке, на глазах которой убили единственного близкого человека? Убили ради того, чтобы съесть.

Ничего, способного пригодиться ей в странствии, девушка на пепелище не нашла. Да и не нужно было в общем-то. Любава чувствовала, знала, готовилась. А потому собрала свою внучку в дорогу, спрятав в вещевой узел всё, что посчитала нужным или ценным. Еда на несколько дней, фляга, спички и соль, какая-то одежда и небогатая казна, что хранилась у женщин-отшельников для торговли с деревенскими. И еще фамильные ценности, передававшиеся из поколения в поколение. Небольшой охотничий клинок с костяной рукояткой и латунными набойками. В тертых кожаных ножнах, украшенных медвежьими зубами, – добрый нож. И матрешку на девять куколок, безумно старую и истертую, но всё еще яркую рисунком.

Выбравшись из развалин, Варвара заглянула на кладбище. Родовое, секретное, в сотне шагов по особой тропе. Нельзя покидать дом, не попрощавшись с родней... Ряд из десятка холмиков, хранивших пепел женщин ее рода, молчал, так ничего девушке не посоветовав. Бабушка, да и внучка никогда не присоединятся к своим предкам – сначала в огне, а после в старинной земле. Всё, что осталось в ее власти, – прикопать горсть пепла, в котором смешались смерти человека и животного...

Сначала Варя думала пойти к деревенским. Рассказать, как всё произошло, и просить помощи. Конечно, сейчас у любого «хата с краю», так было всегда и стало еще более демонстративно за последние пару зим. Но ведь не прогонят же в лес бездомную девку, способную помогать людям?

Но до ближайшей деревни, когда-то носившей название Антоновки, она так и не добралась. Свернула на нехоженые тропы, передумав. Не могла сказать точно, чем руководствовалась, страхом или стыдом, но к людям не захотела. Их семья, считавшаяся ведьмовской и безумной для любого постороннего, всегда относилась к чужакам настороженно. Встреча с бандитами многократно усилила материнские рассказы о работорговле, людоедстве и человеческом коварстве.

Поэтому пошла в лес, прося у него защиты и пропитания. Тратила провизию экономно, бережливо, пусть только крошками, но обязательно разделяя трапезу с тайгой, да еще заговаривая добрым словом.

И тайга ответила, она не могла смолчать. Тайга никогда не была злой, опасной или подлой. Никогда не была способной прикончить просто так, обмануть, завести в ловушку. Только не Варвару...

Конечно, убивали и тут. Сильный охотился на слабого, пожирая его. Немощный или калечный погибал почти сразу, раненый почти не имел шансов на выживание, так что мягкостью нравов лес похвастать не мог. Волки, медведи, россомахи, рыси, лисицы да новое ужасное зверье, раньше никогда не водившееся в сибирских лесах, – все они были опасными соседями, способными на расправу быструю и болезненную.

Но древние чащи жили по своим простым законам, которые Варя умела почитать. Жили по законам, нарушить которые мог только человек, самое непредсказуемое и опасное существо из всех живущих. Существо, изначально не умеющее ничего почитать...

На Сибирь со всех сторон наступала весна. Длинные снежные языки еще белели в низинах, куда не могло добраться солнце, но на взгорках и полянах земля открылась, медленно прогреваясь. Иногда шли дожди, но короткие, даже не успевавшие намесить грязи. Один раз ночью выпал тонкий слой снега, растаявший уже на рассвете.

Тропы сами стелились под ноги, доводя то до горячего источника, то до ледяного родника. Еще через несколько дней нашла беличье гнездо, запущенное хозяином, но так и не обнаруженное его сородичами. В дупле оказалось вдоволь орехов и сухих ягод, которых Варя набрала с молчаливого позволения деревьев. Еще через день наткнулась на тушку зайца, по какой-то причине не тронутую убитым зверьком волком. Однако от этого подарка пришлось отказаться – один вид мяса сразу вызывал в памяти такие картины, что желудок

выворачивался послушной наволочкой. Поблагодарив, Варя оставила тушку на месте, двинувшись дальше.

Рысь, вышедшая на охоту и встреченная ею под вечер следующего дня, только проводила девушку взглядом сверкающих глаз. Хищница была напряжена и заметно нервничала, скаля клыки. Но напасть всё же не посмела, пропустив без преград. Варвара объяснила ей всё, как смогла, убедив, что остроухая добытчица сможет найти себе другую жертву. Поблагодарила, безбоязненно повернувшись спиной.

Хищник, живущий по законам, не страшен. Страшен тот, кого нельзя предсказать. А поэтому девушка с ужасом представляла себе день, когда ей придется нос к носу столкнуться с самым опасным чудовищем, населявшим сибирские земли. Она до дрожи в коленях боялась дня, когда, рано или поздно, ноги вынесут ее ко встрече со своими сородичами...

CREDITUM XII

«...именно поэтому официальный Санкт-Петербург снова и снова подчеркивает, что не готов к силовому решению вопроса. Вспомните, что сказал Президент на прошлой неделе? Он сказал, что в переговорах с сибирскими регионами наверняка найдутся пути конструктивного и, подчеркиваю, политического решения возникших проблем. И что «Звездный путь», прокладываемый китайцами через Сибирь, еще послужит стратегическим интересам страны. Какой из этого можно сделать вывод? Что у главы нашего государства есть рычаги воздействия на бунтовщиков, причем отнюдь не ракетные. Почему он не пользуется ими сейчас? Ответов может быть сотня. Взгляните, во что превратилась наша армия после Инцидента? Взгляните, что стало с инфраструктурой, с дорогами и линиями снабжения... Посмотрите, как стремительно увеличивается география и зона влияния Анклава Москва. Я, может быть, не до конца придерживаюсь этой точки зрения, но большинство моих коллег считает, что нападение на Сибирь сегодня, вот прямо сейчас, равносильно губительным агрессиям диктаторов прошлого, сломавшим о Русскую землю не один зуб...»

Ростислав брезгливо сморщил нос, выключая телевизионную панель. Они сколько угодно могут болтать о том, что вопрос с непокорной Республикой будет решен без применения силы, потому что *знают, как*. Единственная причина, очевидная любому умному человеку, – страна еще не оправилась. А без сибирских заводов, людских ресурсов, налогов и полезных ископаемых не оправится еще долго. Сейчас, злобно поглядывающие друг на друга, Сибирь и вся остальная Россия начали гонку по восстановлению потенциалов, и кто первым эту гонку победно завершит, тот и станет диктовать условия.

Как бы дико это ни звучало, но отдельную благодарность Ростислав возносил и Мертвому. После случившегося на Станции доктор Кауфман, казалось, решил радикально преобразить Анклав. Расширял сферу влияния, физически увеличивал географию. Теперь Москва – уже не обычная корпоративная крепость на теле страны. Отныне она – гигантский фильтр, через который на Станцию стекаются людские реки паломников «Наукома». Пока Россия не решит, как реагировать на неумную активность Мертвого, начала внезапных боевых действий можно не ждать...

Ростислав взглянул на свое отражение в темном экране погасшего телевизора. В общем-то, подобные аналитические передачи, состоящие из пропаганды и намеков на суицидальность отделения, льстили Гилярову. Они раз за разом доказывали, что выбранная им и его кабинетом политика верна, а новая беда еще не торопится дышать в затылок. Однако передача мешала, отвлекала от переговоров и размышлений, а потому он прервал эксперта по внешней политике на самом интересном месте.

– Что говоришь? Да отвлекли тут меня, повтори-ка последние две цифры! Ага, понял.

Вести государственные дела из мобиля было не очень удобно. Сеть опять упала, поднять ее машинисты администрации обещали не раньше чем через пару часов. Пока же приходилось управляться сразу с двумя спутниковыми коммуникаторами «Наукома», от

руки делая рабочие пометки в планшетном ежедневнике.

– Нет, я понимаю. А должно быть четыре сотни, понимаешь? Вот чтобы нашел! Излишки убирай, да под замок. Охрану из казачков выставь. Хоть одна тонна пропадет к зиме, шкуру спущу, ясно? Всё, действуй...

За окнами кортежа плавно обновлял пейзажи Новосибирск, но в этот раз Ростислав почти не обращал внимания на штанги подъемных кранов, дорожную технику или десятки рабочих, продолжавших восстанавливать город. С каждым новым весенним днем, более и более теплым и пригожим, забот становилось всё больше, заваливая с головой.

Однако яркие, украшенные лентами и голографическими открытками мобили его интерес всё же вызвали. Свадебный кортеж катил навстречу, сигналя шумно, весело, громко. Ростислав заметил центральную машину с невестой, высунувшейся в открытое окно, несмотря на морозец. Раскрасневшаяся от счастья и вина, она улыбалась, маша рукой проезжающим мимо водителям. Из верхнего люка выглядывали жених и свидетель, тоже опьяненные, с развевающимися по ветру галстуками. Свадьба – это хорошо. Возвращается привычная жизнь, как заведено было веками. К слову, позавчера Президент встречал похожий кортеж. Значит, не замерла жизнь столицы...

Но свадьба укатила, а насущные дела навалились с новым азартом. Продолжая принимать отчеты и выдавать распоряжения по коммуникатору, Гиляров даже не заметил, как мобили вкатились на третий, самый высотный ярус Каменской магистрали. «Умели же строить в прошлом», обычно думал в этом месте он, рассматривая треснувшие, но устоявшие опоры...

Вдруг вернувшись мыслями в далекий августовский день, Ростислав даже отложил планшет. Вспоминать было тяжело, страшно, от этого сразу холодели ладони и на лбу выступала испарина, но иногда Президент Сибири намеренно заставлял себя в красках восстановить, как это было. Увидеть, чтобы в обновленной яркости ощутить, какую ответственность отныне несет за выживших.

Тряхнуло, конечно, в первую очередь в Кемеровском посаде, до Новосибирска докатилось волной, ударило эхом с юга. И если Кузбасс или Алтай, стоявшие на сейсмоопасных плитах, фактически перестали существовать как провинции, то главному сибирскому городу повезло куда больше. Конечно, плотина, построенная чуть выше мегаполиса, вытерпела не все удары, но по сравнению с бедствиями того же Красноярска наводнение было сущим пустяком.

После потопа полыхнули пожары. За ними – паника и мародеры. Счет жертв пошел на тысячи. Обвалились главные символы города – Оперный театр и деловой небоскреб «Богатство Сибири». Сеть рухнула, как боксер после нокаута. Из пяти городских мостов через Обь уцелели только три, самые современные. Службы спасения сбились с ног, в гибнущий город вошли войска.

Хаос, зародившийся на Кольском полуострове, ударил бездумно, дико, с яростью первобытной стихии. А еще чуть позже здесь вдруг поняли, что помощи от федеральных центров ждать не придется, ведь там масштабы катастрофы не шли ни в какое сравнение с местными.

Сколько Ростислав ни терзал память, никак не мог припомнить, кто первым предложил полагаться только на свои силы. Фамилии тех, кто уже через месяц после Инцидента подтолкнул его к решению и дальше двигаться в одиночку. Его замы, какие-то военные, безопасники и верхолазы – их было немало. Завертелось, закрутилось, умылось кровью бандитов и тех, кто хотел пожить на человеческом горе. И когда центр всё же проснулся, пытаясь подсчитать ущерб, они уже осмелились...

– Мы не можем их не впускать! – батарея в коммуникаторе нагрелась от постоянной работы, грозясь вот-вот иссякнуть. – Чипуйте всех. Да, вскрывайте резервные хранилища, пусть атаман Кудрявцев лично распорядится, но впускайте всех. Ты пойми, Иваныч, что, если мы им откажем, они же снова уйдут в леса. Тебе вот нужно, чтобы к следующей зиме у Куниц появились новые отряды? И мне не нужно! Все, я сказал! Выдать памятки с законами,

вшить «пилюли» и впускать. У нас не Анклав какой-нибудь, чтобы стеной отгораживаться... Да ты же сам мне к осени спасибо скажешь за эти тысячи рабочих рук. Всё, исполняйте.

Гиляров взял в руки второй аппарат, потренькивающий вызовом. Важным вызовом, одним из самых ценных в жизни.

– Да, милая. Всё в порядке, работаю. Да перестань ты, другим хуже. Хорошо, обещаю... Как дети? Ну, Семену привет, пусть не скучает. Да, если получится, сегодня пораньше. Видела уже? Ну и как? Купол почти закончили, к концу лета восстановим, да. А ты отвечай своим дурам, что восстановить театр многим важнее, чем тепловую сеть. Да, прямо так и говори. Это ж символ, как твои подруги не понимают? Скажи, это мои слова, да. Символы людям помогали выживать и в более тяжелые времена. Кто? Пусть покупает, да. Ну, всё, солнышко, – он вчитался в список вызовов на первом коммуникаторе, – мне работать пора. Детей поцелуй.

Иногда он ощущал себя чудовищем. Настоящим чудовищем, не имеющим права топтать землю. Особенно когда сам целовал младшеньких, укладывая их спать. Старался улыбаться, смотреть ласково, а у самого на сердце скребли железными когтями дикие звери, напоминающие о поставках на север. Тогда он снова и снова приказывал себе вспомнить о долге, о миллионах сибиряков, о лежащей в руинах станции под Северском. И загонял совесть поглубже, где ее никто не сможет разбудить.

Даже он сам.

Даже собственные дети.

«О Аллах, Царь в День Воздаяния. Лишь тебе поклоняемся и просим о помощи. Веди нас по прямому пути, а не дорогой заблудших...»

– Хорошо, пусть выполняют. Нет, Троллейный не трогать, а Северо-Западный пусть разбирают. Да, полный демонтаж, до последней трубы и мотка кабеля. Остались? Казаков туда, пусть силой выселяют, нам еще эпидемии не хватало... Валера, ну ты что, в конце концов?! Я-то почему должен такие мелочи контролировать? Может, мне еще самому поехать трубы выкапывать и на новый монтаж везти? Не беси меня, ладно? Да, мое распоряжение, Кудрявцев с Бугаевым подтвердят...

Кортеж приблизился к зданию Сибирского Правительства и Думы, где и до Инцидента заседал наместник Гиляров и региональный парламент. Мобили охраны уже парковались во внутреннем дворе, безы высыпали из них, как горох из стручков, но сам Ростислав покидать машину не спешил.

Развернул экран встроенного в салон коммуникатора, отгородился от водителя дополнительным щитом, имевшим тончайшее нанопокрытие. Только после этого ответил на новый вызов.

– Ростислав Михайлович, аналитика закончена, – вместо приветствия произнес сухошавый старик, сидящий перед камерой коммуникатора в неудобном лабораторном кресле.

– И тебе не болеть, Львович. – Ученый на экране был одним из немногих людей на планете, способных позволить запанибратство в отношении Президента Сибирской Республики. – Давай только кратенько, у меня кабинет министров через пятнадцать минут.

– Прости, Михалыч, старика, совсем закрутился. Здравствуй и ты, – Семен Львович запоздало улыбнулся, хотя больше напоминало дегустацию кислых слив. Ростислав не обиделся, потому что профессор всегда выглядел именно так – мрачным мизантропом, которому еще и наступили на ногу. – Рассусоливать не буду.

– Ну, тогда рассказывай...

Они были на «ты» давно, так повелось еще в *старом* мире, заживо прогнивавшем и с надеждой смотревшем в рот корпорациям. Он – наместник регионов Западной Сибири, и Семен Львович Пономаренко, академик, настоящий гений и директор Наукограда, мостившегося под боком Новосибирска.

Золотой, бриллиантовый Пономаренко, один из редких самородков отечественной науки, так и не утекший под крыло корпораций. Не променявший родной Академгородок на

маниящие теплом Анклавы. Терпевший от родной страны лишения, притеснения, недостаточное признание и не самое богатое существование семьи. Но не уехавший, а оттого заслуживший настоящее уважение Гилярова. Уважение и, если так можно сказать, дружбу. К которой сегодня добавился проект, повязавший обоих на крови. Проект, которому они были готовы продать свои черствые циничные души...

– Наши коллеги не будут делиться секретами, найденными в лаборатории, – сразу, без лишних предисловий, начал старик. – Мой отдел анализа изучил данные, присланные тобой. Прогнали на мощных машинах, подключили психологов. Учитывая время, стиль ведения переговоров и множество сопутствующих факторов.

– Это что же? – Гиляров задумался, вдруг осознав, что особенно и не удивлен. – Они хотят нас обмануть?

– Не совсем, – с лишней резкостью ответил Семен Львович, постучав по горбатуму носу кончиком пальца. – Проект они, по нашим предположениям, завершат. Всё необходимое... оборудование, образцы и технологии предоставят. Но вот дальше договоренности будут нарушены, это мои психологи предсказывают с вероятностью в 81%.

– Ясно... – протянул Ростислав. – Понял, буду думать. Как там у тебя вообще?

– Да неважно, – старик опять скривился, на этот раз совсем не в улыбке. – Людей не хватает, четвертый цех сдадим не раньше мая...

– Будут тебе люди, я похлопочу, – прищурившись, пообещал Гиляров. – Сегодня же похлопочу, с тобой Тимирязев свяжется.

– Было бы нелишним. Это всё, Ростислав Михайлович, не смею более тебя задерживать...

Связь отключилась еще до того, как Президент успел попрощаться. Вдохнул, покачал головой. Как и в Новосибирске или регионе вообще, восстановление порушенного у Пономаренко шло слишком медленно. Но город обязательно выделит людей, даже если для этого придется снимать бригады со строительства дорог или жилья.

Глупцом был тот, кто неверно оценивал потенциал Наукограда. Особенно сейчас, когда все его разработки оставались в Сибири, не поставляясь в Питер налогами или в приказном порядке. Особенно сейчас, когда корпорации больше походили на побитых собак, зализывающих раны. Когда в Сибирь потекли китайские деньги, оплачивающие «Звездный путь». Сейчас, когда от деятельности старика и его ученых зависит будущее их новой страны.

Гиляров глупцом не был, причем ни до Инцидента, ни сейчас. Кому-то, наверное, могло подуматься именно так, но со стороны многое видится искаженным. Виделось и три года назад, когда на восстановление и спасение Академгородка наместник бросал все новые и новые силы, иногда вопреки более актуальным задачам.

И ведь спас. Уберег, сохранил. А теперь приумножит, заставив считаться с наработками не только федералов, но и многие корпорации. Дай только срок...

CREDITUM XIII

Зверем двигало чувство мести. Глубокое, свербящее, засевшее там, где обычно царствуют инстинкты размножения или охоты для пропитания. Это было не совсем родное чувство – еще сезон назад его порода не столь обуревалась новыми эмоциями. Но зверь не знал, не задумывался, не умел анализировать. Его толкала вперед дикая ярость к чужаку, так нагло ворвавшемуся в пещеру, и он был готов пройти хоть всю тайгу, но покарать обидчика.

Затаившись в корнях поваленного дерева, зверь высматривал. Выжидал, приняхиваясь, а в его необычной голове беспрерывно пульсировало – нагнать, поймать, уничтожить. Зверь был детищем нового мира, столь же бездумным и жестоким, как всё вокруг.

Сегодня он наконец-то нагнал добычу. Преследовал давно, почти не замечая, как дневной свет многократно сменялся ночной мглой. Несколько раз терял след, отчего бесился еще сильнее, рвал когтями древесную кору и рычал так, что на километры вокруг затихало

всё живое. Но снова находил, роняя с гнилых клыков пенную слюну, и шел вперед. Жертва была хитра, умна, что еще сильнее раззадоривало и требовало не жалеть сил.

Именно изворотливость двуногого заставила его затаиться. И это сейчас, когда до вожаемой цели оставалось всего ничего, только рванись в атаку! Но зверь залег, внимательно осматриваясь. Искажение крови, три весны назад ударившее по всей породе, не только покарало его род лишней мстительностью. Оно также наградило. Цепкостью ума, памяти, и еще подарило немало умений, так нужных в охоте.

Позицию двуногий выбрал удачную, в глубоком распадке, подобраться непросто, по одному краю засека из валежника. Зверь знал, что кроме блестящих клыков сородичи жертвы часто использовали нечто, ранящее на больших дистанциях. Именно так из жизни ушли его младшие братья, оказавшиеся менее расторопными и расчетливыми. Он не такой. Он будет выжидать, чтобы нанести всего один удар – смертельный.

Под лапами мягко проседала влажная почва, воздух пах щедрой смесью прелой листвы, талого снега, коры и приближающегося дождя. И еще страха, смешанного с потом и мочой того, кто сейчас умрет.

Осторожно, предельно медленно зверь подбирался к обреченному двуногому, ставя когтистые лапы так, чтобы не хрустнула ни одна веточка. Мышцы хищника были напряжены, глаза уже начали наливаться кровью, ноздри мерно раздувались, втягивая сотни ароматов, уши нервно подрагивали. Легкий ветерок, по течению которого подбирался зверь, ласково шевелил густую короткую шерсть, еще не успевшую набрать лоска после зимней спячки.

Двуногий не шевелился. Напуганный, загнанный в трещину на щеке холма, он до сих пор надеялся, что смерть пройдет стороной, минует, пощадит. Фатальная ошибка.

Теперь зверь не только чуял добычу, он хорошо видел ее – забившуюся в коряги на дне распадка, скрючившуюся так, что легко и не заметить. Подобравшись перед броском, зверь прижал уши, издал короткий рык и бросился вперед.

Ударил, подминая всем телом, уже не скрываясь, заревел в полный голос. Поднялся на задние лапы, брызжа едкой слюной, и снова обрушился на жертву. Бил, мял и кромсал, расшвыривая куски податливой плоти по склонам холма. И вдруг замер, сквозь пленку безумия ощутив, что не слышит ни запаха свежей крови, ни жалобных хрипов умирающего. А потом в его левый бок ударило так больно и неожиданно, что он взвизгнул, бросившись в сторону. Полоснул тонким воем по лысым веткам ближайших кустов, отмахнулся на удачу, пытаясь понять, что причинило боль.

Набитая травой шкура, сброшенная двуногим, клочками разлетелась в стороны, трещали ветки, а в бок опять кольнуло, залив шерсть липким и пахучим. Зверь бросился в сторону, в другую, уже не видя ничего вокруг. Сокрушил несколько молодых сосенок, подмял невысокую ель, съехал по рыхлому грунту на самое дно распадка...

Третья пуля Вебера все-таки цели не достигла. Нет, подвела не автоматическая винтовка, ее затвор был рассчитан на низкие температуры, а потому специальный механизм не давал металлу схватиться даже на утреннем морозце. Но что-то будто под локоть толкнуло, уводя ствол чуть в сторону.

Пуля прошла в каких-то сантиметрах от головы скитальца, расщепив гнилое полено. Затем животное, обезумевшее от боли и неожиданности, ринулось в сторону, выскочив из прицела. Илья развернулся, как мог быстро, но едва не потерял равновесие, в последний момент ухватившись за ближайшую ветку.

Скиталец двумя прыжками оседлал вершину холма. Он всё еще не видел стрелка, засевшего на дереве в четырех метрах над его головой, а потому пытался убежать. Раны, нанесенные «Смерчем», к сожалению, оказались несмертельными. Возможно, спасли необычно крепкие кости мутанта, возможно, его сердце располагалось не совсем там, где преподавали на уроках биологии в *старом* мире.

Подволакивая левую переднюю лапу, хищник взлетел на вершину, поднимая вокруг себя настоящий ураган из гниющих листьев и перемолотого валежника. Из пасти били узкие

струи пара, вылетавшего при разгоряченном дыхании. Он рычал, хлеща пеной, скалил клыки, отмахиваясь так, словно его атаковал целый рой диких пчел.

Убедившись, что сидит по-прежнему крепко, Вебер снова поймал скитальца в прицел. Удержал на целую секунду, надавил на спусковой крючок. И вдруг отжал палец, не дав бойку ударить в сердце капсюля. Поверх сложного прицельного прибора взглянул на исчезающего за холмом зверя. С удивлением подумал, что не хочет добивать хищника. Он ранил преследователя, тяжело и, возможно, даже смертельно, но добивать его не было никакой необходимости. Теперь скиталец уйдет, забудет про чужака, нарушившего границы его дома, прекратит погоню, позволив человеку спокойно продолжить путешествие...

И уже в следующий миг, когда темно-бурая тварь с серой спиной скрылась из поля зрения, Вебер вдруг проклял себя за нерешительность. За чужие, совершенно не свойственные его характеру сомнения, не позволившие нанести последний удар.

Он попытался рационализировать, размышляя, что сэкономил ценный патрон «Смерча», а может, и два, но это только вызвало раздражение. Стрелок позволил мутанту скрыться, не закрепил победу, и это будет стоить ему очень дорого, если скиталец всё же сумеет оправиться от ран...

Илья прислушался. Подранок продолжал удаляться, отчего рычание и вой становились всё тоньше и бледнее. Содрав шерстяной шарф, скрывающий лицо и не позволивший хищнику заметить его дыхание, Вебер забросил автомат за плечо, начал спускаться с дерева. Когда до склона оставалась пара метров, просто спрыгнул, умело приземляясь на мягкий дерн. Несколько раз присел, разминая затекшие ноги.

Распадок, выбранный для засады на скитальца, был похож на место сброса кассетной бомбы – вырванные с корнем кусты, глубокие шрамы в земле, оставленные могучими лапами.

Он наклонился, подбирая бесформенный кусок ткани. Вертя обрывок в руках, Илья мельком вспомнил про вкрапления нитей кевлайкры, которые когти мутанта только что изорвали, будто марлю... Человек вздохнул, отбросив лоскут. Для того чтобы охотник превратился в дичь, с гарантией угодив в силоч, пришлось пожертвовать отличной камуфляжной накидкой с капюшоном. Именно ее Вебер набил травой и ветками, предварительно обтершись тонкой тканью с ног до головы, а потом еще щедро обмочил. И ведь сработало.

Помотав головой в молчаливом споре с самим собой, он невольно нахмурился. Как он мог не выстрелить? Как мог дать уйти машине для убийства, способной вернуться в любой момент? Илья не понимал, что нашло на него в тот неприятный момент, и это совсем не радовало. Оснащая похудевший на несколько патронов магазин «Смерча», он с прищуром всматривался в бледно-голубое утреннее небо.

Как он и запомнил при первой встрече, хищник был отдаленно похож на помесь медведя и барсука. Больше на медведя, причем скорее не сибирского, а гризли, невесть как попавшего сюда из Штатов, – поджарый, с длинными ловкими лапами и отчетливой гривой, обрамлявшей шею. Сходство же с барсуком вызвали вытянутая морда, уши и серо-черный окрас спины. И еще упорство, с которым охотился или воевал мутант...

Рассматривая капли темной крови, украшавшие склон холма, Вебер раздумывал, не отправиться ли ему по следу. Увидеть, как скиталец умирает, чтобы продолжить путь в относительном спокойствии и перестать вздрагивать по ночам, вслушиваясь в темный лес. Задумчиво пожевав кусочек коры, Вебер вставил в «Смерч» полный магазин, мягко щелкнул затвором, выставил предохранители и закрепил оружие справа от рюкзака.

По здравому размышлению, охоту он продолжить не вправе – схватка с мутантом и так отняла у него слишком много незапланированного времени...

CREDITUM XIV

Фэн Вэйань вернулся ровно через сутки после беседы Султана и будущего «посадника»

Арсена. Вернулся ни с чем, зазря потратив патроны, – материалы, обнаруженные Ромашенко, были полны теорий и пустых предположений. Никакой конкретики, только выкладки, которых у Айбара и без того было полно. Просмотрев файлы, загруженные в его «балалайку» поднебесником, Темирбаев сразу впал в хмурое расположение духа. А ведь старик-геолог в своих поисках добрался почти до Снежногорска!

Думы тяжким облаком кружились над головой Султана, заставляя злобно сутулиться в кресле. Однако Фэн, и без того переживавший, что ему пришлось лишний раз оставить Тайгу, и не подумал выйти прочь, усевшись на привычное место.

– Как прошли переговоры с Арсеном, хозяин? – негромко поинтересовался он.

– А? – Темирбаев вынырнул из раздумий. Достал из стола бутылку кедровой настойки, стаканы, плеснул себе и помощнику. – Переговоры? Прошли, Фэн, прошли. Тупой ублюдок слопал наживку, заглотав крючок так глубоко, что скоро он покажется у него между ног. Гораздо больше меня тревожит Новосибирск...

Айбар допил залпом, рассеянно отставляя стакан, в то время как китаец глотал мелко, явно наслаждаясь. Усталый Вэйань даже не успел переодеться, поднявшись к хозяину сразу после возвращения в город. Пах конским потом и свежим черноземом, налипшим на подошвы ботинок.

– У нас есть что бросить им для успокоения, – осторожно предложил воин с бельмом на глазу, покачивая стаканчик в руке.

– Этого хватит, только чтобы отбить новую поставку.

– Тебе снова удалось развести их на деньги, хозяин?

– Да, удалось... – судя по голосу, Султан был не очень доволен заключенной сделкой. – Новая партия алкоголя придет уже через месяц. Фирменного, зарубежного. Еще они обещали новых девок, элитных трансеров из лучших эротических салонов... Новые наркотики. А я пока только и сумел, что слить Наукограду данные о теоретическом возвращении малопарафинистой «чернухи» с абстрактными координатами, да еще кое-что по метану...

– Мы водим их за нос не первый месяц, будем водить и дальше, – чинно кивнул Вэйань. Мир мог рушиться вокруг него, но интересы хозяина всё равно оставались на первом месте.

– Видишь ли, в чем дело, дружище... – Султан уставился за открытую балконную дверь, поглаживая усы. – Я уже устаю обманывать господ ученых...

– Не узнаю тебя, хозяин.

– Возможно. – Айбар кивнул. – Нервничаю. Уже на самом деле хочу найти проклятую нефть. Хочу получить мешок денег, оседлать коней и... Фэн, мне очень нужна кость побольше, чтобы злой зверь не откусил руку. Такими подачками столица долго сыта не будет... А тут еще такое, – он взмахнул рукой, сетуя на покойного Ромашенко и его данные, не представлявшие почти никакого интереса.

О, как бы Султан хотел, чтобы в Тайгу нагрянули представители корпораций. Наплевать, кто именно, хоть сам чертов Кауфман. Но если бы за его посад взялись серьезные игроки, сорванный банк бы можно было мерить миллиардами юаней.

Он был бы рад любой из известных корпораций. Любой из новых корпораций, построенных на руинах рухнувших колоссов. Представителям поднебесников, решившим зайти на своенравного Султана не с позиции шпионажа, а простым подкупом. Вудуистам, в прямом смысле прощупывавшим почву по всему миру. Федералов со счетов Айбар тоже не сбрасывал – если в Питере узнают, что Сибирь снова полна нефтью, проблемы с Республикой разом станут приоритетными, а под Омском зафырчат моторами танковые дивизии. Ну и последняя, самая заветная мечта...

Самая трепетная, поверить в которую было так сладко, но так опасно. Консорциум. Когда-то всемогущий Консорциум, пытающийся выжить на новой Земле, как и любая другая фирма или система. Он обладал всеми необходимыми ресурсами, чтобы даже на самом верху прикрыть кое-кому глаза на возобновление добычи, вплоть до уровня Президента. Пусть на время, но прикрыть. Он же обладал способностями вывезти «чернуху» за пределы Сибири –

в способностях контрабандистов не сомневался никто, шла ли речь о тайном провозе «поплавка» или танкера свежайшей малосернистой нефти...

Ах, как было бы чудесно, если бы к Темирбаеву пожаловали представители Консорциума. Или, например, Ассоциации – вдруг те решили расширить зоны интересов?

Султан взглянул на помощника, с удивлением отметив, что Вэйань еще здесь, терпеливо наблюдает за своим хозяином. Пусть сидит, попивает настойку, он заслужил передышку. Да и думать китаец не мешал, в отличие от Пружинки, умевшего очень громко грызть ногти...

Новое рождение нефти стало таким же сладким мифом, как дороги в Рай-вне-Земли, якобы открытые на полигоне «Наукома». Мифом, в который так сладко было верить, но правду о котором знали лишь избранные.

Да, мир сдвинулся. Чуть не треснул по шву, заставив гулять древние плиты, на которых покоились континенты и океаны. А это, как сразу рассудили умные люди, может привести к тому, что старые источники снова наполнятся. К тому, что появятся новые источники.

Темирбаеву было откровенно наплевать, что найденные ресурсы приведут к очередным Нефтяным Войнам. Вон, в Среднеазиатском море принялись бурить, так пусть себе стреляют. Он же хотел найти, продать тайну и уехать из суровых лесов, забыв о годах поисков, как о страшном сне. Он хотел стать верхолазом, почистить генокод, купить дом в Цюрихе или Ланданабаде, прыгнуть на самый верх. Туда, куда ему еще три года назад была заказана дорога...

Айбар заставил себя прекратить. Дорога размышлений снова вела его к злости, а срываться на верного Фэна совсем не хотелось. Он придвинулся к столу, взглянув телохранителю в глаза.

– Что-то еще, Вэйань? Ты ведь хотел сообщить мне что-то еще?

– Да, хозяин, – поднебесник кивнул, допивая настойку. – В деревнях снова говорят о детях...

Злость решила стать его верным другом, намекая, что до вечера он от нее не избавится. Султан тяжело вздохнул, наливая себе и помощнику еще.

Всё происходящее за пределами его территории мало касалось Темирбаева. Пусть там казаки ловят бандитов, пусть поезда сходят с рельсов, пусть взрываются и ремонтируются фабрики, его это не трогает. Но когда в окрестностях Тайги снова и снова пропадают дети, крестьяне из лояльных деревень начинают роптать. А там, где роптания, власть расшатывается, трещит по местам сборки, а этого Айбару было совсем не нужно.

Отсалютовали друг другу, затем Фэн пригубил, и только после этого начал рассказывать:

– На этот раз всё чуть иначе, – как обычно, Вэйань говорил на родном языке, – на этот раз люди говорят сразу о сотне...

Айбар чуть не поперхнулся.

Поставил стакан, вытер усы. Мозг его лихорадочно заработал, пытаясь проанализировать сказанное. Кажется, Вэйань принес очень дурные вести. Одно дело, когда в регионе пропадали один-два крохотных человечка. Как, например, в прошлом месяце, когда в районе Ратты исчезли две девочки. Деревенские говорили, что взяли своих детей в лес на работы, но в поселок вернулись не все. Девочки пропали. Растворились в таежной глуши. Навсегда.

Пьянчуги в кабаках боязливо судачили о мутантах, старики со знанием дела вспоминали злых иччей, крадущих свежие души. Но Султан охотнее поверил бы в обычных работорговцев или даже отряды Ассоциации, рискнувшие попробовать силы на новом месторождении по добыче своего товара.

Как бы то ни было, дети и подростки в окрестных поселениях регулярно пропадали. Каждый месяц, по два-три, иногда пять человек. Но чтобы сразу так много?

– Что значит «сотня»? – Темирбаев прищурился, ухватив себя за кончик уса.

– Говорят, теперь пропал целый лагерь. Кропоткин, ты знаешь про него, хозяин...

Да, он знал. Точнее, что-то слышал о детях, после Катастрофы ушедших в леса и основавших свое крохотное государство. Свой маленький и свободолюбивый Анклав, живущий по законам звериной стаи. Маленькие ублюдки сумели, молодцы, да еще и ловко отбивались от любых бандитских нападков... Но торговля людьми и их органами не входила в сферу интересов Султана, а потому он не трогал щенков, предпочитая не замечать.

– Говорят, на лагерь напало... нечто. Часть детей убило, а часть утащило в чащу, – совершенно серьезно произнес Фэн, глядя в стакан. – Говорят, там была настоящая бойня. Теперь люди боятся идти в Кропоткин, даже чтобы похоронить убитых и поживиться их добром...

– Демоны, духи леса, северные иччи, – Султан скривился, впрочем, ненадолго, чтобы не обидеть слугу. – Никогда не пойму, Вэйань, как можно в наше время быть таким суеверным...

Китаец всё же заметил гримасу, хоть вида и не подал. Вежливо поклонился, лицо его стало непроницаемым, и он отставил недопитый стакан с настойкой.

– Так, ладно... – чувствуя, что невольно продолжает закипать от досадной злости, Темирбаев снова отвернулся к окну. – Кем бы ни были похитители, я хочу знать больше... Если наши люди действительно поверят в... если они поверят во что-то запредельное, это ударит по Тайге. Заставит крестьян уходить на юг к столице, чего допустить нельзя. Выясни всё, что можешь, Фэн. Пошли людей поговорить с очевидцами, собери все слухи, пусть Пружинка проанализирует записи с «балалаек». Когда данных будет больше, мы вернемся к разговору...

– Да, хозяин.

CREDITUM XV

Под ногами гулко ухало железо. Отвечало на каждый шаг, и этот перестук наполнял сердце каким-то необъяснимым теплом. Во многих местах краска на стенах облупилась, из-под потолка пробовали наступать тонкие ржавые потеки, но он всё равно чувствовал себя как дома. Здесь было надежно и уютно, и впечатления не мог испортить даже вечный сквозняк, блуждающий по уровням «Куэн Као».

Прислушиваясь к звукам станции, таким разным и загадочным, Август миновал технический коридор, выбираясь наружу. Неторопливой, чуть шаркающей походкой он шел вдоль ограждения, из-под тяжелой маски оглядывая окружающие их гнездо просторы. В прогалинах и под елками всё еще лежали плотные пятна снега, сопротивлявшегося наступавшей весне. На пригорках, насмехаясь над их потугами сохранить жизнь, уже пробивалась первая трава, жесткая и колючая, как весь окружающий ландшафт.

Поднялся по железным ступеням внешних коммуникаций, прошел еще несколько шагов по балкону, продолжил подъем по новому сектору лестницы. Кивнул наемнику, несшему промозглое внешнее дежурство, тот козырнул в ответ. Живая стража – еще одна обязательная прихоть старшего «брата», хотя иногда человек на самом деле способен учуять угрозу еще до того, как машина начнет обрабатывать данные.

Оказавшись на нужном уровне и приложив ладонь к замку, Август терпеливо ждал, когда устройство прочтает вшитый под кожу ключ. Где-то за толстой дверью зашипело, глухо лязгнуло, после чего створка медленно приотворилась. Да, станция была не нова, многое приходилось делать самому, в том числе и помогать стареющей гидравлике.

Налегая на дверь, он отодвинул створку настолько, чтобы не мешала пройти, нырнул внутрь. Потянул за холодное даже сквозь перчатки железо, заставил обтянутый резиной овал встать на место. Услышал, как снова сработали запоры.

Здесь, в отличие от технических отсеков, было гораздо светлее, да и обшивка коридоров выглядела посвежее. Спертый воздух, как могли, разгоняли системы кондиционирования, на полу лежали прорезиненные ковровые дорожки. Эхо шагов почти потерялось в них, когда Август двинулся к рубке управления станции.

Внутри по-прежнему обнаружили Февраль и Сентябрь, причем даже не поменяли поз с того часа, когда их брат отправился вниз проверять приборы. Кивнув обоим длинным клювом птичьей маски, которую позволялось не носить только в личных комнатах, Август послушно протянул вперед правую ладонь, выставив перед собой.

Так требовали традиции и четкие законы братства, сколько бы времени ни отнимала процедура идентификации. В основу существования организации «Братьев-Месяцев» была положена безопасность, успешно сожительствующая с полнейшей конфиденциальностью.

Вообще-то, Август полагал, что часть соратников носит маски не просто для того, чтобы скрыть настоящую личность или следовать правилам. Он точно знал, что из тринадцати членов братства как минимум половина страдала столь сильными физическими отклонениями, что с ними не справятся даже самые искусные пластики. То, что пряталось под половиной птичьих масок, справедливо полагал Август, не показывают даже самым близким людям.

Химики, физики и специалисты по генной инженерии, несколько лет назад составившие костяк новой организации, подбирались Циклом не только по уровню таланта или набору престижных наград. Выискивая их по всему миру, будто крупинцы золотого песка в мутном ручье, Цикл вербовал только тех, кто переступил грань. Тех, кто легко мог поставить опасный эксперимент на себе, ввести в свою вену новую вакцину или подвергнуться губительному излучению. Тех, кто отдавался его делу преданно, с долей очевидного безумия, схожего с фанатизмом и самопожертвованием адептов Мутабор. И только собрав целую дюжину таких безумцев, Цикл спаял их в нечто монолитное, гениальное, всесильное.

Иногда Август задумывался, могут ли двенадцать человек, отобранные Циклом, являться частью чего-то большего? По тому, как часто их лидер отсутствовал на местах проведения разработок, можно было предположить, что «Плод» – не единственный проект братства. Часто его покидал и кто-то из рядовых «братьев», например Май, которого сам Август видел лишь один раз в жизни. Быть может, в мире существует отнюдь не двенадцать «месяцев», а, скажем, пятьдесят?..

Встав навстречу из-за рабочих мест, двое существ в длинных кожаных балахонах и гротескных птичьих масках, целиком скрывавших головы, шагнули навстречу. Поочередно приложили ладони к протянутой, поочередно кивнули. Специальная система распознавания, имплантированная прямо в тела «месяцев» и слитая с «балалайками», являлась единственной гарантией того, что перед тобой не замаскированный чужак, а именно соратник. Именно поэтому протоколы Цикла требовали, чтобы члены организации, теряющие друг друга из виду больше чем на двенадцать секунд, обязательно проходили процедуру распознавания.

– Сетка снова дала сбой? – глухо поинтересовался Февраль, возвращаясь на прежнее место за огромной приборной панелью.

Голос его звучал так, будто под маской в горло мужчины входила далеко не одна медицинская трубка. Да и мужчины ли? Каждый из них мог только догадываться о том, кем являлся собрат. Никто, кроме Цикла, не знал ни пола, ни возраста, ни социального положения «месяцев». Разговаривали исключительно на латыни, выучить которую их заставили еще три года назад. Подробности личной жизни не делились, да и вообще в диалог вступали только о делах и работе. Тайна окутывала братство. Сладкая тайна, пропахшая огромными деньгами. Пропахшая властью, которую не могли позволить себе обгоревшие в пекле корпорации...

– Четыре целых восемь десятых секунды, – ответил Август, проходя в глубь просторного рабочего помещения.

Его бесконечно злило, что защитные системы «Куэн Као» всё чаще сбоили, позволяя падать маскировочным щитам. Но он ничего не мог поделать, сколько бы ни бился. Всё, что было в их силах, это поддерживать в станции затухающие пульсации жизни, молясь о том, чтобы проект успел завершиться раньше, чем умрет последний реактор. Впрочем, каждый из «месяцев» искренне верил, что тогда Цикл найдет им новое пристанище.

– Данные внесены в статистическую базу и разосланы братьям, – отчитался Сентябрь. Его голос был нормальным, без бульканья и хрипов, но наверняка измененным специальными приборами. Он придвинулся к столу, запуская руку куда-то глубоко под маску, и снова подключил психопривод. – Вероятность обнаружения «Куэн Као» после падения щитов составляет всего 1,03%.

Но Август видел всё и сам – на его «балалайку» поступил разосланный Сентябрем файл. Шансы обнаружения логова «месяцев», графики частоты сбоев, по которым можно строить прогнозы следующего отключения, десятки вероятностных схем и краткие отчеты.

– Циклу это всё равно не понравится, – опускаясь в рабочее кресло, проворчал Август.

– Узнаем, – птичья голова Сентября повернулась в его сторону. Провод психопривода, соединявший голову существа с рабочими станциями на столах, натянулся струной. – Он прибудет на «Куэн Као» через четыре дня.

– В самом деле? – Август ничего не слышал о прибытии лидера, но удивление постарался сдержать. Сдержанность вообще считалась хорошим тоном в их тесном и уникальном мире. – Хочет проверить результаты по «Плоду»?

– Хочет ускорить процесс, – Сентябрь вернулся к работе, но беседу продолжал как ни в чем не бывало: – Вместе с ним прибудут Май и Октябрь. Возможно, Цикл будет лично руководить финальной стадией проекта.

Удивление Августа стало еще сильнее, и ученый удержал новый вопрос, чуть не вылетевший из-под своей маски. Положил руки на проекционную клавиатуру, принялся небрежно изучать на трех широких мониторах внутренние системы «Куэн Као», запустил диагностику нижних отсеков.

– Значит, дело близко к завершению?

– Возможно, – равнодушно ответил Сентябрь, а в его сторону молча повернулась хищная голова Февраля. Сказать, на что сейчас тот смотрит, было невозможно, отчего зрелище поражало фантазмагоричностью. Застыв на несколько секунд, Февраль вернулся к работе. – Насколько мне известно, Цикл смог увеличить темпы поставок. Когда братья прибудут, я официально начинаю сетевую рекламную кампанию и открываю аукцион.

Сквозь широкие прорезы маски Август наблюдал за братом, в который раз задаваясь вопросом, кем был тот в прошлой жизни. В жизни до Катаклизма, открывшего перед ними столько дверей. Ломщик суперкласса? Сетевик из Анклава? Тритон? Иногда он чувствовал в помещениях лабы узнаваемые ароматы синдина, но угадать, кто именно хранит дефицитный препарат, в точности не мог.

– Это хорошо. – Август подтвердил свои слова плавным кивком длинного клюва. – Чем раньше мы закончим, тем меньше вероятность, что «Куэн Као» исчерпает последние силы.

– Уверен, что Цикл это понимает... – вклинился в беседу Февраль, тяжело поднимаясь с места. Под его маской что-то бурлило и плескалось. – Я отправляюсь в рабочий цех, братья. Сентябрь, будь готов начать замеры.

Черный матовый балахон зашелестел, когда он подошел к двери.

– Конечно, брат, – всё тем же ровным тоном ответило подключенное к компьютерам существо.

Февраль ушел, чтобы продолжать работу. Ответственную и важную работу, способную дать миру новый продукт. Ценный, уникальный. Способный заинтересовать тех, кто понимает толк в подобных достижениях. И речь совсем не о Правительстве новоявленной Республики, на территории которой они обосновались. Речь о тех, кто имеет в руках настоящие деньги. Очень много денег, способных дать «Братьям-Месяцам» рычаг, чтобы перевернуть эту агонизирующую, но никак не издыхающую Землю... Потому что города, государства и Анклавы единодушно признали – в мире настало время новых героев.

CREDITUM XVI

– Знание, опыт и мудрость, полученные человеком в моменты величайших потрясений

цивилизации, всегда были наиболее яркими жемчужинами ее сокровищницы. – Гиляров мягко кивнул в объектив, подтверждая очевидность сказанных слов. Получилось хорошо, в меру мудро и проникновенно. – В огнях революций и уникальных гражданских реформ создавались конституции, государственные устои менялись так, как этого хотели простые люди, на историческом небосклоне начинали сиять новые звезды.

– Отлично, вторая камера, теперь снова вы, – негромко приказал Гринивецкий, наблюдая за записью через несколько окон, одновременно раскрытых на покрытие глазных сетчаток.

Вообще-то руководить записью обращений и иных пропагандистских программ не входило в обязанности министра информации и компьютерной безопасности Республики, о которой сейчас говорил Ростислав Михайлович. Но Эдуард Гринивецкий, еще три с половиной года известный в кругах машинистов и ломщиков под позывным Терпение, любил возиться с камерами, выставять свет, режиссировать и руководить. В такие моменты он еще острее осознавал свою принадлежность к таинству становления нового государственного уклада, о чем раньше мог только мечтать...

– Сейчас – время таких потрясений. Время экономической, экологической и гуманитарной катастроф, спровоцированных учеными корпорации «Науком». И именно поэтому, дорогие сибиряки, наша с вами задача – взять всё лучшее, что даст нам новая жизнь. И ни в коем случае не повторить ошибки прошлого.

– Хорошо, – похвалил операторов Терпение, – а теперь третья камера. Дайте слабое затемнение за его правым плечом. Хорошо. Ветер слегка колыхнул флаг... Отлично. Ростислав Михайлович, водички глотните, а потом следующий абзац.

Гиляров послушался, попил воды, выставил стакан из кадра. Он вообще доверял Гринивецкому во всем, что касалось своего имиджа, пропаганды, СМИ, компьютеров, сетей или размещенной в них информации, помогавшей выживанию Сибири. Хотя, сказать откровенно, министерство Терпения, именно так и прозванное в народе, выполняло не только эти узкие функции. Да и о репутации его главы ходили не самые добрые разговоры, тоже не секрет...

– Я готов.

– Первая камера, ветерок чуть сильнее сделайте, – продолжил дирижировать Эдуард, – начните самое медленное движение полукругом, малый наезд.

Ростислав вчитался в текст суфлера, бегущий по его зрачку. Облизнул губы, настроился на нужный – душевный и убедительный – тон, что получалось у Президента просто отлично, и продолжил:

– За прошедшие три года мы многое сделали, это видно каждому. Но еще больше нам только предстоит сделать, я верю. Вместе, плечом к плечу, работая только для себя, на благо собственных детей, для укрепления фундамента нашей новой Республики, для укрепления веры в завтрашний день.

– Хорошо... дальше акцент на «не желаем», пожалуйста.

– Я повторял, но буду делать это вновь и вновь, пока не замолкнет шепот последних недоброжелателей, – мы *не желаем* конфронтации с Правительством Российской Федерации. – Ростислав послушно выполнил веление помощника. – Уверен, когда будут устранены все последствия Инцидента, мы сядем за стол переговоров, сумев обсудить самые сложные и актуальные вопросы.

– Можно теперь чуть погромче, переходим к кульминации. – Гринивецкий почувствовал, как зачесались у него ладони. Легко кашлянув, чтобы сбить волнение, он распорядился: – Вторая камера, малый наезд.

– Да, Сибирь больше не будет сырьевым придатком столицы и центральных регионов страны, кое-кому пора с этим смириться. – В глазах Гилярова горели огоньки, выдававшие, сколь сильно глава Республики верит в собственную речь. – Мы больше не готовы, словно во времена крепостного права, отсылать питерским боярам-верхолазам свои налоги, взамен не получая ничего. Мы хотим сами строить свои дороги, школы и университеты, детские сады и

жилье, хотим сами устанавливать планки заработных плат и пособий, не дожидаясь подачек. Сибирь достойна лучшей доли, и сегодня, впервые за всё время своего могучего существования, она получит ее! И если завтра новая Республика проголосует за возвращение в состав Российской Федерации, то мы сделаем это только на правах равновеликого и уважаемого союзного государства.

Любимая часть Терпения. Мелькание кинжала, спрятанного в роскошной парче. Блеск рысьих глаз в полумраке наступающей ночи. Всё более и более смелые намеки на то, что они готовы дать сдачи. Любому и очень больно.

Почти пятьдесят тысяч бойцов свежеепеченной оборонительной армии. В их числе пластуны из Боевой Армии Республики Сибирь. Готовые на всё, они будут до конца защищать свой мужающий суверенитет. А еще более двух тысяч танков и бронетранспортеров, боевая авиация, вертолетные полки, сибирские гвардейские части специального назначения, перешедшие на сторону Республики без лишних уговоров. Да и про ракетные войска забывать не стоит – не все пусковые шахты завалило в день Инцидента, далеко не все...

Иногда Гринивецкий ощущал себя геймером, играющим в новую и предельно реалистичную стратегию в реальном времени. Опасное сравнение, машинист это знал. Опасное, потому что рано или поздно можно потерять связь с реальностью, и тогда... Терпение заставил себя отвлечься от досужих философствований, сосредоточившись на записи. Взглянул на Президента, нарочито подтянутого, отлично загримированного, блестяще справляющегося с усталостью.

– Это моя твердая позиция, на ней я стоял и стоять буду! – Гиляров доверительно подался вперед, нависая над изящной трибуной. – Она хорошо знакома как сибирякам, так и тем, кто наблюдает за нашим регионом со стороны. Но также я хочу напомнить, что безропотно подчиняться насилию, если таковое последует, мы не намерены. – Президент как будто бы невольно сжал во внушительный кулак пальцы левой руки, еще сильнее наклонился к камере, демонстрируя экспрессию. – А потому мои слова – предупреждение всем, кто захочет воспользоваться последствиями хаоса и присвоить хотя бы часть наших богатств. В таком случае наш ответ будет жестким, решительным и быстрым. Мы сумеем постоять за себя, потому что мы – из Сибири!

Последние слова Ростислав подтвердил легким, едва заметным пристукиванием кулака по трибуне. Терпение улыбнулся. Он точно знал, что аналитики из Питера не обойдут вниманием и этот жест. Там должны увидеть, что Гиляров силен, но эмоционален, нагружен работой и, главное, не совсем уверен в себе. А это значит, может легко отдать лихим казачкам лишний, не самый обдуманный приказ. После которого кровавую кашу придется расхлебывать не только в Новосибирске, но и куда западнее...

– Отлично, Ростислав Михайлович, – Гринивецкий закрыл в глазах экраны, через которые руководил съемкой. – Бывало и пламеннее, но и сейчас вышло достойно, мне понравилось...

Уровень отношений и доверия позволял не лукавить, чем Эдуард пользовался при любой возможности. Когда вокруг так много лизоблюдов, нужно при любой okazji продемонстрировать, как сильно ты на них не похож.

– Считаешь?

Ростислав, отцепив резервный микрофон с пиджачного лацкана, выбрался из-за хромированной трибуны. Сошел с подиума. Гилярова тут же окружили ассистенты, стирающие грим или держащие наготове минеральную воду.

– Правда, неплохо?

– Более чем.

Взявшись за колеса, Терпение развернул коляску, плавно выкатываясь в центр съемочного павильона. Когда не было особой нужды, он предпочитал пользоваться силой рук, попусту не разряжая батарей.

– Минут через тридцать парни смонтируют, я еще раз осмотрю – и сразу сдаем на

новостные ленты. Уверен, что это обращение прекрасно подкрепит позавчерашнее совещание с министрами, проведенное в присутствии журналистов.

Ростислав Михайлович с сомнением посмотрел на своего лучшего машиниста, отыскал в его глазах убежденность, кивнул. Направился к выходу, сопровождаемый телохранителями и помощниками, но шаг при этом не ускорял, позволяя Терпению нагнать себя. Когда у человека много дел, тут уж не до формальностей, вроде «Эдик, я, пожалуй, откланяюсь, иди-ка за мной, дружок».

Вообще Гринивецкий относился к своему шефу и новой звезде сибирского политического олимпа двояко. Впрочем, он ко всему относился двояко, но эта черта присуща многим карьеристам.

С одной стороны, Гиляров был его царем и богом, давая работу, деньги, карьерные перспективы. Позволяя удовлетворять тщеславие, допустив в один из самых крупных, масштабных и амбициозных проектов за всю новейшую историю России. Кроме этого, Эдуард уважал Президента за его крепколобость, пробивной характер, умение держать удар и не опускать рук даже в самой патовой ситуации. Уважал за умение взвесить массу факторов, заглянуть наперед, сделать шаг в неизвестность. Пусть даже такой рискованный, как шаг в программу «Средний фон»...

С другой стороны, втайне Гринивецкий над своим боссом посмеивался, причем с долей жалости. Потому что человек, взваливший на плечи такую ношу, но не умеющий делиться ею с помощниками, обречен на скорое затухание, как о нем ни переживай. Стать у руля нового государства и до сих пор решать проблемы с реконструкцией жилого фонда или прокладкой свежей железнодорожной ветки – это, с точки зрения Терпения, было неприемлемо для птицы такого полета.

Да, он соглашался, что в наши дни непросто найти толкового помощника, которому можно доверять. Понимал, что сам является таким самородком. Но когда слышал, как шеф лично доказывает кому-то из посадников, что людей в этом месяце больше выслать не сможет или трубы нужного калибра закончились, ему становилось грустно и немного смешно.

Впрочем, ненадолго. Упорство и отвага взглянуть в глаза смерти перекрывали любые недостатки Президента. Сожжет себя раньше времени? Значит, так отведено судьбой, но до этой минуты Эдуард будет следовать за ним и помогать. Потому что лично видел, что чем больший вес набирает человек, тем опаснее и злее становятся его враги, и не сломаться под их давлением может только настоящий силач...

Это случилось три года назад, когда Гиляров вынашивал планы референдума по объединению региона и официальным выборам главы. Эдуард, до того почти семь лет отпахавший на сибирских чиновников, в команду реформаторов вошел легко. С такой же легкостью принялся набирать баллы, подбираясь к посту министра информации. Тогда-то на нового патрона и организовали покушение.

Готовящуюся атаку сумели предвосхитить. Накрыли несколько человек, живыми те не дали, но схрон в Первомайском районе выжечь не успели. Там Бугаев нашел великолепные дальнобойные винтовки, напрямую подключаемые к «балалайкам», транспортные средства, взрывчатку. И еще современные стелс-системы, которыми кроме питерского спецназа не оснащался никто. Приборы, среди военных прозванные «покровами», превращали стрелка в настоящего невидимку, не позволяя засечь ни сканером, ни тепловизором. Да что там электроника – даже в обычную оптику оснащенный «покровом» боец выглядел как размытое пятно, мимикрируя под окружающую обстановку. Если бы убийцы вышли на позиции...

Эдуард помнил, как перепугался тогда. Как вдруг осознал, *что* брошено на чаши весов и какую цену им, возможно, придется заплатить за ковавшийся суверенитет. А еще Терпение помнил, каким спокойным и отважным остался Гиляров. Как отнесся к покушению внимательно, но без лишнего любопытства, будто к текущему вопросу в рабочем расписании дня. И вот тогда-то машинист окончательно решил – за этим человеком хоть в огонь...

Он включил двигатель инвалидной коляски, пустив механизм вслед Гилярову. Догнал

уже в коридоре, где Президент остался один, если не считать невидимых телохранителей, занимающих авангард и арьергард. Ростислав ослабил узел галстука, прикосновением пальцев к ладони что-то настроил в «балалайке».

– Прокатишься со мной до Правительства? – Гиляров перестал быть подтянутым и сильным, превратившись в усталого, хоть и очень крепкого мужчину средних лет.

– С удовольствием поделюсь новостями, – ответил Гринивецкий, – но только если на моем мобиле.

– Да-да, конечно, – рассеянно отмахнулся политик. – Всё никак не могу заказать подножку хоть на один из своих лимузинов...

– Не страшно, я уже привык, – вежливо улыбнулся Терпение.

Охрана дала знать, что проход свободен и чист, после чего Президент и машинист загрузились в лифт. Достигнув гаражного этажа, быстро пересекли прохладное подземелье, направляясь к серебристо-синему фургону, вокруг которого отирались четверо «телков».

Фургон Терпения, оборудованный специальным подъемником для коляски Эдуарда, не был таким простым, как могло показаться со стороны, об этом Гринивецкий позаботился еще два года назад. По степени бронирования он нисколько не уступал машинам правительственных чиновников, а по уровню электронной фаршировки давал фору передвижным командным пунктам действующей армии.

– Рамзан, езжай с парнями, – негромко попросил Эдуард помощника, пока подъемник доставлял его на борт фургона.

Молодой машинист юркой рыбкой выскочил из салона, вежливо поздоровавшись с господином Президентом, и так же ловко нырнул в представительскую легковушку, наполненную охраной. Гиляров зашел в фургон вслед за Терпением, мягко закрылась дверь, и они остались вдвоем.

– Можно выезжать, – распорядился Ростислав через «балалайку», и кортеж из пяти мобильных начал выбираться из подземного гаража телестудии.

Осматривая компьютеры и другую электронику, занимавшую почти всё нутро машины, Гиляров привычно покачал головой.

– Вот, значит, куда деньги налогоплательщиков уходят, да, Эдик?

– Ну что вы, Ростислав Михайлович, – столь же привычно подхватил Терпение, – да тут половина техники на личные сбережения куплена.

– Ну-ну...

Поулыбались немного, после чего Гиляров вздохнул, показывая, что пора переходить к делу.

– Ну, что там наш эмир глухих лесов?

– Пока без особых изменений, – тут же отчитался Гринивецкий. – Поиски активно ведутся, «кроты» прибывают каждый месяц, сам Темирбаев настроен оптимистично, продолжает накапливать базу данных. Уверен, что к середине лета он запросит у нас полноценную экспедицию с профессиональным разведывательным оборудованием. Султан так долго просеивает это дно, что должен найти «чернуху» даже по теории вероятности.

– Оптимист... – Президент вздохнул, покосившись на стенку, отделявшую их от водителя. – Может, туда разведку послать? Шпионов? А, Эдик? Кажется мне, шейх доморощенный голову нам морочит. Все морочат, и он туда же. А, что скажешь?

– Не стоит, Ростислав Михайлович, – честно и резко ответил Терпение, помотав головой. Фургон качнуло на выбоине, и машинист ловко выставил стопоры на колесах коляски. – Мой человек в свите Султана надежен, он передает нам каждый его шаг. Тот, конечно, догадывается, что мы за ним наблюдаем, но пока правила устраивают всех. Проявим лишнюю активность, позаримся на власть Темирбаева, получим утечку контроля и, что не исключено, вооруженный конфликт...

– Эх, пару «вертушек» бы туда, да сровнять твоего Султана с землей... – Гиляров крякнул, растирая бычью шею.

– А затем тратить ресурсы, людей и деньги, чтобы лично финансировать поисковые

отряды, воевать с Куницами и мутантами, наводить инфраструктуру и отбиваться от китайских шпионов, – закончил за Президента Терпение. Разговор этот начинался не в первый раз, Эдуард привык. – Мы все прекрасно понимаем, что подконтрольный Темирбаев приносит Сибири куда как больше пользы, нежели мертвый. Статус-кво.

– Да вот пользы-то от Султана пока и не... – звонок спутникового коммуникатора прервал Гилярова, и тот полез в карман пиджака. Заворчал, выразительно поглядывая на электронику машиниста. – Вот же, Эдик, сделал себе не фургон, а черт-те что. Не дозовонишься...

Терпение одними губами улыбнулся в ответ, тактично отворачиваясь к приборам. Его мобиль был превосходно экранирован, это знали все нужные люди, а беспроводной доступ в сеть или к «балалайкам» регламентировался лично Гринивецким. Береженого, как говорится, Бог бережет, пусть они у них с Президентом и разные...

– Слушаю, говори. – Гиляров поднял коммуникатор на уровень глаз, позволяя объективу камеры ухватить свое лицо.

– Вы не на месте, Ростислав Михайлович? – Терпение услышал голос майора Бугаева.

– У Эдика в фургоне... что там у тебя?

– Цыгане, – разобрал Гринивецкий. – Начали снос временного лагеря на Гусинобродке, дошло до рукопашной. Дружинники моих аж вызвали, стену держим пока, но камни летят. Не пускает бесово племя вглубь, и всё тут...

Гринивецкий негромко, чтобы не мешать шефу, вздохнул. Район Барахолка, где много лет назад располагался самый крупный во всей Западной Сибири вещевой рынок, остался пристанищем цыган и сегодня, после катаклизмов, войн и Инцидента. Адский котел, с варящимися внутри ворами, наркоманами, носителями инфекций и опасных мутаций...

И опять, как и по любому поводу, решать должен Гиляров. Терпение задумчиво провел кончиками пальцев по губам, стараясь не очень нарочито прислушиваться к беседе. А ведь есть начальники народных дружин, есть посадник, в конце концов, есть городовые и управление полиции. Если, конечно, Бугаев только не приметил среди цыган бесхозных детей, которых можно увести под шумок операции...

– А ты сноси, – прервал его Президент. – Пусть Новосибирский посадник туда лично едет, лично. К людям пусть выходит. Катается пусть по трущобам и по громкой связи убеждает людей, что ни расизма, ни ксенофобии в этой операции нет. Что есть необходимость пресечь распространение заболеваний и ликвидировать антисанитарные условия проживания. Любыми средствами и под личным контролем Президента, ясно? Пусть сгребают цыган твоих и на Снегири увозят, в новенькие общаги. А кто не захочет, за город гнать, как собак бродячих... Парни, ну почему именно я опять должен всё решать, а?

– Уже, собственно, сделано, – глухо отчитался Бугаев из коммуникатора, – и перевозить начали, и пропаганду про отсутствие межнациональной розни запустили. Посадник в пути. Я по другому вопросу. Добро на силовую акцию у него брать не хочу. А тут, по моему разумению, к этому идет, провокаций всё больше.

– Даю добро, – свободной рукой Гиляров потер щеку. – Журналистов только уберите. Водометы, газ, резиновые пули, не переусердствуйте там. Беспризорников проверить на болячки, и в изолятор. Только тихо, пусть твои парни работают, проверенные. Потом в карантине поддержи, при первых обращениях родителей – выпускай, нам шумиха ни к чему. Если за пару дней никто не обратится, переводы на инвестиции.

– Будет сделано, Ростислав Михайлович.

– Бывай, Бугаев, удачи вам... – выключенный коммуникатор опустился обратно в карман.

Значит, Гринивецкий все-таки угадал, не просто так звонил майор. Однако был бы в затее смысл?

В цыганских детей Терпение не верил. Во-первых, там каждый взрослый – родитель. Переедут трущобы на новое место, пересчитают бабенки свое стадо визгливое по головам, недосчитаются кого-то – и вот тебе проблема с митингами и самосожжениями. А уж про

здоровье таких детишек лучше и не думать, там генокод подпорчен еще три поколения назад. Хотя...

Терпение задумался, даже не заметив, что шеф уже закончил разговор. Может, как раз такие и нужны? Как дворовые помоечные коты, иммунные почти к любой заразе. Машинист твердо решил, что обязательно обсудит эту идею с Президентом, только прежде взвесит все «за» и «против».

– Эдик, в транс впал, что ли? – с легким недовольством спросил Гиляров, наблюдая, как машинист устался в одну точку. – Укольник, может?..

– Задумался, Ростислав Михайлович, простите.

– Что там про новости-то говорил?

– Есть новости, только не самые утешительные.

– Ох, блин... – Гиляров откинулся на спинку кресла, которое обычно занимал помощник Эдуарда. – Ну конечно. Кто в наши дни хорошие новости-то приносит? Что там у тебя?

– Последняя партия инвестиций, – Терпение невольно понизил голос, хотя точно знал, что фургон прослушать невозможно. – Приемщики обнаружили чипы.

– Как – обнаружили?! – Президент нахмурился. – Ты ж клялся, что новую «пилюлю» не найти.

– Я лишь предполагал. – Терпение не любил проигрывать или ошибаться, но сейчас был именно такой момент. – Вероятно, наши исполнители оснащены оборудованием лучше, чем мы могли предположить. Как бы то ни было, все обнаруженные ими чипы были упакованы и высланы нам обратно. Как обычно, в общем...

– Не лютовали? – Гиляров попытался проанализировать свой последний разговор с «человеком-птицей», но не смог вспомнить ни намека на враждебность.

– Нет, всё мирно. – Машинист скрестил пальцы, упирая их под подбородок. – Уверен, они понимают. Такая игра, никому не мешающая, – мы пытаемся прощупать их, вычислив местоположение. Они находят наши приборы, вежливо сообщая о том, что сильнее и умнее нас. Если не перегибать палку, проекту это не повредит.

– Ну смотри, Эдик, – Ростислав погрозил мясистым указательным пальцем. – Твоя идея с «пилюлями», так что, если прижмут или прыгнут, тебе и отвечать!

– Я знаю, Ростислав Михайлович. Я знаю.

CREDITUM XVII

Прислушиваясь к лесной тиши, он размышлял о том, насколько же слаб современный человек. Всесильный человек, как некогда утверждала Поэтесса, способный сворачивать горы, уподобившийся Богу. Обладающий почти неограниченным доступом к титаническим массивам информации, получавший всё, о чем только мог мечтать, не выходя из дома. Не выходя из сети. Такой слабый и хрупкий человечек будущего...

Осторожно поменяв позу и поочередно поиграв всеми группами затекающих мышц, Вебер ухмыльнулся. Интересно, какой процент этих всемогущих богов сможет выжить, окажись один из них на его месте? Кто сможет остаться сильным, лишившись костылей, созданных Цифрой? Избранные тысячи? Сотни, единицы?

Разумеется, по уровню компьютеризации обычным городам было далеко до Анклавов. Но и без корпораций с их новыми игрушками, регулярно заполняющими рынок, государства отстали недалеко. Слияние человека и машины стало необходимостью, модой, наркотиком, религией, всеохватывающим течением. Оно стало болезнью, поразившей всю планету.

Сам Илья никогда не увлекался сетью всерьез. Использовал «балалайку» максимум на треть ее возможностей, предпочитая оставаться в мире живых, чем растворяться в цифровых миражах. И Светке многого не позволял, и дочь собирался воспитывать так же. Теперь, конечно, это само собой разумеется, но еще четыре-пять лет назад...

Они ведь видели – миллиарды людей по всему миру видели, как громко трещат

волшебные ходули, поднявшие их под небеса. Видели, с какой легкостью и небрежностью может порваться привычный образ жизни, стоит произойти сбою. Стоит произойти атаке ломщиков, системной ошибке, замыканию или взрыву подстанции. Стоит появиться новому вирусу, сжигающему вселенную, сосредоточенную в крохотном затылочном чипе.

Видели, но не взволновались. С равнодушной улыбкой дебила, пуская слюнку на грудь, они смотрели, с какой пугающей легкостью взрываются атомные станции, тонут огромные корабли, рушатся на скалы самые надежные «страты» и дирижабли. И всё равно возвращались в сеть, разучившись чувствовать угрозу. Разучившись отличать искусственную реальность от настоящей, способной укусить. И когда судьба силой отшвырнула человека в новый вариант каменного века, у погасших экранов остались стонать миллионы беспомощных существ, не способных ни на что.

Когда-то они казались Илье детьми. Детьми, у которых отобрали любимую игрушку, заставив расплакаться, а затем обозлиться и крушить всё вокруг. Сегодня он был готов предположить, что за лихорадкой, охватившей планету, стояло нечто большее, чем просто сбой. Но в чем бы ни была причина, изменившая *всё*, очевидным оставалось одно – когда человек изобрел меч, он не пытался стать мечом. Когда человек изобрел компьютер, он перестал рассуждать, как его предки. Рискнул уподобиться, слиться с чужим, инородным, опасным. И проиграл.

Мысли текли плавно, не мешая присматриваться к поляне и противоположной опушке, уже потемневшей перед закатом. Появились сами собой, во-первых, оттого, что нужно было чем-то себя занять, нагрузить мозг. А во-вторых, потому что Илья вдруг увидел себя как бы со стороны. Одиноким мужчиной в самом сердце глухой сибирской тайги, вооруженный и готовый к неприятностям, перенесший тяготы пешего марша, вымотанный, но не сломленный. И это в конце столетия, подарившего миру электронную свободу. И это через считанные годы после того, как расстояния в тысячи километров преодолевались за несколько минут, а поговорить с человеком в другом полушарии можно было, едва щелкнув пальцами. Круг замкнулся...

Вот она, настоящая правда. В запахе влажной хвои, в легком шуме крон, в волчьем вое из-за ближайшего озера. В стуке собственного сердца, который ты слышишь, высматривая опасность.

Нейкисты могут до посинения создавать свои чудовищные препараты, расширяющие границы сознания. Машинисты могут паять всё более и более мощные раллеры, обрабатывающие петабайты информации в пару мгновений. Корпорации могут раздвигать существующие рамки сети, открывая новые горизонты. Всё это – лишь сладкая ложь, заставившая человека забыть, кто он на самом деле. Забыть о том, что он хищник, способный выжить в самых диких лесах, имея в наличии только нож и моток веревки...

Наверное, Вебер родился не совсем в свое время, хотя философствовать на эту тему особенно не умел. Но когда читал про древних, копьем и мечом создававших то, что сегодня создается интригами и взломами корпоративных сетей, ему становилось чуточку горько. Наверное, и в егеря-то пошел по этой причине. С недоумением смотрел на людей, превратившихся в бездушные гаджеты для наполнения социальных сетей, жалел их, будто юродивых, но сам ни на секунду не забывал о том, кто он есть.

Это память крови, сказал ему кто-то из учителей и наставников. Это зов предка. Но он сможет достучаться до твоей сущности, только если ты будешь готов услышать.

Илья вздохнул, положив подбородок на прохладный приклад автомата. Принюхался, поймав легкий порыв ветра, но не уловил ничего нового. Подгнивающая плоть, запекшаяся кровь, машинное масло.

Подумать только, его цель лежит прямо перед носом – только руку протяни, а он пока не может даже потрогать. Ну ничего, терпения ему не занимать, без этого качества в таком непростом деле не обойтись. И только убедившись, что ловушки нет, Вебер будет готов взять то, за чем пришел. Убедившись на все сто.

Вездеходов оказалось три, как и сообщалось в загруженных Колокольчиком файлах.

Массивные экспедиционные «Ермаки», настоящие жилые дома и лабы на мощной гусеничной базе. Стояли в караванной колонне, как шли перед остановкой. Прижались к краю заболоченной поляны, уже слегка завалены упавшими деревьями и густо покрыты пятнами снега. Средняя машина слишком близко к передовой, почти врезалась в корму, это позволяло сделать вывод, что остановка была экстренной.

Бросаться к находке и начать собирать трофеи Веберу не позволяли не две сосны, промявшие крышу последней машины. И даже не глубокий крен среднего вездехода, от долгого простоя на топкой почве ушедшего в поляну почти по правый борт. Снова и снова Илья рассматривал в бинокль разорванные тела членов экспедиции, и только это не позволяло спешить.

Он насчитал восемь человек. Значит, еще одиннадцать где-то по другую сторону каравана, невидимые с его позиции. Тела, по большей части разделенные на части, лежат вокруг машин, на крышах, свисают из дверей. Лежат и свисают, за целую зиму не потревоженные голодными падальщиками... Одно тело на дереве, метров шесть от земли, – измятое, как бумажный листок, прочно засевший в ветках. У большинства трупов в руках табельное оружие. Жестяные стенки фургонов местами искорежены так, словно внутрь пытались прорваться одуревшие экскаваторы.

Как бы цинично это ни звучало, Веберу крупно повезло. Принимая гибель экспедиции как печальную аксиому, всё могло быть многим хуже. Например, научных разведчиков мог атаковать не дикий зверь, наверняка мутант, а банда. Куницы или ушлые мальцы из Тайги, присмотревшие богатую добычу. Выйди так, и они вообще никогда не нашли бы пропавшего каравана, не говоря уже о главном богатстве, хранящемся в одной из машин. Именно поэтому, хладнокровно и без лишних слез, Вебер оценивал ситуацию как выигрышную.

Илья сконцентрировал взгляд на хронометре, еще раз проверил показания детекторов, считывающих из воздуха наличие опасных примесей или радиоактивных загрязнений.

Скоро стемнеет, пора начинать. Почти четыре часа провел он в своей засаде, пытаясь уловить хотя бы тень угрозы. Ничего. Ни птиц, пролетающих над погибшим караваном, ни случайного зверя, перебежавшего поляну. Что бы ни убило членов экспедиции, оно сделало так, что жители леса обходят это место стороной. Неведомый зверь оказал ему услугу, превратив место бойни в круг отчуждения, куда за всю зиму не шагнула ни одна нога...

Вебер медленно поднялся из импровизированного окопа, даже не стряхнув с одежды налипшие листья, хвою и ветки. Расстегнул теплые перчатки-трансформеры, превратив в боевой вариант, не мешающий пальцам давить на спусковой крючок. Сбросил капюшон. Выставив «Смерч» перед собой, мягко двинулся вперед, стараясь держаться кустов и молодого подлеска. Когда опушка закончилась, побежал прямо через открытое пространство, не опуская оружия. Двигаться было нелегко, болотистая почва гуляла и пульсировала под ногами, заставляя тяжело проседать на каждом шаге.

Добрался до кормы замыкающей машины, прячась за траком и садясь на колено. Перевел дух, чувствуя пульсацию в висках. Еще раз прислушался, принялся, осмотрелся. Становилось похоже на то, что опасности действительно нет.

Расстегнув накладной карман на левом плече, Илья вынул анализатор, поводя прибором по сторонам. Машины чуть фонили, но значительно ниже опасных меток, и он спрятал детектор обратно.

Перелез через сухие стволы, придавившие вездеход, обошел цепочку «Ермаков» с другой стороны. Да, как Вебер и предполагал, оставшиеся караванщики обнаружили именно тут, такие же изодранные на части, окровавленные, очоченевшие, еще толком и не начинавшие гнить. Всего семнадцать тел, двоих не хватает. Илья медленно пошел вдоль каравана, всматриваясь в тех, кто был обезображен меньше других. «Балалайка» вела запись, одновременно сопоставляя зафиксированные лица с базой членов экспедиции.

– А вот и вы, профессор... – негромко пробормотал он, когда электроника в его голове сообщила о совпадении с базой данных. – Простите, если потревожил.

А. Д. Горин, 57 лет. Настоящий ас разведки полезных ископаемых, правая рука

Пономаренко из Наукограда и один из главных инициаторов похода, лежал на заиндевевшей сибирской земле, чьи недра так хорошо знал. У мужчины не хватало левой ноги и руки, а в левом боку зияла неровная дыра, будто проткнули лопатой. Вебер нагнулся, чтобы засвидетельствовать факт гибели профессора.

Наверное, можно было поразмышлять, что же с такой звериной силой и человеческой жестокостью унесло девятнадцать жизней, но Вебер предпочитал лишь смотреть. Пусть потом Колокольчик и таинственный заказчик сами ломают головы, почему это неведомый хищник, уничтоживший караван несколько месяцев назад, не стал подъедать трупы. Или почему пометил территорию так, что заходить на нее теперь не рискуют ни лисы, ни росوماхи. Он – глаза заказчика, а не мозг. Он заснимет покореженные борта, засохшие потеки на стенках фургонов, мертвецов и другие детали, способные помочь восстановить картину.

Забросив автомат за спину, Илья присел, вынимая из окоченевшей руки ближайшего трупа пистолет. Повертел в руках, внимательно разглядывая простенькую модель «Русича», которой обычно вооружались частные охранные фирмы или почталыоны. Открыл затвор, заглянув на просвет, проверил магазин. Да, из оружия стреляли, успев выпустить четыре пули. Вероятно, с другими стрелковыми единицами каравана та же история... Отложив пистолет на землю, Вебер направился к накренившемуся вездеходу.

Двери были открыты, внутри пусто, всё усыпано мусором, грязью, комками земли и листьями, нанесенными ветром. Ухватившись за скрипнувшую створку, он подтянулся, с хрустом запрыгивая на заснеженную гусеницу. Протиснулся в салон.

Остановка застала людей за разными делами. Кто-то пил кофе, уронив чашку, кто-то спал, судя по застеленной койке и смятому одеялу. Они встали на опушке, чуть не столкнувшись с передовой машиной, а потом на них что-то напало. Что-то, способное вскрывать вездеходы, словно консервные банки. Люди схватили оружие, ринулись наружу. Где и остались, дожидаясь весны, тепла и червей.

Придерживаясь за мебель и поручни вдоль стен, Вебер прошелся по покатоному полу, протиснулся в кабину. Сел на место штурмана, выдвигая на себя бортовой компьютер. Машина включилась медленно, словно недоумевая, кому понадобилось тревожить ее сон, обещавший стать вечным. Заработали резервные батареи Ллейтона, техника ожила, человек вытянул из приборной панели тонкий шнур психопривода, присоединяя его к своей голове.

Беглый анализ систем командной станции показал, что на всех трех машинах двигатели работали, пока до капельки не исчерпали запасы горючки. Электроника отключилась где-то через месяц после этого, переключившись на аварийный режим сна. Пыталась посылать сигналы, действуя в соответствии с протоколами об эвакуации. Но глупый процессор не знал того, что было известно Веберу или Колокольчику, – во время нападения караван вошел в «карман», одну из многочисленных аномальных зон, появившихся по всему миру после Инцидента...

При этом «Ермак» оказался полностью исправен – заправляй и езжай. Илья даже на какое-то время задумался над возможностью закупки горючего, в той же Тайге, например, и восстановления машины. Затем отбросил идею, скачивая в «балалайку» нужную информацию и выключая бортовые компьютеры. На вездеходе он будет менее мобилен и более заметен, а ему только и не хватало, что наткнуться на пикет Куниц, приметивших машину на трассе.

Закончив в кабине, Вебер вернулся в салон. Именно тут хранилось главное богатство, за которое их с Колокольчиком хозяин был готов заплатить немалые деньги. Ориентируясь по его инструкциям, Илья сложил откидную кровать в дальнем левом углу и опустился на корточки. Раскрутил болты на одной из жестяных пластин пола, открыл неприметный тайник. Прислушиваясь к тишине, окружавшей место гибели каравана, вынул из ячейки что-то плоское, похожее на коробку с сигарами. Добыча в прочном корпусе с нанопокрытием, обеспечивающим содержимому безопасное сканирование, оказалась увесистой. Илья с сожалением признал, что сможет взять из пищевых запасов экспедиции чуть меньше, чем

рассчитывал.

Проверив электронный и механический замки, запиравшие тяжелую шкатулку, Вебер сбросил с плеч рюкзак, упаковывая трофей. Это ради него он протопал больше тысячи километров, диким зверем скрываясь от людей, выбирая самые неприметные тропы. Ради него огибал опасные радиоактивные зоны и «карманы», отбивался от мутантов и лесных лихачей. Ради матового черного футляра весом в несколько килограммов. Ради собственного безбедного будущего.

Закончив, Вебер вскрыл продуктовый отсек. Придирчиво выбрал несколько банок, читая этикетки с содержимым и составом, тоже спрятал в удобный заплечный мешок. Настроил анатомическую раму из прочного пластика на увеличенный вес, забросил за спину.

И вдруг услышал.

Снаружи, где-то по курсу вездехода. А еще через пару секунд на крышу «Ермака» мягко приземлилось что-то тяжелое, заставившее железо прогнуться и заскрипеть, заскрежетало по обшивке, ударило смрадом в щели и распахнутые окна.

Срывая автомат, Вебер без раздумий бросился в люк, будто прыгал в бассейн. Болезненно ухнул с высоких траков на левое плечо, перекатываясь по холодной отсыревшей земле. Вскочил, обернулся и припал на колено, прижимая к щеке приклад «Смерча».

CREDITUM XVIII

Встреча двух драконов состоялась, как обычно, на защищенном канале связи, посреди необъятной Цифры, в свое время получившей удар, но устоявшей. На этот раз просителем беседы был Фуцанлун, дракон скрытых в земле драгоценностей. Бросив вызов, он терпеливо выжидал, зорко посматривая по сторонам. Если многочисленные программы-стражи заметят хоть малейший намек на несанкционированное проникновение, Фуцанлун растворится в сети, как юркая рыбка уходит в илистое дно.

Шэнлун, божественный дракон грома и ветров, пришел по первому зову, почти не заставив себя ждать. Чаще именно он становился инициатором встреч. Но если младший товарищ посылает весть, дело того стоит, и умудренный годами муж обязательно снизойдет.

Два человека, с помощью всемогущей сети сумевшие обрести длинные чешуйчатые тела, не спешили начать разговор. Снова и снова проверяли они надежность канала, на котором собирались делиться знаниями. Тайна, маски и отлично скрываема ложь стали символами эпохи пред-Цифры, они же не потеряли актуальности и после того, как планета содрогнулась, едва не погибнув под укусами тритонов, отравой «синдина» и рождением Станции.

Приветствие было кратким и не высокопарным. Так могли здороваться только два существа, уже не первый год знающие друг друга, доверяющие друг другу, а не привыкшие тратить время на лишние слова. Чуть позже, и Фуцанлун это точно знал, когда он расскажет старшему товарищу припасенные новости, тот припомнит одно-два разумных высказывания древности, наиболее соответствующие моменту. Но пока:

– Все ли благоприятно в твоей работе, Фуцанлун?

– Спасибо, товарищ, пока всё идет согласно намеченному плану. Тревоги нет, я осторожен.

– У тебя есть новости?

– Да. Появились основания полагать, что мой хозяин в самом скором времени обнаружит объект «Фетус».

На какое-то время Шэнлун задумался, плавно покачивая головой. Над его гребнем пронеслись два молниеносных стража, какими была полна виртуальная пещера, служившая местом встреч.

– Нет ли сомнений?

– Есть, – честно ответил дракон подземных богатств, не привыкший преувеличивать без причины, – новые обитатели объекта проявили излишнюю активность, что позволило

моему господину выйти на след...

– Но след стыл и виден нечетко?! – закончил за него Шэнлун.

Программа для ведения переговоров позволяла играть интонациями трансформированных голосов, и Фуцанлун вдруг услышал в вопросе старшего дракона флейты раздражение.

– Это так, уважаемый Шэнлун. – Темно-бронзовая голова склонилась в почтительном поклоне. – Но это первый внятный след, и мы собираемся идти по нему до конца. Я лично подтолкну господина, вы можете быть уверены.

Ярко-красный дракон, принадлежавший старшему из собеседников, неспешно изогнулся, меняя позу. Было ли это демонстрацией несогласия или программа так отреагировала на эмоцию оператора, Фуцанлун не знал. Он терпеливо ожидал ответа, и тот наконец последовал.

– По здравому размышлению, товарищ, ты принес хорошие вести. Командование торопит с реализацией проекта, этим и вызвано мое нетерпение... Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, а маленький человек становится безрассудным. Прошу не держать зла. – Агатовые глаза Шэнлуна засветились. – Если обнаруженный твоим хозяином след хотя бы наполовину правдив, мы близки к цели, как никогда со времен Перерождения.

– Спасибо, товарищ, – снова поклонился бронзовый змей. – Еще у меня есть просьба.

– Я слушаю.

– Мой хозяин будет действовать активнее, если в его землях продолжатся события, подрывающие созданный авторитет. Если командование сумеет воздействовать на этого человека, усилив давление, он не бросит поисков.

– Я услышал тебя, Фуцанлун, и постараюсь принять все необходимые меры. Мы попробуем усугубить ситуацию, чтобы твой хозяин начал более активные поиски.

– Спасибо...

– Если это всё, то мне пора.

– Я был рад нашей беседе.

– Не забывай, кто ты, Фуцанлун. Не забывай о долге и осторожности. Будь змеей, будь белкой, если того потребует ситуация, стань тенью и растворишься в порывах ветра. Помни, что, утром познав истину, вечером можно умереть.

– Я буду осторожен, обещаю.

CREDITUM XIX

Мир всегда был и будет поделен на черное и белое. На тех, кто сверху – пробрались, запрыгнули, пролезли или элементарно там родились. И на тех, кто снизу – родились там или невольно рухнули. К этой простой мысли Митяй пришел сам, чем немало гордился. Сыграли свою роль прочитанные книги и фильмы, которые заботливый Напильник крутил для кропоткинцев субботними вечерами в актовом зале лагеря. Не изменилось ничего и с наступлением Толчка.

Где-то в большом мире по-прежнему заправляли верхолазы, на них трудились тысячи рабов, схожий мирок они построили в Кропоткине. И это, по нехитрому разумению парня, и плохо-то не было. Раз так заведено, значит, так тому и быть. Ночные драки на ножах в душевой комнате ничем не отличаются от офисных подстав, которыми карьеристы топят конкурентов. Везде есть свои цари и свои холопы. Были, есть и будут. Хоть еще триста лет пройди.

Терзало его, вышагивающего незнакомыми лесами куда глядят глаза, совсем другое.

Размывая неспешные мысли на крохотные составляющие, Митяй пытался понять, что делать дальше. Сорвавшись с Олимпа системы, лежавшей на грязном дне другой системы, гораздо более масштабной, он вдруг будто потерял себя во всех смыслах этого слова. Спешить было некуда, а потому раздумья выходили монументальными,

основательными.

Сдаваться на предприятия не хотелось, во всяком случае, сейчас. Слишком свежа память о днях, когда у него было почти всё, что пожелает душа. На фабриках государственных, разумеется, работников и кормят, и поят, и спецодежку выдают, но условия труда каторжные, как на старинных галерах, про которые Митяй тоже читал.

В лесах этих он долго не протянет. Все познания о чаще, увы, сводились к нескольким брошюрам про несъедобные грибы да русским сказкам о говорящих зверях. Их, интернатовских выкормышей, штамповали в качестве придатков к токарным станкам, почти ничего не рассказывая о том, как там оно – за оградой. Особенно в таких чащобах.

Идти в деревни тоже нельзя. С деградацией родных сел и заимок Митяй, как и со многим другим, столкнулся всего тройку лет назад, когда укрепляли обороноспособность Кропоткина. Доступно и кроваво объясняли они любопытным деревенским, что дети здесь живут сами по себе... вот тогда-то понасмотрелся мальчишка на лесное мужичье. И поразился не по годам – не могло такого с людьми произойти за короткий период после Толчка. Чтобы человек превратился в животное, которому в жизни не нужно *ничего*, трех с половиной лет недостаточно. Значит, вымирание началось раньше, сильно раньше.

А уж когда после катастрофы начались волнения, грабежи, откровенный голод и кто-то решился попробовать человечины... Нельзя в деревни, нельзя. Возьмут, пожалуй, бродячего щенка на работы, дрова колоть или землю пахать. Но потом оглянуться не успеешь, как тебя к Новому году на праздничный стол. Главным блюдом.

Оставалось одно – потеряться в большом городе, куда Митяй так мечтал когда-нибудь попасть. Не при таких обстоятельствах, наверное, но раз житуха подкинула сюрприз, будем выкручиваться.

В идеале, разумеется, нужно идти до Анклава. Или вообще до Дыры на полуострове, о которой так много мифов. А вдруг там и правда двери в Рай, где всё есть и ничего не надо делать? Но до Анклава, по самым скромным подсчетам Митяя, несколько тысяч километров – не дойти, сгинет запросто. Он и так за минувшую неделю чуть не утонул в болоте, едва не наткнулся на волчью стаю и только в самый последний момент обошел «грязную» рошу.

Выходит, остается только Новосибирск. Город крупный, затеряться в нем будет несложно. Выгорит, если найдет бездомных, вольется в клан. Про их беззаботные шайки еще в старом интернате баек ходило предостаточно. Воровать Митяй умел и не боялся, мог и грабить, ну а подаренный «дыродел» поможет ему получить в уличной своре уютное и не самое холодное местечко...

Однако, когда дело дошло до выбора маршрута, паренек упал духом.

Примерно вычислить, где восток или юг, он, в общем-то, мог. Мог даже следить за длиной шага, чтобы не закручивало против часовой стрелки. Но стоило тучам скрыть тусклое небо, как ориентация рушилась, заставляя бродить почти кругами.

Именно поэтому Митяй так обрадовался деревне, замеченной на соседнем холме. Крохотная, домов на двадцать, но всё же деревня! Хоть и брошенная, хоть и разворованная давным-давно, но чем-то она его порадует точно. Наверняка найдется схрон или замаскированный подпол с едой, а может быть, удастся разбогатеть картой или еще чем, способным указать направление.

Было где-то к полудню, точнее определить Митяй не умел. Разглядывая свою прозрачную тень, крысой выющуюся у ног, мальчишка неспешно шел к деревне, внимательно прислушиваясь и оглядываясь. «Дыродел», готовый к стрельбе, был засунут под ремень штанов – только выхвати. Ему очень хотелось есть, хоть бросайся к ближайшим развалинам, начиная выискивать тайники. Но мальчишка не спешил. Может быть, он и не самым лучшим образом ориентируется в лесных лабиринтах, но в выживании разбирается достаточно хорошо.

Разглядывая пустые оконные проемы, слепо провожающие его взглядами, Митяй вошел в деревню, прочитав покосившуюся черно-белую вывеску, гласящую: «Олино». В вывеске, ровнехонько в центрах букв «о», красовались дыры от ружейных выстрелов. Таких

поселений-призраков в округе существовало много, буквально сотни. Часть их была покинута сразу после Толчка, когда охватившая мир паника бросила к городам тысячи провинциалов. Часть была заброшена давно, еще лет сорок назад.

Осмотрев ближайший перекресток, Митяй убедился, что деревушка пуста, и решил заглянуть в первый дом. Под ногами хрустели камешки, куски кирпичей, осколки и сухая трава, которая этим летом снова вернется в Олино, медленно утягивая избы под землю.

Осмотр комнат ничего не дал – хозяева дома, мародеры и такие же, как он сам, бродяги давно вынесли из комнат всё нужное, полезное, способное хоть как-то пригодиться в быту или походе. А вот подпол, к приятному удивлению мальчишки, был скрыт. Да хорошо, надежно, так и не обнаруженный до сих пор. Невольно стараясь шуметь поменьше и не грохотать сваленными в углу досками, Митяй расчистил кусок пола, разглядывая люк. Подобрал железный штырь, начал возиться с запором. Крышка поддавалась неохотно, но довольно быстро.

В лицо дохнуло сыростью и нестерпимой вонью. Несмотря на это, Митяй долго ждал мышиного писка, доказавшего, что воздух в подполе чист. Сходил на двор. Не сразу, но отыскал и втащил в разграбленную избу более-менее надежную лестницу. Остаться в подвале, даже наполненном едой, навсегда не входило в его планы, а потому он устроил конструкции основательный краш-тест, попрыгав на всех ступеньках. Убедившись, что лестница выдержит, парень наскоро собрал из старого тряпья простенький факел, запалил от спички и спустился вниз.

Надежды оправдались не полностью. Главным богатством погреба когда-то была картошка, теперь окончательно сгнившая, да несколько банок солений, наполненных настолько мутной жидкостью, что их качество не вызывало сомнений. Однако и совсем отворачиваться удача от Митяя не спешила. Едва сдержав радостный возглас, он обнаружил несколько брикетов искусственной консервированной рыбы и стеклянную бутылку вина, запаянную сургучом или чем-то подобным. Наспех сгрузив добычу в мешок, он еще раз осмотрелся и спешно покинул подвал, в котором было почти невозможно дышать.

Выбрался из дома, жадно глотая ртом свежий весенний воздух. А затем вдруг услышал голоса, долетающие откуда-то слева. Над развалинами Олино стояла мертвая тишина, а потому даже самые негромкие звуки порхали над коробками домов дальше обычного. Похолодев, Митяй отодвинулся в тень, нащупывая на поясе пистолет.

Голосов было два, женский и мужской. Он ругался, чем-то гремя, она ворчала, иногда повышая голос до гневных окриков. Медленно, внимательно переступая через хрустящий мусор, мальчишка двинулся в сторону людей, держа руку на оружии. Обогнул дом, затем обвалившийся сарай, из-за лысых кустов дикой малины рассматривая соседнюю улицу.

Обоим было лет по пятьдесят, не меньше. Столько же, казалось, исполнилось понурой лошадке, запряженной в телегу. Телега потеряла колесо, и именно его пытался пристроить обратно плюгавый мужичок, ругаясь собственной неловкости и беззлобно огрызаясь на женщину. Присмотревшись, Митяй обнаружил, что повозка заполнена самым разным хламом, от сломанных игрушек до ржавых лопат. Мародеры, если этот термин применим к собирательству в мертвых деревьях...

– В руки тебе нагадить, дурень, чтоб прилипало. – Толстая тетка в старом бледно-розовом пуховике сидела на пустой железной бочке, даже не глядя в сторону телеги. Лузгала семечки, покачивая пухлыми ногами, и нетерпеливо дергала подбородком. – Говорила тебе, что скрипит справа, ты не верил...

– Что ж ты умная-то у меня такая? – пытаюсь половчее накинуть колесо на ось, бурчал мужик. – А коли умная такая, так чего ж такая бедная?

Внимательный осмотр барахла, заполнявшего телегу, показал, что оружия у трофейщиков нет. В то, что абы как одетый мужик носил под грязной курткой пистолет или «дрель», Митяй как-то не верил. А потому вышел из своего укрытия безбоязненно, хоть и осматриваясь по сторонам.

– Бог в помощь, батя, – негромко поздоровался он, встав так, чтобы одновременно

успешно видеть обоих.

Мужичок от неожиданности вздрогнул, с грохотом роняя колесо и едва не угодив им по ноге. Женщина чуть не подавилась семечками, затравленно вскакивая с бочки.

– Уф, чертяка... напужал, – она шумно переводила дух, разглядывая мальчишку. – Ты что ж это на людей-то кидаешься, поганец такой?! – Оправившись от испуга, тетка пыталась скрыть раздражение встречной атакой. – Меня чуть Кондратий не обнял, так колотит...

– Тихо, Натаха!.. Спасибо, малец, коль не шутишь, – негромко ответил мужик, поднимая упавшее колесо. Нагибаясь, он при этом не спускал с Митяя глаз, влажно блестящих от какой-то болячки. – Ты один тут али твои дружки за домами попрятались? Если что, с нас взять нечо, сам видишь небось.

– Один я.

Мужичок почесал затылок, сдвинув на лоб старенькую ушанку из искусственного меха. Пошамкал губами, раздумывая над услышанным.

– А откель тут взялся-то? Места дикие, нехоженые...

– Оттель. – Паренек неопределенно мотнул головой. Любопытство дикарей было ему вполне понятно, но раскрываться перед ними он не собирался. – А вы сами-то откуда будете?

Мужичок и тетка переглянулись. Бойкий мальчонка, самостоятельный...

– С Тайги мы, – щетинистый кадык мужичка дернулся, рука вытянулась на восток. – Городок такой тут есть, меньше дня топать, слышал, может?

– Слышал, – кивнул Митяй в ответ. Ему не очень нравилось, с каким интересом и любопытством рассматривает его женщина в розовом пуховике. – Да только Тайга вроде севернее.

– Ну не так-то уж и севернее. – Не спуская с мальчишки слезящихся глаз, мужик вернулся к починке телеги. Надел колесо, принялся возиться с крепежом. Нет-нет да и поглядывал на Митяя, стоящего в паре десятков шагов. – Ты, видать, заплутал, малец, раз так считаешь.

– Может, и заплутал, – согласился тот. – Мы вообще с родней к Нижневартовску шли, пока на караван Куницы не напали. Родителей убили, только я и убежал...

Он не помнил, где услышал подобную историю, но память услужливо предложила нужную легенду. Таких, как он, на здешних дорогах нынче немало. Для правдоподобности на последних словах Митяй заставил свой голос заметно дрогнуть.

– Оссподи ты боже мой, Петенька, ты посмотри только... – всплеснула руками тетка, рассыпав семечки. – Никуда от иродов не деться. Бедный ребенок.

И обменялась с мужичком долгим выразительным взглядом, суть которого парнишка не понял. Но насторожился.

– Знакомое дело, эти теперь никого не щадят, – со знанием дела покивал низкорослый Петенька. – Сами из Норильска в свое время двинули, – он сплюнул на деревенскую улочку. – Да только так никуда и не дошли, в Тайге осели. А теперь боязно высовываться, лютуют, сволочи...

Он вынул из кармана бумажный пакет махорки, скрутил себе папироску.

– И как там, в Тайге? – с деланным равнодушием поинтересовался Митяй.

– Да нормально. – На этот раз мальчишке ответила Натаха. – Было пустое место, стал настоящий город. Да и безбожников тут можно не бояться, у посадника местного братва надежная, почистили окрестности. А потом людей разных понаехало, все кинулись нефть искать в новых разломах. А мы вот по окрестным деревням инструмент какой добываем, им недорого сдаем, тем и кормимся... Ох ты ж... Да ты, родненький, небось голодный – вон какой худой. Ты иди, тетя Наташа тебе хоть сухариков даст, а то одна кожа да кости.

И тетя Наташа, взглянув на спутника многозначительно и быстро, зашаркала к телеге. Старый конь, запряженный в повозку, послушно ждал, повесив косматую голову. Где-то над полями, когда-то деревенскими и пахотными, перекрикивались вороны или грачи.

Кушать, конечно, хотелось. Но и отвечать на щедрое приглашение Митяй не торопился.

– Худой-то худой, да крепенький, – вдруг прокомментировал Петенька, сквозь

табачный дым рассматривая мальчишку. – Недавно, небось, плутаешь?

– Не знаю, – честно ответил Митяй. Встав вполоборота к телеге, он наблюдал, как Натаха ковыряется в мешках. – На карте Тайгу показать сможете?

– Так зачем тебе карта? – так и не найдя сухариков, тетя Наташа снова всплеснула руками, глядя на мужичка в поисках поддержки. – Ты с нами давай! Мы уже возвращаться собирались, да, Петенька? Вот и доведем тебя до городка, так не промахнешься.

– Да я вообще редко промахиваюсь, – негромко сказал Митяй, наблюдая за Петенькой. – Вы лучше пальцем ткните, я сам как-нибудь...

– Не, малец, самому не получится.

Петя, на какую-то секунду исчезнувший из поля зрения за тучной подругой, вдруг шагнул в сторону, поднимая жутковатого вида ружье.

– С нами пойдешь, ясно? – глаза его слезились, но узловатые пальцы крепко сжимали самопал, нацеленный на паренька.

– Людоеды? – равнодушно поинтересовался Митяй, успев разглядеть простую и ненадежную конструкцию аркебузы.

– Осподи ты Боже ж мой, – весьма натурально обиделась Натаха, ласково улыбнувшись, – да с чего ж ты взял, родной?

– Тихо ты, дура! – глухо рыкнул Петенька. – Иди-ка сюда, малец, – приказал он, качнув стволом, – мешок скидывай да смотри не глупи, ясно?!

– Не, не пойду. – Митяй улыбнулся тетке так, отчего та сразу нахмурилась и как-то сникла. – А вам советую запальник этот бросить, от телеги свалить и руки держать так, чтоб видно было. Поняли меня?

– Ты чего это, малец, – Петенька часто заморгал, смахивая с ресниц слезы. – Страху не имеешь? Говорю тебе, сюда шагай, а то пальну. Надо будет, мы тебя и мертвого продадим, так что ты не шути!

– Я сказал: оружие в кусты и руки в гору, – будто не услышав Петеньку, распорядился мальчишка. – Мы оба отлично знаем, что ты из своего пердякала с пяти шагов в корову не попадешь. А я вот не промахиваюсь, предупреждал ведь...

И он мягким, уверенным движением вынул из-за пояса «дыродел», прицеливаясь в мужичка.

Лица взрослых осунулись и побледнели, настроение передалось коню, мотнувшему башкой и шумно фыркнувшему.

Петенька оказался крайне сообразителен и умен.

– Сука... – тихо прошипел он сквозь зубы, приготовившись опустить самопал на землю, но Митяй отрицательно покачал головой.

– В кусты швыряй.

Швырнул. Не то чтобы очень далеко, но на несколько шагов, сразу не найдешь.

– А теперь выкладывайте всё, что в карманах есть, и пошли вон, пока добрый.

– Ты что же это, родненький, грабишь нас?! – искренне удивилась тетка. – Про семью свою забыл, которую такие же ироды жизнью лишили? Осподи ж ты Боже мой, что ж это творится?

Митяй смотрел в худые лица истощенных жизнью людей, испытывая непреодолимое желание нажать на спуск. Если не убить, то хоть колени продырявить ублюдкам, еще минуту назад хотевшим взять его в плен. Что они собирались сделать с мальчонкой дальше? Съесть? Продать в Тайгу добытчикам, как пару крепких рук? Митяй не знал и гадать не собирался.

– Карманы наружу! – Он встал удобнее, беря пистолет двумя руками, чтобы не промазать.

Повиновались. Причитая и бормоча проклятия, выложили на траву смятые купюры, какие-то блестящие безделушки, патроны и табак.

– Пшли вон, – злобно процедил мальчишка с пистолетом, больше не глядя на мародеров. – Увижу еще раз – завалю.

Сказано было самым обыденным тоном, но Петенька и Натаха выживали в этих глухих местах уже не первый год, а потому сразу поняли, что за угрозой стоит нечто реальное, вполне готовое воплотиться в жизнь.

– Ты уж не серчай, малец, – держа руки перед собой, лепетал мужичок, пятясь от повозки. Казалось, что с перепуга глаза его начали слезиться еще сильнее. – Понимаешь же, неглупый, видно сразу. Выживаем как умеем. Это всё жизнь такая, будь она неладна...

Митяй понимал и даже почему-то не особенно винил этих нескладных бедолаг, пытавшихся выжить и заработать как могли. Если уж испытывать гадливость, то не к людям, а к условиям, в которых они существовали. Хотя и симпатией тут не пахло, поэтому паренек скривился, пряча пистолет.

Натаха еще что-то лепетала, но мужик настойчиво тянул ее подальше – вдруг безумный малолетка решит и сам отведать свежего жареного мяса... Скрылись из виду, но Митяй знал, что они где-то неподалеку, наблюдают.

Подошел к повозке, брезгливо разглядывая наворованный хлам. Ничего путного не нашлось, поэтому он собрал лежащие на земле деньги, а патроны растоптал. Прихватил из повозки бутылку с водой, исцарапанный электронный навигатор со встроенным компасом и сухари, на самом деле обнаруженные в вещах женщины. А затем взял ржавый топор, нашедшийся тут же, и несколькими широкими ударами перерубил ближайшую оглоблю. Конь всё еще пофыркивал, косясь на чужака и скаля зубы, из-за ближайшего дома были слышны истеричные завывания Натахи.

Бросив топор в повозку, Митяй сориентировался по трофейному прибору и широким шагом направился на восток. Перекусить найденными в подполе консервами он сможет и чуть позже.

CREDITUM XX

Она работала, он отдыхал. Смотрел на копну темных волос, мерно вздымавшуюся и опадавшую вниз, но мысли витали где-то далеко. Она старалась, изо всех сил старалась, но ему было почти всё равно. Плоть оставалась налитой, и не думая стремиться к разрядке, как бы девчонка ни старалась, помогая рукой и постанывая.

Заложив руки за голову, Султан взглянул в потолок, щурясь и покусывая кончик уса.

– Быстрее, – приказал он, и Жанар повиновалась, ускорив темп.

Это помогло, разметава тревожные думы, заставив сосредоточиться на процессе, и он подался вперед, словно помогая девчонке делать свое дело. Какое-то время еще был далеко, но затем дыхание участилось, на лбу выступила капля пота. Рывком оторвав Жанар от себя, Темирбаев перевернул ее на живот, заставив встать на колени. Вошел быстро, излишне жестко, но девочка была привычной, предпочитая терпеть, но оставаться фавориткой. Томно вскрикнула и завиляла телом, охотно помогая хозяину.

Выплеск случился быстро, агрессивный и скоротечный. Зарывав, Султан с силой охватил полные девчины ягодицы, повалившись на ее гладкую спину и полностью подмяв под собой. Волна расслабления прокатилась по телу, наполняя сладкой усталостью, и он облизал пересохшие губы.

Перекатился в сторону, со вздохом облегчения раскидывая руки, и блаженно прикрыл глаза.

Жанар, вспотевшая и молчаливая, аккуратно отползла по кровати влево, заботливо подложила под его голову подушку.

– Я закурю?

– Валяй. И спой мне.

– Конечно. – Дотянувшись до прикроватной тумбы, она взяла сигареты. Айбар услышал, как чиркнула спичка, увидел клуб дыма, уплывший под потолок. – Что тебе спеть?

– Про лошадей.

Жанар, самая любимая из его девочек, набросила на бедра простыню и негромко

запела. За окном шумел населяющий Тайгу люд, через приоткрытую балконную дверь апрельский ветерок доносил разговоры, брань, цоканье конских подков по асфальту и далекое урчание вездехода.

Песня усилила эффект от секса, прогоняя неожиданное раздражение, охватившее его с самого утра. Старинная, протяжная, она нравилась Айбару больше всех. Наверное, он и Жанар-то приблизил, потому что умела петь на казахском... Хотя нет, ртом она тоже работает отлично.

Вслушиваясь в плавные, полные грусти напевы, Султан улыбнулся, едва ли не впервые за всё утро. Он никогда не был тем, кто позволяет плохому настроению надолго завладеть собой или нарушить планы. И не станет. Сильный и обновленный Айбар Темирбаев был новым героем нового мира, и это накладывало массу обязанностей. Например, никогда не сгибаться под тяжестью будней.

Жанар закончила песню, потушила сигарету в крохотной бронзовой пепельнице. Потянулась к хозяину, ласково проводя рукой по плечу, многочисленным шрамам, но он отбросил ее пальцы. Не злобно, без лишней жестокости, незатейливо дав понять, чтобы не мешала.

– Уходи.

Но умничка оценила всё и так. Мягко выскользнула из-под простыни, торопливо оделась. Взяла из выдвижной полки небольшую ампулу, заполненную густой сиреневой слизью, – после визита к Султану ей положен выходной, и девка знала, как провести его с пользой для себя. Молча покинула квартиру, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Темирбаев, сладко потянувшись всем телом, встал с кровати. Как был голым, прошел в ванную комнату, постоял над унитазом. Вернулся, продолжая тонко улыбаться, собрал разбросанную по полу одежду, натянул штаны. И почти сразу в очередной раз убедился в том, что если утром к тебе приходит предчувствие дурного, это неспроста и нужно готовиться к дурным вестям...

В дверной косяк постучали, и Султан направился в кабинет.

– Входи, Фэн.

Поднебесник, стук которого Айбар мог бы отличить от сотни других, вошел в кабинет Султана, вежливо кланяясь. Окаменевшие скулы помощника не предвещали ничего хорошего. Длинная коса была обернута вокруг шеи, увенчанная причудливой серебристой подвеской. Такой же узор украшал рукоятки двух «дыроделов», дремлющих на бедрах боевика.

– Говори, – распорядился Темирбаев, вынимая из стола знакомую бутылку. – Садись.

Вэйань молча занял указанное место, принял из рук господина стакан с кедровой настойкой.

– Недобрые вести, хозяин, – перевела «балалайка» Темирбаева с секундной задержкой. – В западном квартале гудит народ.

Застыв у окна и глядя на центральный перекресток Тайги, Султан провел пальцами по усам. Он не задавал вопросов, позволяя главе СБА рассказать все детали.

– Две экспедиции. Вернулись с севера, участки 145 и 97. Работают семейными артелями, берут на промысел детей. Дети пропали. Трое.

– Заблудились в лесу? – негромко спросил Темирбаев, уже зная, что услышит в ответ.

– Нет, хозяин. Люди уверены, что детей украли.

Мысленно, почти не изменившись в лице, Айбар выругался, длинно, вычурно и смачно.

– Ты смог что-то узнать?

– Пока нет, хозяин. Но почти собрал разведывательный отряд на север. Мы выясним, куда пропадают дети.

Султан снова выругался, на этот раз вслух. Залпом допил настойку, плеснул себе еще, тяжело опустился в рабочее кресло. На помощника смотрел угрюмо, исподлобья, постукивая пальцем по краю стола.

– Чего шумят? – каким бы местом ни повернулась жизнь, он привык видеть картину

полностью.

– Говорят, что ты не можешь их защитить. Пущен слух о людоедах из окрестных деревень, люди готовы взяться за оружие. Пока там человек сорок. Мои воины следят за сходом, но не вмешиваются.

Проклятье! Пока он тут засовывал свой член поглубже в глотку Жанар, его крохотный Анклав начал крошиться с одного бока.

– Иди туда. – Султан умел принимать решение мгновенно, не тратя драгоценного времени на лишние размышления. – Объяви людям, что я подойду через полчаса. Пусть Пружинка наберет для газетчиков нужный текст. Дети будут найдены, виновные повешены на столбах, безопасность Тайги и участков восстановлена. Вычисли зачинщиков. Незаметно уведи их от толпы, если понадобится – пересчитай ребра.

– Будет исполнено, хозяин.

Фэн встал, широкоплечей громадой нависая над столом, поставил недопитый стакан. Решительно вышел в коридор, и еще какое-то время Темирбаев слышал его тяжелые шаги.

Некоторые неприятности похожи на ногти – сколько ни обстригай, всё равно вырастут снова. Если не отрубить палец, конечно. Султан умел рубить пальцы. Только вот понять бы, из чьей руки они растут.

CREDITUM XXI

Где-то там, высоко-высоко над хмурыми недовольными тучами, шел спутник. Одно из детищ треснувшей цивилизации, едва не уничтожившей саму себя. Скорее всего «наукомовский», как же иначе? Именно эта корпорация сохранила наивысшее орбитальное господство, когда аппараты других компаний вдруг отключились или начали падать, сгорая спичками.

Глядя на плотные скопления сиреневых туч, грозящих скорым дождем, Илья представлял себе этот небольшой летательный аппарат. Как посетитель кладбища, двигался тот по земной орбите, провожая взглядами объективов сотни и даже тысячи собратьев, отказавших после Инцидента. Даже мертвые, железки послушно продолжали путь по заданным инженерами орбитам, чтобы через много дней или лет начать снижаться к ослепительной вспышке атмосферного пекла. Среди них вертелись выжившие, подмигивающие ночному страннику маячками датчиков, корректирующих прицелы антенн, продолжавшие трудиться ради запустившего их человека.

Невероятно, но после того, как из строя вышла несметная куча электроники и техники, после того как покачнулась Цифра, а с небес рухнули целые стаи самолетов и «стратов», человек вдруг стал куда бережнее относиться к своим творениям. Илья читал в каком-то научном журнале, случайно наткнувшись на публикацию в сети, что процент железнодорожных или авиационных катастроф за последние три года стремительно пошел на убыль.

Словно испугавшись, что потеряют последнее, люди вдруг стали внимательнее относиться к уцелевшим приборам, машинам и механизмам. Теперь, насколько знал Вебер, перед любым взлетом или выходом из депо технику проверяли не только специальные программы, но и человек. Как сто лет назад бригады рабочих внимательно обследовали сцепки, аэродинамические подушки, герметичность баков или калибровку приборов. Человек испугался, стал более собранным и внимательным. Только вот надолго ли?..

В «балалайку» поступил знакомый сигнал, орбитальный аппарат вышел на нужный сектор. Спутниковый телефон уже был подключен к затылку, поэтому на последовавший вызов Вебер ответил почти без промедления.

– Привет, Леший.

От звуков приятного женского голоса Илья вздрогнул. Уже много дней он слышал вокруг себя только шум крон, вой животных и шепот собственных шагов. Еще изредка разговаривал сам с собой, что говорило о том, что нервной системе пора основательно

отдохнуть...

– Привет, Динь-Динь, – выплюнув веточку, которую жевал, поздоровался Вебер. – Что нового?

– Нет, дружище, на этот раз моя очередь, – ответила девушка. Кажется, она была в самом хорошем расположении духа. – Что нового у *тебя*, бродяга?

Ломщицу можно было понять. Несколько дней тишины, полной тишины и отсутствия вестей. До тех пор пока Вебер не прочесал нужный «карман» вдоль и поперек, обнаружив останки каравана. Конечно, она хотела знать...

– Я нашел, – просто сказал он, с легкой улыбкой расслышав, как счастливо взвизгнула Колокольчик. – Всё у меня, данные о караване собраны.

– Горин?

– Мертв. Они все мертвы, я не нашел только два тела. – Перед глазами всплыла картина оледеневших трупов, изодранных на куски. – Вероятно, работа зверя. Крупного, сильного и быстрого. Может быть, скиталец, но если это так, то порода вышла на новый уровень...

– Печально, – коротко прокомментировала Колокольчик. Наверное, ей было наплевать, она и мир-то познавала глазами спутников, чужих серверов и сетевых камер. – Хотя прогнозы изначально были неутешительны. Значит, посылка у тебя.

– У меня. Готов возвращаться.

– Это самая лучшая новость, – взалел ответила Динь-Динь. Будто и не узнала только что о гибели почти двух десятков человек. – Обратный курс просчитан и запрограммирован в твой телефон, закачивай на «балалайку».

Подтвердив передачу, Вебер слил пакет через психопривод, на что встроенный в организм гаджет ответил мерцающей пиктограммой в уголке глаза. Илья раскрыл полученный файл, тут же спроецировал на карту с собственными пометками, о которых Колокольчик еще не знала. Выходило удачно, но долго.

– Через Тайгу?

– Тебе все-таки придется туда заглянуть. – Ломщица всё еще улыбалась, это было слышно по ее тону. – Приказ шефа. И объективная необходимость. Тут и тут, – на карте Вебера мигнули огоньки, – отмечена активность Куниц. А тут, – желтые вспышки, – собственный спутник Наукограда заметил всплеск. Вероятно, новый разлом радоновых плит или одна из ракетных нор «протекла». Босс изучил ситуацию и приказал двигаться данным курсом. Там связь стабильна, есть даже сеть, будет возможность детально обсудить стратегию отхода.

– Я понял, – ответил Илья, глядя на верхушки сосен.

Он сидел на вершине высокого холма, разглядывая безбрежное коричнево-зеленое море, которое человек так и не смог уничтожить. Ноги скрещены, автомат на коленях, ноша за спиной – Илье, впервые за много недель, было настолько комфортно, что хотелось остаться тут навсегда. Пахло дождем, накатывающим стремительно и грозно, хвоей и талым снегом. Пахло весной, наконец-то решившей вернуться.

– Что нового у вас?

– Ничего особенного. Китайцы продолжают строить дорогу, скоро войдут на территорию Республики, а на полученные за это юани Правительство восстанавливает город. Так что без изменений. Окраины гудят, разве что. – Колокольчик успокоилась, наконец впитав добрые новости и перестроившись на деловой тон. – Как цыган выселять начали, так волнения идут. Ничего серьезного, но каждый день где-то да постреливают...

– А как там?.. – Вебер невольно повернулся на юго-запад, как будто пытался рассмотреть Новосибирск через разделяющие их сотни километров.

– Нормально всё, – перебила ломщица, прекрасно поняв, о чем хочет спросить напарник. – И со Светланой, и с Верой нормально, за ними приглядывают. Не отвлекайся, Леший, не трать нервы. Ты же знаешь, что если в центре начнется что-то шумное, шеф не допустит происшествий...

– Знаю, – ответил Илья, хотя на самом деле не знал.

Для босса – не конкретно этого, мифического, а для любого – люди, подобные Веберу и Динь-Динь, были всего лишь инструментами для решения сложных задач. Как поступит благодетель, когда в окно кого-нибудь из них влетит бутылка с зажигательной смесью, Илья предположить не мог.

– Вот и славно... Спутник уходит, бродяга, мне пора. Спасибо за новости! Следующий сеанс через сорок два часа.

– Добро, выдвигаюсь.

– От шефа привет, медведям – поклон.

Связь разъединилась, напыленный на глаз экран мигал значком, утверждавшим, что сигнал потерян. Закончился короткий разговор посреди лесной глуши, где и звери-то голос лишний раз подать не решаются.

Вебер спрятал телефон в чехол и сладко потянулся, хрустнув суставами. Он поведал Колокольчику всё, что намеревался, ни словом больше. Нашел, завладел, несет в указанную точку, и это максимум того, что полагалось знать заказчику. Тем, как Илья чуть не погиб, причем глупо и на самом финише, с ломщицей он делиться не станет никогда – слишком уж невероятным было событие, потрясшее и напугавшее его несколько дней назад. А потому он сохранит в личном сейфе памяти, как выпрыгнул из вездехода, вскидывая автомат...

Это был скиталец, тот же самый и уже хорошо знакомый, ошибиться сложно. На левом боку до сих пор виднелись кровоточащие раны, в несколько слоев перепачкавшие шкуру животного, сам хищник исхудал и вымотался. Было заметно, что обновленные радиацией инстинкты не давали ему времени даже на обычную охоту, подгоняя вперед только ради одного – ради уничтожения чужака, осмелившегося ненароком угодить в гнездо. Эти же инстинкты начисто стерли в голове зверя последние крупницы самосохранения, позволив приблизиться к запретному каравану, пикировать к которому боялись даже хищные птицы.

Скиталец сидел на крыше «Ермака», пригнувшись и скаля клыки. На покрытые наледью гусеницы капала вязкая слюна, из глотки вырывалось клочкотание. Уши животного были плотно прижаты к плоской голове, глаза налиты кровью. Вебер рассмотрел – полагая, что это последнее из того, что видит он на этом свете, – вибрирующие под блеклой шкурой мышцы, их плавные перекаты и размеренное подрагивание влажных широких ноздрей.

Скиталец все-таки выследил его, непрошеного гостя тайги, отлежавшись после неудачного нападения и снова взяв след. Выследил, чтобы получить реванш. Дождался, пока двуногий залезет в неудобную жестяную банку, где пахло смертью, подкрался, заняв отличную позицию. Но так и не напал, хотя мог бы обрушиться на Илью всей тушей, еще когда тот пытался покинуть вездеход.

Рассматривая вытянутую голову скитальца сквозь коллиматорный прицел «Смерча», Вебер превратился в гитарную струну, которую неумелые руки любителя намотали на колки так, что только прикоснись – лопнет молниеносно и оглушительно. Смотрел, чувствуя густой и неприятный запах своего преследователя, но палец на спусковом крючке не шевелился. Если пуля не возьмет череп, у стрелка уже не будет времени менять направление атаки.

Так они и замерли друг перед другом – вооруженный автоматом человек, стоящий на одном колене посреди разбросанных повсюду трупов. И лесной хищник, оседлавший вездеход, изготовившийся к прыжку, но всё еще медливший. Почему-то медливший...

Секунды растянулись до неимоверности. Казалось, в одну из них можно вместить целый час, а то и день. Вебер, опасавшийся даже пошелохнуться, почувствовал, что у него затекают ноги. Холодный ветер остужал красное от напряжения лицо, но вонь накатывала такими волнами, которые не мог сбить даже он. Илья смотрел на хищника, нависшего над его головой, всё крепче убеждаясь в том, что минуту назад казалось невероятным.

По всем признакам – а скиталец подарил ему немало времени, позволив проанализировать ситуацию, – выходило, что зверя что-то удерживает. Об этом красноречиво заявляли мышцы, уже откровенно дрожащие от напряжения, мокрый вывалившийся язык, выпученные глаза. Тварь хотела, всей душой хотела броситься на

Вебера. Но не могла, как не может пес, посаженный на крепкую цепь.

А затем скиталец словно проиграл невидимую схватку. С тяжелым рычанием фыркнул, плечи его опали, он сделал неуверенный шаг назад. Не спуская с двуногого полного ненависти взгляда, животное принялось пятиться, медленно и со скрежетом слезая с крыши. Необходимость броска, горевшая в сердце мутанта, будто бы перегорела, потеряла актуальность, стала лишней.

Рыча и мотая башкой, зверь спрыгнул на дальнюю сторону «Ермака». Обошел машину, заметно припадая на левые лапы, искоса посмотрел на несостоявшуюся жертву. Планируя атаковать, так не смотрит ни один хищник на планете...

Вебер, тут же отступивший за ближайшее дерево, не спешил опускать «Смерч». Всё в его сознании настаивало, что он обязан выстрелить. Потратить десяток патронов, но уничтожить гада, уже почти месяц бредущего по его следам. Прислушиваясь к этому сигналу, тревожной сиреной ревавшему в голове, Илья всё же не торопился нажимать на спуск. Вёл уходящее в лес существо стволом автомата, но заставить себя открыть огонь так и не смог.

Оглянувшись по сторонам, скиталец, казалось, только сейчас понял, где находится. Он всё еще порывался, но теперь этот звук стал тяжелее, протяжнее. Сквозь опадающую пленку ярости животное рассмотрело усыпавшие опушку тела, втянуло что-то из воздуха и вдруг прыжками устремилось в чащу, откуда и пришло. Через несколько секунд скрылось из виду, хрустя переломанным валежником, а вскоре Илья не слышал и этих звуков.

Опустив оружие, он тыльной стороной перчатки вытер пот, щедро заливающий лицо. Облизнул соленые пересохшие губы, затравленно огляделся. И в этот момент произошло еще кое-что не менее удивительное, чем внезапное отступление скитальца.

Краем глаза, на самом дальнем фланге периферийного зрения, Вебер вдруг заметил человеческий силуэт. На краю леса, почти в том месте, где сам пролежал в засаде несколько часов. Плавное сместился обратно за дерево, подхватил висящий на груди автомат, прицелился, но силуэт исчез, заставив усомниться в своей реальности.

Еще полчаса перед накатывающей темнотой потратил Илья, высматривая следы. Чувствовал, был почти уверен, что видел настоящего человека, а не галлюцинацию, но так ничего и не нашел.

В последний раз осмотрев погибший караван, он взвесил в уме все события этого необычного дня. Шаг за шагом повторил в памяти свои действия, не желая что-то упустить и повторно возвращаться к «Ермакам».

Убедившись, что задание выполнено полноценно и без сбоев, Илья забросил автомат за рюкзак и легким шагом припустил на восток. К тому времени, как над тайгой полноценно воцарилась ночь, столь интересный заказчику груз был в нескольких километрах от места побоища, в которое превратилась стоянка вездеходов...

CREDITUM XXII

От странного путника, за которым кралась последние несколько дней, пришлось оторваться. Во-первых, территории стали населенными, причем густо. То деревушка на пути встанет, то дорога, причем весьма наезженная. А во-вторых, всё чаще начали попадаться целые группы людей, подчас многочисленные. Пришельцы с приборами шумно шастали по тайге, захламляли ее мусором и жгли молодые деревца, отчего Варвару переполняло чувство обиды и отвращения.

Мужчина, за которым она шла, тоже обходил встречаемых, ни разу не поправшись им на глаза. Делал это быстро и непредсказуемо даже для девушки, всю жизнь проведенной в лесной глуши. Повинуясь чувствам, Варя окрестила его Лесовиком, почему-то уверенная, что это верно.

Чудной он был, этот дядька, не такой, как остальные. Может быть, поэтому она за ним и увязалась, отдавшись на волю судьбы? Костры разводил правильно, стоянки за собой

прибирал и маскировал так, будто и не было ничего. Лишних веток не ломал, зверя без нужды не бил. Станный, не такой, как остальные...

И всё же пришлось расстаться. Точнее говоря, пришлось потерять мужчину после очередной ночевки, но на этот раз Варя не решилась искать его следы. Ушел, так ушел. Она бы не удивилась, если бы тот обнаружил слежку и намеренно отвязался от дикарки.

А вот дальнейший путь Варвара выбирала непросто.

Судя по всему, девушка приближалась к какому-то крупному населенному пункту и уже смирилась с неизбежным. Без бабушки Любы, без родной коровы и птиц о жизни в лесу можно было забыть. Наверное, несколько месяцев она сможет как-то протянуть, построить себе шалаш или вырыть землянку. Потом, как было заведено в роду, за еду и припасы оказывать деревенским нехитрые услуги – то лошадь зашептать, то роды принять легко. Но когда придет зима, Варвара погибнет. Это девчонка понимала с каким-то отстраненным холодом, будто речь шла не о себе, а о постороннем человеке. Об этом ей шептал лес.

Решение идти к людям было принято нелегко. Поэтапно убеждала она себя в необходимости такого поступка, покорно признавая, что последней каплей стало исчезновение Лесовика.

Долгими стылыми ночами, лежа на прошлогодней траве под пышными еловыми пологам, она взвешивала все «за» и «против». Видела блеклые отсветы костра, что горел на стоянке ее условного спутника, и думала, пока не начинала болеть голова. И еще плакала, сожалея, что больше нет во всем белом свете человека, способного помочь советом, успокоить или обнять, пообещав невозможное. Пообещав, что всё будет хорошо.

В итоге решила. Судя по тому, как много верст оставили они за спиной после того жуткого места с мертвыми людьми, края стали окончательно чужими, где об отшельниках и не слыхивали. Значит, проще потеряться в толпе, которой она так страшилась. Проще найти себе норку, в которую можно нырнуть, пока она не придумает, чем зарабатывать на жизнь.

Страшно было, хоть волком подвывай. Жутко даже представить – что творится в огромном селе, где так много людей? Что ждет ее, живущую по законам своего рода, там, где законы, наверное, отсутствуют совсем? Что найдет она там, откуда приходят люди, пожирающие других людей?

Отшельничество ее, без сомнения, было глухоманским во всех смыслах. Но кое-что девушка о жизни *вне* тайги всё же знала. И Любава рассказывала, припугивая, и матушка, пока еще жива была. А еще дома, в секретном месте, хранилась целая стопка журналов с подвижными картинками, которые Варя иногда украдкой листала. Наверное, бабка догадывалась. Но не говорила ни слова, а поймать себя с поличным девчонка так и не позволила. Где он теперь, родненький дом с тайником?..

В журналах, в отличие от бабкиных рассказов, ужасов было поменьше. Грамоте Варю обучила еще мать, а потому девочка с благоговейным трепетом зачитывалась рассказами про неведомые Анклавы, чудесные изобретения, волшебную сеть, позволявшую людям общаться сквозь гигантские расстояния. Раз за разом смотрела движущуюся рекламу напитков и еды, чудных мобилей и не менее чудной одежды. Видела сверкающую гляncем жизнь верхолазов, звезд эстрады и кино, впитывала сплетни и «жареные» новости. Думала ли когда-то, что пригодятся рассказы эти в жизни? Наверное, нет.

Поэтому к городу в долине выходила со смешанными чувствами. С одной стороны, слишком свежи еще были в девичьей памяти образы людей, варящих тушенку во дворе их лесного дома. Со стороны оборотной, какой-то запретной, внутренней, хорошо запрятанной, – ей так хотелось посмотреть хоть краешком глаза, чем дышит город. У самой окраины Варя увидела над дорогой огромный щит со словом «Тайга» и догадалась, что это название города.

Он показался ей просто огромным. Она видела большие деревни, до ста дворов доходило, но чтобы так?.. Чтобы двух– или даже трехэтажные дома из серого и коричневого кирпича? Чтобы улицы, мощенные асфальтом? Чтобы гул, который было слышно еще за версту на подходе? Чтобы сотни людей, мельтешащих по улицам, и у каждого свое дело?

Долго, очень долго стояла она на окраине, не торопясь окунуться в глубокое, опасное, необъятное. Смотрела на поляны, деревья с которых ушли на строительство свеженьких бараков и торговых лавок, и ощущала себя букашкой.

Замерзли ноги, ветер многозначительно пощипывал за нос – уходи с открытого места, прячься среди домов и брезентовых палаток. И она решилась. Нырнула в варево Тайги, отчаянно моля судьбу о том, чтобы город хоть частично оправдывал свое название. Тогда уж она точно не пропадет...

Вошла в бывший военный городок, как чуть позже узнала, с улицы Северная, о чем девчонке сообщила вполне пристойная, хоть и от руки намалеванная табличка. Двинулась по улице, разглядывая закусочные, магазины, лавки по ремонту обуви и одежды, похоронные конторы и магазины подержанной электроники. Стала тенью, невидимкой, пушинкой, на которую никто не обращал внимания.

Люди текли мимо, пытались пройти сквозь, оттоптать ногу или пихнуть. Варвара ловко лавировала в потоке, избегая не только столкновений, но даже прикосновений.

Она-то, дуреха, считала, что чужаки накинутся на нее, стоит переступить городскую черту. Схватят, потащат в темный закуток, а там и совсем страшное случится. Так ведь нет же – населяющим Тайгу сотням людей было откровенно наплевать на еще одну девчонку, пришедшую в их город из леса. Ну вот в буквальном смысле слова – наплевать и размазать. Они тут и друг друга-то не замечают, не говоря уже о такой лесной норухе, как Варя.

Но иллюзиями себя девушка тешила недолго. Стоило на другой стороне улицы взречься огромному угловатому вездеходу, а совсем рядом узкоглазому мужчине накричать на мальчонку-посыльного, как сердце словно взбесилось.

Где есть дети, там не может произойти ничего плохого.

Мысль пульсировала в голове, пытаясь успокоить. Но сердце всё равно колотилось, будто угодившая в ловушку птица. Трепыхалось, мешая дышать, размывая мир перед глазами слезливой изморозью.

Так и стояла она на одной из площадей Тайги, изо всех сил стараясь не разреветься и унимая испуг. Котомка за спиной вдруг показалась невероятно тяжелой, ноги подкосились, в нос с неожиданной силой ударили десятки чужих запахов, таких неестественных, ненастоящих. Похлебка, гудрон, выхлопные газы, мужской пот, дерьмо человеческое и лошадиное, перегар, табак, свежие стружки и приторный аромат глинопластика, из которого строили новые дома.

И так же ясно Варвара вдруг почувствовала, настолько окружающие ее люди лишены чего-то главного, делающего человека человеком. Они грязны, двуличны, агрессивны, эгоистичны и пусты, как выеденные скорлупки. Теперь она отчетливо понимала, почему мать и бабка так ограничивали контакты с окружающим миром – с ним просто не о чем было говорить...

В руки себя взять всё же удалось, хоть и не сразу. Разжав побелевшие пальцы, которыми мяла вещмешок, будто его могли выхватить, Варя перевела дух. Осмотрелась совсем другими глазами. Ей придется научиться выживать в таких условиях. Придется, пока она не поймет, как вернуться в чащу, чтобы продолжить жить правильно, как заведено.

Одновременно с этой мыслью она вдруг услышала собственный голод, скребущийся в желудке. Беличьи запасы или съедобные корни – это, наверное, хорошо, спасибо батюшке-лесу. Но от обилия готовящейся со всех сторон пищи живот издал жалобный стон. Покраснев, словно урчание могли услышать окружающие, девушка торопливо перешла на противоположную сторону дороги, чуть не угодив под повозку, запряженную парой кобыл.

Услышала в свой адрес незнакомые слова, по всему выходило, что бранные. Тихонько пропищала в ответ, извиняясь. Юркнула за лавку кожевника, где ее не могли сбить с ног прохожие, осмотрелась.

Она была полностью погружена в личный мирок, в котором безопасно и тепло, а потому совершенно не замечала двух плечистых вооруженных людей с нашивками на рукавах, внимательно разглядывающих новенькую издали. Губы одного из мужчин

шевелились, словно у сумасшедшего, который любит поговорить сам с собой. Вооруженные, в свою очередь, не замечали еще одну парочку, наблюдавшую за девчонкой с крыльца продуктового магазина.

Варвара крутилась на месте, вчитываясь в вывески и рекламные объявления. Их тут было так много, что голова шла кругом. Со снимками из журналов такое обилие плакатов сравниться не могло, но для неискушенной девчонки из леса казалось шикарным. Увидела, что искала, быстрым мелким шагом направившись к обнаруженной столовой. Кушать на улице представлялось диким, этого она себе пока позволить не могла.

Мужчины с нашивками проводили девчонку взглядами, неприметные тощие парни двинулись следом.

Столовая оказалась просторным низким помещением, сплошь заставленным столиками и стульями. Тусклые лампочки едва разгоняли сумрак. Правую часть занимала стойка, отгораживающая обеденную зону от кухни, на которой сустились сразу пять или шесть человек. За стойкой посетителей дожидались официанты, чуть дальше в стене находилось окошко администратора, через которое за едоками наблюдал тучный неприятный мужчина. Бетонное, неживое здание давило сверху и с боков, совсем не похожее на их дышащую избу, сожженную бандитами...

Варя неуверенно подошла к стойке. Посмотрела на ценники, карандашом намалеванные на кусках картона, принялась за подсчеты.

– Тебе чего?

Она вздрогнула, когда поняла, что рябой официант обращается именно к ней. Осмотрелась, поняла, что находится перед стойкой одна, и негромко ответила:

– Здравствуйте.

– И тебе не хворать, – равнодушно кивнул дядька в фартуке. – Ты есть будешь или глазеть? Имей в виду, милостыни мы не подаем, работники тоже не нужны.

– Нет-нет, не буду глазеть, – вспыхнула девчонка. – Дайте, пожалуйста, тарелку супа и пирожок.

Хотелось взять еще, но Варя понимала, что пока не может себе этого позволить. Нужно экономить, пока она не найдет, как раздобыть еще немного денег. Неловко вынув стопку купюр из внутреннего кармана полушубка, девушка отсчитала нужную сумму. Старающаяся не поднимать глаз, она не заметила, как посветлело лицо толстяка-администратора, наблюдавшего за ней из своей конуры.

Забрав сдачу и поднос с едой, Варвара осторожно, чтобы не расплескать похлебку, прошла в самый дальний угол. В кафе кроме нее были еще люди, человек десять, пожалуй. Но она по-прежнему не смотрела по сторонам. Девушке до сих пор казалось, что так ее присутствие станет чуть более незаметным для окружающих...

Села, стараясь кушать медленно, наслаждаясь каждой ложкой невкусного овощного супа. Заедала сухим пирожком, приказывая себе держаться и не плакать. А так хотелось, кто бы знал... Прямо душили слезы, накатывала жалость к себе самой, а еда не лезла в глотку. Закрыв глаза, Варя постаралась успокоиться. Она обязательно справится с ситуацией, в которую попала. Нужно только верить в себя и быть осторожной, как белка или полевка.

А когда открыла глаза, совладав с приступом отчаянья, напротив уже сидел жирный мужик, рожу которого она видела в оконце.

– Ой, – она даже отодвинулась на расшатанном стуле, – вы кто?

– Да ты не бойся, девонька, – лицо толстяка расплылось в широченной улыбке. – Я Арсен, хозяин этого замечательного кафе. Это тебе, красавица, за счет заведения!

И он поставил перед девушкой стакан компота с таким видом, будто угощал настоящим дорогим коньяком.

– Спасибо, – выдавила Варя, подозрительно косясь на мутную светло-красную жидкость. – А за что?

– Да просто так, красивая, просто так! – снова растянул полные губы Арсен. Убежденный, что улыбка его обладает теплотой и располагает к себе людей, он решительно

ошибался. – Вижу ведь, что не местная ты, издалека пришла, вот и решил угостить. Ты кушай-кушай, девонька, не стесняйся. Захочешь добавки – только скажи, я распоряжусь, чтобы скидку сделали...

– Спасибо, – как заводная, повторила она, но к тарелке не притронулась.

Семнадцать зим девушка ела только в присутствии родни и никак не могла заставить себя нарушить эту традицию.

– Уже решила, где остановишься? – вкрадчиво поинтересовался Арсен, кладя на исцарапанный пластиковый столик огромные мясистые руки.

– Еще нет.

Она тут же прокляла себя за эту ненужную честность. Но хозяин кафе, казалось, к такому ответу был готов. Более того, нисколько в нем не сомневался.

– Так и думал. Я тебе, красивая, вот что посоветую, – он даже стал говорить тише, подчеркивая ценность произнесенных слов. – Тут неподалеку есть постоянный двор, называется «Добытчик». Иди туда, там цены самые низкие в городе, не обидит никто, даже в долг можно пожить. Скажешь, что от Арсена, тебя как дочку примут...

Тут Варвара чуть не скривилась, настолько неприятным и темно-серым накрыло от сидящего напротив мужчины. Как дочку... Она вежливо, как ее учили в детстве, кивнула в ответ, изнутри закусывая нижнюю губу, чтобы не позволить себе даже одну слезу. Арсен не заметил.

– Номера, может, и не самые удобные, но зато сущие копейки. В «Люксе», например, второе дороже, клянусь предками. – Он подмигнул девчонке, которую уже почитал чуть ли не родственницей, но от этого стал еще более неприятен.

– А сколько это стоит? У меня не так много...

Варваре казалось, что на них сейчас уставились все посетители кафе. Частично это было правдой – от стойки, читая меню, за новенькой наблюдали двое тощих парней в неприметных куртках с капюшонами. Те же, что преследовали от магазина. Еще к диалогу с интересом прислушивались мужчина за столиком у дверей и скупающие официанты, но девушка не смотрела по сторонам.

– А сколько у тебя есть? – Арсен тут же подался вперед, заставив стул заскрипеть по бетонному полу.

– Не знаю точно, – еще сильнее смутилась девушка, – может, сотни три...

– Отлично, – толстяк кивнул, что-то прикидывая в уме. – На три дня должно хватить, а там найдешь себе работу...

– Что «отлично»?

– Ну, – он улыбнулся в третий раз, теперь маскируя неловкость. – Отлично, что хватает на несколько дней. Запоминай. Как выйдешь из кафе, повернешь налево до перекрестка, там еще один квартал налево, и прямо к «Добытчику» выйдешь...

– А ну-ка, Арсенчик, – вдруг услышала Варвара низкий мужской голос, заставивший толстяка заткнуться на полуслове, – иди-ка работать, дорогой.

Над столом нависла тень, напомнившая девушке грозовую тучу. Толстяка сдуло с места. Так резво, что чуть не расплескал компот и остатки супа. Проводившая его взглядом, Варя вдруг поняла, что совсем-совсем не хочет больше есть. Подняв голову, она с опаской рассматривала мужчину, стоявшего справа от нее.

Немолодой, уже перешагнувший полувековой порог. Черные, отливающие смолью усы, присыпанные солью времени. Такие же волосы, уже редющие. Лицо – будто кто-то взял лист бумаги, нарисовал на нем довольно правильные черты, а потом в сердцах скомкал и расправил обратно, до того много морщин. Глаза миндалевидные, узкие, такие Варвара тоже видела только на картинках. Одет мужчина был в костюм, хоть и не новый, но опрятный и отутюженный. На шее, пальцах и запястьях поблескивали ярко-желтым увесистые драгоценности.

– Здравствуйте, девушка, – негромким приятно-тяжелым голосом произнес он, присаживаясь на место Арсена. – Добро пожаловать в Тайгу...

CREDITUM XXIII

День был замечательным, как и всегда. Но сегодня он был особенно замечательным, впервые за несколько жутко серых и напряженных. Но главное ведь что? Главное – не давать проблемам поработить себя, поставить на колени. А нерешаемых задач не существует, это Султан познал на собственной шкуре.

Сегодня утром в чудесное расположение духа его привела не утренняя процедура распития кофе. Не мысли об управлении городом или новости о прибытии свежей партии наркотиков и алкоголя. И даже не старания Жанар, эту ночь проведенную в его спальне. Вэйань, вот кто порадовал Темирбаева.

Когда Айбар выходил из крохотного глинопластикового домишки, где размещалась редакция газеты, настроение поднялось до самых высоких и приятных отметок. Пусть жители миниатюрного Анклава знают, что проблема с детьми будет решена в самые короткие сроки. Пусть знают – разведчики Вэйаня выяснили, что на севере объявилась безумная секта, охотящаяся за детьми по всей Сибири. Пусть прочитают, что именно господин Темирбаев планирует сделать с гнездом этой секты. Все складывалось весьма удачно, а потому Айбар, наспех пробежавшись по черновику заметки, остался чрезвычайно доволен.

В офис решил сразу не идти, задумал прогуляться. Неторопливо прошел до центральной площади, сопровождаемый внимательными взглядами целой дюжины «телков», постоял там, расспрашивая народ о горестях и нуждах. Верный Фэн неприметно терся где-то за спиной, не мозоля глаза, но и не отходя ни на шаг.

Толпа собралась сразу, Султана тут любили, почитали и уважали. А как же еще могло быть, когда он им уже полтора года отец родной? Посыпались вопросы, но Темирбаев, подогревая интригу, отвечал уклончиво, хоть и энергично.

– Прочитаете в свежем номере «Глашатая», – улыбался он толпе. – Там всё подробно рассказано. Да, мы сумели найти ублюдков. Да, непременно. Я лично намотаю их кишки на вертел. Конечно, уважаемый, вы можете. Вопрос почти решен, да.

И так далее, и всё в том же духе. Повертевшись на площади городка с полчаса, Айбар отдал в «балалайку» приказ невзначай разогнать зевак и любопытных, после чего двинулся дальше.

Расположение духа было под стать погоде – солнечной, весенней, с теплым ветерком и целой палитрой родных запахов города. В нос били резкие ароматы только что пожаренных пирогов, густые ноты свежего гудрона, которым чинили крыши, и свежеструганых досок. Запахи его империи, запахи его достатка и силы.

Если у Султана не хватит сил самостоятельно выжечь сектантов, обживших леса, он запросит помощи в столице. Неофициально, конечно, но в порядке исключения такую карту ему разыграть позволят. Инвестиции нужно защищать, скажет он представителям Гилярова, а для этого нужны надежные ружья и не менее надежные руки, способные их держать. Хотя, пожалуй, он справится и сам. Тайга стала сильной не на пустом месте, и вовсе не с помощью арбалета.

Техника, награбленная Вэйанем по заброшенным после Катастрофы армейским базам, была надежно спрятана в подземных ангарах под Тайгой. Броневики, боевые костюмы, взрывчатка. Там же хранились настоящие залежи стрелкового оружия, в котором СБА Темирбаева вообще не знала нужды.

В случае чего – а такой случай вполне мог наступить – городок был готов огрызнуться даже против вертолетов – на крышах нескольких зданий, старательно замаскированные, притаились ракетные зенитные комплексы, смонтированные в условиях строгой секретности. Да, сомнений нет, с ублюдками-сектантами он справится сам. Но всё равно запросит финансовую поддержку, причем как в сибирской столице, так и у китайской диаспоры.

– Хозяин? – «балалайка» в его голове заговорила голосом Вэйаня.

– Слушаю тебя, дорогой, – бодро ответил Султан, кивками приветствуя горожан, здоровавшихся с посадником. – Какие новости?

– Мои люди заметили новую метелку. Только что вошла в город с севера. Я подумал, это может быть интересно.

– Метелку? – Темирбаев остановился, о бетонный бордюр счищая с подошвы конский навоз, в который неосторожно вступил. Настроения подобная неловкость, к счастью, не испортила – напротив, Айбар посчитал, что это к новой удаче. – Рассказывай.

– Пришла одна. По виду деревенская, держится особняком, напугана. Очень красивая, лет шестнадцать, не больше.

– Красивая, говоришь? – Айбар улыбнулся сладко и предвкушающе. – Где она?

– Зашла в рыгаловку Арсена. Пока там, мой человек присматривает за входом.

– Спасибо, дорогой.

Анклавы. Им, гигантам на глиняных ногах с миллионами камер наблюдения и слежения за населением, не справиться с мощью крохотного городка, где безопасность строится на усердии таких надежных людей, как Фэн Вэйань.

Пропустив целую вереницу всадников – «кроты» были мрачны, чумазы и измождены, вернувшись с нового неудачного рейда, – Темирбаев перешел на другую сторону улицы. Он сам посмотрит на красавицу. Сделает ей предложение, от которого не отказывался почти никто.

Широким уверенным шагом Султан направился на другой конец города. Остановился под вывеской «Дунган». Осмотрелся, заметив мелькавших в толпе телохранителей, пригладил усы и вошел. Верный Фэн призраком скользнул следом, растворяясь в тени.

Сориентировался сразу, как хорошо умел. Справа у двери незнакомый мужчина. По всему видно, что лесной разведчик из бывших военных – сидит в удачном месте, голову опустил, к рюкзаку приторочен автомат с почтительно отстегнутым магазином. Двое выроdkов-наркоманов, кормящихся мелкими кражами и исполнением грязной работы, шустро покидают «Дунган» через служебный ход, стараясь не отсвечивать. А метелка, про которую говорил Фэн, кушает в дальнем углу. Забилась поглубже, но отлично видна с любой точки столовой.

Темирбаев чуть не присвистнул. Он верил Вэйаню и ожидал на самом деле увидеть красивую девку, но чтобы настолько... Светлые волосы под платком блестят и непокорно топорщатся, за меховой ворот прячется щедрая коса. Под расстегнутой курткой, кстати, видна и грудь, высокая и крепкая. Лицо идеальное, скуластое, на подбородке ямочка, зеленые глаза сверкают, что два изумруда. Немало искушенный в любовных утехах, Султан невольно замер, чувствуя нежданное возбуждение. Рядом с таким цветком даже умелая Жанар выглядела придорожной потаскухой.

Напротив девчонки, разливаясь соловьем, уже сидел Арсен, жирная жаба, обожающая считать чужие деньги. Что-то напевал метелке, кривляясь и скаля зубы. А та, бедняжка, вся сжалась в комок, что-то лепеча в ответ.

Благосклонно кивнув поварам в ответ на вежливое приветствие, Темирбаев пересек зал и остановился за спиной толстяка.

– А ну-ка, Арсенчик... иди-ка работать, дорогой, – негромко сказал он, склоняя голову.

Хозяин забегаловки узнал его, не оборачиваясь. Тут же испарился со стула с неожиданной для своего веса скоростью.

Пригладив усы, Султан разглядывал метелку, вблизи оказавшуюся еще более красивой. Да что там говорить – такую красоту он видел только в журналах и по телику после того, как над женским лицом и телом поработали лучшие пластики, каких знала страна. Но тут о вмешательстве лазерного скальпеля не могло идти и речи. Красота девки была чистой, природной, каких и на всем белом свете почти не осталось.

А та, даже не подозревая, какой яркой мишенью стала, переступив городскую черту, сидела на своем стульчике перед недоеденной тарелкой отвратного варева, хлопая

длинными ресницами и покусывая губу.

Скрывая нехарактерное для него волнение, Айбар уверенно опустил на стул напротив девчонки.

– Здравствуйте, девушка, – мягко, как только умел, поздоровался он, стараясь дольше нужного в изумрудные глаза не смотреть. – Добро пожаловать в Тайгу...

– Здравствуйте, – выдавила она голосом, заставляющим поверить, что физически совершенные люди совершенны во всем. – А вы кто?

Совершенно невозможно оставаться равнодушным при звуках такого голоса, но Айбар был тертым калачом, а потому сдерживался. Отточенным жестом погладил усы. Исподлобья, но без напора, взглянул на девушку.

– Сразу видно, что вы неместная. – Она вдруг вздрогнула, будто он сказал что-то необычное или интимное. – Здесь меня знает каждый, уверяю. Потому и несложно догадаться...

– Вы местный старшина? – кажется, она не может вспомнить, как называются главы деревень.

– Можно сказать и так, но я предпочитаю именоваться посадником... Можете звать меня господином Султаном.

– Хорошо, господин Султан.

– А как зовут вас, девушка?

Красавица молчала, даже щеки надула, чтобы ненароком не раскрыть рта. Темирбаев выждал, нахмурился, но решил не давить – у деревенских часто встречались причуды.

– Хорошо... ну хоть, откуда вы пришли в Тайгу, сказать мне можете? Ведь, как ни крути, я тут представляю закон. – Позволив девушке обдумывать услышанное, он щелкнул пальцами, вполоборота глянув на официанта.

Через секунду на столике появился горячий чайник и две чашки.

– Ну так что? – Айбар с гримасой отодвинул стакан с компотом, разлил чай себе и девушке. – Откуда вы у нас объявились, тоже останется тайной?

Зеленоглазая молчала, при этом выглядела так, будто Темирбаев вгонял ей под ногти раскаленные иглы, а она стойко справлялась с пытками, так и не выдав секрета.

– Ну, хорошо. – Отметив, что метелка не спешит пить предложенный чай, Султан чуть отхлебнул из своей чашки. – Мой город, как и любой Анклав, отличается тем, что власть не лезет в дела жителей. Позволяет иметь скелеты в шкафу, так сказать.

Он лукаво прищурился, но девушка всё так же не хотела оттаивать и идти на контакт. Странная она какая-то...

– «Балалайка» у вас есть, юная таинственная особа? Или, может быть, «пилюля»?

– Нет, господин Султан, – наконец-то ответила она, виновато и недоуменно взглянув на Темирбаева. – Я не умею. Только на ложках и на баяне чуть-чуть, бабушка учила. А таблетки никогда не принимала, хвори я травками и корешками лечу.

Султан едва сдержал смех, прикрыв улыбку краем чашки. Отхлебнул горячего, покачал головой. Это из какой же она деревни, если про «балалайки» и слухом не слыхивала?

– Ладно. – Он поставил чай перед собой. – Допустим, необычное знакомство состоялось. Хотел бы поинтересоваться, девушка, что вы намерены делать дальше? Где жить, где работать? – Он изогнул бровь, приступая к самой важной части беседы.

– Еще не знаю, – пожала плечами необычная метелка и отчего-то покраснела. – У меня немного денег есть, мне уже подсказали, что в «Добытчике» остановиться смогу. А там видно будет...

По всему выходило, что видно не будет еще очень долго.

– Сколько? – спросил Султан.

Она ответила, неохотно и негромко, добавив, что этого хватит на целых три дня. Казалось, девка уверена, что закон и впрямь обладает безграничной властью, и это Темирбаеву нравилось. Побольше бы таких.

– Три дня? – Айбар бросил тяжелый взгляд в окошко администратора, сейчас плотно

закрытое. – Вас обманули, девушка. Указанной суммы хватит на две недели проживания в «Добытчике».

– Правда? – Когда она вспыхнула, подняв голову, Султан почувствовал, как прихватило сердце. Вопрос был задан так наивно и искренне, что он даже сбился с мысли.

– Что – правда?

– На целые две недели?

– А?.. Да, наверное.

– Но тот дяденька сказал, что всего на три дня...

– Тот дяденька обманул вас, девушка, ибо хотел завладеть деньгами. – Темирбаев начинал нервничать, потому что не мог до конца контролировать беседу. Также он ощущал, что к разговору прислушивается незнакомый мужик у дверей, и это тоже нервировало. – И впредь возьмите за правило поменьше верить незнакомым дяденькам, ясно? Ко мне, разумеется, это не относится...

Он улыбнулся, и на этот раз получилась по-настоящему – так пытаются поддержать или утешить близкого, действительно близкого человека. Девушка это оценила, робко и скоротечно улыбнувшись в ответ.

– Врать не буду, заоблачные предложения делать тоже не стану, – продолжил Султан, одновременно раздумывая над тем, чтобы отдать Фэну приказ выволочь незнакомца из «Дунгана» и как следует потрясти. Решил не спешить. – Я часто помогаю таким, как вы. Одиноким, без семьи и дома, без перспектив и будущего.

– Правда?..

Глаза метелки зажглись пуще прежнего, словно Темирбаев признался, что приходится ей отцом. Чуть не сбившись еще раз, он смочил горло теплым чаем.

– Я могу предложить работу. В сфере услуг, если так можно сказать. В предложение также входят кров, хорошая зарплата и кормежка, куда лучше этой. – Он презрительно кивнул на недоеденную похлебку. – Гибкий график, хороший коллектив. Нет-нет, сразу отвечать не стоит, подумайте, у вас есть время.

На этом всё, большего говорить не стоило. Частой практикой подобных «собеседований» речь Султана была отточена до последнего слова. Поэтому он многозначительно и дружелюбно замолчал, изучая ее реакцию.

Конечно, она подумает. Они все думают, пока не подходит время выселяться на улицу или живот не сводит от голода. И тогда они приходят. Приходят и пополняют ряды его «хорошего коллектива». Если всё выйдет так, как он предположил, через неделю Жанар придется расстаться со статусом любимой жены. Хотя...

Эту лошадку силой объезжать не выйдет. Да и не стоит спешить, как сказали бы мудрые люди. По всему видно, что не целована девка, к гадалке не ходи. А потому Темирбаев обязан насладиться, медленно и со вкусом, процессом ее соблазнения. Пусть сперва научится работать руками и ртом, притрется и узнает законы «Пути», но главное блюдо он обязательно отведаст сам.

Погрузившись в грезы, уже почти материализовавшиеся, он даже не услышал вопроса метелки.

– Что?..

– Я спросила, как вас найти? – повторила она негромко.

– Спросите «Шелковый путь», юная тайна, – удовлетворенно кивнул Султан. – Его в городе знают все, и меня – тоже. Надеюсь, что когда мы увидимся вновь, вы позволите мне узнать ваше имя.

Последнюю шутку метелка не поняла, вновь зажавшись и даже отодвинувшись, но Темирбаев приказал себе не забивать голову. Рыбка почти пришла в его сеть, и нечего портить настроение.

Вежливо кивнув девке и бросив еще один пристальный взгляд на прикрытое окошечко, из-за которого за ним наверняка наблюдали, Айбар двинулся к выходу. Неспешно, чинно. Чтобы успеть в деталях рассмотреть и даже записать на «балалайку» коротко стриженного

мужчину с автоматом, притороченным к пузатому походному рюкзаку.

CREDITUM XXIV

Город оказался точно таким, как он его себе представлял. Жалкое сборище лачуг, палаток и временных бараков, будто ракушки лодочное дно облепившие десяток более монументальных построек прошлого. Виднелись и новые объекты, такие, как зал городских собраний или крытый базар. Но в целом Тайга производила впечатление цыганского табора, только-только разбившего очередную стоянку.

Любой город – большая деревня, даже Анклав. Со своими простыми деревенскими амбициями, законами и надеждами. Отличаются только масштабы и жестокость тех, кто стоит у руля. Причем наиболее ярко это проявляется или в огромных, или в крохотных образованиях.

Тайга исключением не была. Пыжилась, из кожи вон лезла, чтобы показать, что стремится к развитию, но выходило не очень убедительно. Большинству местных, наверное, так не казалось, иначе бы не стекались со всей северо-западной Сибири десятки и сотни приключенцев.

Но Вебер считал иначе, успев повидать и Новосибирск в пике развития, и знаменитую небоскребную Москву. Поэтому скепсис не могли извести ни многочисленные антенны-тарелки с клеймами «Наукома» и «СиКорпа», ни стационарный армейский наноскоп, замаскированный на входе в город, ни достойный сигнал доступа в сеть, ни ветряные мельницы и самодельные солнечные накопители.

Его заметили сразу, только вошел в городок, да и скрываться смысла не было. Плечистые малые в одинаковых армейских куртках провожали взглядами, отчитывались начальству, заносили его лицо в базы данных «балалаек» и проверяли по совпадениям. Он не обращал внимания. Быстро сориентировавшись в скудном десятке тайгинских улиц, двинулся к ближайшей закусочной. Сначала поесть, затем отдохнуть с дороги и только потом выйти на контакт с Колокольчиком – план был именно таков. В том, что Тайга имеет хорошее покрытие связью, он уже убедился.

В кафе, носящем громкое название «Дунган», но к национальной пище не имеющем никакого отношения, Илья занял самую удобную позицию. Спинной к стене, недалеко от дверей. «Смерч» и рюкзак положил рядом на пол, пистолетную кобуру еще заранее предусмотрительно перевесил на бок под руку. Посетителей было немного, а присутствующие быстро сменялись, заглотив пайку и убежав по делам, что также устраивало Вебера.

Он демонстративно дождался официанта, не спеша подходить к стойке. Заказал самое дорогое, что было в условном меню. Жвачка оказалась поганой, из субпродуктов самого низкого качества. Но сейчас было не до капризов, и Вебер неспешно и старательно съел всё до последней крошки. Расплатился, потягивая жидкий чай, и тут-то всё и началось.

Наверное, думал он чуть позже, стоило уйти, не дожидаясь чая, но раз уж так вышло...

Вебер считал себя верным семьянином. Убежденным, не помышлявшим об измене даже в ярком водовороте Анклава, где можно всё. Искренне любил жену и дочь, вспоминая о них значительно чаще, чем это делают мужчины его возраста. Но когда в «Дунган» неуверенно вошла светловолосая девушка, одетая в меховой самошитый полушубок, сердце Ильи предательски дрогнуло. Пусть всего на секунду, но он дал-таки слабинку, уставившись на лицо девчонки с бездумным восхищением.

Оно, впрочем, быстро прошло, Вебер умел брать себя в руки. Прошло, сменившись недоумением, что такая красавица может делать в царстве беспринципных ублюдков. Да еще и с таким видом, будто впервые за семнадцать лет выбралась из дому погулять. Хлопала глазищами, как выпущенный в волю ручной зверек, сразу давая понять, что к чему. Только мишени на спине не хватало...

Вебер хорошо видел, как загорелись глаза хозяина закусочной, стоило девчонке достать

деньги. Ох и дуреха. И всё же было в красавице что-то такое, от чего Илью посетила не только жалость или тоска. Что-то такое, ради чего стоит сокрушать зло в любых его проявлениях. Сокрушать вообще всё, что выбрало другую сторону баррикад.

Отвернувшись, он принялся изучать двух мужичков без возраста, вошедших в «Дунган» следом за метелкой. Скользкие типы, пришли не просто так, но девка даже и не пыталась заметить угрозу.

Уселась в дальнем углу, оставшись, как на ладони. Уже через несколько минут перед ней нарисовался толстяк из администраторской кабинки. Начал что-то шептать, доверительно наклоняясь вперед. Та слушала, иногда что-то спрашивала, но Вебер видел, кому принадлежат вожжи разговора.

А затем в столовую вошел усатый мужчина, и Илья предпочел отвернуться. Хозяин, сразу заметно. Может быть, закуской. Может быть, вожак местного криминала. А может быть, и отец города, таких хорошо видно, особенно если и не скрывают. Пышет властью, как печка жаром. За усатым неприметно впорхнул поднебесник со старомодной косичкой, обмотанной вокруг шеи. Длинный и жилистый, как морской канат, при массивных «дыроделах» на бедрах. Глаз затянут бельмом, что выглядит весьма зловеще...

Появление парочки заставило угрей у стойки мгновенно испариться, причем задней дверью. Исчез со стула и толстяк, также молча и стремительно. Наблюдая, как представительный мужчина останавливается возле столика метелки, Вебер размышлял, насколько успел примелькаться сам.

Заказчик велел идти в Тайгу неспроста. Люди его уровня вообще ничего спроста не делают. Значит, тут Вебер в относительной безопасности. Но вот не стоит ли самому пойти на поклон к местным авторитетам, чтобы не возникло лишних и опасных вопросов? Он чувствовал на себе изучающий взгляд китайца, достоверно зная, что сейчас его еще раз в деталях пишут на «балалайку».

Илья прислушался. Усатый говорил негромко, но кое-что долетало и до его стола. Убедившись, что его подозрения верны, Вебер уткнулся в чашку чая. Красивая дуреха ловила каждое слово, жадно и зачарованно. Пошла птица в силок, сразу видно. Ну ничего. Месяц-другой в Тайге, и от деревенской простоты не останется и намека. Притрется, хоть придется и поистрепаться.

Усатый не был многословен или навязчив. Вежлив, обходителен, обращался к девчонке на «вы». Ну откровенный душка. Илья равнодушно обернулся к вооруженному поднебеснику, притаившемуся в тени у двери, почти за его плечом. Хищный ублюдок, глазами так и буравит. Хотя куда он в точности смотрит – не разберешь их, этих узкоглазых.

Вышел усатый быстро, но чинно, и Вебер знал, что тот выбрал в забегаловке сразу две мишени, где второй является он сам. Наверное, после гостиницы необходимо почтить местного «верхолаза» визитом, засвидетельствовав мирные намеренья. Везде свои правила, но такие похожие – в Анклаве регистрация в СБА, тут короткая беседа с посадником.

Мужчина с морщинистым лицом и красивыми черными усами вышел, за ним хвостом увязался телохранитель. А затем Вебер подумал, что мишень на спине девчонки так никуда и не делась. Двое тощих в куртках с капюшонами тут же вернулись в «Дунган». Похожие на гиен, которые приближаются к падали после того, как лев уже отобедал. Рисковые малые, если решились на такой смелый шаг после того, что видели.

Воровато оглядываясь, тут же оказались у стола метелки, еще не пришедшей в себя. Один, с опухшей губой, сразу сел за стол, придвигая к себе нетронутый стакан компота. Второй остался стоять, взглядом раздевая девчонку. Вебер вздохнул, посматривая на дверь. Если девка не совсем дура, сейчас же побежит за мужиком в костюме. Оказалось, полная дура...

Что-то бормотала, затравленно глядя то на одного, то на другого. Мотала головой так, что волосы из-под цветастого платка разметались, сделав ее еще более привлекательной. Вещмешок схватила, прижала к груди.

Губастый расхохотался, второй плотоядно улыбнулся. Укусив добычу, шакалы

вернулись к стойке, но теперь встали лицом к залу, не спуская с девчонки глаз. Ждали, что будет делать.

Илья залпом допил остывший чай, застегивая куртку. Он от всей души желал девице удачи, чтобы выбралась с меньшими потерями... И опешил, когда зеленоглазая вдруг оказалась прямо возле его столика. Ловчие дернулись следом, но нетерпеливо застыли, озадаченно хмурясь. Вебер знал, какое впечатление производит на подобный контингент, а потому не удивился реакции.

Встал, намереваясь подхватить рюкзак, но девчонка не просто двинулась к выходу – подошла именно к нему.

– Здравствуйте, – негромко сказала она вибрирующим низким голосом.

Илья не ответил, поднимая ношу и бросая за плечо. Но метелка, казалось, ничуть не смутилась тем, что ее игнорируют.

– Пожалуйста, помогите мне...

– Прости, подруга, это не мое дело, – пробормотал он, разозленный сам на себя.

Шагнул к дверям, но она отважно ухватила его за рукав. Шакалье за стойкой нахмурилось еще сильнее.

Вебер замер, глядя на длинные пальцы, сжимающие ткань куртки. Его вдруг опутала рассеянность, неуловимое желание помочь, но вес рюкзака быстро привел Илью в чувство, и он мягко освободился. Голова стала тяжелой, мысли сбились. Не так давно он уже испытывал подобное...

– Пожалуйста, помогите, – повторила метелка, распахнув ярко-зеленые глаза. – Эти двое... они хотят сделать мне что-то плохое.

– Советую обратиться к местной службе безопасности. – Вместо того, чтобы выйти из кафе, Вебер вдруг отступил, отгораживаясь от девчонки стулом. – Видела парней с нашивками на рукавах? Они помогут. Я – нет.

– Но я же знаю, вы можете, – он услышал ее голос так близко и отчетливо, словно девчонка шептала прямо в ухо. – Я вас давно знаю, вы можете. Пожалуйста, помогите...

– Ты меня не знаешь. – Против воли Вебер взглянул на парочку у стойки, о чем-то шептавшуюся. – Иди к охране...

– Они все серые. Или черные, – залепетала она совсем непонятное. – А вы синий, как озеро летним днем. Я знаю, вы можете, ну что вам стоит? Я ведь помогла вам, когда было туго?..

– Что? – по заливку Вебера пробежали ледяные мураши. – Ты о чем говоришь, девочка?

– Ну тогда... в лесу... когда больной медведь чуть не прыгнул... где много мертвых...

Вебер остолбенел, забыв обо всем, что происходило вокруг.

– Ты сумасшедшая?

– Нет-нет, вы не подумайте. – Губы девчонки дрожали, в глазах блесело. – Я не сумасшедшая, у нас в роду таких не было. Ну вы же помните?

– Так это была ты? – операция неожиданно дала трещину. Значит, ему не примерещилось, и он действительно заметил на опушке девичью фигуру. – Что еще ты видела?

Могло ли это быть простым совпадением? В них Илья не верил... Но как? Девчонка была там, где остались гнить в лесу три опустевших «Ермака». Она видела трупы, видела, как на него чуть не бросился скиталец. И теперь говорит, что спасла его, прося помощи взамен?

– Только медведя... необычного, он болен был совсем... вы его ранили, я пожалела, не дала убить... попросила его уйти, – бормотание девчонки стало совсем уж непонятным и почти неразборчивым, – было непросто, он не такой, как другие медведи... А вас я попросила не стрелять. Вы простите, я не знала, что он за вами вернется... А когда он вас подкараулил, я его *сломала* ... Вы ведь помните, как он чуть не прыгнул с крыши. Он умер, я знаю, вы его сильно ранили, но сам. Лес его забрал. А вы уцелели, я сразу увидела, что вы

хороший, – теперь по щекам девчонки все-таки текли слезы, крупные и блестящие. – Пожалуйста, помогите мне...

Небритые скулы Вебера превратились в камень, в горле пересохло. Она смотрела жалостно, горько, но Илья отрезал без намека на сочувствие:

– Давно ты за мной шла?

– Не знаю... ночей десять... – девушка шмыгнула носом. Молодая совсем ведь... – Вы простите меня, но мне так было спокойнее. У меня ведь бабушку...

И заревела в голос, заставляя парочку в капюшонах гадко улыбнуться. Почуяли свежую кровь, вороны...

– Иди к охране, – спокойным ровным голосом повторил Вебер, да так, что у самого сжалось сердце. – Про медведя и вездеходы в лесу ни слова. Поняла меня? Узнаю, что проболталась, пожалеешь.

Ему было очень нелегко это говорить. Очень. Неизвестно, почему, но до того трудно, что горло перехватило резиновым жгутом.

– Узнаю, что следишь за мной дальше, сдам в приют, поняла? – и широкими шагами пошел к уборным в дальнем конце зала.

Чувствовал на себе ее умоляющий взгляд, но не оборачивался. Взвешивал, сопоставлял.

Как он, Леший, мог не заметить, что десять дней за ним по пятам идет девчонка. Странная, необычная, что-то городящая о том, что заставила скитальца уйти? Он вспоминал необычное поведение зверя, свою реакцию, нерешительность, колебания. И со злостью понимал, что почти верит наивным словам.

Утерев слезы рукавом, девчонка вышла из забегаловки. Двое хмырей, с нетерпением дожидавшихся окончания разговора, тут же шмыгнули за ней.

CREDITUM XXV

Карта, заложенная в древний навигатор, не обманула.

Уже следующим утром Митяй рассматривал небольшой городок, примостившийся в расчищенной от леса долине. Южная часть Тайги была всё еще обнесена старинным бетонным забором с вышками и «колючкой». Столь же отчетливо в шумном людном пятне выделялись старые постройки – в основном двухэтажные кирпичные дома, когда-то служившие казармами для воинского контингента.

Впрочем, за время своего существования городок сумел основательно потолстеть, набрав свежий жирок. Оброс новыми домиками, в том числе многоэтажными, сараями и временками, расползся вширь, наполнился сотнями пришлых. Не замирала работа и сейчас – то тут, то там виднелись островки строительной суеты, вертелись лебедки, смурные рабочие колотили гвозди и укладывали глинопластиковый кирпич.

Немалый городок, растущий. Не Новосибирск, ясное дело, но свое место Митяй обязательно найдет и тут. А когда наберет сил, то рванет на юг, к сибирской столице, его очередному трамплину на запад. В том, что рано или поздно ему предстоит совершить путешествие к Анклаву Москва, Митяй почти не сомневался – однообразные дни странствий дали раздумьям изгоя богатую почву.

К людским толпам, пусть и не совсем таким, парнишка успел привыкнуть еще в интернатском прошлом. Поэтому, совершенно не смутившись, направился прямо в толчею улиц, цепко посматривая по сторонам.

Наметанный взгляд сразу выхватывал из людской массы попрошаек, наркоманов, готовых на всё ради дозы, способную обчистить карманы мелюзгу. К нему тоже присматривались, он это чувствовал. Рослые дядьки с нашивками на рукавах, что-то вроде сил местной самообороны. А еще подвальная шваль – наперерез запустили мальчонку, совсем еще крохотного, чтобы проверить.

Митяй взглянул на разведчика так, что не пришлось даже показывать спрятанный «дыродел». Мальчишка замер как вкопанный, а затем вспомнил о срочных делах,

растворившись в переулках.

Он еще узнает, кто заправляет городишком, но сначала нужно подумать о еде. Вскрывать резервную банку с консервами он очень не хотел, на черный день отложил и немного сухарей. А вот деньги, отобранные у мародеров, можно было тратить. Остановившись возле уличного лотка, паренек за считанные копейки купил себе картонный стакан лапши со специями и пирожок с потрохами. Умял в пару минут, блаженно похлопал себя по животу. Еще раз осмотрелся, на этот раз спокойнее, с расстановкой. Спешить было некуда, но к наступлению вечера он обязан обзавестись ночлежкой и ужином.

Ему будет хорошо в Анклаве, это точно. Если уж тут, в жидкой толпе из нескольких сотен человек, Митяй чувствует себя комфортно, защищенно и уверенно, то в многотысячной сумеет вертаться и подавно. Он принялся читать вывески, запоминая расположение улиц, а затем...

Затем жизнь Митяя изменилась раз и навсегда. Причем, по сравнению с тем, что произошло на улице Тайги, изгнание из Кропоткина было пустяком и ерундой. Потому что на другой стороне улицы, под блеклой вывеской «Дунган» он вдруг увидел ее.

Сердце замерло, через пару секунд продолжив работать в каком-то странном ритме, рваном и томительном. Ладони вспотели, проглоченная только что пища встала в животе цементным комком. Не обращая внимания на то, что стоит посреди тротуара, мешая пройти местным, он смотрел на девушку, покидавшую кафе, и челюсть его непроизвольно отвисала всё ниже.

Она была прекрасна. Великолепна, ослепительна, и небедная фантазия парня только распаляла душу, рисуя картины того, что могло находиться под нелепым полусубком. Глаза, рот, подбородок, шикарные волосы – именно так Митяй представлял себе красавиц из романов, раз за разом перечитывая лагерную библиотеку. И уж точно не мог подумать, что увидит нечто подобное воочию. Тут, в забытом Богом городке, где собирались лишь авантюристы и бандиты.

Девчонка выглядела чуть старше его, это парень отметил сразу, но в ту секунду ему было наплевать на подобные мелочи. Он бы рванул за ней хоть на край света, даже если бы она оказалась старше на двадцать лет. Не шла по улице, а плыла, легко и невесомо, длинными красивыми пальцами прижимая к груди выцветший мешок. А Митяй всё стоял и стоял, не в состоянии отвести взгляда от небесного создания, явившегося ему в этот весенний день. И лишь после того, как девчонка ускорила шаг, а из «Дунгана» за ней развязной походкой показались два обдолбанных молодца, Митяй вздрогнул, возвращаясь в реальный мир.

Он мог сколько угодно читать книги, впитывая яркие метафоры или образы, но всё равно оставался тем, кем его сделала страна. Оставался молодым волчком, еще не повидавшим женской ласки, но уже умеющим отнимать жизнь и защищать свою.

Таких, как эти двое, Митяй знал немало. И в интернате, и в Кропоткине после того, как в лагерь начали стекаться бездомные дети. У них всё наружу, как плохо заправленная рубашка – и жизненные ценности, и потребности, и планы на ближайшие пять минут. Именно поэтому паренек без труда прочитал на иссушенных наркотой лицах, что задумала парочка. Прочитал и будто получил в лицо ушат холодной воды, сразу срываясь с места.

На улице они на девчонку не нападут – слишком много людей и изредка попадаются парни с нашивками. Значит, погонят добычу к окраине или в подготовленный переулок. А она пойдет, точно пойдет, Митяй видел выражение ее лица. Вместо того чтобы остаться на людной площади, метелка обязательно попробует нырнуть туда, где темнее и укромнее. Вон как неуверенно шагает, постоянно оборачиваясь через плечо.

Спешить нельзя, это Митяй тоже знал. Притормозил, передумав переходить дорогу, двинулся параллельным курсом. И правда, буквально через несколько секунд из столовки показался еще один. Этот явно в шайку торчков не входил, не по статусу, – крепкий, подтянутый, одет хорошо и вооружен. Похож на холеного надзирателя, которых пацан повидал вволюшку.

Но и на крыльцо дядя вышел не покурить – быстро осмотрелся, приметив ускользящую из виду метелку. Внимательно посмотрел на парочку засранцев, что преследовали девчонку неспешно, но уверенно. И вдруг пошел за ними, на ходу забрасывая за спину походный рюкзак.

Работорговец? Послал «шестерок» ловить девку, а сам движется следом, чтобы проконтролировать? Такой бы светиться не стал, так что вряд ли. Кто тогда? Гвардеец местный? Тоже не похож – нашивки нет, а встречные дружинники провожают его далеко не теплыми взглядами. Захотел сам поживиться девкой и теперь выжидает, когда сможет разогнать шакалье? Этот вариант показался Митяю самым убедительным. Ничего, и не с такими справлялись...

В том, что ему *необходимо* любым способом защитить девушку, которую он увидел впервые в жизни, парень уже не сомневался. Нужно, и всё тут. Потому что... потому что она... Мысли Митяя скакали блохами, и он упорно не пускал в голову даже самое легкое предположение, что встретил чувство, о котором только читал. А если она рассмеется в ответ на его помощь? А если окажется местной проституткой?

Нет, нет и еще раз нет! Митяй даже замотал головой, начихав на подозрительные взгляды прохожих. Она не такая, сразу видно. Похоже, впервые в большом городе, вот и вляпалась...

На секунду он замер, вдруг заметив, что замыкавший погоню мужик куда-то исчез. Выходит, попутал Митяй, приняв его в расчет. Так даже лучше. Запомнив, на каком повороте свернула девушка, а за ней и двое прохвостов, он перешел улицу и двинулся следом.

Район городка изменился. Теперь со всех сторон окружали одноэтажные домики оседлых «кратов», зачастую огражденные надежными заборами, отчего квартал превращался в настоящий лабиринт.

И тут-то парнишку ждало настоящее разочарование, ударившее так больно, что хоть плачь. Среди редких прохожих, бредущих по улочке, не было видно ни тугой пшеничной косы, ни двух ушлепков. Не выдержав преследования, метелка юркнула во дворы, чего и добивались шакалы.

Опасаясь, что готов закричать в полный голос, Митяй стиснул челюсти, заматавшись между входами в переулки. Шум городка, урчание двигателей, блеяние коз и конское ржание забивали слух, не позволяя различить, угадать направление, броситься на помощь.

А потом он вдруг услышал хлопок выстрела, за ним еще один, и тихий женский крик, тут же утонувший в уличном шуме. Выхватывая «дыродел» и даже не подумав, что может привлечь к себе ненужное внимание уличных дружин, Митяй рывком бросился в переулок, оскалив зубы.

CREDITUM XXVI

Что, если она не просто деревенская дурочка? Неужели у него был дублер, пусть даже такой красивый? «Верхолазы» часто используют двойную стратегию, страхуются, когда ставки высоки... А даже если и случайность. Девчонка видела вездеходы, может проболтаться. Там теперь, конечно, искать нечего, но если хоть кто-то из местной грязи сопоставит личность Вебера и брошенные в тайге машины, могут возникнуть вопросы. Ему это не нужно, а значит, за девчонкой разумно присмотреть.

Именно так размышлял Илья, выходя из «Дунгана». Так, и никак иначе. Вебер не мог даже на миг признать, что им движет нечто иное, кроме холодного расчета и стремления завершить операцию без сбоев. Гнал непрощенные мысли вон, а те всё толкались, испрашивая разрешения войти. Поверх всего мелькали образы Светки, когда-то тоже молодой и неискушенной. Почему-то представилось, что в безвыходную ситуацию попадает именно она или вообще Верочка, а рядом нет никого, способного помочь. По спине прошел озноб, пальцы свело судорогой.

Нет, он сделает это только исходя из логики и необходимости. И никакого тебе сострадания, нет-нет-нет. Никакой жалости и непрошеного чувства долга. Даже думать забудь. Каждой помогать – сломается кровать, как шутливо приговаривал его отец. Он что, Красный Крест? Или МЭПЧС? Илья даже фыркнул.

Светлана могла бы многое сказать про сложившуюся ситуацию, но супруга никогда не узнает...

Решено. Он поможет девчонке, но только для того, чтобы побольше выведать, что ей известно. Это всё проклятые девичьи слезы – такие неподдельные и горячие – не позволили сразу задать нужные вопросы, как следует припугнуть, надавить, расколоть. Что она имела в виду, когда бормотала, будто бы приказала скитальцу уйти и не нападать? Спасительница, тоже мне. Теперь вот придется расхлебывать...

Перед выходом Вебер постоял, после сумрака столовой привыкая к яркому весеннему солнцу. Поправил рюкзак, повертел головой. Сразу, почти без труда заметил девчонку, быстрым шагом удаляющуюся влево по улице. Шакалы, будто связанные веревкой, неспешно преследовали добычу. Загоняют, вынуждают психануть и метнуться в безлюдное место.

Еще раз глубоко вздохнув и сосредоточившись, Илья двинулся следом. Ох, совсем не так он представлял себе визит в Тайгу...

Слева в переулках Вебер видел сектор города, застроенный одноэтажными хибарами и массивными палатками из допотопного брезента. Сразу сориентировался, что именно туда гонят свою добычу преследователи. И правда, будто мысли читал. Она свернула, стараясь оторваться, парочка ускорила шаг. Сейчас девчонка попытается убежать и спрятаться...

Илья нырнул в переулок. Быстро, почти на рысях. Перешагивал через строительный хлам, россыпи досок, огибал бочки и ящики, нырял под влажную от стирки одежду, развешанную поперек улиц. Чутье не подвело – он почти угадал.

– Ну что, попалась, курочка?!

Голос раздавался откуда-то справа, из-за ближайшей лачуги. Огибая строение, Вебер расстегнул пистолетную кобуру. Услышал, как приглушенно всхлипнула девчонка, загнанная в тупик. Перемахнул через палисадник, огораживающий территорию жилого домишки, выглянул из-за сарая.

Девчонка зажалась в угол, образованный двумя заборами. Прижимала мешок к груди, отгораживаясь от наступающего мужчины, глаза блестели. О том, чтобы закричать, она даже не помышляла. Не самая удачная позиция, Вебер это отлично видел, но действовать нужно было решительно.

– А ну-ка давай посмотрим, что у нас сегодня на сладенькое?! – притворно-ласковым голосом продолжал тощий в капюшоне, поигрывая длинным ножом.

Второго не было видно, но Илья уже выходил в переулок.

– А ну-ка сгорел отсюда, малек! – он обнажил пистолет, но держал оружие в опущенной руке стволом вниз. – Спрятал заточку и убежал, пока мама не заругала.

– Оппа... – переросток с заточкой обернулся, быстро оценив ситуацию. Зыркнул из-под капюшона туда-сюда, выбирая пути к отступлению, но остался на месте. – Заступничек нашелся?

– Это вы! – девчонка всхлипнула. – Я знала, что вы поможете. Вы не такой...

– Завали хлебало! – рявкнул парень с ножом. – Тебе чего, болезный, проблем захотелось?

Вебер стоял очень неудачно – справа штабели каких-то ящиков и коробок, слева стена барака, прислушиваться мешает белье на веревках, прихлопывающее при порывах ветра. Где-то вне поля его зрения затих второй шакал, и он уже догадался, что охота пошла не по плану...

– Не свалишь через секунду, прострелю колено, – спокойно предупредил Илья, снимая пистолет с предохранителя. – Обещаю.

– Ой, какие мы грозные...

Вебер поднял «дыродел», почти не целясь, нажал на спуск. Грохнул выстрел, отлетела гильза, а левую ногу вооруженного ножом будто вышибло палкой.

– Сука! – захлебнулся тот, падая лицом вперед. Схватился за ногу, где чуть повыше колена зияла кровоточащая розочка. – Ах ты, падаль, да я тебя...

Его брань утонула в подвывании и столах, девчонка вскрикнула высоко и коротко, будто кто-то перерубил натянутую струну. А затем на Илью что-то обрушилось справа, прямо из-за коробок. Он прыгнул в сторону, изворачиваясь и стреляя вбок, неудобно. И почти сразу понял, что промазал.

По правой щеке и виску скользнуло что-то увесистое, холодное, и Вебер кувыркнулся вперед, перекатываясь через плечо. Оказался почти у ног девчонки, всё еще примерзшей к земле, крутанулся, вскидывая руку с «дыроделом».

Второй шакал, вооруженный короткой дубиной, тоже не удержал равновесия. Ударив из-за штабелей, грохнулся на вытянутые руки, выматерился, вскочил. Под цветастую брань напарника уставился в черный ствол, нацеленный в лицо.

– Убью, – сказал Вебер, ощущая, как по щеке бежит теплое.

Голова второго бандита дернулась, словно от доброго хлопка по уху, он округлил глаза и медленно завалился вбок. В виске виднелась дыра, и только через долю мгновения Илья услышал третий выстрел, прозвучавший в переулке. Девчонка опять вскрикнула, отшатываясь и упираясь в забор.

Сначала он подумал, что потасовкой всё же заинтересовались местные безы. Приметили что-то странное, проследили, вмешались. А затем с немалым удивлением увидел паренька лет шестнадцати, стоящего в дальнем конце переулочка. В руке черенка, еще дымясь, был зажат хромированный пистолет, который тот не спешил опускать. Никаких нашивок на рукавах Вебер не заметил, сразу взяв мальчишку в прицел. Тот, мгновенно сориентировавшись, прицелился в Илью.

– Опустит пушку, малыш, – как можно спокойнее попросил Вебер.

– Сам опускай, дедушка, – так же хладнокровно парировал тот, для удобства берясь за рукоять увесистого пистолета обеими руками.

– Пожалуйста, хватит... – прошептала девчонка, но ее никто не услышал – на земле продолжал корчиться и вопить раненый бандит.

– Ты, вообще, кто такой? – Вебер внимательно присматривался к пацану. Второго шакала тот уложил метко и бесстрастно, но теперь ощутимо нервничал, то и дело облизывая губы.

– Не твое дело, папаша. Ты сам-то кто?

– Пожалуйста, хватит...

– Долги тут отдаю. – Илья медленно поднялся с колен, левой рукой аккуратно ощупал разбитый висок. Рана была смазанная, но неприятная и щедрая на кровь. – Знаешь его? – он покосился на девчонку.

– Нет... Но он не с ними, – девушка презрительно, но со странной жалостью взглянула на раненого, старавшегося отползти подальше. – Пожалуйста, уберите оружие...

– Ты какого рожна встрял? – Вебер нахмурился. И без того неприятная ситуация начинала закладывать совсем уж необычные выражи. – Ты брат ее, что ли?

– А не твое дело. Сам-то чего полез?

– А вот это тебя точно не касается. Пушку убери!

– Сам убирай!

– А ну-ка хватит!

Вебер даже вздрогнул, заметив, как предательски дернулся на спусковом крючке палец парнишки. Девчонка, еще хлюпающая носом, но уже отлепившаяся от забора, встала между ними. Прямо на линии огня, больше не обращая внимания на раненого насильника у своих ног.

– Уберите оружие. Вы, оба. Немедленно!

И было в ее голосе что-то такое, отчего Илье и впрямь захотелось немедленно сунуть

«дыродел» в кобуру. Настороженно наблюдая, как мальчишка опускает пистолет, спрятал свой. В голове чуть шумело, но Вебер списал это на последствия удара палкой.

– Может, теперь скажешь, чего в драку полез? – уже чуть более миролюбиво поинтересовался он.

Необычный малый, черти его заberi. Если девчонка была дублером Вебера, а пацан ее прикрывал, оба вели бы себя иначе. Да и ни один охранник не позволит происходящему зайти так далеко. Кто же он? Попрощаться и тихо уйти Веберу не позволял ряд вопросов, которые он твердо решил прояснить.

– А может, я просто помочь хотел? – голос паренька дрогнул, и Илья вдруг всё понял.

Он ведь и сам в юности был таким, как после этого не догадаться. Посмотрел на девушку, перехватил взгляд непрошеного спасителя и только окреп в своих подозрениях.

– Увидел девку на улице и решил помочь?

Она, всё еще стоящая между ними, только вертела светловолосой головой.

– А хоть бы и так. Ты сам-то про себя вообще ничего не сказал.

– И не собираюсь, – отрезал Вебер, постаравшись, чтобы прозвучало не очень зло. – Ну что, девушка, теперь мы квиты?

– Большое вам спасибо... – она посмотрела на него огромными влажными глазами так, что дрогнуло сердце. – Вы все-таки пришли... я же знала...

– Ну всё, молодежь, на этом вас и оставляю. – Илья еще раз осмотрел поле скоротечного боя.

Дождаться прибытия безов или кого-то из местных жителей рядом с трупом ему очень не хотелось. А ведь из окошек и приоткрытых дверей за ними уже наблюдают, причем со всех сторон, в деталях запоминая происшествие.

– Совет да любовь...

– Стойте! – как в «Дунгане», девчонка вдруг вцепилась в его рукав. – Вы не можете просто так уйти.

Вебер тягостно вздохнул. Принялся как можно мягче оттирать девичьи пальцы от своей куртки. Пальцы были холодными, мягкими, их так хотелось обогреть дыханием... Отгоняя грешные мысли, Илья помотал головой, отрешаясь от наваждения.

– Да что ты к нему прицепилась? – паренек, убивший второго бандита, смотрел исподлобья и угрюмо. – Мало ли какой швали по улицам отирается... ты это... вижу ведь, что пропадешь одна... пошли со мной... расскажу, что к чему...

Ему было невероятно неловко. Ну, вот хоть сквозь землю провались. Об этом говорили алые пятна на щеках, подрагивающие губы, направленный вниз взгляд. С легкостью читая на безусом лице то, что было написано глубоко в душе мальчишки, Вебер проглотил улыбку. Он нечасто видел, чтобы жестокость и решимость убивать шли рука об руку с такой неуверенностью в себе.

– И верно, подруга. – Илья наконец освободил рукав от девчачьей хватки. – Ты иди с парнем. По всему видно, надежный. Спас вот тебя...

– Это вы спасли!

– Глупостей не городи. А если бы я опоздал? Если бы вообще передумал?..

– Вы бы не передумали!

– Ох ты ж, горе луковое... Мог я передумать, мог, не сомневайся. – Ногой отшвырнув подальше нож и палку, Илья шагнул к выходу из переулочка. Но девка будто приклеилась, повторив его движение. – Ты иди с этим пареньком. Он, я вижу, сразу приметил, что ты в беде. Потому и на выручку бросился. Ты ведь ничего дурного про девчонку не задумал, малец?

Паренек вспыхнул, словно от оплеухи. Весь подобрался, задохнулся даже. Но эмоции победил, теперь глядя на Вебера настоящим зверьком.

– Нет! Ты ваще за базаром-то следи, папаша, а то...

– Охолопись, защитник, не хотел обидеть. Вот, видишь, подруга, как за тебя этот парень стоит? Горой. С ним не пропадешь, сразу видно, что тертый... А мне пора.

– Нет, стойте!

Теперь она вцепилась в рюкзак. Повисла хвостом, и Вебер выругался. Не вслух, про себя, но витиевато и с искренней досадой. Где-то у забора всё еще поскуливал шакал с простреленной ногой, почти уползший из переулка. Когда тот доберется до людных улиц, Илья уже должен быть на другой стороне города. Нужных вопросов он девчонке, конечно, так и не задал, но своя безопасность дороже.

– Ну чего тебе еще?

– Я с вами! Ну... то есть, можно, я с вами? – она опустила глаза, и Илья вдруг чуть не расхохотался.

Земля кровью залита, он сам ранен, на выстрелы уже бегут безы, а тут детский сад такой, что хоть в ток-шоу отсылай. Девчонка не унималась, совсем уж откровенно хлюпая носом.

– Я не буду обузой, честное слово!

– Нет, подружка, – он помотал головой, заговорил чуть тише, чтобы достучаться до перепуганной птицы. – Со мной нельзя, у меня дела.

– Не ходи с ним! – вдруг огрызнулся паренек. – Если нужна защита, я справлюсь.

– Ух ты ж... – Илья чуть не улыбнулся, вовремя удержался.

В этой нелепой битве за девушку он чувствовал себя в чужой тарелке, но слова черенка всё же задели в нем что-то первобытное, исконно-мужское. Сдержался, заставил себя успокоиться.

– Слышала? Иди с ним. Сразу же видно, что за тебя жизнь положит...

– Не хочу с ним. Хочу с вами!

Паренек запыхал свечкой. Открыл рот, лицо пошло пятнами. Вдохнул, набирая в легкие побольше воздуха, но так ничего и не сказал. Что-то прорычал сквозь зубы, сплюнул и резко развернулся на каблуках. Еще какое-то время Вебер смотрел в его поникшую удаляющуюся спину. Затем мальчишка скрылся в лабиринтах нищего квартала.

– Ну и что же, – негромко спросил Леший, оглядываясь на девчонку, – прикажешь мне с тобой делать?

Возможно, держать такого свидетеля при себе, пока он не покинет Тайгу, окажется не самым плохим решением.

CREDITUM XXVII

Она боялась пошелохнуться, всё еще не веря собственному счастью. Сидела тихонечко-тихонечко, заняв единственный в комнатке стул, и даже дышать старалась потише. Хороший все-таки человек этот Илья. Не бросил. Она словно знала, что так и будет. Не оставил на улице. Нет, она могла и сама за гостиницу рассчитаться, но он решил иначе, и за это ему еще одно спасибо.

Варвара была очень рада, что нашла его. После происшествия в столовой и погони, закончившейся так трагично, она бы отдала всё на свете, даже фамильную ценность, лишь бы рядом был кто-то надежный и уверенный в себе.

Сейчас она будто прозрела. Кожей чувствовала, как город смотрит на нее, дикарку из леса. Какими влажными осоловелыми глазами провожал их дядька на первом этаже, что выдавал ключи и забирал деньги. Какими взглядами оценивали встреченные постояльцы – все, как один, чумазные и в грязной рабочей одежде. Как вокруг сгущалось что-то серое, пепельное, тревожное. Как вообще она могла подумать, что выживет в этом ужасном месте?

Илья, казалось, вообще не обращал внимания на девушку. Почти не разговаривал, даже не позволил помочь, когда та попыталась обработать рану на виске. Варвара всё же успела прикоснуться к ссадине, так что была спокойна за ее скорое заживление. Но промыл рубец и сбрызнул его медикаментами Илья сам.

Сидя на кровати, сейчас он молча ковырялся в своем рюкзаке, ни о чем не спрашивая и даже не думая начинать разговор. Отложил поклажу в угол, принялся возиться с кроватью.

Снял матрас, зачем-то отложив в угол, бросил сверху спальный мешок. Одеяло и подушку вернул на панцирную сетку, педантично заправив. Места для матраса между кроватью и стеной едва хватило, но Илья остался доволен. Оглядел комнатушку, скользнув по Варя невидящим взглядом, и завалился на лежанку, даже не снимая высоких ботинок.

Комната, и правда, была крохотной. Но это лучше, чем ночевать в общем номере на шестнадцать человек, где половина мест занята топчанами, а половина – гамаками под потолком. Тут хоть и тесно, но всё свое, позволяющее отгородиться от мира тонкой фанерной дверкой. Шкафчик, стул, кровать, умывальник в углу – впервые после своего рождения Варя находилась где-то, кроме родной избы, и это пугало и околдовывало одновременно.

Вебер, казалось, дремал. Глаза закрыты, дыхание размеренное, но Варвара точно знала, что он бодрствует. Она *видела*, что мужчину переполняли самые разные, чаще неприятные и тревожные мысли, и не собиралась ему мешать. Благодарность, которую испытывала девушка, пока не находила достойного эквивалента для расплаты. Правда, к чувствам примешивалось что-то еще, доселе незнакомое, запретное, но Варя заставляла себя не думать о порочном...

Мальчишка, конечно, тоже внес свою лепту в ее спасение. Добрый такой, хороший, хоть и надломленный жизнью. Он ведь на самом деле готов был для нее на многое. Защищать, опекать, помогать. Появился из ниоткуда, но в этой жизни ничего не случается просто так.

Он так смешно уговаривал ее не ходить с Ильей. А еще Варвара впервые видела, чтобы человек *излучал* такой цвет – ярко-оранжевый, пульсирующий. Что-то подобное исходило в свое время от Любавы, когда бабушка с теплотой рассуждала о внучке или о покойной дочери. Но такого яркого, свежего и искристого потока Варя еще не встречала ни разу.

Может быть, действительно стоило пойти с ним? При воспоминании о недавней стычке девушка леденела, сжималась в комок, снова и снова убеждая себя, что всё позади. Сладкие мысли об оранжевом, запретном и теплом меркли, уступая место страху.

Осторожно, чтобы не нарушить условное уединение Ильи, Варя встала, обогнула кровать. Медленно, чтобы проклятые пружины скрипели как можно тише, прилегла на бочок поверх одеяла. Лежала спиной к мужчине, лицом к двери, ощущая накачивающую волнами усталость. Уже очень давно она не спала на кровати. Уже очень давно не оказывалась в безопасном месте, с крышей над головой и надежным человеком рядом.

Слезы побежали по щеке, скатывались с переносицы, крохотными кляксами пятная застиранную наволочку. Плакала бесшумно, чтобы ни за что не услышал Илья, но каждая вторая слезинка была слезинкой благодарности и счастья. Это хорошо, это правильно, это очищает... Незаметно для себя, успокоившись, Варвара провалилась в сон.

Высокий белоснежный купол, потолка которого не разглядеть из-за ослепительного света... Ряды молчаливых фигур, уходящих куда-то вдаль... Варвара почти не удивилась, вернувшись в знакомый кошмар. И ведь страшного ничего не было – ни злобных существ, выползающих из темноты, ни огромной высоты, с которой норовишь ухнуть вниз. Но всё равно сон сопровождало ощущение чего-то недоброго, неправильного, словно полезную и правильную вещь применяют для чего-то дурного. Словно лопатой, служившей для уборки снега, бьют по лицу бандита-людоеда...

Ноги сами несли девушку между рядами безликих фигур. Она по привычке осматривалась, пытаясь рассмотреть хоть одно лицо или элемент одежды, но тщетно. Прислушивалась к тишине, вдыхала чистый стерильный воздух, в котором будто чего-то не хватало. А затем, как было всегда, так и не успела подготовиться к тому, что за ее запястье ухватила крохотная рука, сжимая крепко-крепко. Варя вздрогнула и распахнула зеленые глаза, не сразу сообразив, где находится.

Чуть не упала с кровати, вовремя спохватившись и прикусив губу. Заставила себя дышать глубже и реже.

Это всего лишь постоялый двор, на который ее привел Илья. А вон и он сам, стоит у

порога, разговаривая с кем-то снаружи через небольшую щель приоткрытой двери. Варя рывком села на кровати, испуганно уставившись на правую руку мужчины.

Чтобы не было видно из коридора, в ней Илья сжимал уже знакомый девчонке пистолет со взведенным курком. Держал, приставив стволом ко створке, чтобы в случае опасности выстрелить прямо сквозь листы фанеры. Закрыв руками рот, чтобы невольно не вскрикнуть, Варвара отползла по кровати так, чтобы не заметили из коридора. Прислушалась, отказываясь верить, что неприятности продолжаются...

– ...с нами, – доносилось снаружи.

– Передайте уважаемому господину Темирбаеву, что я обязательно нанесу ему визит. Но сам, без вашей помощи, господа, – негромко, всё еще полагая, что Варвара спит, отвечал Илья. – Уверю вас, ждать себя не заставлю.

– А я говорю: собирайся, паря, и идем... Султан не любит ждать вообще, ты сечешь? – голос был хриплый, низкий, немного тянул букву «о». – Или тебе помочь?

– Для того, чтобы лаять на кого-то, – так же мирно и взвешенно произнес Илья, – нужно быть уверенным в собственных силах. А еще нужно точно знать, что тебе вообще дано право лаять. Ты меня нахрапом своим барахольным не бери, друг, зубы обломаешь. Хочешь принести Темирбаеву мой труп? Рискни. Но наперво сбегай-ка вниз и закажи штук десять гробов для своих дружков, уяснил?

В коридоре наступила тишина, и Варвара могла только наблюдать, как Илья играет со своим собеседником в гляделки, приподняв пистолет на уровень головы.

– Ну, б... смотри, умник... – голос снаружи сдался, стал тише. – Не придешь через час, совсем по-другому побазарим...

Ничего не ответив, Илья мягко прикрыл дверь, щелкнув примитивным замком, годным лишь для успокоения, что в комнате вообще существуют запоры. Повернулся, заметив проснувшуюся Варю. Убрал пистолет в кобуру, висящую на груди почти под левой рукой. Молча прошел к своей лежанке, надевая куртку и подхватывая рюкзак с пристегнутым автоматом.

– Вы куда? – выдохнула девчонка. – Я с вами...

– Ну уж нет! – рубанул он так, что Варвара испуганно покраснела. – Отлучиться нужно. Это ненадолго. Сиди в номере, никуда не выходи, никому не открывай. На стук вообще не реагируй, я лучше тебя запру... Да не реви ты, дуреха, я через полчаса вернусь.

– А вещи вам зачем? Вы меня бросить решили, да? – обида и понимание рвались наружу непрошеными словами, и Варя ничего не могла с этим поделать. Утерла щеку рукавом.

– Не твое дело, девочка. А хотел бы бросить, так и сказал бы... Ты в туалет сходила? А то он тут общий, в коридоре, не попадешь...

– Мне не нужно. А если что, потерплю.

– Ну смотри.

Илья подошел к двери, еще раз придирчиво осмотрев комнатку. Добавил негромко, почти пробубнил, уже выходя в коридор и закрывая дверь за ключ:

– К окну тоже старайся не подходить...

И удалился по коридору, всё тише стуча упругими каблуками походных ботинок.

Подтянув колени к груди и охватив их руками, Варвара уставилась в единственное окно, где катился к вечеру чудесный весенний день. Она вдруг вспомнила, что дневной кошмар про безликие фигуры чем-то отличался от того, что обычно являлось ей во сне. Вспомнила и нахмурилась.

Потому что перед тем, как девчонка проснулась, пытаясь освободиться от цепкой хватки кошмара, она впервые расслышала в своем сне слова, долетающие откуда-то сбоку. Впечатления от дремотных видений уже рассеивались, но она всё еще помнила тихий бесцветный голос, произнесший:

– Помоги мне...

Варвару бросило в дрожь, унять которую не помогло даже наброшенное на плечи

одеяло.

CREDITUM XXVIII

– Китайские мудрецы знали, как не повезло человеку, живущему в эпоху перемен. Я могу добавить к словам мудрецов, что еще сильнее не повезло человеку, живущему в эпоху парадоксов. А ведь главный парадокс последних трех десятилетий, достигнув всепланетного масштаба и заметный любому здравомыслящему индивиду, сегодня снова набирает мощь. С одной стороны, численность жителей Земли растет, и остановить чудовищные прогрессии не сумел даже Инцидент. Активно пополняя ряды, человечество снова стремится к укрупнению устойчивых масс популяции, к их динамичному сплачиванию и объединению в огромные государственные институты. Высказанную мысль демонстрируют мегаполисы России и Северной Америки, продолжающие трансформацию в огромные территориальные агломерации. Москва перестала быть тривиальным Анклавом, под твердой рукой Максимилиана Кауфмана разрастаясь до размеров самостоятельного государства. Аналогичный пример мы видим в относительно недавнем, с точки зрения истории, объединении мусульманских стран под едиными знаменами Исламского Союза, наконец-то структурировавшего социально-политическую систему всей Европы.

Гиляров сделал паузу, пыхнув сигарой. Обычные сигареты он не курил, да и этим дорогим удовольствием баловался нечасто. Но раз в четыре недели, когда наступала очередь нового сеанса читки, отказать себе не мог. Глотнул коньяку, еще раз затянулся дымом. Выпивать, несмотря на требования Традиции, он себе тоже иногда позволял, позже замаливая грех в молитвах.

Посмотрел на секретаршу, терпеливо ожидающую продолжения.

– Этот же эффект концентрации масс, в теории, усиливает прогресс, с каждым новым днем подбрасывающий всё новые и новые достижения, – продолжил рассуждения Ростислав, прислушиваясь к приятному шороху чернильного пера по листу бумаги. – Как во времена феодализма появление первых станков привело к укрупнению населенных пунктов, так и последние тридцать лет развитие сети ведет к четко выраженной физической консолидации населения развитых стран, заставляя людей опасно наращивать города вверх, но всё равно держаться вместе, поближе друг к другу.

Он подождал, пока мысль ляжет на бумагу. Диктовать книгу столь примитивным способом, и это в их век безумно развитых технологий, доставляло Ростиславу Гилярову особенное, утонченное удовольствие. Его рассуждения останутся в памяти потомков именно в таком виде – рукописном, красивым ровным почерком, с пометками, вычеркиваниями и крохотными кляксами чернил на полях.

– Однако на деле мы наблюдаем совершенно иную тенденцию, и помешать ей не смог даже Инцидент. – Крохотный глоток коньяка, задумчивый взгляд в окно на возрождающийся город. – Как бы многочисленны ни становились города и страны, человек всё сильнее замыкается в собственном мире. Отгораживается от окружающей действительности, питаемый ложным чувством сопричастности к социуму, но не участвуя в его деятельности. Примеров такого «окукливания в центре толпы» масса. Леночка, возьмите, пожалуйста, последнюю метафору в кавычки...

Гиляров выпустил в потолок красивый столб густого белоснежного дыма. Задумался, позволяя мыслям течь ровно и спокойно. Пусть речь будет сумбурной и пространной – он хотел подарить потомкам не доказательства собственной образованности, а образ мышления, заставивший основать Свободную Сибирь.

Бескомпромиссную стратегию управления государством часто принимают за диктатуру, с этим ничего не поделать. Но Гиляров был чист перед собой и Всевышним – сибиряки именно избрали его на эту должность, так что ни о каком захвате власти речи не шло.

Фактов не скрыть, в первые месяцы после Инцидента Бугаеву пришлось подавить в

периферийных посадах ряд восстаний. Но тогда в крови утонули отпетые бунтовщики, одурманенные свободой. Чуть позже, когда волнения стихли, Правительство провело референдум, на котором Президентом Республики был избран Гиляров. Исключительно по закону, подавляющим большинством сибиряков, хоть это и отняло у региона массу времени и сил.

Стараясь не распылять мысли, он продолжил:

– Всесильная сеть, охватившая даже страны третьего мира, не только позволяет быть в курсе самых последних новостей, зарабатывать деньги и удовлетворять банальные потребности. Она дарит полную анонимность, создавая невидимые границы удобной социопатичной крепости. Конечно, после известных событий на Кольском полуострове сети нанесен мощнейший удар, как и всей цивилизации. Но я уверен, она быстро встанет на ноги, вернув былое господство. Сеть стала наркотиком, от которого человеку уже никуда не деться. Единственный способ уничтожить ее – сровнять с землей вообще все достижения технологий за последние двести лет, начав жизнь простую и примитивную, как того хотят наиболее радикальные течения «зеленых». Но об этом я хотел бы подробнее поговорить в другой главе, полностью посвященной электронизации общества, а пока вернемся к прежней мысли. Итак... Анклавы, существование которых стало неизбежным во второй половине XXI века, – вот еще один наглядный пример окукливания. В них мы видим образование внутри образования, эдакую доброкачественную опухоль. Сам факт существования Анклавов подтверждает, как сильно сегодня стремление человека ощущать себя частичкой многомиллионного организма, оставаясь свободным, независимым, замкнутым в себе.

Ростислав Михайлович встал и подошел к большому – во всю стену – панорамному окну, выходящему на центр Новосибирска. Выпустил клуб дыма в собственное отражение на пуленепробиваемом стекле, сделал еще один небольшой глоток.

– Какое отношение, спросите вы, имеет к этим рассуждениям Сибирь? Аналогия, с моей точки зрения, прямая. Пытаясь сохранить то, что уцелело после Инцидента, мы замкнулись в собственном коконе. Перестав быть частью огромной системы, мы отделились от нее, оставаясь при этом в пределах очерченного правилами периметра. Сам Инцидент, парадоксально неожиданный, но такой ожидаемый, стал отправной точкой для написания новой летописи нашей Родины... Родины с большой буквы, Леночка...

Стенографистка молча кивнула, не отвлекаясь от работы.

– Времена, когда сибирская земля кормила Западную Россию, прошли. Господин Ломоносов излагал разумно и верно, но он даже не представлял себе масштабов и темпов, с которыми наш регион превратится в сырьевой и транспортный придаток. Сегодня, как во времена Великой Отечественной войны XX века или Большого Нефтяного Голода, мы уже не в состоянии наполнять закрома Санкт-Петербурга, оставляя себе жалкие крохи. Коллапс, охвативший планету, дал нам силы, как ни странно, задуматься о себе и собственном месте в мировой истории. А геополитические тенденции, в свое время ставшие причиной возникновения Анклавов, внятно продиктовали нам необходимость этих перемен. Мы лишь услышали иотреагировали решительно и уверенно.

Гиляров снова прервался, неторопливо катая на языке следующую мысль.

– При этом не стоит полагать, что первое Правительство Республики Сибирь пытается создать очередной Анклав, обнеся Республику высокой глинопластиковой оградой. Не нужно думать, что мы создаем очаг беззакония и вседозволенности, в которые превратились перед Инцидентом независимые корпоративные территории. Как я неоднократно заявлял в своих выступлениях и обращениях к Правительству России, мы остаемся преданными детьми своей страны. Остаемся патриотами, если понадобится, готовыми с оружием в руках остановить китайскую экспансию, пока докатившуюся лишь до Мертвого Байкала. После чудовищной потери Дальнего Востока мы не позволим потерять Западную Сибирь. Однако для этого в нашей суверенной Республике обязаны произойти изменения политической и экономической систем, затрагивающие не только...

Ростислав поморщился, обрывая речь на полуслове. Вернулся к журнальному столику,

опуская бокал с коньяком на стеклянную столешницу, вынул из кармана коммуникатор. Звонок, каким бы важным он ни был, нарушил таинство создания книги, и это разозлило Гилярова. О том, что каждый второй четверг месяца Президент пишет книгу, отключая все коммуникационные устройства, знали все. Единственная связь с внешним миром поддерживалась на секретном номере, звонить по которому приближенным дозволялось только в случае крайней необходимости.

– Леночка, спасибо, на сегодня всё. До встречи через месяц, – негромко сказал он, рассматривая экран коммуникатора.

Звонил Гринивецкий, причем настойчиво дожидаясь, когда ему ответят. По новой мощной модели, разработанной всё тем же «Наукомом» и взломанной всё тем же Терпением.

Стенографистка тут же поднялась из-за широкого стола, послушно собрала письменный набор, стопки бумаги, и расторопно выскользнула из кабинета, попрощавшись.

– Слушаю тебя, Эдик. Надеюсь, это важно, потому что ты прервал мое уединение, о котором точно знал... – велеречивость еще не покинула Гилярова, и он раздраженно запыхтел недокуренной сигарой.

– Да, Ростислав Михайлович, безусловно. Приношу свои извинения, но вам стоит узнать новость как можно скорее, – ответил Терпение с максимальной вежливостью. – Позвольте мне с вами встретиться. Прямо сейчас.

– Валяй, – буркнул Гиляров. – Я в библиотеке, жду. Но если это не важно...

Однако, к его растущему недовольству, ломщик уже разорвал соединение.

– Совсем охамел парнишка. – Ростислав покачал головой, бросая коммуникатор на стеклянный стол. – Ну, подождем...

Ждать, как оказалось, пришлось совсем недолго, будто Терпение вообще караулил под дверьми. Массивные алюминиевые створки распахнулись, в библиотеку вкатилась знакомая коляска. Сначала Гиляров хотел было отчитать помощника – не серьезно, больше в шуточный укор. Но заметил морщины, лежащие на лбу Гринивецкого, и отчего-то передумал.

– Еще раз добрый день, – бросил тот, крутанувшись на коляске и плотно прикрывая двери. – Как я и сказал, есть важная новость... Отлично, что застал вас именно тут... – Библиотечный кабинет был надежно защищен от прослушивания, о чем Терпение был осведомлен лучше других.

– Ну давай, рассказывай, – настраиваясь на неприятности, Гиляров откинулся на спинку кожаного дивана, одним глотком допивая коньяк.

Но Терпение не спешил. Подобрал со стола коммуникатор шефа, выключил и вынул батарею. Взломанный и перепрошитый, нужно заметить, коммуникатор. Наклонившись, Эдик избавился от собственной «балалайки», кладя ее на подлокотник каталки. Принимаемые ломщиком меры предосторожности наталкивали на печальные мысли.

– Вот. – Зная, что «балалайка» шефа отключена еще час назад, Эдуард протянул ему тонкий планшетный коммуникатор, не подвязанный в сеть. – Это появилось в эфире четверть часа назад. Везде. Мы считаем это массовой рекламой, предшествующей аукциону. Уверен, вы понимаете, о чем идет речь.

Окна, рассыпанные по экрану планшета, заставили Гилярова помрачнеть. Он неспешно просмотрел десяток «вирусных» роликов и чуть больше текстов, на первый взгляд не связанных между собой. Именно это откопали в недрах сети умельцы Терпения по его приказу, как только Эдик почуял неладное. Послания адресовались всем сразу и никому конкретно, заставляя читать между строк.

Хорошо смоделированная на компьютере женщина с автоматом входит в эпицентр ядерного «гриба», различимый дозиметр на ее запястье явно зашкаливает за все разумные пределы. Женщина в легком комбинезоне и берете, без каких-то особенных мер противорадиационной защиты. Мужчина в таком же комбинезоне уверенно ныряет в разрушенный взрывом бункер, на боку которого красуется характерный ярко-желтый трилистник.

Заголовки статей, якобы научных и аналитических, соответствуют графическим посланиям: «До нанесения ядерного удара по Станции остались считанные дни», «Китайцы первыми получают секреты Кольского полуострова!», «Кто сможет взять в свои руки радиоактивную тайну?», «Специалисты полагают, что преимущества получит сторона, владеющая новой технологией», «Наследие Мутабор позволит противостоять последствиям ядерного коллапса», «Новый вид человека: миф или реальность?». И так далее, всё в одном ключе.

Вздыхнув, Гиляров вернул планшет Терпению.

– Что думаешь?

– Анализ ситуации позволяет предположить, что это наши друзья, – осторожно начал Эдуард. – Вероятно, через какое-то время они выставят на рынок новый препарат, повышающий сопротивляемость радиации. И только мы с вами знаем, на основании какого проекта был создан продукт...

– «Средний фон», – чуть слышно прошептал Ростислав.

Ситуация куском мокрого мыла выскальзывала из рук. Если опасения Гринивецкого верны, они приняли участие в создании козыря, за который государства и корпорации будут готовы выложить немалые средства. Породили химеру, которая не имела ни малейшего отношения к планам по возрождению Сибири... Выходит, таинственные исполнители их приказов действительно вели собственную игру.

– Что твои аналитики говорят о сроках?

– Мы затрудняемся дать точную оценку, но это произойдет не завтра, – продолжал осторожничать Гринивецкий. – Скорее всего проект еще даже не завершен, наши знакомые просто прощупывают почву. Однако вероятность того, что наши подозрения оправдаются, составляет 82%. Пока мы полагали, что «птицы» работают на нас, они разыграли ситуацию на ход вперед.

– Как думаешь, им поверят?..

Впрочем, Гиляров и сам знал ответ на этот вопрос. Слишком часто за последние три года в сетевом эфире звучали грозные голоса военачальников и политиков, всерьез заявляющих о необходимости ядерного штурма Станции. Всё энергичнее шейхи, министры и генералы швыряли журналистам убедительные «эксклюзивные новости» о подготовке к полномасштабной военной операции. Всё активнее ширилась северная «немосковская» зона влияния Кауфмана, и даже не очень дальновидные начинали понимать, к чему ведет промедление.

К счастью, дальше разговоров пока не шло. Россия, к плечу которой присосался опасный паразит, охлаждала пыл наиболее рьяных сторонников тактической бомбежки собственным ядерным щитом, хоть и изрядно прохудившимся после всемирной катастрофы.

Однако с тем, что иного способа взять Станцию нет, единогласно соглашались все, в том числе и отечественные генералы. После неудачного международного штурма, предшествовавшего Инциденту, альтернативного выхода, чтобы вскрыть крепость «Наукома», не осталось. Конечно, день за днем на нее пытались прорваться шпионы, но детище корпорации огрызалось беспощадно, кроваво и демонстративно. Открытое для всех желающих, оно продолжало оберегать секреты, оставаясь обыкновенными Воротами. Но среди тех, кто не хочет уходить с Земли, всегда останутся те, кто потребует узнать, как загадочная Арка устроена...

Гиляров потер лоб, раскурил потухшую сигару. Вот уже не первый год Станция оставалась настоящим криптоксом да Винчи, прямой взлом которого повлечет массу проблем. Но если чья-то рука на «красной кнопке» всё же дрогнет, преимущества, как вопили заголовки, действительно получит тот, кто первым войдет на радиоактивные руины. Пусть он найдет там лишь выгоревшие остатки великого секрета, но победой станет и это. Если запущенная в сеть кампания – не «утка», за спасительную соломинку ухватятся сразу двадцать рук. Интересно, как пересмотрит свою позицию Санкт-Петербург, если новая вакцина достанется именно русским?

– Какие предложения, Эдик?

– Главное, не впадать в панику. Теоретически проект не противоречит нашему заказу, а это значит, что еще не всё потеряно. Силовое воздействие на исполнителей тоже отменяется... с моей точки зрения, конечно. Разумеется, пока. Во-первых, мы так и не смогли установить хотя бы приблизительные координаты их убежища. Ни воздушная, ни орбитальная разведка ничего не дала, вы это знаете лучше меня. Либо их лаба скрыта надежными системами защиты, либо находится глубоко под землей. Скорее всего и то, и другое... Во-вторых, в случае удара по «птицам» о «Среднем фоне» можно забыть, а это не входит в наши планы.

Не входит... Слишком многое уже сделано, и отступить поздно, раскаиваться в грехах – тоже.

– Однако мы можем попытаться прощупать ситуацию, – Эдик откинулся на спинку инвалидного кресла, заговорив чуть тише. По лысине ломщика скользнул блик, он побарабанил длинными пальцами по тонкой пластинке «балалайки». – Если сумеем сделать это чужими руками.

Ростислав отмахнулся.

– Ты только что распинался, что обнаружить лабу невозможно. Или ты не пытался, а, Эдик? Все инвестиции перехватываются на подступах к Туруханску, после чего «птицы» пропадают, как сквозь землю... Может, они вообще не в Сибири!

– Ну, – помялся Терпение, и Гиляров с неожиданным воодушевлением понял, что у помощника есть для него кое-что еще. Кое-что интересное, до поры скрываемое. – Кроме дистанционного зондирования мы и не пытались откровенно искать производство. Так, пара пропавших разведмиссий, один якобы случайный беспилотник... Вы сами понимаете, что лишняя активность могла поставить «Средний фон» под удар или скомпрометировать нас в глазах исполнителя. Однако я не зря сказал про чужие руки, Ростислав Михайлович.

Гиляров посмотрел в глаза помощника, чувствуя, что невольно улыбается в ответ на тонкую улыбку Эдуарда. Новости были неожиданными, невеселыми, но если ломщик что-то придумал, они не допустят провала.

– Собери совещание, – приказал он, вставая. – Пусть приедут Бугаев и Пономаренко. Если профессор будет артачиться, силой вытащи из Академа, но чтобы через час был у меня в кабинете. Лично.

– Будет исполнено, – Гринивецкий вставил в затылок «балалайку», взялся за колеса. – А вы?

– А я подумаю, как связаться с нашими друзьями и выяснить, что за игру они затеяли. Да поможет нам Всевышний...

CREDITUM XXIX

Начинать разговор Султан не торопился. Молча разглядывал сидящего напротив мальчишку, поглаживая холеные усы. Вэйань глыбой застыл за плечом паренька, глядя в его затылок так, будто намеревался взглядом пробурить там дыру.

Мальчишка, надо признать, держался молодцом, даже несмотря на возраст. Его, кстати, Султан так и не смог определить. Шестнадцать? Восемнадцать? Усики только начинают пробиваться, на подбородке парочка прыщей, плечи худые, но жилистые. Сидел через стол от Айбара, равнодушно рассматривая убранство кабинета, забросив ногу на ногу.

Паренек нервничал, хоть и неплохо это скрывал. Причем Султан был готов спорить, что так люди ведут себя совсем не после совершенного убийства. Всё в движениях и мимике паренька говорило, что его что-то гложет. Что-то, не имеющее никакого отношения к состоявшейся в северном квартале перестрелке.

– Значит, Митяй, ты говоришь, что защищался? – наконец нарушил молчание хозяин Тайги, бросив косой взгляд на «дыродел».

Разряженный пистолет мальчишки лежал на столе перед ним, поблескивая хромом. Тут

же разместились старенький навигатор и внушительный нож в армейском чехле.

– Да, – ответил тот, и не думая развивать мысль.

– Двое местных напали на тебя, вооруженного, а ты их, значит, пострелял? – улыбнулся в усы Темирбаев.

– Да. Видели, что мальчишка, вот и наехали.

Паренек явно чего-то недоговаривал, но Айбар не хотел давить на Митяя. На этот счет у него уже сформировались иные планы, выглядевшие весьма неплохо.

– И еще две гильзы принадлежали мужчине, вмешавшемуся в разборки, чтобы тебе помочь?

– Да.

– Так откуда ты, говоришь, пришел?

– Из Олино, – гладко выпалил подготовленную легенду черенок. – Шел с родней из Норильска, с пути сбились, навигатор глюканул. На караван Куницы напали, всех положили, кроме меня. Вот и решил в Тайгу идти, надо же как-то дальше жить.

Ни сочувствия, ни жалости, ни печали. Темирбаев прищурился, снова и снова разглядывая лицо парнишки. Из таких выходят отличные бойцы, преданные и умелые, нужно только правильно подготовить...

– Допустим, – кивнул Султан, давая понять, что благосклонно принял ложь собеседника. – И что думал делать дальше?

– Еще не знаю. – Теперь Митяй говорил честно. – Работу надо искать, а потом в Новосиб двигать, там проще будет.

– Есть родня?

– Наверное. Как доберусь, буду искать. – Снова ложь, хорошо заметная, но безвредная.

– Сколько лет тебе, юноша? – Айбар взял стаканчик с настойкой, чуть пригубив ароматного напитка и поставив на место.

– Семнадцать, – ответил пацан, даже не моргнув.

– Ты вот что, Митяй. – Султан откинулся на спинку кресла. – Преступлений ты не совершал, на убитого наркомана мне плевать, как на кучу дерьма. А вот врунов я не очень жалую. Поэтому если еще раз соврешь мне, стоящий за твоей спиной человек отрежет тебе палец. Договорились? Поэтому я повторяю вопрос, а ты выбираешь палец... Сколько тебе лет?

– Пятнадцать. – К удивлению Темирбаева, черенок отреагировал на угрозу сдержанно. Молодец, у другого бы уже губы дрожали. – Всё остальное правда.

– Допустим. И что, нашел уже работенку?

– Нет еще. Не успел, господин Султан, – пацан говорил ровно, но Айбар всё равно видел бурю, кипевшую в юношеской душе. Злило, что эта буря не имела никакого отношения к допросу, но Темирбаев умел уважать чужие тайны и умение держать фасон. – Я недавно в городе, а тут сразу напали...

– Ты в розыске? Есть какие-то грехи, за которые тебя могут разыскивать казаки или федералы?

– Нет.

– Армейский нож откуда?

– В лесу нашел, на трупе.

Тут вранья почти не было, а на мелкие правонарушения пацанчика Темирбаеву было начихать и забыть. Султан сделал паузу, необходимую для продолжения беседы. Определенно, день складывался, как нельзя лучше.

– А что, – после минутного размышления сказал он, – если я предложу тебе работу?

– Вы? – Айбар порадовался, что чуть ли не впервые за беседу ему удалось нарушить равновесие Митяя. – Вы предлагаете мне работу? – И тут же насторожился, ожидая подвоха. – В проститутки не пойду!

– Не глупи, – отмахнулся Темирбаев. – Речь совсем не об этом. У меня мальчишек и своих хватает, силой никого не тяну, сами приходят. Я о другом. Вижу, ты ловкий малый,

особенно для пятнадцати лет. С оружием управляться умеешь. Смелый и дерзкий. Мне такие нужны. В службе безопасности.

Фэн, русский язык понимавший и без «балалайки», свел брови. Он не привык обсуждать или осуждать решения хозяина, но теперь взглянул на сидящего перед ним парня совсем иначе. Султан видел, как задумался поднебесник, изучая Митяя, будто товар в магазине.

– Получишь новую «пилюлю», – Темирбаев сделал паузу, – законно зарегистрированную, нужно заметить, с чистой биографией. Одежду, оружие. Придется, разумеется, кое-чему научиться, но взамен социальное положение, деньги, кормежка. И женщины, разумеется, все женщины «Шелкового пути», каких пожелаешь...

«Кроме одной», – добавил он про себя, невольно улыбаясь сладким мыслям о зеленоглазой незнакомке.

Митяй молчал, внимательно глядя прямо Султану в лицо. Боролся сам с собой, мучительно взвешивая озвученное предложение. А затем вдруг вспомнил что-то, от чего лицо бросило в краску, стиснул зубы и кивнул.

– А чего бы и нет? Согласен.

– Отлично, – Айбар легко хлопнул в ладоши. Поднял стаканчик с настойкой, отсалютовал новенькому безу и будто бы в его честь выпил до дна. – Это Фэн Вэйань. По-нашему он понимает, но сам не говорит. Фэн отведет тебя в казарму, где ты получишь всё необходимое.

– Прямо вот так, с этой минуты?

– В точности, Митя, в точности. Там же тебе выдадут аванс и талоны на питание.

Вэйань, не дожидаясь дополнительного приглашения, подошел к столу, собирая имущество черенка и рассовывая за пояс. Посмотрел на мальчишку, дернул головой в сторону двери – идем, мол. Парень послушно встал, со смесью вежливости и легкого нахальства поклонившись Султану.

– Теперь можешь называть меня Султаном, – бросил Темирбаев ему вслед. Два приобретения за один день, это стоит отметить.

– Хозяин? – Митяй брезгливо поморщился, услышав лающий язык Вэйаня. – Пришел мужчина, за которым ты посылал.

– Отлично. – Айбар небрежно махнул рукой. – Общайте его, и пусть войдет.

Дверь в коридор открылась, и Темирбаев с интересом заметил, как вытянулось лицо Митяя. Ничего, мальчик, пара недель в СБА Тайги, и ты расскажешь мне все свои секреты. Ты станешь мне сыном, как и все остальные сотрудники. Ты станешь носить меня на руках...

Охранники проводили в кабинет мужчину, встреченного Султаном в закускойной, и тот вдруг понял, что сюрпризам сегодня не будет конца. Сохраняя эмоции под замком, незнакомец всё же дал понять, что уже не первый раз встречается с мальчишкой. Бровь его дернулась, глаза сузились. Стараясь не прикасаться к Митяю даже краем одежды, он прошел в кабинет, остановился у порога. Задумчиво подергивая кончик уса, Айбар смотрел, как вновь наливается краской бледное лицо подростка.

– Здравствуйте, господин Султан, – низким приятным голосом произнес незнакомец, – ваши люди пытались привести меня силой, но я дал им понять, что и сам планировал совершить визит, засвидетельствовав почтение и уважение.

Темирбаев улыбнулся. Это не пятнадцатилетний наглец, похожий на шмат сырой глины. Перед Султаном стоял настоящий воин, высеченный из гранита. Такому хоть сто километров отшагать, хоть в штыковую идти, можно быть уверенным, что задача будет выполнена. Наверное, подумал Айбар, именно так выглядели отборные легионеры Древнего Рима...

Встав навстречу, что позволял себе крайне редко, он кивнул в ответ, протягивая руку и мягко указывая на стул.

– Присаживайтесь, уважаемый.

«Балалайкой» отправив Фэну текстовое сообщение, чтобы их оставили наедине,

Темирбаев опустился в кресло. Он не знал, почему, но чувствовал, что с этим незнакомцем ему предстоит нелегкий, хоть и интересный разговор.

CREDITUM XXX

На этот раз ожидание было приятным. Повелитель и страж подземных сокровищ уложил свое тело многочисленными кольцами, уместив широкую голову на скрещенные передние лапы. Рассматривал светляков, проносящихся под куполом пещеры, пытаясь проанализировать собственные чувства. Даже если ждать придется час, ему было чем занять себя.

Совместные действия сразу нескольких сил всё же привели к тому, что его «хозяин» собирает вооруженный отряд. Крохотную армию, жаждущую крови. Армию, которая обязательно отыщет нужную его Родине цель. Разгромит, сожжет, позволит ярости выплеснуться наружу. И когда это произойдет, Фуцанлун лично вынесет из развалин настоящее сокровище, навсегда вписав свое имя в летопись возрождения Китая.

Услышав, как в пещеру вошел его наставник и командир, подземный дракон поднял голову, повернувшись влево. Шэнлун, как всегда яркий и пышущий пламенем, остановился у входа, придиричиво рассматривая программы безопасности, парящие в воздухе. Убедившись, что встреча проходит под бдительным контролем целой когорты лучших шифровальщиков Поднебесной, багровой лентой скользнул на камни пещеры.

– Здравствуйте, товарищ, – медная голова Фуцанлуна склонилась в почтительном приветствии. – У меня есть очень хорошие новости.

– Достаточно, чтобы слова выражали мысли. – Сегодня Шэнлун начал с изречений великого Конфуция, а это значило, что старший офицер опять не в духе. – Какие вести ты принес мне, верный сын своего народа?

– Мой господин смог отыскать объект «Фетус», – переходя к делу, негромко произнес бронзовый дракон. Возможно, добрые новости смогут изменить настроение генерала? – Точного местонахождения мы еще не знаем, но это наверняка он.

– В самом деле? – Шэнлун сверкнул глазами, длинный гибкий хвост возбужденно щелкнул по скале, резким звуком распугав летающих стражей.

– Вероятность, подсчитанная мной, составляет 93,5%, ошибки быть не может, – продолжал послушно отчитываться младший из собеседников. – Ваши действия по похищению детей принесли свои результаты. Тайга взволнована, от ее лидера требуют решительных действий. Несколько дней назад разведывательный отряд почти нащупал гнездо, но был уничтожен мутантами. Теперь Султан готовит полномасштабную кампанию.

– Твоя задача – стать частью этого похода, – подумав над услышанным, ответил красный дракон. – Во что бы то ни стало. Только так мы сможем спасти от рук варваров бесценные результаты «Фетуса».

– Уважаемый товарищ, в центре обработали собранные мной данные?

– Да. Мы сопоставили твою аналитику с собственными разработками. Сомнений не осталось. Организация, называющая себя «Братьями-Месяцами», планирует в самое ближайшее время начать торги, предметом которых станут образцы «Фетуса». Мы не можем позволить продукту выйти на открытый рынок, равно как не можем позволить себе принять участие в аукционе наравне с фармакологическими корпорациями, вудуистами или арабами. Твоей новой задачей станет ускорить операцию Султана, чтобы разработки «месяцев» попали в наши руки до начала официальных финансовых сражений.

– В этом не будет необходимости, товарищ, – смягчая дерзость высказывания, Фуцанлун низко опустил голову. – Мой господин и без того планирует выступить в ближайшие дни. Жители Тайги сами подстегивают его к этому.

– Хорошо. Но ты должен и дальше контролировать ситуацию.

– Непременно.

– Это все новости?

- Да. Я был рад нашей беседе.
- Не забывай, кто ты таков, Фуцанлун. Помни о долге и осторожности. Благородный муж ни от кого не ожидает обмана. Но когда его обманывают, первым замечает это.

CREDITUM XXXI

Люди, стоящие у власти, ничем не отличаются один от другого, управляй они хоть тысячей человек, хоть тремя миллионами. Власть оставляет свой отпечаток, резкий и отчетливый, будто удар хорошим клинком. Она навсегда пятнает своего избранника, заставляя иначе смотреть на мир, окружающих, моральные принципы или культурные ценности.

Оставила она свой отпечаток и на Темирбаеве, которого тут все величали просто Султаном. Господином Султаном. Рассматривая посадника Тайги, разливающего по стаканам ароматную настойку, Вебер думал именно так.

Через стол от него сидел настоящий хан, вершитель судеб, хоть и не разодетый в золоченый халат. В Золотой Орде такие были тысячниками, как минимум, и дело вовсе не в физической комплекции или умении управляться с саблей. Дело во внутреннем стержне, сердцевине характера и души, который у настоящих правителей перегорает так же редко, как сердце уранового реактора.

– Угощайтесь, уважаемый, – гостеприимно улыбнулся Султан, протягивая ему стаканчик, наполненный коричнево-зеленой жидкостью. Запах заставлял вспомнить о кедровых рощах и свежей хвое. – Приготовлено из натуральных продуктов, никакой химии. Дары тайги, так сказать.

Но глаза этого хитрого и алчного ублюдка говорили совсем о другом. Прощупывали, оценивали, выискивали и пытались предсказать уровень угрозы или полезности, исходящей от чужака. Илья взял стакан, вежливо кивнув в ответ. Он жутко хотел принять ванну или хотя бы элементарно сполоснуться в бадье. Хотел сменить носки, отскоблить щетину с подбородка и поспать на мягком. Но вместо этого сидел в кабинете хозяина городка, пытаясь угадать настроение Темирбаева.

А еще недавний знакомец-мальчишка, на которого он наткнулся у входа в кабинет. Какого черта он тут делал? Донес на Вебера, свалив убийство в переулке? Щека Ильи невольно дрогнула, когда через секунду Султан почти сумел прочитать его мысли.

- Славный черенок, не правда ли?
- Кто? – закапывая неловкость в грунт равнодушия, переспросил Вебер.
- Мальчик, которого вы встретили только что. Мне показалось, вы знакомы?.. – вопрос был простым и будто невзначай, но Илья знал, что Султан сопоставляет факты.

– Нет, – он стаканчиком отсалютовал хозяину кабинета, пригубив настойку. – Виделись недавно, помогли друг другу решить одну щекотливую ситуацию...

– О, – Султан понимающе кивнул. – Надеюсь, парень показал себя с правильной стороны? Я решил завербовать его в собственную СБА... – Щека Вебера чуть не дернулась повторно, и он приказал себе усилить самоконтроль. – Простите, я не пояснил – так я называю городскую гвардию, привычка, – Темирбаев развел руками, объясняя свою маленькую вольность.

- Вы не прогадали, – ответил Илья.
- Надеюсь... Итак, господин?..
- Леший. Называйте меня так, господин Темирбаев, – с сухой молниеносной улыбкой ответил Илья.

Без «балалайки», предусмотрительно выложенной в карман, и верного «дыродела» под мышкой он чувствовал себя немного неуютно. Хотя бы рюкзак, просвеченный наноскопом и не показавший ничего подозрительного, стоял возле его левой ноги.

- Итак, господин Леший. Вы знаете, кто я такой?
- Нет. Но я достаточно сообразителен, чтобы догадаться.

– Вы умный и проницательный человек... Могу я поинтересоваться, что привело вас в наш славный город? На правах посадника, так сказать, и главы комитета безопасности!

– Я у вас проездом, уважаемый Султан. Направляюсь на юг, в сторону Новосибирска. Слышал, на дорогах опять постреливают Куницы, потому решил немного задержаться в Тайге. Пересидеть, так сказать, метель...

– Славно, славно, – заулыбался Темирбаев широко и фальшиво, – новые постояльцы в гостинице и гости моего заведения – растущая прибыль города, этому я могу быть только рад. Заглянете вечером к нам в «Шелковый путь»? Гарантирую скидку на любую девушку, которую вы выберете до восьми вечера, – он даже подмигнул Веберу.

– Не уверен, сильно устал. Но за приглашение спасибо. Однако мой визит к вам – не только дань уважения...

Глаза Темирбаева зажглись, как две противотуманные фары. Глотнув настойки, он даже подался к столу.

– Люблю людей, сразу переходящих к делу.

– Уважаемый Султан, я прошу вас позвонить по этому номеру. – Вынув из кармана утепленной куртки лист бумаги, Вебер протянул записку Темирбаеву. – Уверен, что там вам объяснят всё гораздо быстрее, чем это смогу сделать я.

Султан взял листок так, словно на нем сидел ядовитый паук. Внимательно взглянул на Илью, пригладил черный ус. Бегло пробежался по номеру, написанному от руки, изогнул бровь.

– Почему я должен звонить?

– Уверен, вы останетесь довольны...

Илья знал, что за оказанную услугу хозяин Тайги получит хорошую сумму, хоть и не понимал, зачем Колокольчик усложняет операцию по доставке груза в Новосибирск.

С ломщицей он связался пятнадцать минут назад, пока бродил по городку, якобы выискивая «Шелковый путь». На самом деле Вебер потратил это время на переговоры с центром, чтобы заручиться поддержкой и получить новые инструкции. Получил, причем до чрезвычайности расплывчатые, хоть осмыслить пока и не успел.

– Ну что же... – взгляд Темирбаева затуманился, когда он подключил спутниковый телефон к своей «балалайке», начав набирать номер. – Меня зовут Айбар Темирбаев, и человек, назвавшийся Лешим, предложил мне вам позвонить...

Илья молча наблюдал за Султаном, прислушиваясь к шуму улицы. Балконная дверь, несмотря на прохладу, была приоткрыта, позволяя ветру забредать в гости. Вебер знал, что на другом конце провода Колокольчик сейчас в доступной и простой манере объясняет посаднику свою просьбу. И еще Вебер знал, что Султан не откажет. Потому что сейчас устами Динь-Динь говорил сам заказчик.

Султан внимательно слушал голос в голове, изредка отвечая коротко и негромко. Наконец кивнул, и по его посветлевшему взору Илья догадался, что разговор окончен. Султан улыбнулся, но как-то вымученно. Отстегнул психопривод. Такие люди вообще не любят, когда их к чему-то принуждают, пусть даже и звонкой монетой...

– У вас могущественные покровители, господин Леший.

– При всем их могуществе они обращаются за помощью именно к вам, господин Темирбаев.

Лесть понравилась Султану, и на этот раз он улыбнулся искренне. Подлил настойки и себе, и гостю.

– То, что меня попросили взять на сохранение, у вас с собой?

– Разумеется. – Вебер нагнулся, расстегивая рюкзак.

Вынул увесистый матовый короб, найденный на месте гибели экспедиции, положил на край стола. Он испытывал смешанное чувство – облегчение от того, что теперь ответственность несет не он, делилось с нежеланием отдавать груз совершенно незнакомому человеку. Груз, за которым он протопал пол-Сибири, чуть не погибнув при этом.

– Вам сообщили, кто будет иметь право забрать эту вещь?

– Безусловно. Это будете либо вы лично, либо человек со специальным электронным ключом.

– Всё верно, – подтвердил Илья, придвигая находку Темирбаеву. – Осторожнее, он тяжелый.

С уважением глядя на нанопокрытие футляра, Султан обеими руками взял коробку, взвешивая. Положил перед собой, проведя пальцами по сложному электронному замку, продублированному обычной застёжкой на ключ.

– Там нет ничего опасного? Например, бомбы? – облизнув пухлые губы, поинтересовался Темирбаев. Украдкой посмотрел на гостя.

– Уверен, что девушка на другом конце соединения дала вам определенные гарантии, – кивнул Илья, словно подтверждая, что разделяет опасения. – Всё, что я знаю об этой вещи, так это то, что ее невозможно взломать. Любая попытка силового или электронного взлома приведет к уничтожению содержимого.

– Как замечательно, – покивал Султан. – Прямо-таки визуализированная метафора к Станции «Наукома», – он продолжал улыбаться, но Илья видел, как отточенный разум посадника уже пытается извлечь из происходящего новую выгоду. – Но ведь это еще не всё, что мы должны обсудить, не так ли, господин Леший?

– Не всё.

Новый приказ заказчика не предвещал ничего хорошего. И не просто отодвигал срок встречи с семьей, но отшвыривал на необозримые перспективы.

Злиться было бесполезно – Динь-Динь только передавала слова босса, не оставляя возможности поспорить. Сумма вознаграждения, вне сомнения, также увеличивалась, но это сейчас грело Вебера меньше всего...

– Нам стало известно, что в ближайшие дни Темирбаев соберет отряд для военного похода на север, – сказала ему Колокольчик во время недавнего разговора. – Одной из целей Султана является устранение неизвестной воинствующей группировки или нового бандформирования. По нашим данным, они причастны к многочисленным исчезновениям местных детей, участвовавших в последние полгода. Вторая цель, и ее реализации Новосибирск тоже мешать не намерен – расширение зоны влияния Тайги и поиск новых участков, пригодных для разведки ископаемых. Твоей задачей станет войти в этот отряд на правах наемного волонтера, мы поспособствуем этому. Но об истинной задаче Султан знать не должен. Когда операция будет закончена, ты сможешь забрать груз и вернуться домой. Шеф даже намекал, что при успешном раскладе сможет выделить вертолет...

Затем ломщица рассказала Веберу о его новом задании более подробно, сбросив в «балалайку» все необходимые данные. Побродив вокруг «Шелкового пути» еще пять минут, Илья ознакомился с файлами, помрачнев пуще прежнего.

Мало того, что ему придется разыграть перед Султаном роль наемника, так еще и предстоит примерить образ няньки. Безусловно, базовые курсы телохранителей он прошел еще в академии, закрепив умения при поступлении в московскую СБА. Но перспектива опекать человека, которого он и в глаза-то не видел? И не где-то в мегаполисе, а на задворках цивилизации? Да еще и без точной привязки к личности? В общем, восторга приказ не вызвал...

«Лояльный заказчику человек входит в окружение Айбара Темирбаева, – значилось в коротком сопроводительном письме, присланном Колокольчиком вместе с картами местности, графиками спутникового покрытия и подробными прогнозами погоды на ближайшие пару недель. – Он обязательно будет состоять в отряде, сформированном Султаном для карательного похода. Объект обладает минимальной подготовкой для операций подобного рода, к физическим нагрузкам готов. Связь с объектом должна быть сохранена в тайне от всех членов отряда и самого Темирбаева вплоть до окончания операции.

Уровень возможного сопротивления неизвестен. Численность противников неизвестна. Уровень вооружения противников неизвестен. Точная дислокация противника – неизвестна.

Прости, Илюша, но мы знаем о врагах Темирбаева очень мало, так что вся надежда на твою интуицию и профессиональные умения.

Если миссия пройдет без лишних трудностей, внедренный сотрудник так и не раскроет тебе свою личность. В случае возникновения проблем или непосредственной угрозы для своей жизни он сам обратится к тебе, произнеся кодовую фразу: «Опасность закаляет стойких». После этого ты переходишь в прямое подчинение к этому человеку, выполняя все его распоряжения и отвечая за его безопасность. Операция будет считаться выполненной по возвращении в Тайгу».

Вот такие вот шпионские игры, от которых Илью воротило.

Перспектива поступить в подчинение к человеку, которого он не знает, но который всё знает о нем, не могла не тревожить. Да и с девчонкой этой прилипчивой что делать? Однако с летящего «страта» не так-то легко сойти, а потому Вебер послушно запомнил всё, что сказала Колокольчик, изучил файлы и отправился на разговор к Султану, уже примеряя новую маску...

– У вас отличные рекомендации, господин Леший, – продолжил Султан, вкрадчиво поглядывая на гостя поверх стакана с настойкой. – Сожалею, что не слышал о вас раньше. Не хотите обсудить вопрос более долговременного сотрудничества?

– Я полагаю, – ответил Вебер, почесав кончик носа, – что для начала мы должны обсудить оплату предстоящей операции. Если, конечно, вы вообще удовлетворены моей кандидатурой.

– Да, удовлетворен. – Было заметно, что Темирбаев выбирает между необходимостью платить чужаку или бросать в пекло собственных бойцов. – Настолько, что приму рекомендованное мне предложение пригласить вас в отряд. О какой сумме идет речь?

– Двадцать тысяч. На указанный мною счет. Две трети авансом в день выдвижения отряда, остальное по возвращении. Ранения премируются. В случае моей гибели вы перечислите половину оставшейся суммы на другой счет. Кормежка ваша, боеприпасы, одежда и снаряжение – мои. Если мне понадобится что-то еще из снаряги, я это покупаю.

– Вы умеете вести дела, – кивнул Султан.

Улыбка больше не блуждала по его губам. Перестав играть в радушного хозяина, он мгновенно превратился в дельца, считающего каждую копейку.

– Сумма слишком велика... Вчера ночью жители Тайги заживо сожгли на окраине двоих мужчин. Те оказались баптистами, причем какого-то старого течения, почти забытого. Их приняли за сектантов, а потом обвинили в похищении и убийстве детей... Стоит мне бросить клич, и несколько десятков таких вот оголтелых поджигателей пойдут на север совершенно бесплатно. Вы понимаете, куда я клоню?

– Готов сбросить две тысячи. – Илья резким движением застегнул рюкзак, звонко прожужжала «молния» застежки. – Если мои условия и рекомендации не устраивают, господин Темирбаев, набирайте своих фанатиков...

– Сидеть! – негромким коротким приказом Султан хлестнул гостя так, что Вебер застыл, едва ухватившись за подлокотники стула. – Ты можешь быть хоть dd или пряткой, но разговоры в этой комнате начинаю и заканчиваю только я.

О да, теперь Темирбаев действительно преобразился, и Илья в полной мере рассмотрел причину быстрого расцвета когда-то захолустной Тайги. Морщины стали глубже, резче, черные усы встопорщились. Если бы слова могли убивать, во лбу чужака уже красовалось бы аккуратное пулевое отверстие.

Вебер опустил обратно, оставив попытку встать. Смотрел на грозного собеседника ровно, без вызова или агрессии, с легким деловым уважением. Сердце при этом ускорило темп, медленно наливая желудок тяжестью, причем несколько не от страха за свою жизнь или от ярости Султана. Если Илья перегнул палку, и уса́тый откажется нанимать его в свой поход, заказчик будет очень недоволен...

– Семнадцать тысяч, – произнес Султан, с хищным прищуром рассматривая наемника. – И ни копейкой больше. Пока не выступим, живешь и кормишься на свои.

Медикаменты тоже покупаешь. Остальные условия устраивают, только если ты не собираешься специально прострелить себе ногу...

– Не собираюсь, господин Темирбаев, – игнорируя выпад, ответил Илья.

– Это покажет время, – продолжал дерзко рубить сплеча Султан, будто испытывая терпение Вебера на прочность или гибкость. – Задача не из простых. Люди Вэйаня... одноглазый китаец, которого ты видел, мой начальник службы безопасности... так вот его люди *почти* нашли поселение сектантов. Почти, потому что олухи наткнулись на гнездовые хищного зверья. Их разорвали на тряпки, будто щенков. Только оружия и коней потеряли тысяч на пять. Из четверых один ушел, и тот Богу душу отдал позавчера. Но перед тем, как бездарно сдохнуть, преданные мне придурки подтвердили, что детей уведут именно в указанные ими координаты. Послужили, так сказать, перед кончиной. Коридор немалый, километров сорок шириной, закончиться может хоть на полюсе... Что именно мы найдем там, в северных лесах, не знает никто. Но любая попытка вернуться или отказаться от контракта будет расценена как дезертирство. Ты понимаешь это, Леший?

– Я искренне рад, что мы наконец-то пришли ко взаимопониманию, – осторожно произнес Илья, встречая колкий, полный недоверия взгляд Темирбаева.

И с иронией задумался, что ему уже не впервой искать иголку, потерянную в стоге огромного таежного сена...

CREDITUM XXXII

От работы отвлек вызов. Непростой, экстренный.

Сентябрь с недовольным вздохом отвернулась от рабочих дисплеев, на которых наблюдала и анализировала данные экспериментов Февраля. Отчеты по репродуктивным функциям были готовы, и сейчас наступила очередь «помывки», как называл процедуру сам ученый. Ей предстояло систематизировать сотни реакций человеческого зрачка на пакет зрительных образов с кодовым названием «Агрессия». Если новый препарат всё же вызывает необратимые нарушения в человеческой психике, проблем с реализацией не избежать...

Птичий клюв повернулся вправо, из-под маски блеснули светло-серые глаза. На столе мелко вибрировал спутниковый телефон с логотипом «Наукома», сразу после приобретения перепрошитый ломщицей. Телефон, способный звонить лишь один раз, – вызов поступал по защищенной линии, которая ликвидируется сразу после разговора.

Подобрав полу защитного балахона, Сентябрь ухватилась за край стола, вместе с креслом переезжая ко вспомогательному монитору. Вставила гаджет в зажим над экраном, соединила его с компьютером, выводя динамики на громкую связь и начиная запись. Если Гиляров воспользовался единственным шансом поговорить с «Братьями-Месяцами», произошло что-то серьезное. Или так считает сам Гиляров, раз вместо запроса на переговоры применил право совершить самостоятельный звонок.

Под птичьей маской мелькнула белозубая улыбка, «балалайка» переключилась в режим русской речи.

– Я слушаю вас, Ростислав Михайлович, добрый день. – Как обычно, Сентябрь позволяла собеседнику видеть себя, пресекая встречный видеоконтакт.

Ей было наплевать, как выглядит или ведет себя Президент Сибири во время бесед с братством, – всё, что нужно, ломщице сообщал голос Гилярова. Интонации, прозрачные нотки, смена тембра и громкости.

– Здравствуйте, – как обычно, Ростислав Михайлович звучал потерянным, рассматривая появившееся на своем экране существо. – Возникли вопросы первоочередной важности, что и заставило меня воспользоваться экстренной линией...

– Я догадался, – кивнула Сентябрь.

Она иногда задумывалась, почему Цикл выбрал для них именно такое обличье. Не довольствовался обычными наномасками, решив погрузить «братьев-месяцев» в атмосферу оторванного от реальности венецианского карнавала. Изготовил костюмы чуть ли не

самолично, старательно обработав защитными и маскировочными слоями каждый сантиметр ткани и легкого пластика. И пусть ответ был известен только лидеру их уникальной группы, одна версия у Сентября была.

Ей казалось, что таким образом Цикл пытался напомнить миру о средневековых ученых, когда-то боровшихся с чумой. Создать собственных *medico della peste*. Похожие на птиц, в длинных масках-противогазах, набитых благовониями и травами, они выглядели устрашающе и чужеродно, но при этом несли освобождение от болезни и спасение миллионам людей.

– Речь идет о масштабной рекламной кампании вирусного характера, развернутой в сети в ближайшие дни, – не очень уверенно начал Ростислав Михайлович. – Наш анализ позволяет предположить, что она имеет непосредственное отношение к проекту «Средний фон».

– Я догадываюсь, о какой кампании вы говорите. – Сентябрь заставила клюв снова склониться, глядя прямо в вебкамеру телефонного аппарата. – Это вызывает вопросы?

– Вызывает. – Голос Президента окреп. – Я считаю, что афиширование результатов нашей совместной работы может повредить проекту.

– Вы считаете? – спросила она в ответ.

– Предполагалось, что данные разработок останутся засекреченными для лиц, не принимавших участия в проекте, – продолжал мягко давить Гиляров. – Вместо этого вы планируете превратить их в предмет публичного торга, поставив под удар нашу репутацию...

– Вы делаете ошибочные выводы, – спокойно отрезала Сентябрь. Чувствительность микрофона позволяла ей слышать даже дыхание Президента, сбивчивое и взволнованное. – Ученые новосибирского Академгородка и Наукограда получают все результаты исследований, но заявленная в сети акция не имеет к ним прямого отношения. Вы политик и хорошо знаете, как парировать нападки прессы и попытки связать нас с действиями Сибирского Правительства. Если вспомните, мы изначально оставляли за собой право пользоваться разработками по собственному усмотрению.

– Не имеет прямого отношения? – Президент заговорил громче, начиная распаляться. – Что за глупости! Связь прозрачна и станет видна любому, таких нападков не отбить с трибуны! Я хочу поговорить с вашим начальством, причем срочно, пока ситуация не вышла из-под контроля. Вы не имеете права манипулировать данными «Среднего фона» без нашего на то согласия.

Сентябрь сделала паузу, искренне забавляясь разговором. Склонила голову набок, хорошо представляя, как сейчас выглядит со стороны. Мрачное существо с нечеловеческой головой, причем без использования компьютерной графики или монтажа. Это могло выбить почву из-под ног самого уверенного в себе переговорщика.

– Вы и так разговариваете с начальством, Ростислав Михайлович. Но я еще раз уверяю, что никаких причин для волнения нет. Согласно условиям контракта вы получите партию «плаценты» точно в установленные сроки.

Признаться честно, Сентябрь немного коробило от названия, которое Цикл дал разработке. Но тренд уже начал формироваться, обрстая сетевой историей, и ломщица смирилась.

– Первые три тысячи доз, прошедших полноценное тестирование. Это более двух миллионов рабочих часов, которые ваши рабочие смогут провести на восстановлении атомных объектов Сибири, – монотонно продолжала она, не давая Гилярову перехватить инициативу. – Инструкции по производству препарата также будут вашими. Развернутая в сети рекламная кампания не является поводом для беспокойства и остается частью внутренней корпоративной политики. Ростислав Михайлович, вы напрасно использовали экстренную линию для демонстрации тревоги и недоверия к нашей организации.

– Вы собираетесь использовать результаты экспериментов над нашими детьми в своих целях!

– Я уже сказал, что наши действия соответствуют корпоративной политике и не противоречат договоренностям.

Гиляров взял паузу, обдумывая услышанное. Сентябрь терпеливо ожидала продолжения беседы, искоса поглядывая на соседние экраны. На них была видна фигура Февраля, медленно бродящего среди десятков коек с прикованными к ним «экспонатами». Ученый делал собственные замеры, пополняя базу данных «Куэн Као», то увеличивая, то уменьшая интенсивность «промывки», в зависимости от пола и возраста испытуемых.

– Я требую гарантий, – наконец выдохнул Гиляров.

– Требуете? – улыбнулась ломщица.

– Да, именно требую. Мы с вами в этом дерьме – равноправные партнеры, и если ко дну пойдет один, он утянет за собой другого...

О, как он ошибается, этот высоколобый «верхолаз» в идеально отутюженном костюме...

– Я требую, чтобы ваше начальство гарантировало, что не кинет меня, а выполнит все обязательства. Что будет, всегда и везде, отрицать нашу связь. Поставки инвестиций. Обмен данными и сам факт переговоров. Я хочу точно знать, что в установленный срок мы получим препарат, а не обнаружим его в новостях, когда накачанные «плацентой» командос зашагают по радиоактивным обломкам Кольского полуострова.

Гиляров все-таки вернул контроль над голосом, сейчас диктуя требования, будто и вправду управлял ситуацией. Или, что еще смешнее, полагая, что видит картину целостной.

– Считайте, что у вас есть такие гарантии, Ростислав Михайлович, – непринужденно ответила Сентябрь. – Или желаете письменного контракта?

– Если вы обманете меня... – наконец прорвалась в «балалайку» Сентября хорошо сдерживаемая злость. – Если используете, чтобы потом...

– Не обманем, – правдиво ответила она, прерывая Президента на полуслове. – Это не в наших интересах, Ростислав Михайлович. Мы тоже понимаем, что танец с дьяволом нельзя прервать на середине. Придется довести партию до конца. Вместе. Продолжая рискованную игру, где гарантиями могут быть лишь устные заверения и репутация сторон. Или вы хотите привлечь к решению спорного вопроса независимые стороны? Третейских судей? Быть может, консалтинговые структуры? Вы не хуже меня понимаете, что это невозможно.

Гиляров помолчал еще немного, а затем заставил Сентябрь улыбнуться под маской широко и задорно, подтвердив всё, что она когда-то слышала про чиновников или политиков.

Глухим голосом, негромко и отчетливо Президент произнес:

– Учитывая, что права на разработки «Среднего фона» принадлежат вам как исполнителю, я настаиваю на своем участии в их продаже. Если кампания по реализации нового продукта будет удачной, Сибирское Правительство в моем лице получит отчисления. Оцениваю их в 25% от выручки аукциона. Уверен, что эта цифра устроит обе стороны, не ущемив ваши финансовые интересы.

Теперь пришла очередь молчать Сентябрю. Голосовые модуляторы, установленные на горле ломщицы, были настолько качественными, что ответ требовал полной концентрации и избавления от сарказма.

– Интересное предложение, Ростислав Михайлович. В самое ближайшее время я обсужу вопрос на собрании совета директоров, после чего дам знать о принятом решении.

– Вот и отлично, – буркнул Гиляров.

– А сейчас, раз уж мы всё равно начали сеанс связи, позвольте узнать о судьбе новой партии инвестиций, которую вы собирались выслать три дня назад...

CREDITUM XXXIII

Сеть анонимна. Она имеет миллиарды лиц даже сегодня, едва оправившись от смертельного удара, но ни одно из них не является настоящим. Сеть – это океан, состоящий

из пустышек, которыми люди играют, словно масками. Сеть позволяет стать малолетней блондинкой-нимфоманкой, она дает возможность примерить строгий костюм аристократа или умудренного возрастом жреца забытой религии. Сеть всесильна, пока люди играют с ней, играют с собой, играют друг с другом. Увидеть в сети настоящее лицо – всё равно что увидеть призрак.

В визуализации не было особенной необходимости, они вполне могли бы обойтись и простым разговором. Визуализация стала рудиментом сети, сегодня выполнявшей немного иные, чем четыре года назад, функции. Возможность общаться, оперативно обмениваться данными, координировать действия – все эти задачи современной виртуальности решались с помощью орбитального флота «Наукома» и спутниковой связи, получившей новую жизнь. Развлечения, базы данных, дутые энциклопедические хранилища и вездесущая порнография снова начинали завоевывать сетевое пространство, наполняя его красками, хоть и слишком медленно.

Однако еще сто лет назад безликим разговорам доверяли меньше, чем личной встрече. И потому при каждой новой беседе двое мужчин обязательно выбирали себе некие образы. Оставались своего рода ретроградами, доказывавшими, что помнят сеть иной – живой и яркой заменой реальности.

Встреча, как обычно, происходила в одном из небоскребов виртуального города для торговли, проституции и общения, какими когда-то полнился мир Цифры. Приватный этаж, охранные программы на входах, великолепный вид на шумящий у ног муравейник, погружающийся в вечернюю мглу.

Один из мужчин сегодня находился в образе крепкого широкоплечего атлета, затянутого в ладный и гармонично приталенный костюм молочного цвета. Второй масок обычно не менял, по обыкновению явившись на переговоры в обличье своего кумира Стивена Хокинга. Разница с гениальным физиком, еще в начале столетия предсказавшим Земле многие произошедшие беды, состояла лишь в том, что симптомы амиотрофического склероза поклонник моделировать не стал. Однако старенькая инвалидная коляска, как и синтезатор речи, были в наличии, делая образ узнаваемым.

Примитивная каталка Хокинга въехала в кабинет. Стоящий у панорамного окна крепыш заметил это в отражении на стекле, обернулся и приветливо кивнул. Широкими шагами подошел к «инвалиду», заботливо взялся за поручни, подкатил коляску к прозрачной стене. Вернулся к двери, аккуратно прикрывая створки и тем самым окончательно шифруя канал.

– Как самочувствие? – вместо приветствия поинтересовался атлет.

– Спасибо, всё так же хреново, – улыбнулся Хокинг. – Как сам?

– Работаем. – Мужчина в белом костюме подтащил к окну стул, уселся рядом, глядя на искусственный город, в котором еще не так давно общались, знакомились и обменивались новостями миллионы пользователей. – Султан почти нашел убежище недоносков. Кто-то основательно накалил ситуацию, похитив детей геологоразведчиков. Это подстегнуло толпу, заставило Темирбаева понервничать. На улицах начались самосуды, несколько человек повесили, но это дало Султану новый стимул.

– Будет карать? – синтезированный голос псевдо-Хокинга звучал зловеще и безжизненно.

– Будет. Огнем и мечом, так сказать. Отряд выступит со дня на день.

– Ты должен быть в нем.

– Действительно? – загорелый атлет неуверенно покосился на человека в инвалидном кресле. – Ты просишь меня лезть под пули?

– Это не просьба, – прокаркал в ответ динамик Хокинга. – Но риск сведен к минимуму. К тебе будет приставлен специально обученный человек.

– Ты даешь мне телохранителя и заставляешь покинуть Тайгу?

– Совершенно верно. – Прямо на оконном стекле появилась трехмерная проекция человеческого лица. – Его зовут Илья Вебер, он уже не первый год работает на нашу

структуру. Лишнего не знает, отличается потрясающей работоспособностью и исполнительностью. Подготовка уровня бега из Москвы, отлично знает тайгу и умеет обращаться с оружием.

– Я уже видел этого человека.

– Не исключено, – кивнул Хокинг, в этом выдуманном мире не парализованный и живой. – Несколько дней назад он прибыл в ваш город и предложил Султану свои услуги.

– Он входит в отряд?

– Да. Темирбаев нанял его в качестве вольного стрелка. Но основной задачей Вебера будет твоя безопасность. Об этом знают только он, я и теперь ты. Когда станет жарко, скажешь ему: «Опасность закаляет стойких», после чего наемник перейдет под твое управление.

– А если Султан не позволит мне вступить в группировку?

– Позволит. Ты сделаешь всё, чтобы убедить его в этом. Оборудование, имеющееся у ваших врагов, может пригодиться Тайге. Оценить его полезность способен только спец твоего уровня. Ты сделаешь всё, чтобы пойти вместе с отрядом.

– И когда мы найдем лабу?.. – мужчина в костюме молочного цвета сделал многозначительную паузу.

– Ты проникнешь в ее внутреннюю сеть и выкачаешь до дна. Даже если это раскроет тебя перед Султаном. Если взлом будет удачным и результативным, ты вообще покинешь Тайгу, мы обеспечим отход.

Мужчины замолчали, глядя в окно. Голограмма исчезла, не мешая наслаждаться индустриальными видами небоскребов и рекламных дирижаблей. Молчание длилось не меньше минуты, после чего атлет с бронзовой кожей неуверенно потер щеку.

– Никакие деньги мира не вернут мне жизнь, если шальная пуля...

– Мы не станем обсуждать этот вопрос, Пружинка, – в голосе «инвалида» могло бы звучать множество эмоций, но простенький синтезатор речи не позволил пробиться ни одной. – Это прямой приказ сверху, и ты его исполнишь. Сделал бы сам, но мы не для того держим тебя в свите Темирбаева почти три года...

– Не дави на меня, Терпение. Если вспомнишь, я сам предложил Республике свои услуги. Но ты отлично знаешь, что меня мутит от вида крови. – В устах широкоплечего силача слова приобрели забавный оттенок.

– Помню. Но необходимости взломать сеть твоя преданность не отменяет. Это единственный шанс, и упустить его мы не можем. Кроме того, ты получишь премию.

Не отрывая иссушенную «болезнью» кисть от подлокотника кресла, Хокинг начертил перед собой шестизначную цифру. Вслед за движением пальца в воздухе оставался искрящийся след, как в мультфильмах про фей или волшебниц. Когда цифра была завершена, след растаял.

– Это в рублях?

– Это в юанях. После операции мы оставим за тобой право покинуть Сибирь.

– Хм... – крепко улыбнулся, оправляя лацканы пиджака. – Предложение становится всё более заманчивым. Только не нужно думать, что я работаю исключительно как наемник.

– Я так не думаю, Пружинка. Мы вместе не первый день. Просто бонус за риск и ответственность.

– Хорошо, – тот встал, потягиваясь. – Сделаю всё, что смогу. Завтра выйду на связь и отчитаюсь.

– Договорились.

– И еще, Терпение... – ломщик уже направился к выходу из приватной комнаты, остановившись почти у дверей. – Можно личный вопрос?

– Валяй. – «Инвалид» всё так же смотрел на город, раскинувшийся в сотнях метров внизу.

– Почему из всех возможных образов ты всегда выбираешь Хокинга? Кроме преклонения перед его заслугами, конечно.

Пружинка терпеливо ждал, не спеша открывать дверь. Молчание было долгим, он уже подумал, что не услышит ответа или вообще обидел коллегу, но Хокинг все-таки прокаркал:

– Он был гением. Настоящим гением. Он свернул горы, умея только вращать глазами и пальцами одной руки. После того как я примеряю его тело, мое собственное кажется не таким ущербным.

– Спасибо, друг.

– Пожалуйста. – И когда двери сомкнулись за широкой спиной, затянутой в молочно-белую костюмную ткань, добавил, не отрывая глаз от ближайшего небоскреба: – Только вот друзей у настоящего ломщика не бывает...

CREDITUM XXXIV

Илья проснулся, потому что в соседней комнате плакала жена. Светка всхлипывала как-то жалостливо, по-детски, чего в ней раньше не замечалось. Что-то случилось с Верой?! Встрепенувшись, Вебер подскочил на лежанке, ударившись ногой о железный край панцирной койки. Замер, соображая, что к чему.

Он ошибся. Не было никакой Светки, плакавшей за стенкой. Не было Веры, с которой случилось несчастье. Близкие ему люди остались далеко-далеко отсюда, и он не сразу сообразил, где находится и что вообще происходит.

Он не дома. Он в Тайге, в дешевом убогом отеле для картографов и «кротов». А плач доносится не из спальни, а с той самой койки, о ножку которой он только что приложился голенью. Окончательно избавившись ото сна, Илья сел в своем закутке, образованном стенами номера и кроватью. Потер лицо.

Девчонка перестала плакать. Услышала, что он проснулся, и притихла, стараясь всхлипывать тише.

– Ты чего реवेशь? – Вебер поднялся с матраса, на котором спал. За окошком только начинал брезжить рассвет, но раз уж он разбужен, домучивать оставшиеся пару часов смысла не было никакого.

Встал, обошел койку, склонился над умывальником.

– Чего реवेशь, спрашиваю? – покосился на Варю, чье имя вытянул только вчера, и то едва ли не клещами.

Она лежала, высоко натянув одеяло, из-под которого всё еще неслись всхлипы.

– Я с вами пойду, – вдруг ответила девчонка.

Илья похолодел, так и не донеся до лица ковшик ладоней, наполненный несвежей водой.

– Пожалуйста, возьмите меня. Они ждут... их там так много... вы идете за ними, и я пойду с вами... – половину того, что девчонка бормотала из-за одеяла, он разобрать не смог, но хватило и услышанного.

– Что ты сказала? – как он ни старался, вопрос прозвучал грозно и грубо, Варя даже перестала дышать. – Повтори, что ты сказала!

– Вы идете туда... за ними... я пойду с вами...

Вебер отряхнул влажные ладони, так и не закончив умываться. Навис над койкой, едва сдерживая себя.

– Куда мы идем?

– На север... за детьми... они зовут. Пожалуйста, возьмите меня с собой...

Он всё же не удержался. Рывком отбросил одеяло, кинулся к девчонке. Быстрыми движениями, пока не успела окончательно перепугаться, просунул руку под теплую шею, ощупал затылок, провел ладонями по предплечьям. Ничего. Никакой электроники, «балалаек» или «таблеток».

Взвизгнув, Варвара дернулась от него, отползая к дальнему краю кровати. Чуть не упала на матрас у стены, закрыла руками лицо. Думала, дура, что он тела ее молодого захотел... Как бы удар не случился, вон как дрожит.

– Откуда ты узнала про поход? – отчеканил он. – Кто тебе сказал?

Девчонка все эти дни носа из номера не казала. В туалет ходила под присмотром Вебера, еду он приносил в гостиницу, дверь всегда запирали, ключ не выкладывал. Как метелка могла вообще хоть что-то пронюхать про предстоящую операцию?

– Отвечай!

– Я не знаю... – теперь она плакала в полный голос, размазывая слезы по щекам. Красивая, черт побери, действительно красивая, даже в истерике, со спутанными волосами и мешками под глазами. – Просто знаю... они приходят... каждую ночь... они просят меня о помощи. Я пойду с вами...

– Никуда ты не пойдешь.

Вебер даже предположить не мог, откуда девчонка узнала о его скорой отлучке. Может, во сне проболтался невольно? Да не водилось за ним такой привычки, с его работой-то. Услышала разговоры в коридоре? Да она в уборную-то ходила, будто по минному полю, даже несмотря на его присутствие, – быстро, опустив голову, стараясь сделать всё как можно быстрее. Наверное, после рассказней о том, как девчонка спасла его от скитальца, следовало вообще перестать удивляться чему бы то ни было...

– Я не понимаю, как ты могла узнать, но ты остаешься.

– Но вы же идете...

– Иду! – отрезал он. Скрывать не было смысла. Особенно учитывая, что караван выступал уже сегодня. – А ты остаешься.

Он злился, ничего не мог с этим поделать и от этого злился еще сильнее. Планировал рассказать всё позже, обставить как можно бережнее, чтобы не перепугать, но теперь было не до сантиментов. Подхватив с пола рюкзак, Вебер принялся шарить в его содержимом.

– Вот. – На кровать, почти у высывающейся из-под одеяла девичьей ноги, упала пачка купюр. – Тут хватит на месяц, если не больше. За номер я уже заплатил, так что если хозяин придет просить денег, посылай на... в общем, оплачено. Есть ходи в здешнюю столовую. С незнакомцами не разговаривай, из гостиницы вообще ни ногой. Ясно?

Она замотала головой, продолжая плакать. Угадать, поняла ли ревуня наставления мужчины, было невозможно. Илья чуть не выругался, вовремя захлопнув рот. Он и так хватил лишку, стращать девку сверх меры не стоило. Как же она прознала про их поход? Неужели кто-то под окнами громко болтал? Так ведь ставни всегда закрыты...

– Я уйду на пару недель, не больше, – продолжил он уже спокойнее. Хотелось сесть рядом, обнять и успокоить, но Илья догадывался, что от этого жеста дикий лесной зверек переполюхнется еще сильнее. – Вернусь, как смогу. Там и решим, что с тобой делать дальше...

– Ничего со мной делать не надо, – всхлинула она, краем одеяла утирая распухший нос. – Я с вами пойду. Ну пожалуйста, возьмите меня с собой...

– Не знаю, что ты там слышала, – пробурчал он, принявшись торопливо, чуть дергано одеваться, – но девчонкам в нашем походе точно не место. Подождешь тут, если жизнь дорога. А нет, так сама решай, что делать.

Натянул поверх утепленных кальсон камуфляжные штаны, хрустнул застежками. Выдернув из замка ключ от номера, бросил рядом с деньгами.

– Я не буду мешать... Меня лес еще помнит, я пригожусь...

– Тайгу не хуже твоего знаю... – День начинался явно не так, как планировал Илья. Нервно, с эмоциями, со слезами и торопливыми сборами, лишь бы побыстрее покинуть общество странной девчонки. – В общем, всё сказал. Вот деньги, вот ключ. Если будут вопросы, скажешь, что ты – метелка Лешего, я тут уже примелькался. Поняла?

Она опять замотала головой, на этот раз с решительным отрицанием. Да еще и уши ладонями зажала, не желая слушать того, что говорил ей Вебер. Вот же уперлась, дура!

– Как знаешь, – чуть ли не прорычал он, рывком надевая куртку. Подобрал с лежанки «дыродел», спрятал в кобуру, забросил за плечи рюкзак. – Не нравится, иди на все четыре стороны. Деньги тратить можешь, это подарок...

И вышел из номера, хлопнув за собой дверью так, что с потолка упал кусок штукатурки.

Ну почему он не настоял на том, чтобы девчонка ушла с тем пареньком? Завернув в общие ваннные комнаты, Илья наспех умылся, постоял над дырой в полу, заменявшей постояльцам унитаз. На душе было гадко, будто тонущего щенка из речки вовремя вытащить не успел...

Навстречу попался один из обитателей «Добытчика» – худющий, верткий, с ярко горящими глазами. Еще не успел понять, олень, куда ветер странствий занес? Ну ничего, скоро пообтешется, нюхнет порошу, поймет Тайгу... Вебер взглянул на встреченного «крота» так, что тот побледнел и предпочел ретироваться, не умывшись.

Илья заставил себя успокоиться. Взглянул в битое зеркало над грязной раковиной, несколько раз глубоко вздохнул. Хорош же он будет, если выйдет на площадь именно в таком расположении духа...

Профессионализм взял свое, и уже через пару минут Илья пришел в себя. Прошагал по коридору уверенно, стараясь не думать, что сейчас происходит за дверью номера, в котором они с Варей прожили несколько дней. Спустился на первый этаж, не ответив на приветствие администратора, и вышел на улицу.

Несмотря на то что общий сбор был объявлен на семь утра, центральная площадь городка уже наполнилась людьми. В основном мужчины в камуфляже, в высоких сапогах или шнурованных армейских ботинках. За спинами у большинства виднелось оружие, вещевые мешки. Некоторые привели лошадей и мулов.

Ожидая посадника, многие нервно курили самосад, самодельные трубочки да «козьи ножки». Среди разношерстного тайгинского люда мелькали нашивки безов – люди Вэйаня присматривались к подбиравшемуся контингенту и оценивали кандидатуры, негромко переговариваясь между собой через «балалайки».

Не смешиваясь с толпой, Илья купил у ближайшего лотка пару пирожков с мясной начинкой и стакан якобы чая. Несмотря на сомнительный вкус, съел всё. Сидя на бетонном блоке, игравшем роль коновязи, он лениво разглядывал добровольцев, метивших в воинство Султана.

Обычные люди, передающие по кругу бутылки с бледно-серым самогоном. Столь же серые сами, погребенные под грузом повседневных забот и горестей. Мечтающие, что именно они нащупают новую золотую жилу, обеспечив Республику новорожденной нефтью. И снова, как столетия назад, мужчин собирало воедино примитивное желание – отомстить, утопить врага в крови, выместить на нем злобу и печаль за собственную никчемную жизнь.

И еще где-то в этой толпе был человек, за жизнь которого Веберу придется отвечать своей...

Вскоре появился Султан, чей выход на площадь был встречен шумом и даже аплодисментами. Темирбаев пришел со стороны «Шелкового пути». Улыбчивый, отзывчивый на приветствия и собранный, окруженный многочисленной свитой. За спиной посадника Илья без особого удивления разглядел одноглазого поднебесника и шустрого паренька, чьего имени так и не узнал. Далеко пойдет парнишка, теперь одетый в форменный комбинезон, зеленый с новенькой нашивкой.

– Здравствуйте, уважаемые! – Султан легко забрался на бетонное возвышение, с которого обычно зазывали рекламировали свои товары. – Спасибо, что пришли!

Толпа тепло загудела в ответ, зазвучали выкрики, кто-то здоровался с Темирбаевым. Подняв над головой руки, тот призвал окружавших к тишине. Вебер, наблюдавший за представлением с прежнего места, улыбнулся. Живи Султан в Новосибирске или Санкт-Петербурге, из него вышел бы славный политик, умеющий управлять людьми...

– Этим утром нас собрала здесь веская причина, – чуть тише продолжил тот, заставляя стихнуть последние возгласы. – Долг. Обязанности. Мы здесь для того, чтобы защитить себя. Защитить бизнес, которым зарабатываем на жизнь. Защитить свои семьи, защитить своих детей!

Вооруженные мужчины, заполнявшие площадь, согласно кивали, шепотом обмениваясь репликами. За людьми внимательно наблюдали безы.

– Мои разведчики узнали, где живут безумцы, похищавшие наших детей! – Султан вскинул над головой кулаки, и по сотням тайгинцев прокатилась волна. – Сумасшедшие ублюдки, населяющие наши леса, переступили грань. Но мы живем в мире, который контролируют сила и закон. А потому не позволим никому... слышите?! Мы никому не позволим бить себя, не давая сдачи в ответ!

«Интересно, – размышлял Вебер, прислушиваясь к речам усатого вполуха, – а в столице знают о том, какую «островную империю» создал Султан прямо под боком нового Правительства?»

– Оказалось, они воровали детей не один месяц! И никто не знает, что ублюдки делали с крохами! Но если другие будут молчать и терпеть, мы не потерпим!

Темирбаев, чей голос крепчал с каждым новым словом, опять потряс кулаками. Несмотря на то что он не пользовался громкоговорителем, обращение к толпе было слышно повсюду, а перебивать лидера не осмеливались даже самые захмелевшие. В соседних домах уже давно открылись окна, откуда за собранием наблюдали женщины и дети.

– Поэтому мы отправимся туда, где живет сектантская погань! Отправимся, чтобы спасти тех, кого еще можно спасти! Отправимся, чтобы отомстить и показать, кто хозяин на этой древней земле!

Вот теперь мужики взревели в ответ, уже не пытаясь казаться смирными и послушными. Потрясали ружьями и арбалетами, кто-то даже выстрелил в воздух, но был тут же отведен в сторонку парнями Вэйяня. Несмотря на сарказм, с которым Вебер слушал речь тайгинского вожака, по спине Лешего лизнул озноб. Несколько секунд Темирбаев выжидал, пока люди накричатся, а затем захлопал в ладоши, призывая к тишине.

– Поход будет непростым, – заговорил он уже без надрыва и пламени в голосе. – Каждый отправится на том, что имеет, будь то лошадь, вездеход или пара ног. Оружие берите свое, с патронами помогу. Питание тоже обеспечит администрация Тайги. Я лично выделяю двадцать пять бойцов службы безопасности. Также нам предстоит набрать еще сорок добровольцев из вашего числа...

Собрание, в котором насчитывалось никак не меньше 200—250 мужчин, на этот раз загудело разочарованно, протяжно, но Султан был к этому готов.

– Хотите пойти все и бросить жен, детей и дома? Подумали о них?! Подумали о тех, кто остается, чтобы оберегать Тайгу от Куниц и прочей швали?! Я сказал – сорок человек! Шанс будет у каждого, но выступят только самые подготовленные и лучшие. А всем, кто вернется из похода, я лично выплачиваю премию в триста юаней на покрытие дорожных издержек... – Темирбаев чутко реагировал на волнения толпы у ног, играя голосом и громкостью. – Пункт записи открыт там! – он выбросил влево руку, и Вебер рассмотрел тумбу, наспех сооруженную возле газетной редакции. – Выстраивайтесь в очередь, через три часа мы должны выступить!

Наполнявший площадь люд колыхнулся, подаваясь в сторону тумбы, растекся на несколько очередей. Порядок обеспечивали люди Вэйяня, ловко сновавшие в живом озере.

Илья встал с бетонного блока, отряхнул штаны, направился к Султану. Вожак, всё еще окруженный свитой, спустился с пьедестала, пробираясь к краю площади. К нему тянулись те, кто был недоволен решением выделить всего четыре десятка добровольцев, задавали вопросы, но Вэйянь и еще пара безов вежливо оттирали людей в стороны.

Заметив приближающегося Лешего, одноглазый насторожился, шагнув в его сторону, но затем признал наемника, впустив в ближний круг Темирбаева.

– Султан, я чувую, что там много интересного... – расслышал Вебер, подходя поближе и приветливо кивая китайцу.

К усатому обращался невысокий паренек, по выбритой голове которого тянулись татуировки в виде микросхем. Машинист? Здесь, в Тайге? Похоже, Темирбаев на самом деле решил построить Анклав...

– Вэйань привезет всё, что будет нужно, – негромко отвечал хозяин Тайги, вежливо улыбаясь на летящие со всех сторон вопросы. – Какого дьявола я буду посылать в это пекло своего лучшего машиниста?

– Потому что Фэн, при всем моем уважении, не отличит раллер от принтера, – осканился тот, с коварной усмешкой взглянув на китайца. Фэн прищурился в ответ, но на колкость не отреагировал. – Там должен быть я, Султан. Ну представьте только, что будет, если выродки окопались на старой военной базе? А если это вообще лаба? Проклятье, да Тайге позарез нужно то, что лежит в местных сетях! А сколько там может быть нужного оборудования?!

– Опять ты за свое, Пружинка... – Темирбаев скривился, давая понять, что данный разговор преследует его уже не впервые. – Ну охота тебе жопу под пули совать?

– А я и не буду! – встрепнулся тот. – Вы же вчера все-таки согласились с Вэйанем, чтобы именно он возглавил отряд? Вот он и прикроет!

– Отпустить неизвестно куда обоих ближайших помощников?..

– Султан! – будто репейник, Пружинка висел на рукаве хозяина, и не думая отступать. – Если там будут данные о «чернухе», а мы их не добудем, вы первым откусите себе локоть!..

Вебер, в разговор не вмешивающийся, терпеливо ждал, пока машинист решит свой вопрос. Уровень доверия и фамильярности, с которыми тот обращался к Темирбаеву, позволяли предположить несколько очевидных вещей, а в дела *семьи* Илья вмешиваться не хотел.

– О всемогущий Аллах... Ладно! – Султан повернулся к лысому, угрожающе нацелив на него свой палец. – Ты пойдешь. Но будешь держаться позади. И чтобы ни царапины, понял? Вот же прилипчивый, два дня меня уже пилит!

Скучающий Вебер взглянул по сторонам, ненароком уставившись на черенка, недавно принятого в СБА. Паренек смотрел на Лешего исподлобья, хмуро и задумчиво. Неужто до сих пор дует, что Варя ушла не с ним? Илья поздоровался и с мальчишкой, но ответного кивка не получил.

– Султан, если там есть данные по «чернухе»!.. – продолжал бритый с профессиональными татуировками.

– Замолкни. Я уже дал добро. Но если там не найдется ничего интересного...

– Найдется!

– Всё. Чтоб глаза мои тебя не видели! – без особенной злости рыкнул Темирбаев, а радостный машинист мгновенно исчез из виду, побежав собираться. – О, Леший. Ну что, наемник, готов к походу?

– Всегда готов, – одними губами улыбнулся Вебер. – Можно вопрос?

– Валяй, только быстро. Еще нужно успеть на смотр гвардейцам, отряженным для операции...

– Мы идем туда, где пропадают дети. А о каком количестве пропавших вообще идет речь? – всё это время Илья цепко осматривал четыре очереди добровольцев, записывающихся в рейд. Если подозрения верны, нужный ему человек сейчас стоит в одной из них и обязательно попадет в списки. – Десять? Сорок?

– Несколько сотен, – ответил Султан, внимательно проследив за взглядом наемника. – Точно не знает никто. Но можешь прикинуть сам, раз меньше месяца назад эти ублюдки увели в рабство больше сотни детей...

– Больше сотни? – Вебер заинтересованно обернулся к нанимателю, даже прервав изучение толпы. – Откуда столько?

– У нас тут неподалеку было что-то вроде детской коммуны, «Кропоткинский лагерь» называлось. Так вот они все пропали... Кое-кто погиб при обороне, но остальных, как говорят деревенские, увели на север. Вот и считай, о каких числах речь идет... – ладонь Темирбаева по-хозяйски хлопала Илью по груди.

– Больше сотни? – Илья задумчиво пожевал вопрос. – Это очень много...

И осекся, снова заметив в окружении Султана вытянутое лицо паренька, ухитрившегося вторгнуться в дикую Варю. Тот, побелев до кончиков волос, едва стоял на ногах, пошатываясь и приоткрыв рот. В глазах парня сверкало нечто такое, что даже выдавшему виды Веберу стало не по себе...

CREDITUM XXXV

Возбуждение, охватившее Тайгу, зацепило и его. Подумать только, третий день после появления в городе, а он уже в самом центре событий! Возможно, судьба была не так уж и строга, если заставила его покинуть лагерь? Митяй даже не мог решить, что нравится ему больше – подаренный шанс проникнуть в замкнутую систему элитных солдат города, личное внимание Султана или новенькая униформа, выданная на складе.

Вообще, черенка приняли хорошо. Поначалу парень откровенно тушевался, ожидая нападков, испытаний на прочность или демонстрацию иерархичности. Будто попав в новую колонию, он смотрел волком, вычислял вожаков и слабых, с минуты на минуту ожидая нападения или насмешки, за которую ему придется драться, доказывая свое право стать безом.

Однако люди Вэйяня, в большей массе своей взрослые и заматеревшие, недомерка приняли тепло, без лишних подколов или испытаний. Дали одежду, радиостанцию с новеньким ларингофоном, новые ботинки. Придирчиво осмотрели пистолет, вполне оставшись довольны состоянием оружия, подобрали кобуру. Койку в казарме опять же выделили не самую продавленную.

В тот же день полковой хирург ловко и безболезненно вживил чистую «пилюлю», обещанную боссом. С новой биографией законопослушного Дмитрия Пологова, родившегося в Томске. И не просто вживил – несколькими взмахами лазерного скальпеля почти скрыл грубый шрам от извлечения прежней «таблетки». А уже на следующий день паренек с головой окунулся в суету новой работы, всё еще не придя в себя.

В составе патруля из трех человек бродил по переулкам и плацам Тайги, вычисляя новоприбывших, пресекая драки и рассуживая мелкие бытовые проблемы горожан. За какие-то неполные сутки в сознание Митяя ворвался мощно спрессованный блок новой информации, большую часть которой составляли своды правил, имена людей, названия магазинов и забегаловок, звания старших коллег и неписанные законы братства. Султан, забыв про взятого на службу мальчишку, за минувшие дни не попался на глаза ни разу, но это было только к лучшему...

Потому что кроме настороженной эйфории, охватившей Митяя, было еще одно чувство. Давящее, заставляющее стискивать зубы и раз за разом вспоминать болезненный разговор. *Не хочу с ним. Хочу с вами!* И спокойно-нахальное лицо мужика, с которым ушла та, что своровала его сердце.

Время, проводимое в патруле, разделилось на три неравные части. Первая – вникать в суть функций СБА, наблюдая за работой старшаков. Вторая, чуть побольше, – оценивать ситуацию, в которую попал. Искать подвох, ожидать неприятностей и сопоставлять факты, пытаясь определить, где его могут кинуть, если что-то пойдет не так. И третья, самая объемная, – воспоминания о зеленоглазой девчонке, которая отказалась принять его защиту.

Ох, как же Митяй хотел, чтобы она встретила его на улице. Чтобы заметила, как высоко он успел подняться с тех пор, как виделись они в последний раз. Чтобы поняла, что потеряла, так неосмотрительно отказавшись от помощи. И если это произойдет, девка обязательно передумает. Придет к нему в казарму, извиняясь неумело и трогательно. На аванс Митяй сможет оплатить ей гостиницу. Наверное, и на еду останется. А когда «кроты» увидят, с кем водит дружбу новая метелка, ее жизни больше ничего не будет угрожать.

От сладких мечтаний становилось жарко и даже душно, щеки наливались краской, а в штанах мгновенно набухало. В книгах такие переживания описывались совсем иначе – упоительно, глубоко, но никак не болезненно. Митяй – обычно спокойный, сдержанный и

расчетливый – этих проявлений чувств стеснялся, будто маленький ребенок, раздраженно заставляя себя гнать непрошенные мысли. Не удавалось, особенно по ночам, когда зеленоглазая являлась во сне. Обнаженная, с распущенной косой, такая нежная и приветливая...

Старшаки, окружавшие пацана, замечали неладное, но списывали это на трудности адаптации. Поэтому в душу не лезли, наоборот, старались помочь и подбодрить. Они были отпетыми уголовниками, головорезами с большой буквы, матерыми волками хорошо сыгранной стаи. Но если вожак дал приказ принять новенького как своего, Митяй стал членом этой стаи без вопросов или сомнений.

Три дня пролетели пулей. В патрулях, чистке оружия, профилактическом ремонте техники и физических упражнениях, которыми СБА занималась по утрам. А затем наступило утро, в котором решалось, кто именно пойдет в поход.

Митяй что-то слышал о карательной операции, возглавить которую назначили одноглазого Фэна Вэйяня. Вечерами в казармах, во время ночных обходов или за обедом он улавливал обрывки разговоров, в которых старшие безы делились новостями. Что-то там было о пропадавших детях, о каких-то религиозных фанатиках, спрятавшихся в глухой тайге. Его это касалось мало, а потому парень не забивал голову лишним. Что новенького не возьмут на выполнение операции, было очевидно. До сегодняшнего утра, когда Султан вышел на площадь, произнеся свою отлично отрепетированную речь...

Митяй, как и было велено, вертелся рядом. В задачи их тройки входил контроль так называемого «второго кольца», отлавливавшего самых рьяных тайгинцев, желающих добраться до господина Темирбаева с жизненно важным вопросом. Потому он крутился по заданной орбите, сканируя толпу глазами и безошибочно засекая в ней карманников, пройдох и бездельников.

Увидел и ненавистного ему мужика, причем тоже впервые за прошедшие дни. Собранный к походу, тот столь уверенно направился к Султану, что Митяй чуть не схватился за кобуру. Двинулся наперерез, но чуть не уперся в самого Вэйяня, пропустившего чужака в «первое кольцо».

Удивляться смысла не было – такие, как этот мужик с глазами профессионального хирурга, всегда найдут себе теплое местечко. А уловив обрывки разговоров, паренек и вовсе скривился – человек по имени Леший оказался обычным наемником.

И как только метелка не смогла разглядеть за статной осанкой обычную продажную душонку? Чувствуя, что стремительно теряет деловую хватку, почти забыв об обязанностях охранника, Митяй принялся выискивать в толпе дорогое ему лицо. Пришла на площадь? Всё еще с ним ошивается? Или давно бросила-таки старого пердуна, покинув город? Нет, об этом он бы знал...

Леший кивнул ему, поздоровавшись, но паренек тут же отвернулся, зыркнув искоса и почти не скрывая враждебности. Пусть знает наемник, что разговор в переулке еще не окончен... Может, глядишь, спеси поубавит – видел же, что за нашивка на рукаве у Митяя красуется.

Но наемник на жгучий взгляд не отреагировал никак. Прошел мимо, остановился подле Султана, дожидаясь, пока тот закончит разговор с Пружинкой. А затем Митяй, всё еще не потерявший надежды разглядеть ту, что была так несправедлива, краем уха услышал слова господина Темирбаева.

Самый хвостик фразы, но и его хватило, чтобы у парня подкосились колени, челюсть отвисла, а глаза наполнились жидким стеклом.

– ...что-то вроде детской коммуны, «Кропоткинский лагерь» называлось, – рассказывал Султан наемнику, по-хозяйски похлопывая того по нагрудному карману. – ...все пропали... погиб... остальных увели на север...

То, что еще сегодня ночью не касалось Митяя вообще никак, ударило под дых кузнечным молотом. Он пытался слушать дальше, но в уши будто натолкали ваты, плотно утрамбовав. Паренек покачнулся, устоял на ногах и повернулся к многочленной очереди,

записывающейся в добровольцы.

Вот оно, выходит, как. Изгнание, в которое Напильник отправил старого друга, оказалось спасительным бегством от рабства или смерти. До мельчайших деталей Митяй вдруг вспомнил, как покидал Кропоткин. Хмурое, почти как сейчас, небо. Ряды молчаливых детей, многие из которых плакали. Последний и такой неожиданный подарок директора.

Через сколько дней после этого на лагерь напали? Через неделю? Следующим утром? Как сильно он разминусь с фанатиками, пошедшими на штурм коммуны? Насколько близко прошел лесной тропкой от собственной смерти?

Почувствовав толчок изнутри, Митяй предусмотрительно раздвинул стоящих вокруг себя людей, сгибаясь в пояс. Его вытошнило непереваренным завтраком и еще долго сотрясало пустыми спазмами, не позволяя толком вдохнуть. Попавшейся в сети рыбой глотая воздух, ставший враждебным, он наконец распрямился. Обнаружил себя в кольце людей, смотревших брезгливо и с недоумением. Взянь, казалось, был готов отвесить оплеуху.

– Ты чего, малец? – господин Темирбаев покривился. – Скушал что-то не то?

– Сколько... сколько выжило? – смог выдавить Митяй, утирая рот. – Вы сказали, что кого-то убили... а сколько уцелело?

– Откуда ж мне знать? – протянул Султан, но в глазах его зажглись хищные маячки. – Я ж их не считал... Может, ты мне скажешь?

Он шагнул к нему, хватая за воротник. Встряхнул, притягивая к себе. В левой руке Темирбаева, как по волшебству, откуда-то взялся небольшой раскладной нож.

– Помнишь, малек, что я тебе говорил про ложь?! Не хочешь ничего добавить, пока палец ненужный выбираешь? – К ладони Митяя прикоснулось ледяное лезвие, поверх которого легла сухая и морщинистая ладонь Султана. – Ну, выбирай!

Остальные наблюдали настороженно и молча. Леший хмурился, Фэн хрустел пальцами, остальные безы смотрели недоумевающее, но с явным неодобрением.

– Из Норильска, значит, ты шел? Куницы семью перебили? Навигатор сломался? Еще что-то добавить хочешь?

– Мизинец, – пробормотал Митяй. Ему казалось, он видит происходящее со стороны, будто кино.

– Что лепечешь?!

– Мизинец, – уже более четко повторил паренек.

Страх не осталось, все чувства будто прикрыли толстой стеклянной крышкой. А вот решение набросилось мгновенно, словно только этого и ждало.

– На левой руке. Только позвольте мне вступить в отряд...

Кто был убит? Напильник? А может быть, мальчик Алеша и его сестра? Вряд ли, они бы в обороне не участвовали. Скорее всего легли старшаки, имевшие право держать оружие. А это значит, что Алексей, как и его названная сестренка... И Юлька... и девчонки... и другие дети... больше сотни...

– Говори! – приказал Султан, кладя левый мизинец мальчишки на острую кромку клинка. Митяй не сопротивлялся, наблюдая за готовящейся экзекуцией отстраненно и равнодушно. Только чуточку раздражал стойкий запах кедровой настойки, исходящий от усатого. – Что еще я о тебе не знаю?!

– Я из кропоткинцев... – он почувствовал, как с ладони закапало что-то теплое, хоть боли и не было. – Ушел от них в прошлом месяце... Ровно перед тем, как на лагерь напали...

– Вот как? Еще что-то добавишь?

– Я тоже хочу в отряд...

Осознание того, что он просто обязан войти в число участников похода, перекрыло даже свербящие мысли о зеленоглазой девчонке. В голове пульсировало и отбивало ритм – Алексея и Дашу увели куда-то на север. Говорят, там едят людей. Их увели, чтобы откормить и съесть.

– Если хоть кого-то можно спасти...

– Ты посмотри только, какой спасатель выискался? – Темирбаев улыбнулся, не отнимая ножа от его ладони. Осмотрел присутствующих, словно призывая в свидетели. – Друзья там твои, что ли? А чего ушел тогда?

– Выгнали, – честно ответил Митяй, глядя на крохотные алые капли на асфальте. – Это долгая история... Я расскажу, если хотите, но потом... – он почувствовал, как нож еще глубже надрезает кожу у основания пальца. – Но прошу – позвольте мне тоже пойти... Господин Темирбаев, я умоляю...

Леший поморщился каким-то непрощеным и не самым приятным мыслям, а Султан повернулся к китайцу. Молча смотрел на Вэйяня несколько секунд, обмениваясь текстовыми сообщениями через «балалайку». Затем чуть усилил хватку, еще глубже вгоняя сталь в ладонь паренька.

– Ты все-таки нахал, Митенька... Обманул меня, попал на службу, а теперь еще и умоляешь?

– Я больше не стану обманывать вас, господин Султан. – Митяй говорил искренне, причем явно не для того, чтобы избежать наказания. – Клянусь. Но теперь вы знаете правду. И я должен помочь тем, кому еще можно...

– Сученыш... – сплюнул Султан, хотя в его голосе не было ни злобы, ни ненависти. – Но мне это даже нравится...

Он выпустил из хватки ладонь Митяя, небрежно вытирая окровавленный клинок о его рукав. Закрыв нож, пряча в карман. Мотнул головой.

– В следующий раз отрежу, обещаю... – Паренек удивленно уставился на порезанный, но уцелевший палец. – Раз уж так вышло, пойдешь с отрядом. Вэйань за тобой лично присмотрит, ясно?

– Да, господин Султан. – В душе Митяя, где сейчас полагалось царить радости и облегчению, завывали протяжные ветра, уносящие прочь любые эмоции. – Спасибо.

– Я бы и сейчас отрезал, но подцепишь еще гангрену в походе, так только обузой станешь... – Темирбаев недовольно осмотрелся, повернулся к очередям добровольцев. – А ну пошевеливайтесь! – От его рыка ведущие переписи безы втянули головы, застрочив списки желающих с удвоенной скоростью. – Кто плохо обут, сразу отпадает. Вооруженных арбалетами тоже гнать. Стариков вон. Почему всё приходится самому делать?!

И обошел Митяя, как пустое место, больше не взглянув. Вэйань еще какое-то время смотрел на мальчишку, изучавшего окровавленную ладонь, а затем двинулся за хозяином. На лице одноглазого поднебесника недовольно играли желваки.

Круг людей распался, оставляя парня в одиночестве. Он сглотнул, чувствуя во рту гадкий привкус, и вдруг заметил, что рядом остался наемник. Наблюдал внимательно, оценивающе, с каким-то странным выражением на лице. А затем вынул из кармана платок, протягивая парнишке.

– Перевяжись, – бросил коротко, отправившись догонять Темирбаева. – И иди собирать вещи, если есть. Выступим, как только дождик зарядит...

Митяй машинально взял платок, даже не сообразив, *чью* помощь принимает. Перемотал порез, туго затянув промокшую красным ткань.

– Это еще почему?

– Примета хорошая, – оборачиваясь, улыбнулся Леший.

CREDITUM XXXVI

Выступили действительно в дождь. Небо, повисшее на верхушках сосен, зарыдало мелко и протяжно, за считанные секунды покрыв одежду, крыши вездеходов и лошадиные крупы тонким скользким слоем влаги. Несмотря на непогоду, на окраине Тайги еще долго стояли люди, смотревшие вслед каравану с надеждой и необъяснимой тревогой.

Растянулись немало. В голове колонны шла одна из двух гусеничных машин Султана, выделенных в экспедицию. Такая же машина, наполненная безами, замыкала шествие, таща

на буксире складской прицеп. Внутри построения урчала солярными движками пара драндулетов попроще – артели старателей и картографов тоже выделили технику, пусть и не такую современную, как была у Темирбаева. Между вездеходами, кто пешком, а кто верхами, двигались люди, молчаливые и угрюмые под мокрой небесной сединой.

Даже с первого взгляда был заметно, что приказ Султана решились нарушить как минимум человек двадцать. По разным причинам не попав в списки волонтеров, они самовольно примкнули к походу, уже на лесной дороге присоединяясь к колонне по одному и мелкими группами. Вебер, оседлавший крышу замыкающего вездехода, небрежно пересчитал головы, убедившись, что даже по самым скромным подсчетам карательное войско теперь насчитывает не меньше девяноста человек.

Безы Вэйаня, пополнение тоже заметившие, хмурились, воротили носы, но молчали, никого силой не прогоняя. Списки тех, кто рассчитывал на премию, остались у Темирбаева, а если из добровольцев сгинет хоть половина, хоть две трети – их не волновало. Сам китаец, с началом дождя запершийся в арьергардной машине, наружу носа не показывал, отдавая приказы с помощью радиостанции.

Вытянувшись не на один десяток метров, живая лента вползла в таежную чашу, и вскоре между стволами деревьев перестали мелькать просветы, в которых виднелась оставленная за спиной Тайга. Мужчины негромко переговаривались, лошади пофыркивали, техника ворчала и дымила. Где-то в голове колонны кто-то затянул негромкую песню. Протяжную, отлично подходящую под погоду. Слов было не разобрать, но уже через пару куплетов нехитрый заунывный ритм подхватила половина отряда.

Люди зашагали бодрее, смело подставляя лица под бомбящие с неба капли. Кто-то даже рассмеялся. Илья, потуже затянув капюшон куртки, принялся в сотый раз изучать окружающих вездеход людей, пытаясь понять, кто из них в трудную минуту дернет его за рукав, произнося заветные слова. Ему так хотелось надеяться, что поход пройдет без запинок. Гладенько, без лишних нервотрепок. И тогда он уже через пару недель вернется в городок Темирбаева, заберет посылку – и домой, до мозолей на пятках. Туда, где помнят и ждут...

Этого паренька звали Тахир. Невысокий, худенький, он выглядел определенно младше своих тридцати с хвостиком. Эдакий вечный черенок, неожиданно отпустивший тонкие густые усы. К загорелому лицу, казалось, еще при рождении приклеилась довольная неунывающая улыбка, которой лихо вторили раскосые глаза, задорные и лукавые. И только в самой их глубине можно было прочесть, что повидал паренек немало...

– Здорово, дружище! – вынырнув откуда-то из-за ближайшей повозки, Тахир ускорил шаг, нагоняя мерно вышагивающего по обочине черенка. – Как настроение?

– Ты еще кто? – Митяй уже видел улыбчивого беза в казармах, но познакомиться не успели. Он раздраженно покосился в крохотную видеокамеру, шнурком подключенную к «балалайке» Тахира. – Снимаешь, что ли?

– Ага, снимаю, – направив объектив на растянувшуюся вперед колонну, кивнул тот. – Хроники победоносной войны. Тахир я, из «оранжевого» подразделения. Меня Вэйань лично к тебе приставил. Я ему: а чего за ним присматривать, не маленький же? А он мне: ты меньше вопросов задавай, упырь, да больше делай. Ну, то есть он этого не сказал, он же у нас по-русски-то вообще ни бельмеса... Но глазом своим посмотрел так, что я сразу всё понял...

– Ясно. – Дождь капал прямо за шиворот, не спасали даже высокий воротник и форменная кепка, уже начинавшая промокать.

Да еще руку порезанную саднило так, что просто жуть, будто муравьев под повязку напустили. Надо будет на привале медику походному показать, а то как бы заражения не было...

– Ну, Митяй, давай, – подбодрил его Тахир, обгоняя на полшага и направляя камеру в лицо. – Пара слов для потомков. Чего ты пошел в это увлекательное путешествие?

– Путевку выиграл, – огрызнулся черенок. Факт, что к нему приставили согладатя,

напрягал, злил и рисовал перспективы в не самом радужном свете. – Можно я молча пойду?

– Неее... – протянул Тахир, и не думая обижаться. – Нельзя. На походе душевная беседа – друг и отец солдата, неужто не знал? Давай, старик, колись, чего в поход вызвался?

Болтать с прилипчивым безом не было никакого желания, но и скрыться Митяй не мог, а потому только стиснул челюсти. Когда настанет его вахта ехать на тонкой броне вездехода, давая отдых натруженным ногам, он обязательно постарается занять машину, на которой не будет Тахира.

– Давай, дружище, – подначивал его тот. Шагал боком, рискуя оступиться с дорожной насыпи и съехать по влажной земле в кусты. Камеру держал перед собой, всё так же направив на Митяя. – Представляешь, как потом будет круто?! Вернемся, я фильм смонтирую! В сеть выложим, как дневники. Ну, скажи что-нибудь, потом же сам ржать будешь...

Где-то всё дальше за спиной оставалась Тайга, в переулках которой затерялась зеленоглазая. Интересно, когда он вернется, девчонка еще будет жить в городе? А вдруг она кого-то найдет? Или вообще... Нет, проституткой она точно не станет, не та порода... А вот если кого-то по нраву найдет.

Митяй нахмурился, раздраженно смахивая со лба дождевые капли. Ухватился левой рукой за край повозки, чтобы не сбавлять темпа. На борту, спиной к нему, сидели двое мужиков в тулупах, о чем-то негромко спорящие.

Какого рожна он вообще подписался на этот поход? Вспомнил Алешку, который таскал ему в карцер еду? Глаза его сестренки? Так ты, Димочка, и без того им немало сделал, за что и поплатился... А вдруг, – укололо в боку, – Напильник, епта, еще живой? Тогда у него появится шанс, единственный надо заметить, вернуть долг...

– Митька... да ты никак девку в городе оставил? – У Митяя аж челюсть отвисла.

Тахир, еще раз доказавший, что только выглядит молодо, но кое в чем разбирается с умудренностью старика, довольно оскалился. Камеру, гад, при этом не убрал.

– Ну так тем более скажи что-нибудь! Увидит в сети, ух как порадует. А если не увидит, то после возвращения сам покажешь. И поймет избранница твоя, что нет на свете любви сильнее твоей...

– Уйди, дурак... – побормотал Митяй, даже не задумываясь, что за такое можно и в зубы отхватить. – Никого я не оставил.

Он чувствовал себя голым, неведомо как оказавшимся на театральной сцене. Казалось, даже сидящие на телеге мужики притихли, рассматривая паренька с явным интересом.

– Ой, да ладно! – Тахир или не расслышал, или предпочел не обижаться. – Ну нет так нет... И всё равно не понимаю, чего поперся-то, если не перед метелкой хвост распушить? Или у тебя там родня в лесах сгинула?..

Он хохотнул, но уже через мгновение улыбка угасла. Увидел, как дрогнуло лицо парнишки, и тут же опустил камеру.

– Чо, правда, что ли? – говорил тихонечко, едва перекрывая шелест дождя по целлофановым тентам повозок. – Это ж как так? Ты ж в Тайге всего пару дней...

– А вот так, – огрызнулся Митяй, отворачиваясь и глядя в непролазный лес вдоль дороги. Теперь он был рад дождю, скрывавшему неестественный влажный блеск в уголках глаз. – Из Кропоткина я. Слышал про такой? Вот и всё...

И ускорил шаг, чуть не оттолкнув бега с видеокамерой в кусты. Тот не обиделся и на этот раз. Догнал, крепко взял за плечо, заставив остановиться и развернуться. Мимо неспешно громыхали повозки, шагом проходили кони, с рокотом тащились вездеходы.

– Ты это... Митяй... ты прости. – Тахир был серьезен и на удивление не улыбочив. Камеру держал в опущенной свободной руке, смотрел прямо в лицо. – Найдем мы родню твою. Я уж не знаю, брат там или сестра, но найдем. А ублюдков, что детишек в леса увели, заставим собственные кишки жрать. Я обещаю.

Колонна людей, животных и техники уже давно отошла от Тайги на несколько километров. Не было слышно рычания двигателей, шума сбруй и голосов, от окраин уже

разбрелись даже самые стойкие провожающие. А Темирбаев всё стоял на балконе, глядя на север поверх крыш бараков и лачуг. Чашка кофе, забытая на перилах балкона, давно остыла, но Айбар и не собирался ее допивать. Влажный весенний ветер теребил его поседевшие волосы, оведал морщинистое лицо, заставлял щуриться.

Конечно, Султан знал о добровольцах, послушавшихся приказа. Знал, что к сорока волонтерам и двадцати пяти безам присоединится еще человек десять-пятнадцать. Может, даже больше. Пусть. Если людская ярость хочет выплеснуться, ее нельзя останавливать. Больше половины из них не вытерпят и трети похода. Протрезвеют, пожелают остальным победы и повернут коней – Султан слишком хорошо знал натуру людей, которыми управлял.

Тревожило другое. Вэйань, напросившийся лично возглавить операцию, чтобы не допустить лишних потерь. Пружинка, отправившийся следом. Наемник по имени Леший, чьи услуги его заставили принять рекомендации из Новосибирска. Да еще малек этот, которому он чуть палец прилюдно не отхватил...

А еще тревожила зеленоглазая девица, появившаяся в городе несколько дней назад, поселившаяся в «Добытчике», но так и не появившаяся на улицах. Неужели нашла покровителя? Айбар усмехнулся в усы. Если это так, то он лично вколотит рожу смельчака в асфальт. Султан провел пальцами по лицу, словно хотел смахнуть накопившуюся усталость, и вернулся в квартиру.

Он прекрасно понимал, что излишние волнения ничем не помогут его людям, отправившимся казнить сектантов. Но и от липкого чувства досады и раздражения избавиться никак не мог. Запер кабинет на ключ, открыл сейф. Задумчиво посмотрел на увесистый ящик, оставленный на сохранение Лешим, но рука скользнула глубже, вынимая завернутый в ткань плакат. Разложив его на столе, Айбар в который раз рассматривал детские лица, перепачканные сажей.

Вэйань сделает всё четко. Обязательно сделает, даже не умея толком говорить. С помощью тактических программ, заложенных в «балалайки» сержантов, жестами и силой взгляда. Он удержит отряд от расхлябанности, не допустит лишнего бесчинства и мародерства. А если повезет, то он и Пружинка вернутся с данными о землях, на которые пока не рисковали заходить даже самые отчаянные «кроты»...

Вызвав на сетчатку глаза старательно разработанный маршрут экспедиции, Султан снова и снова размышлял, насколько теоретическим тот был. Сегодня новая Сибирь выглядела совсем не так, как об этом рассказывали карты двухлетней давности. Да, Темирбаев пытался строить бизнес и на крышевании картографов, опираясь на самые свежие данные. Но настоящих смельчаков, решившихся лично разведать, как изменилось лицо страны, и конкурировать с орбитальными спутниками, было не так уж и много.

Когда евро-азиатская плита пустилась в пляс, вздыбливая северный край, во многих местах земная шкура откровенно лопнула. На протяжении трех лет Султану доносили жуткие истории о новых бездонных каньонах, образовавшихся там, где до Катастрофы дремали сопки. О новых хребтах, ежедневно продолжавших расти ввысь. О горных пиках нового континента, выпучившегося где-то в районе Северного полюса. О чарующих столбах газа, рвущихся из-под земли и заливающих небеса жидким пламенем. Больше половины этих рассказов оказались байками и небылицами, но была в побасенках первопроходцев и правда.

Дикий вальс тектонических плит перепахал не только Енисейский кряж, но и сердцевину Среднесибирского плоскогорья вплоть до Таймыра. Причем движение, необычно быстрое и пугающее геологов, продолжалось и по сей день. Подобное уже происходило в человеческой истории, хоть и не столь молниеносно. Например, танцы тихоокеанской и североамериканских плит, преодолевавших по пять сантиметров в год, когда-то стали причиной появления Великого каньона. Здесь же, прямо под ногами Султана, счет пройденного подземными странниками расстояния велся на метры, а городок потряхивало так регулярно, что тайгинцы уже и внимания не обращали.

Ничего. Когда Сибирь в очередной раз решит сделать себе пластическую операцию, сменив облик, он уже будет далеко... Богатый, защищенный, окруженный только самими

преданными людьми. А что карательный поход выполняет еще и функции разведывательного – что же в этом плохого?

Айбар бережно свернул плакат, чувствуя, как возвращается доброе расположение духа. Теперь вся надежда на удачу и умение искать. Ведь ублюдки, похищавшие детей, как-то там обосновались? Значит, через каньоны и ущелья проложены мосты, в чаще есть тропы и дороги, а умения Лешего и воля Вэйяня помогут их обнаружить.

Султан запер сейф, выглянул в коридор. Крикнул ближайшую девушку, сонную от наркоты, чтобы к нему тотчас же привели Жанар. Через пятнадцать минут, когда переплетенные тела медленно остывали на смятой кровати, Темирбаев двумя пальцами взял девку за подбородок, заставив посмотреть в глаза. В мягком полумраке спальни на его запястье блеснула золотая цепочка.

– Сейчас ты пойдешь в город, – негромко сказал мужчина. – Будешь искать одного человека. Метелку. Лет шестнадцати, не больше. Светловолосую, зеленоглазую. «Балалайки» нет, и вообще ведет себя как деревенская курица. Последний раз видели в «Добытчике». Найдешь и расскажешь мне всё, что увидишь...

День, начавшийся не совсем обычно, всё же обещал стать интересным.

CREDITUM XXXVII

Дым костра кажется романтичным и интригующим только жителям крупных городов или Анклавов. Он ассоциируется у них с чем-то необычным, полным древних друидских тайн, и совсем не так банален, как вонь асфальта или свежего глинопластика. Они вдыхают дым жадно, с каким-то маниакальным голодом, оторванные от реальности парой дней лесного путешествия. Вдыхают, в глубине души зная, что скоро приключение закончится, они смогут выбросить нелепую мешковатую одежду, а тяготы жизни под открытым небом останутся только на кадрах любительского видео, которое будет не стыдно показать друзьям.

Совсем иначе костер воспринимают те, чья одежда насквозь пропитана терпким и достаточно резким запахом. Чьи волосы пахнут костром, чья кожа пахнет им же. Чьи вещи, до штанов и трусов, несут букет горелых веток, древесных углей и сухой хвои, отлично согревающей замерзшего путника...

Глядя в сердцевину небольшого костра, щекочущего закопченное дно армейского котелка, Вебер размышлял, что потерялся где-то посередине. Застрял наглухо, каждое утро мечтая о том, чтобы переодеться, но вынужденный день за днем таскать камуфляжные штаны и высокие походные ботинки. Совершенно городской, почти анклавный житель. Но знающий об огне, дремучей чаще или охоте куда больше любого из окружающих его людей. Кроме немногих, пожалуй. В которые, что неудивительно, недавно попал и Митяй.

Илья сразу вычислил тех, кто не считает лес чужим или враждебным. Лесники, как один бородатые и угрюмые, нашлись и среди тайгинцев, и среди пришлых добытчиков. Умелые, умудренные, кто-то из них знал приметы, кто-то умел вычислять погоду, кто-то искать воду и еду. Мальчишку Илья, разумеется, в этот список не включил. Ровно до тех пор, пока тот, убедив пойти за собой еще пятерых безов, не вернулся к биваку с тушами двух оленей, убитых метко и без лишней жестокости. Олени, как показал самый тщательный осмотр, не были ни отравлены радиацией, ни подвержены видимым мутациям.

Трофей оценили все, от наиболее молчаливых волонтеров до самого Вэйяня, отечески похлопавшего черенка по плечу. Запасов в караване еще было предостаточно, но в походе не бывает лишней провизии, а потому на жилистую весеннюю оленину нашелся не один десяток желающих. Одну тушу одноглазый оставил для безов, вторую щедро выдал мужичью, оставшемуся дюже довольным. И еще два дня, проведенные на стационарной стоянке, мужчины ели добытое мясо, не уставая нахваливать охотничьи таланты Митяя. Паренек оказался не таким уж и тупорылым, как Веберу показалось по первости...

Стоянка, на которой отряд планировал провести двое суток, образовалась неожиданно, но весьма кстати. Во-первых, и это Вебера почти не удивило, забарахлили две машины. Стал

чудовищно реветь штабной вездеход Вэйяня, а через пару часов к нему присоединился один из драндулетов геологоразведчиков. Во-вторых, что Вебера не удивляло вообще, наконец-то нашлись те, кто запросился обратно.

Заболевшие животом, стершие ноги или обыкновенно протрезвевшие, на пятый день похода люди один за другим принялись навеваться в замыкающий вездеход, вымаливая отставку. Когда таких скопилось с дюжину, Фэн приказал разбить лагерь. Через одного из своих... кажется, того величали Тахиром, правая рука Темирбаева объяснил, «кто под землей красит редиску».

Говорил на своем китайско-собачьем долго и так жарко, что понятно стало и без перевода. Тахир потом всё же дополнил, подробно разъяснив позицию официальной Тайги. Те, кто пошел по своей воле, могут катиться на все четыре. Те, кто подписал договор, тоже могут катиться, но при этом оплатят расходы на еду, вернут патроны и уж ни на какую премию рассчитывать не смогут точно.

На раздумья был дан один день. У костров шушукались, что-то обсуждали и гремели посудой, а уже следующим утром их армия похудела на одиннадцать человек, решивших вернуться. Девять мужчин, слушавших на площади речь Султана, потеряли боевой задор, наплевав на горести чужих детей. Еще один тяжело отравился ядовитой ягодой, последний подвернул ногу. Таких – неразумных и непутевых, полагал Вебер, их отряду предстоит потерять еще немало. Из плюсов исхода – сброс балласта. Из минусов – среди ушедших оказался один медик. Хоть и ветеринар, но в таком рискованном деле даже его знания были на вес золота.

Ну а в-третьих, и это Вебер предложил поднебеснику лично, экспедиция разослала во все стороны разведку. Недалеко, чтобы только прощупать дальнейший путь и не вляпаться в «карман» или логово скитальцев. Но зарисованные ориентиры и несоответствия с электронными картами должны были ощутимо облегчить их дальнейший маршрут...

Едва вода закипела, Илья приподнял крышку, без промедления засыпая в котелок горсть гороха. Закрыв мгновенно, едва выпустив в морозный воздух струйку пара, – впустую не должно было выкипеть ни стакана. Подумать только – на повозках, багажниках вездеходов и прицепах оказалось больше горючки, чем пригодной питьевой воды. Два найденных за дни похода источника фонили еще на подступах, заставляя экономить и гадать, смогут ли они вообще найти чистый родник.

Время от времени помешивая похлебку, Илья наблюдал за размеренной жизнью лагеря, подмечая каждую мелочь. Вон мужичок, укрывшись, как ему казалось, от всех, глотает припрятанную самогонку. А вон там дедок с блеском в глазах рассматривает замусоленную фотографию, бережно завернутую в целлофан. Один из младших офицеров Вэйяня устраивает разнос дозору на периметре стоянки. Стараются делать это тихо, без привлечения лишнего внимания. Тахир опять носится по лагерю с камерой, тайком снимая, чем живут разбросанные по поляне биваки. А вон идет Митяй, угрюмый колючий еж, решивший сделать Вебера своим недругом...

Как оказалось, тот направлялся именно к его костерку. Заметил, что Илья его увидел и обернулся, и уверенности в походке тут же убавилось. Подошел, останавливаясь в паре шагов.

Над головами мерно раскачивались верхушки сосен. Большая часть из них полегла, когда подземные плиты пришли в движение, но некоторые устояли вопреки всему. На макушки, густея с каждой минутой, плавно наваливалась ночь, безоблачная и звездная.

– Вот. – Паренек явно смущался, но Илья хорошо знал, что и любовь, и ненависть к человеку обладают одинаково сильным притяжением. – Это твое вроде? Спасибо... – он протянул Веберу платок, которым перетягивал порез на ладони. – Выстирал... Ты не подумай, вода чистая была. Просто я омут нашел. И все замеры сделал, как надо.

– Верю, – улыбнулся Леший. – Оставь себе, если хочешь.

– Ну ладно...

– Ты присаживайся, Митяй, места хватит. – Он демонстративно подвинулся на

утепленном походном коврикe, который подстилал под спальник.

– Зачем?

– Сейчас каша будет готова. Поужинаем...

– Надо больно. Безы ужинают по расписанию.

– Знаю я ваше расписание, – покивал Вебер. – Пайка и котенку не хватит. Давай падай, ложка вторая у меня есть. Всё равно целый котелок не осилю...

Отчетливо, будто листал голографический журнал, он видел сражение чувств, происходящее в душе паренька. Сейчас тот был похож на звереныша, которого чья-то заботливая рука пытается выманить из норки куском сахара. Сомнения длились с минуту, после чего Митяй пожал плечами. У парня накопилось слишком много вопросов, чтобы он отказался от возможности их задать, и Илья его в этом не винил.

Черенок присел рядом, взял протянутую ложку. Когда похлебка сварилась, Вебер вылил в нее несколько капель питательного жирового концентрата, отчего безвкусное варево сразу заблагоухало, как настоящий суп.

– Налетай. – И первым окунул в котелок ложку.

Вероятно, предположения о размерах безовской пайки оказались верны – Митяй ел с аппетитом и жадно, будто и не ужинал. Когда емкость опустела наполовину, Вебер откинулся на лежанку, подкинул в костер несколько полешек.

– Как рука?

– Нормально. – Огрызаться черенку, наявивавшему горячее угощение, было несподручно, поэтому получилось сдавленно и неубедительно.

– Вот. – Илья достал из личной аптечки крохотный тюбик с армейской маркировкой. – Нужна всего капля, не больше спичечной головки. Втирай в рану каждый вечер.

– Да ладно тебе... – Митяй неуверенно посмотрел на очередной подарок, но лекарство всё же взял. – Спасибо... Чего это ты такой добрый?

– А я злым и не был никогда, – с улыбкой парировал Илья. – Или ты меня в людоеды записал?

– Не знаю, куда там тебя записали... – Митяй отложил ложку, отворачиваясь. – Ты ж наемник, вы все одинаковые. Деньги, девки и бухло...

Ага, началось. Вебер был готов.

– Во-первых, она пошла со мной сама, – как можно мягче ответил он, но при этом постарался, чтобы не звучало, будто говорит с неразумным малолеткой. – Ты это хорошо помнишь, так? Во-вторых, ничего плохого я ей не сделал.

– Понравилась, да? – было слышно, как поморщился отвернувшийся черенок, игнорируя мягкость тона. – Ну да, никто бы от такого не отказался...

– Я отказался, – уже чуть тверже осадил его Илья, убеждая себя не вскипать. – У меня дома жена и дочь, Митяй... Варя, конечно, красивая девчонка, но всё равно с моей Светкой не сравнится.

– Варя... – голос парня сорвался. Видимо, это еще сильнее разозлило черенка, потому что следующий вопрос прозвучал с деланой небрежностью: – Так, значит, ее зовут?

– В точности.

– И что, будешь заливать, что ничего не делал с ней? – Из мальчишки рвались и более острые вопросы, но он тоже старался поводов не отпускать.

– Ничего. – Вебер наблюдал за его напряженными плечами. – Возможно, это не совсем укладывается в твою картину мироощущения, Митяй, но придется поверить.

– Ага, ща... Как в книгах... – Митяй встал, нервно отряхивая штанину. – Ладно, Леший, понял я всё. Спасибо за угощение, при okazji рассчитаюсь.

– Не стоит. А ты много книг читал, значит?

– Хватило, бляха-муха, – напоследок огрызнулся парнишка, зашагав от костра в сумрачную суету стоянки.

Вебер улыбнулся одними губами, глядя в его костлявую спину. Интересный пацан. Неужто и правда втрескался в метелку? Черенок и метелка – новая романтическая сага

пережившего Инцидент мира.

Илья вздохнул, начал собираться. Запер котелок на защелку, чтобы не пролилось. Сунул в чехол, чтобы копотью не испачкать вещи, спрятал в рюкзак. Скатал лежанку, разбросал угли костра. Прятать следы еще активнее не имело смысла – после их стоянки тут останется целое поле мусора и бытовых отходов.

Прибрав за собой, Вебер закинул рюкзак на спину. Взглянул на небо, сверился с хронометрами в «балалайке» и на руке. Самое время... Извещать кого бы то ни было о своем отсутствии он не собирался. А Митяй, в случае чего, подтвердит, мол, «только что видел наемника и даже сидел у его костерка».

Осторожно обогнув неумелые кордоны, выставленные вокруг лагеря, Леший растворился в таежной чаще, мягко перешагивая через поваленные сосновые стволы.

CREDITUM XXXVIII

– О Аллах, поистине я прибегаю к тебе от мучений в могиле и от мучений ада, от смуты и искушений при жизни и смерти, от смуты и искушений Даджала...

На выдохе завершив третью обязательную мольбу-дуа, Гиляров, как повелось, добавил еще одну. От себя лично и на русском языке, моля Всевышнего ниспослать близким мир, покой и процветание рода. Повернул голову направо, затем налево, завершив положенным «Мир вам и милость Аллаха», осторожно поднялся с колен.

Панорамные окна высотки, перед которыми Президент молился, выходили на юго-запад, в сторону Киблы. Именно поэтому сейчас в них било яркое закатное солнце, справиться с которым не могли даже специальные фильтры.

Щурясь, Ростислав сошел с коврика и неспешно обулся. Как обычно после намаза, в его душе царили уравновешенный покой и строгий порядок. Именно эта теплая смесь, а не страх наказания, ожидающего мусульманина за пренебрежение к молитвам, побуждали его читать суры и выполнять ракаты. Ведь известно, что размеры вознаграждения правоверному напрямую зависят от усердия, с которым он взывает. А Гиляров был искренне благодарен Аллаху за его дары.

Убить Ростислава пытались четыре раза. Первый – давно, лет тридцать назад, еще в начале карьерного пути. Тогда между сибирскими городами вспыхнул конфликт, спровоцировавший настоящие волнения, подавить которые смогли только бойцы ОКР. Молодой Гиляров, примкнувший к правильной, но наиболее уязвимой стороне, в какой-то момент оказался в самом центре боя за здание Правительства, уцелев лишь по воле Аллаха.

Второй раз, десять лет назад, попытка была уже целенаправленной. Сделал это китаец, попробовав застрелить заместителя Гилярова из снайперской винтовки. Говорили, будто поднебесник был обычным сумасшедшим, но Ростислав знал, что это не так. Пуля должна была положить конец смелым реформам политика, сразу после назначения на должность решившегося на чистку. Нелегалы депортировались толпами, Китай прислал официальную ноту протеста. Гиляров ее проигнорировал, почувствовав поддержку Питера, и едва не получил пулю.

Третье покушение произошло почти перед самым Инцидентом. Концов истории, правда, так и не нашли, а официальной версией стало нападение анархистов. Как бы то ни было, на этот раз недруги заместителя применили тяжелую артиллерию, обстреляв колонну мобильных из гранатометов. Спасла броня, разработанная на «МосТехе». И, конечно, Всевышний, сохранивший своему рабу жизнь.

Четвертая попытка была предпринята агентами ОКР меньше трех лет назад, уже после зарождения суверенной Сибири. О том, были ли убийцы «чернобурками», оставалось только гадать, о таком в паспортах не пишут. Но все нитки вскрытой агентурной сети вели к Санкт-Петербургу. А потому Гиляров демонстративно отправил тела убитых ассасинов в столицу, сопроводив соболезнованиями. Опять Аллах спас его шкуру, позволив раскрыть заговор еще до того, как стрелки вышли на позиции.

Президент часто задумывался, отчего Всевышний так милосерден к нему. К человеку, чья душа отягощена страшными грехами на сотни лет ада. К человеку, потерявшему всякую надежду на прощение небес. Ответы приходили самые разные, но наиболее частым и логичным казался один. Он, Ростислав Гиляров, возьмет на себя все грехи новой Республики, обеспечив ее будущее. И если не простит Аллах, то потомки-то уж всё поймут...

Наверное, именно поэтому он был так веротерпим, официально провозгласив в Республике равноправие двух Традиций. Конечно, на деле правоверные пользовались в Сибири несколько большими правами и возможностями. Но открытые гонения на православных Гиляров пресекал жестко и даже жестоко. Ассимиляция выходцев из среднеазиатских регионов в Сибири началась не больше ста лет назад. Поэтому Ростислав считал правильным сохранение фундаментальной Традиции, правившей на этих землях многие века до культурной экспансии.

Надев пиджак, он вышел из молельни, возвращаясь в прохладу кабинета. Очередной рабочий день подходил к концу, но Президент еще не спешил домой. Усевшись за стеклянный стол, он включил стационарный коммуникатор, набрал номер. Пока шел вызов, рассматривал эмблему «Наукома», сияющую в уголке экрана. Это детище корпорации Терпение ломать не стал – у агентов, получающих деньги за прослушку переговоров, должна была оставаться хоть какая-то работа...

– Слушаю, Ростислав Михайлович. – Лицо Бугаева, как обычно, заполняло почти весь экран. – Можно зайти?

– Заходи, я закончил.

Майор появился минут через пять, поднявшись из своих катакомб на специальном лифте, ведущем прямо в апартаменты Президента. Из лифтовой кабины вышел бочком, чтобы плечами не зацепить двери. Ростислав, подняв глаза от бумаг, которые подписывал, с умиротворенной улыбкой рассматривал здоровяка. Тот присел напротив, едва вставившись в офисное кресло.

– Ну что, как обычно, одна новость хорошая, а вторая не очень? – поинтересовался Гиляров.

– Как-то так. – Иногда Президенту казалось, что изрывшие лицо вояки морщины отняли у того возможность проявлять любые эмоции. – Поймали мы фанатиков, что на Шлюзах буянили. Мои парни взяли. Всё чисто.

– И что? Очередные проповедники о близком конце света? – Ростислав отложил авторучку, опуская руки на подлокотники кресла. Блеснуло обручальное кольцо.

При всей своей религиозной толерантности Гиляров сурово расправлялся с любыми новоявленными культами, появлявшимися после Инцидента. Особенно с апокалиптическими культами. Выселял, отправлял на принудительные работы, бросал в тюрьмы, иногда даже казнил.

Он никому не позволит расшатывать систему, будь то китайские пропагандисты, призывающие покидать Землю, или фанатичные безумцы, пророчащие скорый конец мира. Сильное государство куется только в условиях стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Человек не должен испытывать сомнений. И страха он испытывать не должен, поэтому всех сумасбродов – к ногтю! Бугаев точку зрения Президента разделал полностью, отдаваясь охоте со всем возможным самозабвением. Именно благодаря его парням изведению новоявленных «Традиций» в Сибири теперь уделялось так много внимания. Равно как информационному дозированию, но это уже заслуга Гринивецкого.

– Не совсем, – ответил майор. – Опасность была преувеличена. Профилактические беседы провели. Отпустили всех, только в карцерах промариновали для пользы дела.

– Преувеличена?

– Они ни к чему не призывали. Никого не пугали. Скорее даже наоборот. Утверждают, что Земля была проткнута копьем. Тем самым, которым римлянин Лонгин убил Христа. И что через «три дня» планета, как некогда Христос, воскреснет к новой жизни.

– А про вознесение на небеса по прошествии «трех дней» там ничего не было? – с видимым равнодушием поинтересовался Гиляров.

– Нет. Такой поворот идет вразрез с нашей идеологией. Я бы заметил, Ростислав Михайлович. Волноваться не о чем.

– Это была хорошая новость? – Гиляров почесал бровь. Ему вдруг захотелось домой, к жене и детям, которых он не видел целыми сутками. Прямо сейчас, бросив все дела...

– Да. Та, что похуже, – про китайцев. Мы отправили в Хакасию Четвертый механизированный казачий, но волнения продолжаются. В народе ходят разговоры, что начинается переселение. Еще люди думают, что узкоглазые строят военную дорогу.

– Ясно. – Гиляров свел ладони, чувствуя тепло. – Усильте охрану. За нападение на строителей штрафуйте, порите, вешайте, если будет нужно. Только обеспечив безопасность строительства, мы выполним свою часть договора...

Ростислав замолчал, глядя на пальцы. Бугаев, конечно, и сам знал, что делать с самыми буйными говорунами. Но проблему нужно было решать как-то иначе. Глобальнее. Поскольку скоро все вооруженные силы Сибири только и будут делать, что охранять китайскую «железку».

Дорога на Станцию... «Звездный путь», как называли его сибиряки. «Синцзи Люйсин», как называли его сами поднебесники. Новая ветка уже вызывает проблемы, а ведь желтолицые едва прорубились сквозь лихо просевшие Саяны. Строят, словно бобры плотину или муравьи, с которыми их регулярно сравнивают. С упорством и самоотверженностью, от которых зависит судьба всей Поднебесной. Что скажут люди, когда «Путь» дотянется до новосибирского удела?

Дорога... Одна из главных тайн Республики. Спрятанная там, где ее сложнее всего найти, – на самом видном месте. Осталось придумать, что делать с недовольными и напуганными.

– Подключай Гринивецкого, – распорядился Президент. – Пусть отправит на границы лучших журналистов. Утопите деревни в листовках и самогоне, но убедите местных в том, что китайцы помогают нам восстанавливать Транссиб. Пусть напирают на то, что китайские деньги помогают возрождаться Республике. Пусть вдалбливают, что именно партнерство и сотрудничество станут залогом мира и, возможно, военного сотрудничества. Отправляйся сам и лично возьми ситуацию под контроль, если потребуется.

Уставившись в пустоту, Гиляров замолчал, словно забыв о присутствии майора.

О том, что Станция открыта для всех желающих, знал весь мир.

О том, что Станция открыта, знали считанные единицы, хранящие сакральное знание со рвением средневековых инквизиторов.

Представители Станции объявили об открытии Арки, едва минуло два месяца со дня Инцидента. Распахнули объятия, так сказать. И предложили государствам определяться, насколько те готовы покинуть изуродованную Землю, заселяя новые миры.

Ростислав даже усмехнулся, вызвав озабоченный взгляд Бугаева.

Романтики и идеалисты, уничтожившие треть населения планеты, действительно считали, что правители сломя голову бросятся на колоссящиеся нивы, даря своим народам землю обетованную...

Оптимистичные надежды не оправдались. Потому что те, кто имел на Земле власть, сохранил ее и после того, как на Кольском пынуло синим пламенем. Так зачем эвакуировать целые государства и города, если есть хоть минимальный шанс, что в новом плодородном мире свое право на власть придется снова доказывать?

Китайцы стали чуть ли не единственными, кто начал так основательно готовиться к колонизации нового надела. Вероятно, сказалось перенаселение, а может быть, нацию обуяла новая коллективная мечта о светлом будущем... Как бы то ни было, узкоглазые задумали глобальный переезд. Как и вудуисты или мусульмане, они оставляли на опустошенной планете свои форпосты, и не подумывая совсем бросать земли, на которых веками селились их предки. Но огромные человеческие массы, под строгим контролем всесильного

Председателя, уже готовились к погрузке на поезд.

Иногда Гиляров задумывался, что произошло бы, не имей правитель Поднебесной столь могучей и авторитарной системы подчинения. Новый поход гуннов, сметающий на своем пути Сибирь, Урал, Анклав Москва и другие препятствия? Картина выглядела жуткой и кровавой.

К счастью, до хаотичной миграции не дошло. Как бывает при любом начинании, азиаты подошли к вопросу расчетливо, стремительно, не теряя ни времени, ни сил, ни средств. И тогда из города Хух-Хото на запад потянулся «Звездный путь». Магистраль, по которой через год-другой, может, чуть больше на Станцию потянутся первые эшелоны. Скоростные, не имеющие права останавливаться на всей территории Сибири, – это было одним из принципиальных условий Гилярова. Именно по той же причине его вооруженные силы готовились опекать стройку, сведя к минимуму общение сибиряков и рабочих железной дороги.

– Иди, дорогой, – наконец нарушил молчание Президент, наблюдая, как Бугаев извлекает из тесного кресла свою тушу. – Завтра с самого утра вызывай Эдика, пусть бросает все дела. На первое время увеличьте глубину милитаризованной зоны, закройте доступ, выставьте посты. Отрезайте Хакасию от покрытия спутников «Наукома», вводите режим жесткой цензуры, наполняйте города агитаторами и наблюдателями. От того, как сегодня мы проведем кампанию по созданию образа «Звездного пути», завтра будет зависеть не только казна Республики, но и ее будущее.

CREDITUM XXXIX

– Ну, здравствуй, подруга...

Она чуть не подскочила, перепугавшись настолько, что даже вскрикнуть не сумела. Засипела, хватая холодный ночной воздух открытым ртом. Пришибленно всхлипнула и спросонья попробовала метнуться куда-то в сторону. Чуть не ударилась о ствол елки, под которой спала, завалилась на пятую точку. Только теперь проснулась окончательно, вдруг осознав, что знакомый кошмар не успел закончиться на привычном месте.

И ведь как подкрался, ирод? Бесшумно, будто житель лесной. Вычислил безошибочно, раздвинув мягкие еловые лапы стволом ружья. Сел на корточки, разбудив негромким приветствием, а теперь еще и лыбился во всю харю, хорошо различимый в свете миллионов звезд.

Вообще-то она и предположить не могла, что ее обнаружат. Шла тихо, на максимально возможном удалении, стараясь ничем себя не выдать. Как Лесовик смог обнаружить – только и оставалось, что гадать. Но ведь нашел. Выследил, будто зверя. Взял тепленькую, только со сна.

Преследовать караван было нетрудно. Сотни ног, копыт, колес и грубых гусениц перепаживали лес столь очевидно, что и слепой бы нашел. После стоянок оставалось огромное количество банок из-под консервов, выеденных не до конца, тем и питалась. Хлебные корки, баночки с налипшими на дне поскребышами – всё это помогало не тужить от голода. А позавчера она и вовсе отпировала, обнаружив множество заячьих костей с недогрызенными мослами, хрящиками и остатками мяса.

А вот с водой было туго. Один раз наткнулась на источник, бьющий из недавнего разлома. Но лес не позволил, рассказав, что вода отравлена. Чистая, искрящаяся, она так манила, но Варвара не поддавалась искушению, продолжая собирать росу. Выручил омут, найденный прошлым днем. Чистый, хоть и с резким запахом тины. Там девчонка набрала в найденную пластиковую бутылку воды, которую теперь пила экономно, только когда совсем припекало.

Новая стоянка, правда, добавила неприятностей. По всему было видно, что отряд встал надолго, на пару ночей точно, и с места пока сниматься не собирался. Потому пока она откровенно голодала, питаясь корешками и помалу угощаясь из опустевших в зиму беличьих

гнезд. Ничего, думала девушка, натаскивая под еловый купол побольше сухой травы, в которой пряталась от холода. Скоро военные снимутся с места, и тогда она поживится, да еще и с собой наберет. Ушедшие в поход мужчины были слишком расточительны, даже не задумываясь о том, сколько продуктов выбрасывают или не доедают. Но мысли-то мыслями, а тут Илья – словно злой лесной дух, приспевший за ее душой.

Из Тайги уходить было трудно. Или ей казалось, что трудно, но задачу это не облегчало. Со всех сторон смотрели, точно зная, что затеяла неугомонная девчонка. Понимающе провожал взглядом администратор гостиницы, в которой они жили, с любопытством оглядывались на улицах люди. Видать, у нее на лице было написано всё, что происходило внутри. От понимания этого Варя краснела пуще прежнего, шаг ускоряла, и потому ей казалось, что уход из Тайги был замечен всеми, даже самыми невнимательными жителями.

Выйти решила не сразу. Не один час металась по комнате, теребя в руках оставленные Ильей деньги и ключ. То хваталась за дверную ручку, то падала на кровать, зарываясь лицом в подушку. Несколько раз норовила провалиться в тревожный сон, но вскакивала. Спать было страшно, потому что только сознание покрывалось пенкой дремоты, как сразу приходили *они*. Безликие, молящие о помощи. Изувеченные тем, чего Варвара понять не могла, сколько ни пыталась.

Это, наверное, и стало последней каплей. Самым верхним и лишним бревнышком, развалившим всю поленницу, как говаривала бабушка Любава. Осознание, что теперь ни один сон не будет прежним, пока она не поможет... Смирилась где-то после обеда. Выскочила из номера, наспех собрав пожитки, дверь запирать не стала. Скатилась по лестнице – и прочь.

Она еще точно не придумала, что делать дальше. Когда, например, отряд достигнет своей цели. Но время позволяло, а потому... Во всяком случае, Варя так считала до этой ночи. До ночи, когда проснулась, увидев над собой Илью, освещенного ярким звездным светом.

– Перепугалась, – негромко констатировал он, и она мелко закивала в ответ, убирая с лица налипшие пряди. Пальцы подрагивали. – Что, дуреха, всё же решила?

Девушка кивнула еще. Ей иногда казалось, что Илья умеет читать мысли. Неужели сразу знал, что на постоялом дворе она не останется? Сильный мужчина. Такого, по словам бабки, та много зим назад выбрала человеком, подарившим миру ее мать.

– Наверное, есть хочешь? – улыбнулся Илья.

Улыбнулся. Не абы как, а ласково, с заботой, хоть и хорошо скрытой. Варя, так и не произнесшая в ответ ни слова, только кивнула в третий раз. Лесовик на это хмыкнул, раскрывая заплечную ношу. Вынул что-то, завернутое в плотную тряпку, поставил на ворох травы, сверху положил ложку.

– Ешь давай.

Упрашивать трижды не пришлось. Развернула, внутри обнаружив чуть теплый котелок с гороховой похлебкой. Волчком поглядывая на Лесовика снизу вверх, принялась за еду, стараясь не чавкать.

– Ну и что же мне с тобой делать? – спрашивал-то Илья ее, а вот смотрел при этом в сторону, прижавшись щекой к длинному стволу ружья. – Выпороть и домой отправить?

– У меня нету больше дома, – слова хлестнули по открытой ране, и она нарушила молчание, даже не прожевав. – Я всё равно никуда не уйду...

Лесовик вздохнул. Видимо, иного и не ждал.

– Добро. Лучшего варианта всё равно не вижу. – Забрал у нее опустошенный котелок, тщательно протер его пучком травы. Завернул в тряпку и вернул в рюкзак. – Пойдешь со мной.

Внутри было тепло от вкуснейшей похлебки, а теперь еще и на душе потеплело. Варя хотела что-то сказать, но Илья не позволил, одарив одним-единственным взглядом.

– От меня не отойдешь ни на шаг, – тихо, но с ощутимой угрозой произнес он,

прищуриваясь. – Прикинешься немой, разговаривать будешь только со мной, и только когда я позволю. Чуть что не так, побежишь в лес... Я вижу, ты метелка ушлая, не заплутаешь, случись чего. Всё ясно?

Конечно, было ясно. Варвара радостно закивала, отряхивая от травы вещевой мешок и продевая руки в лямки. По голове ласково погладила прохладная еловая ветвь.

– Хоть один мой приказ нарушишь, – закончил Илья, всё еще глядя в глаза, – привяжу к дереву и брошу. Уясни это сразу, Варя, договорились? Не на прогулку топает...

И выполз из-под кроны, закидывая ружье за спину. На четвереньках Варвара покинула убежище, не забыв поблагодарить ель за ночлег и укрытие от непогоды.

– Ты это... Еще пару минут обожди. Мне позвонить нужно, раз уж из лагеря выбрался... – отдал мужчина непонятное распоряжение, отходя на пару шагов.

Варя, разминая затекшие во время сна ноги, послушно отвернулась. Во что именно собрался звонить Илья среди ночи, пугая спящее зверье, девчонка не поняла. Но уже много дней назад смирилась, что люди из города полны странностей.

Ночная прохлада царапала за щеки и нос, изо рта вырывались белоснежные облачка.

Илья прервал жуткое видение, за что она была благодарна ему вдвойне. Конечно, картины вернутся, но хотя бы одну ночь Варвара провела, не услышав перед пробуждением тихого и зловещего «Помоги».

Она так и не понимала, что за сила потянула в лес, заставив уйти из Тайги. Так и не смогла выяснить, что за люди приходили по ночам, почему просили о помощи. Но точно знала, что обязана следовать за отрядом, делая всё, чтобы фигуры из сна обрели покой. Доверять голосу внутри, иногда разговаривавшему без слов, ее учили и мать, и бабушка. Голос, говорящий с женщинами их рода без слов, был подарком леса...

Намек Ильи звучал прозрачно, будто родниковая вода, – обожди и не вмешивайся. Но любопытство пересиливало, и она всё же взглянула через плечо. Ой, странные они, эти городские...

Лесовик вынул из нагрудного кармана черную матовую коробочку, завернутую в непромокаемый чехол. Выдвинул штырек, после чего коробочка замигала огоньками. Дальше он вставил в один из огоньков тонкую веревку, второй конец шнура засунув себе за воротник, под капюшон. Взглянул на кроны над головой, а затем какое-то время стоял неподвижно, словно хотел что-то разглядеть среди деревьев. И вдруг сказал, всё так же глядя в лесную чащу.

– Привет, колокольчик. Что нового?

Варвара чуть не брякнула что-то в ответ, не сразу сообразив, что Илья обращается совсем не к ней. Вот, значит, о чем шла речь, когда он сказал «позвонить». Разговаривая с невидимым колокольчиком, Лесовик, казалось, впал в транс.

Варя прикусила язык, но отвернуться себя так и не заставила. Сила, переданная ей от матери, была не уникальна, как рассказывала Любава. Выходит, Илья тоже обладал даром, пусть и незнакомым?

– Так было нужно, – негромко продолжал тот свой разговор с лесом. – Да, стационарная стоянка. Завтра утром планируем. Потому что не хочу выходить на связь при безах Темирбаева... Да. Откуда мне знать? Если бы ты дала мне фотографию... Хорошо. Султан отлично экипировал своих людей.

Варя внимательно осмотрела заросли, лицом к которым стоял Лесовик. А вдруг лес послал кого-то из своих детей, чтобы в его обличье отвечать человеку? Но темные провалы между стволами были пусты – ни волка, ни белки.

– Карты нужны. Понимаю. Любые. Уходим всё дальше от Тайги, не хотелось бы вляпаться в «карман» или болото, которое только огибать две недели. Я всё понимаю, Динь-Динь, но в тебя верю. Еще кое-что. Прослушай вот эту запись. Мне нужно, чтобы ты расшифровала диалект и в следующий сеанс слила мне переводчик. Хорошо, буду ждать.

Кажется, он действительно разговаривал с животными, потому что на ее глазах обратился к кому-то по имени, а человека так смешно звать не могли.

– Как там мои? – и долго молчал, выслушивая ответ. – Ну, хорошо. В следующий раз через несколько дней. Точно сказать не могу. Или когда что-то обнаружим. Да. Непременно...

Затем Илья выдернул из-под капюшона веревочку, смотал, убрал в чехол вместе с черной коробкой. Разложив по карманам, повернулся к девчонке.

– Теперь за мной.

Просить дважды не стал, да и нужды в этом не было. Идти за Лесовиком через ночную чащу – так приятно и спокойно. Рассматривая рюкзак и ружье, притороченное сбоку, Варя гадала, какое отношение этот человек имеет к лесу. Без фонаря, карты или компаса он ориентировался уверенно и умело, как это делала она сама. А еще разговаривал со зверьем, причем не мыслями, а голосом, хоть ответов Варя и не слышала. Чудной дважды, вот точно. Несмотря на то, что *синева* Ильи потемнела, словно гладь озера отрезало тучей от солнца, он всё равно оставался *правильным* человеком.

Стоянку обогнули, входя на поляну с наименее охраняемой стороны. Повсюду горели костры, люди по большей части спали, но были и те, кто коротал время за кружкой чая. Над биваками гуляли запахи табака и бензина.

Поманив за собой, Илья направился к одной из гусеничных машин, стоявших в центре. Варя не отставала ни на шаг, рассматривая целлофановые навесы от дождя, сколоченные наспех коновязи, тела спящих, в спальных мешках походивших на россыпи окуклившихся гусениц. Проходя мимо сбитых в кучу лошадок, не удержалась. Погладила ближайшую по морде, прошептала что-то доброе, угостила горстью чищенных кедровых орехов из кармана. Животное слизнуло угощение, фыркнуло, покосилось блестящим глазом.

Лесовик недовольно обернулся, почувствовав, что девушка отстала, и она ускорила шаг.

Возле вездехода, до дрожи напоминавшего машину, на которой в отшельничью избушку приехали убийцы Любавы, Илья приказал ждать. О чем-то перекинулся с охранником, курившим на крыше, и исчез внутри. Вернулся через несколько минут, молча махнув рукой. Отвел к покрытой брезентом кухонной повозке, перемещавшей полевую печь. Перекинулся парой слов с сонным мужиком, выглянувшем на стук, сунул тому пачку сигарет.

– Сегодня спать будешь тут, – негромко, чтобы не будить храпящих вокруг тайгинцев, приказал он. – Завтра придумаю что-то еще. Забирайся.

Пожилой дядька, получивший подарок, тяжело выпрыгнул из повозки. Выругался, но больше по привычке, прихватил плед и ушел к костру. На Варю даже не взглянул, видимо, и не сообразив, что перед ним девушка. Ох, что завтра-то будет, когда в караване поймут, что среди них новенькая?.. От тревожных мыслей Варвару пробрала дрожь, но она взглянула на непроницаемое лицо Лесовика и приказала себе успокоиться. Он точно что-нибудь придумает, сомнений быть не должно.

Забралась внутрь, где оказалось тесно, темно и совсем не холодно – малый жар в походной печке поддерживался круглыми сутками. Улеглась на каких-то коробках и тюках, подкладывая под голову мешок.

– А ты? – только и успела спросить Илью перед тем, как он задернул полог.

– Рядом, – бросил мужчина, шелестя тяжелым влажным брезентом.

Прислушиваясь к звукам стоянки, окружавшим ее так плотно, что голос леса совсем потерялся, она еще долго лежала, уставившись в едва различимый потолок. Где-то под повозкой, хрустя замками спального мешка, устраивался на ночевку Илья. Он будет рядом... С этими мыслями, ожидая неизбежного видения о безликих фигурах, Варвара ускользнула в дремоту.

CREDITUM XL

Ярость и гнев сменялись ликованием. Котел чувств клокотал кипящей жижей, мешая не

только подбирать мысли, но даже связанно их излагать. Тахир, после дневного намаза привычно сунувшийся к черенку со своей неразлучной камерой, заметил это сразу. Откатил без лишних вопросов и теперь только поглядывал со стороны, озабоченно хмурия брови.

Злоба подпирала, переполняла желчью. Вопросы роились, сталкиваясь с противным хрустом.

Как попала она сюда? Когда?

Неужели несколько дней пряталась по всяким повозкам? Митяй скрежетал зубами, не веря своим глазам. Вспоминал недавний разговор на стоянке, когда Леший с теплым отеческим взглядом рассказывал ему, что метелкой не интересуется. Черенок сжимал кулаки, хватался за рукоять ножа. И снова, в который раз, оглядывался назад, где в хвосте каравана, угнездившись в кухонной повозке, ехала зеленоглазая.

И вот тогда подступало ликование. От одного ее вида, от одного взгляда, брошенного вскользь. Становилось сразу легко и приятно, мозоль больше не болела, ремень «Коловрата» не натирал плечо. Вышагивая вдоль растянувшейся колонны, Митяй отдавался на волю мечтаний, от чего на лице появлялась улыбка. А затем вдруг находил среди пехоты высокий силуэт Лешего, и круг эмоций снова замыкался на злобе.

О том, что Варя в караване, он узнал только после обеда. Хорошо, что не через день, бляха-муха... Уже и стоянку свернули, и выступили давно, а верящие в Аллаха аж два намаза-помаза своих провели. А он только тогда выхватил из толпы разговоры о девке, невесть как оказавшейся в караване. Сразу сердце защемило, это Митяй помнил хорошо. Словно *знал* или подозревал. А как людей послушал и к кухонной повозке поближе подошел, так прямо и обомлел.

Узнала, кстати. Улыбнулась так, что пару минут в себя прийти не мог. Рукой даже махнула, но тут же исчезла за широкой спиной караванного кашевара, сидящего на козлах. В походе, как паренек узнал от старшаков, ее как раз туда и определили – к котлам и мискам.

Вэйань, разумеется, обалдел поначалу. Ругался, всё грозился выгнать в лес, что-то про дисциплину втолковывал на родном китайском. Не одну минуту провел с наемником в штабном вездеходе, но в итоге добро всё же дал. Пусть, мол, остается, посуду драить и дрова таскать.

Варя, ожидавшая приговора оледеневшей синичкой, такому решению была откровенно рада. Повара мгновенно очаровала, порядок в телеге навела. Да вот только Леший проклятый так и отирался вокруг повозки, опекая, причем весьма демонстративно. Пустобрех...

Тахир нарисовался снова. Улыбчивый, будто и не было слякоти под ногами и разбитой в кашу дороги, которую они сами и прокладывали по лесу. Камеру держал чуть в стороне, но всё же снимал.

– Ну, дружище, чего такой хмурый? – Он бросил в рот горсть семечек, пережевывая все сразу. – Скажешь что-то для моего видеодневника?

– Ой, Тахир, не сейчас, – отмахнулся Митяй, невольно посматривая в глазок камеры. – Ну чего ты пристал со своим дневником?

– А чего не пристать? Зоны покрытия часто, почти напрямую в сеть выкладываю. Неужто в Тайге не будет интересно посмотреть, как ее герои выполняют свою работу? Слушай, а может, ты покурить хочешь? Расслабишься, вообще о заботах забудешь... – Он всполошился, будто Митяй дал согласие. – Отличный гашиш есть! Сейчас кальянчик справим? Хочешь?..

Но Митяй не ответил, обернувшись в тысячный раз за день. Затем молча отодвинул беза, широким шагом направившись в хвост каравана. Тахир, расстроено разведя руками, устремился следом.

– Вот ведь нелюдимый какой... Да постой ты. Что такого стряслось-то?

Митяй не ответил. Потому что увидел, как возле кухонной повозки появились двое. Не безы, явно «кроты». В одинаковых штормовках, с ружьями за спинами, молодые. Один из них, вышагивая рядом с телегой, сейчас держал Варю за щиколотку, не давая укрыться внутри. Второй о чем-то залиристо щебетал, не обращая внимания на брань усатого повара.

И Леший, проклятье на его голову, куда-то запропастился... Сейчас, когда был так нужен!

Заходить в лоб паренек не стал. Пропустил телегу мимо себя, неприметно постоял на обочине и только тогда догнал «крота», который схватил Варю.

– Ногу отпусти! – негромко, чтобы даже метелка не услышала, приказал он.

Одна рука легла на плечо добытчика, вторая – на рукоять «дыродела» в поясной кобуре.

– Чего? – тот обернулся, и улыбка медленно испарилась с лица. – Тебе чего, малыш?!

Осекся, рассмотрев светло-зеленый комбинезон тайгинского беа. Ногу девичью сразу отпустил, от телеги отступил. Варя пискнула, тут же юркнув под брезентовый полог.

– Тебе чего, малой? – почти дословно процитировал своего напарника второй «крот», шагавший чуть впереди. И тоже умолк, заметив ладонь на пистолете. – Бл... Ты что это?..

– Сгорели отсюда, парни, – недовольный на себя, что голос ломается в самый неподходящий момент, Митяй понизил его до шипения. – Еще раз увижу, что вы к метелке пристаёте, сразу колени прострелю. Ясно?

– Да что ты стартуешь-то так? – первый, чье плечо Митяй всё еще держал в пальцах, миролюбиво развел руки. – Ну, подкатили познакомиться, чего такого-то?

– Ты меня услышал? – щелкнув замком кобуры, переспросил парень.

– Да услышал, услышал, не кипятись... – мужчины нервно переглянулись. Подняли головы, словно ища поддержки у повара, теперь демонстративно не замечавшего происходящее возле борта повязки. – Сваливаем мы. Не повторится такая фигня, хорошо? Мы поняли.

– Девка под защитой, – чуть громче, чтобы обязательно расслышали под брезентовым пологом, добавил Митяй. – И пусть все узнают – кто сунется, до конца жизни елдой пользоваться перехочет.

– Мы поняли, – еще раз повторил слова напарника первый «крот», за рукав утягивая того на обочину. – Прости, если что не так. Обидеть не хотели, вот тебе крест... – и вправду перекрестился, для выразительности мотая головой.

– Всё, валите, – разрешил Митяй, слушая ритмичный гул крови в ушах.

Отпустил чужое плечо, дернул подбородком.

Проследил взглядом, провожая примолкшую парочку куда-то в хвост колонны, и зашагал рядом с кухней. Колеса скрипели, запряженный конь фыркал и мотал головой, будто человеческие эмоции как-то передались и ему.

– Эй... Варя? – от того, что впервые назвал зеленоглазую по имени, даже прихватило дыхание. – Ты там как, нормально?

Он поднял голову и вдруг увидел, что метелка наблюдает за ним снизу вверх, почти незаметная в полиэтиленовом бортовом оконце. Сердце тут же забило еще чаще, на щеках выступили красные пятна.

Поняв, что ее заметили, девчонка сразу осела на дно повозки, исчезая из виду.

Митяй еще какое-то время шел рядом с телегой, так и не дождавшись ответа. Скрипнул зубами, сплюнул в грязь. Решил ускорить шаг, злящийся на всё вокруг, как тут услышал ее голос, тихий и приглушенный тентом. Услышал больше не ушами, а где-то на самой периферии слуха, будто тот прозвучал прямо в голове.

– Со мной всё хорошо. Спасибо...

Обернувшись торопливо и с плохо скрытой надеждой, Митяй наткнулся на взгляд пожилого повара, правящего кухонной повозкой. Тот улыбнулся, многозначительно подмигнул черенку, показал оттопыренный большой палец. Паренек покраснел еще сильнее и затопал в начало каравана. Нужно найти наемника и посмотреть, как тот отреагирует, когда он расскажет ему. Решил за своей метелкой приглядывать – так глаз не отводи, вояка, тоже мне...

Только поздно вечером, стоя в холодном дозоре и вспоминая перепалку с добытчиками, Митяй вдруг осознал, что всё это время кругом отирался Тахир. Как обычно, снимавший происходящее на свою неразлучную камеру.

CREDITUM XLI

В мертвый город вошли через трое суток после стационарной стоянки. Высланные вперед конные, руководствуясь электронными картами наемника и показаниями датчиков, заставили караван свернуть на восток.

Крюк получился немалым – почти до новорожденного Енисейского пролива, рискуя наткнуться на разъезды БАРСа, патрулировавшие побережья. Но радиоактивный «карман» на пути, происхождением обязанный хлопнувшим ракетным шахтам, был совершенно непроходим. Оценив ситуацию, Вэйань принял решение огибать. Одноглазый спешил, рвался вперед, ведь где-то совсем рядом находилась черта, которую его погибшие разведчики в свое время переступить не сумели. Но другого выхода не было.

И вот тогда-то, угодив на одну из старых автомобильных дорог, уперлись в город, когда-то носивший название Сосновск. Местность была гористой, перепаханной свежими землетрясениями, а потому многоэтажные дома, вдруг выскочившие на пути отряда, стали неожиданностью.

Приборы молчали, и караван осторожно вполз в городок, впервые за многие месяцы нарушив тишину склепа гулом двигателей и человеческими голосами. Которые, впрочем, звучали неуверенно, редко и негромко. Животные проявляли тревогу и недовольство, обалдело вертя головами. Даже разговорчивый Тахир, совавший свою камеру везде и всюду, притих, забрался на крышу головной машины и нахохлился.

Сюда, к заливу, не добирались даже мародеры Темирбаева, тащившие в Тайгу всё, что плохо лежит. Впрочем, тут и тащить особо было нечего. Дух опустошения, царивший на улицах, давил и пригибал к земле, заставляя рассмотреть последствия исхода в мелочах.

Следов разрушения почти не было – по городу не били ракетами, вирусными бомбами или еще чем-то массовым. Часть Сосновска пострадала от подземных толчков, но большинство зданий всё равно уцелело, пляясь на бредущую колонну десятками выбитых окон. Кое-где на стенах виднелись следы пуль, но их было мало даже для полноценного уличного боя.

Огромные бетонные плиты, которыми по большей части мостились улицы, потрескались и поросли травой. Кустарники, почуявшие волю, превратились в настоящие заросли, перекрывая проходы и опутывая детские площадки. Деревья, когда-то обрамлявшие тротуары, тоже пошли в бурный рост, хотя многие и упали, не выдержав возраста или коррозии почвы. Железо скамеек, качелей, перил и вывесок ржавело, став темно-бурым, готовым рассыпаться в пыль.

По улицам задували сквозняки, беззаботно гоняющие пыль, пустые пластиковые бутылки и горсти сухих листьев. Вебер поднял воротник, защищая лицо. Север он и есть Север, хоть и не Крайний, поэтому даже в середине апреля всё здесь покрывал ровный и толстый слой снега. Тот и сейчас не спешил уходить из поселения – прятался в квартирах на теневых сторонах домов, заползал под навесы и в глубь остановочных павильонов.

Взглянув на электронный термометр, вшитый в рукав куртки, Вебер подумал, что им очень повезло отправиться в поход именно сейчас, а не двумя-тремя неделями раньше. Как бы поступил Султан, если бы дети стали пропадать по суровой зиме? Возможно, отреагировал бы на преступления столь же пламенно, как сейчас, бросив солдат в снега. А может быть, что логичнее, дожидался бы оттепели, хладнокровно наблюдая, как тайгинцы линчуют одного чужака за другим...

По окраинам городишки, разбросанные в беспорядке, рушились огромные складские бараки. Вокруг складов всё еще торчали, похожие на слепых журавлей, вышки малых подъемных кранов. Время от времени кусок глинопластиковой черепицы сползал с края крыши, разбиваясь об асфальт со щелчком ружейного выстрела. Люди вздрагивали, вытягивали шеи, заглядывали за накренившиеся бетонные заборы и придвигали оружие под руку.

В нескольких местах над проезжей частью арками нависали газопроводные магистрали, игравшие также роль пешеходных мостов. На одном из них во всю длину был закреплен пластиковый щит с истертыми буквами: «Я люблю тебя, мой город!». Торец девятиэтажки, выходящий на центральную улицу, украшала древняя мозаика – рабочие в строительных касках скрещенными мастерками салютовали всходящему солнцу.

На крыше четырехэтажного здания чудом сохранились покосившиеся объемные буквы «тинница Лу», внешний фасад постоянного двора почти весь обвалился, обнажая глинопластиковую кладку, синтетический утеплитель был растащен по птичьим гнездам. Эхо каталось по городу, будто гайка в пустом железном ведре, возвращаясь из переулков и подъездов неприятным и многослойным.

Несколько смельчаков решились войти в дома в поисках наживы. Вернулись быстро, не обнаружив почти ничего ценного, но Вебер этого и ожидал. Если бы по Сосновску ударила война, тут было бы чем поживиться. Если же горожане приняли решение централизованно покинуть дома, тысячами подавшись на юг, поближе к густозаселенным территориям Сибири, всё нужное они унесли с собой.

На площади, вероятнее всего – центральной, стоял памятник. Но обломанная рука, равно как и голова, не позволяли даже примерно установить, кому он был воздвигнут.

Двери учреждений были выбиты, витрины и шкафы повалены. Будки и торговые ларьки, окольцевавшие площадь, окружали россыпи битого стекла, поблескивавшего на солнце. Магазины тоже потеряли все стекла – перед исходом толпа запасалась продуктами по праву сильного и быстрого. Кое-где виднелись остовы мобилей, сгнившие до каркаса. Здание автовокзала, облицованное белыми мраморными плитками, осыпалось почти полностью, приобретя жалкий и скорбный вид. Сквозь огромные витражные окна, уничтоженные без остатка, виднелись шматки оплавившихся потолочных плит, свисающих причудливыми спиралями.

Пыль замела фундаменты домов, кое-где набросав настоящие барханы. Большинство фонарных столбов покосилось, треснув до железной арматуры внутри, многие рухнули. Провода, покрытые ломким сухим выюном, провисли до земли, многие оборвались, покачиваясь искусственными лианами.

Речушка, когда-то протекавшая через город, высохла до русла, уже зараставшего молодыми деревьями. Дамба, ведущая через русло, просела, асфальт сломался, встав на дыбы, но вездеходы Вэйяня смогли расчистить путь.

Возле крепкого двухэтажного здания с пустым флагштоком на крыше лежал огромный российский герб. По потекам и слою копоты можно было предположить, что перед уходом из города жители сбросили его с крыши, облили чем-то горючим и поднесли спичку... Сгоревшим оказалось также отделение полиции, возле которого мертвыми тушами краснели глыбы пожарных машин. Огромные рифленые колеса были спущены, со многих срезана резина. На западной дороге, ведущей к уничтоженной военной базе, покрывались пылью и травой скелеты двух армейских грузовиков.

Вышки связи развалились, некоторые упали. Тарелки, обеспечивающие Сосновск спутниковой связью, выржавели насквозь, многие провалились сквозь прогнившие кровли или сорвались с балконов, на которых висели.

Какие истории мог рассказать этот мертвый город? Как и когда его жители поняли, что должны уйти? Кто первым бросил бутылку с зажигательной смесью в полицейский участок? Много ли военных, прибывших с базы, пыталось подавить мятеж, много ли перешло на сторону большинства? Почему солдат не пустили в Сосновск – из-за того, что парни уже были облучены, или по какой-то другой причине?

Илья рассматривал посеревшие лица идущих в караване людей, убеждаясь, что подобные мысли сейчас терзают не только его. Метелка так вообще рыдала, едва переступили городскую черту. Леший шагал рядом с высоким бортом, отчетливо слыша, как девушка всхлипывает внутри. Напугалась, видать, – нечасто такое зрелище глазам открывается...

После недавнего случая, когда к Варе пристали общительные геологи, он старался держаться поближе к кухонной повозке. А уж с каким видом Митяй рассказал наемнику о произошедшем, без улыбки и не вспомнить.

В который раз Илья заставлял себя гадать, что за странную девчонку он встретил в Тайге, невольно став ее опекуном. Снова и снова прокручивал в голове ее рассказы, как защитила она его от скитальца, ее неожиданную истерику и попытки вступить в отряд, невесть как узнав о походе. Сумасшедшая? Он где-то читал, что юродивые и не от мира сего на Руси издавна были наделены чем-то *запредельным*, не укладывавшимся в рамки логики, физики или простых объяснений. Интересно, стоит ли рассказать Митяю о том, на какую именно особу он положил глаз?

Вебер невесело усмехнулся, поднимая голову и встречая недоумевающий взгляд повара. Как обычно восседая на козлах, тот не сумел взять в толк, чего это наемник скалится, гуляя по дотла вымершему городу...

Выходили из Сосновска под резкую смену погоды. Будто решив до конца испортить и без того подгнившее настроение караванщиков, из-за восточных гор, темнеющих на другом берегу залива, нанесло туч. Быстро, торопливо, не иначе как небо спохватилось. Не успела пелена полностью скрыть бледно-голубой небосклон, пророкотал весенний гром, а по колонне ударили первые струи.

На этот раз било не пленкой – по-настоящему, лихо, оглушительно барабанило по крышам машин и тентам. Люди полезли в телеги, кутались в целлофановые прозрачные накидки, кто-то даже открыл зонт. Но ни у кого не возникло даже мысли о том, что ливень можно переждать в брошенном и умирающем городе...

Севернее Сосновска начались болота. Когда-то их тут было в избытке, но после Инцидента природа будто занялась мелиорацией, иссушив целые гектары и перебросив топкую почву туда, где еще недавно стояли густые корабельные леса. Осторожно, чтобы ненароком не угодить в новорожденную топь, колонна двигалась вперед, поливаемая дождем.

Нашлись и те, кто решил времени даром не терять. Несмотря на прямой запрет, почти десяток «кротов» отделился от каравана. Илья знал, что они уходят делать заборы болотной воды и втыкать в мягкую почву длинные штыри с многочисленными датчиками на верхушках. Возбужденные, оживленные, поневоле добравшиеся туда, где крыло темирбаевской империи уже теряло силу. Уходили в дождь, рискуя навсегда отстать от каравана или вообще угодить в трясины, но всё равно лезли в чащу, обвешанные приборами. Словно не догадывались, что, если тут найдется хоть капля «чернухи», вернуться домой безы Султана им уже не позволят...

Небесные потоки иссякли километров через двадцать после города. Караван уже основательно углубился в болотистую местность, огибая целые рощи, пытавшиеся завалиться на вечный сон. Вода размывала корневые системы и роняла гигантов, которых на протяжении десятков лет не смогли выкосить ни собственные лесозаготовительные хозяйства, ни китайские контрабандисты.

Тучи расходиться не собирались. Что-то копили внутри, бурчали недовольно, как больной желудок, медленно клубились. Но хоть не капало, и то ладно. Вебер встряхнул накидку, старательно свернул, спрятал в рюкзак. И почти тут же Фэн Вэйань вдруг отдал приказ разбить бивак.

Колонна замерла, расползлась в разные стороны, выискивая сухие пятки, послышалось ворчание. Безы, вероятнее всего, по единой команде, собрались у штабной машины. На гусеницу ее выбрались одноглазый и Тахир, умевший дословно переводить жестикуляцию поднебесника.

Лавируя между телегами и людьми, начинавшими обустраивать места для ночевки, Илья начал неспешно придвигаться поближе к собранию безов. До темноты оставалась еще пара часов, которые в обычные дни колонна проводила в движении. Если отдан приказ «стоп», значит, для этого есть веские причины. И наемник хотел хотя бы примерно их знать.

Любопытство было вознаграждено, хоть на него и зыркнул один из безов, отвернувшийся от толпы, чтобы прикурить сигарету. Замеченный, Вебер, словно ни в чем не бывало, побрел прочь, якобы собирая мокрый валежник. Он услышал больше, чем хотел, – отдельное спасибо переводчику с североминьского, загруженному Динь-Динь в его «балалайку». И остался доволен. Более того, «наемник» не будет захвачен врасплох, когда Вэйань вызовет его на совещание, а это произойдет довольно скоро...

Потому что разведчики, двигавшиеся в пятнадцати километрах перед отрядом, сообщили о находке. Не через сеть или «балалайки», а с помощью добротных армейских раций, выданных Темирбаевым. Сообщили, что прямо посреди леса, неплохо замаскированная с воздуха, обнаружилась широкая гать, ведущая на запад. Новенькая, неоднократно чиненная и регулярно хоженная.

Вебер даже воспрял духом, несмотря на подмокшие носки и запредельную влажность воздуха, гарантировавшую не самую простую ночь. Скоро они достигнут цели, и тогда он сможет начать путь домой. Где ждут, помнят и переживают...

Илья отшвырнул охапку мокрого валежника, от которого прок будет не скоро, двинулся в лес, осторожно прощупывая почву ногой. Нарубил нижних веток посуше, собрал с поваленных стволов коры, натаскал влажные, но не промокшие насквозь бревнышки, распустив повдоль. Уже через полчаса на выбранном им пригорке горел костерок, греющий всё тот же пузатый котелок. Как обычно, пока не подошла смена идти в дозор, принялся наблюдать за остальными.

Вэйань снова заперся в вездеходе. Варя помогала повару, имени которого он так и не знал, хлопотала, готовя ужин, почти не высовывая носа из-под тента. Тахир и Митяй о чем-то болтали возле другого безовского вездехода. Молодцы, парни, – разложили тряпицу прямо на крыле трака, выложили «дыроделы», споро разобрал и приступив к чистке. Оценив идею, Илья потянулся за собственным набором, но вдруг заметил недалеко от себя одного из караванщиков.

Скукожившийся «крот» лежал в сосновых корнях, словно природный окоп мог защитить его от ветра или просушить насквозь вымокшую одежду. Просто лежал и дрожал, ожидая прихода костлявой.

Илья нахмурился, придвигая к себе рюкзак и поднимаясь на ноги. Если бы неудачник отбросил копыта на другом конце лагеря, в его душе и не шевельнулось бы. Но того угораздило прилечь в считанных шагах от костра, так что...

Вебер подошел, опустил рюкзак, рывком вынул мужчину из ямы в корнях.

– Подохнуть решил?

Тот с очевидным трудом сфокусировал взгляд на наемнике.

– П-простите?

– Почему не у костра?! – Илья был готов сначала избить, а уже потом спасти горекараванщика.

– Я т-тут совсем один, не знаю никого, а сам не ум-мею, – стуча зубами, принялся оправдываться. Бородка неопрятная, но одет вполне достойно, хоть и вымок до трусов. Вещевого мешка Илья не усмотрел, только небольшую котомку и ружье, оставшиеся в корнях. – Как-то с-совестно к чужому костру...

– Придурок, – сплюнул Илья. – Раздевайся!

– Что, п-простите?

Он ему все-таки врезал, хоть и не сильно. Так, плюху дал, чтобы привести в себя. Подействовало, и горемычный начал стаскивать тяжелую влажную куртку. Как тот выживал до ливня, когда ночная температура на почве падала до минус десяти, Илья не знал.

– Ты вообще откуда будешь? – Илья продолжал злиться, но заставлял себя поддерживать разговор.

Главное, не позволить замерзшему замкнуться и окончательно впасть в прострацию.

Помог мужчине снять куртку, принялся за свитер.

– На разведчика как-то не похож...

– С Ачинска... – губы бедолаги тряслись, но он послушно отвечал на вопросы. – Я не «крот», нет... но когда цепь землетрясений прошлой осени прошла, от города вообще ничего не осталось... – Он позволил стянуть с себя свитер, оставшись в нижнем белье, отчего затрясся еще сильнее. – Я с-с-начала к Новосибиру пошел, думал работу найти какую... а потом про Тайгу услышал... ну и сюда... говорят, тут нефть вернулась... если найти, разбогатеть можно...

– Можно, можно. – Отложив свитер, Вебер стянул с горе-добытчика мокрую нижнюю рубаху. – Руки вот так спрячь. – Он показал, зажав сведенные ладони между бедер. – Там ток крови сильный, пальцы быстро отогреешь. Сухие сменные вещи есть?

– Н-нет...

– Едрён батон...

Бегло осмотрев полуголого тайгинца, подвывавшего в тон мерзлому ветерку, Илья досуха выжал мокрую майку.

– Теперь сначала свитер надевай, а сверху уже исподнее, шерсть быстрее от тела высохнет. Куртку застегни доверху. Руки отогревай, как я показал...

– П-понял, спасибо.

– Тебя как, умник, вообще угораздило в списки попасть с такими знаниями походной жизни? – Вебер помог ему одеться, удовлетворенно наблюдая, как в поглубевшие губы возвращается кровь. – Или думал, что тут гостиница-люкс ждет?

– Не... я не п-попал, – и не думая врать, кивнул бородатый. Куртку застегивал уже сам, хоть пальцы сгибались и неохотно. – Я как бы не совсем законно присоединился...

– Это еще за каким чертом?

– Черта не существует, как и Бога. – Вебер изумленно приподнял бровь, но ничего не сказал. Если странный волонтер нашел возможность философствовать, значит, будет жить. – Комплекс вины, знаете ли... У меня две дочери погибли. Сразу после Инцидента. Я иду искупать свою вину.

– Перед кем искупать, раз Бога нет? – негромко поинтересовался Илья.

Нагнулся, вынул из рюкзачного кармана плоскую фляжку со спиртом, нацедил в крышку.

– Перед собой, конечно... – промерзший философ принял из его рук спирт, послушно выпил, дико сморщившись.

– Непьющий, что ли? – протянул Леший. – Только не глотай сразу... рот прополощи, так быстрее впитается.

Закрутил малую флягу, спрятал обратно в рюкзак.

– Спасибо, вы меня спасли.

– Если Бога нет, то зачем желать мне, чтобы он меня спас? – Вебер криво усмехнулся, поднимая рюкзак и направляясь к своему костру. – И это... ты скромность свою знаешь куда засунь? Иди к нормальному огню, чудик, проси помощи. В одном месте откажут коллеги, так в другом приласкают. Но иначе до утра точно лапы склеишь, ты уж поверь...

И ушел, больше не оборачиваясь. Мир, в котором остались такие люди, как этот бородатый перезрелый щенок, еще чего-то стоит. Пусть ради собственного успокоения, пусть ради искупления каких-то старых грехов, но он идет в поход по своей воле. Идет, неспособный самостоятельно выжить в лесу после первого мощного дождя.

Такие скоро кончатся. Совсем. Вымрут как вид.

И тогда подыхающая планета не будет стоять выеденного куриного яйца. Он вообще был удивительно-странным, этот мир, так и не сумевший умереть до конца.

Иногда Илья размышлял, что человечество напоминает ему Феникса из мифов, без конца обретавшего новую жизнь после очередного смертельного удара. Так было после Второй мировой, так было после того, как на Востоке начали рваться ядерные бомбы, так было после Инцидента. Мир был похож на Феникса, так и не научившегося летать.

Каждый раз, стряхивая с крыльев пепел, он обнаруживал, что те сделаны из чугуна или свинца. Из гранита, тяжелеющего с каждым столетием. Грязного свинца, замешанного на

корысти, самых низменных страстях или желании пролить кровь. Именно поэтому сила, вновь и вновь возрождавшая Феникса, была непостижима для Вебера. Она была парадоксальна в своем милосердии.

Через день, когда караван с опаской полз по обнаруженной гати, бородатый геолог с чувством вины оступился, упал в трясину и утонул, даже не пытаясь позвать на помощь.

CREDITUM XLII

Прекрасный день, начавшийся, как все остальные прекрасные дни, грозился улететь в трубу. Сжимая и разжимая кулаки с мрачной сосредоточенностью, Султан неотрывно смотрел в экран монитора, покусывая кончик драгоценного уса. Пересматривать ролик не было нужды, он и так прокрутил его раз сто. Поэтому сейчас на экране застыл нечеткий стоп-кадр, всё же позволявший угадать главных действующих лиц.

Наконец Султан заставил себя перевести взгляд на соседний дисплей, разжал пальцы. Недовольно скривился на мусульманские полумесяцы, оставленные на ладонях ногтями. Нужно взять себя в руки, а для ярости он найдет лучшее применение. Внимательно изучая развернутую на втором экране карту, Темирбаев сконцентрировался, постаравшись хотя бы на время забыть о просмотренной видеозаписи...

Итак... Глоток остывшего кофе, глубокий вздох – теперь Айбар полностью контролировал эмоции, вытеснив злость и ревность. Итак... Вэйань выходил на связь рано утром, сбросив текущие координаты, отчет о состоянии каравана, а также проложив приблизительный дальнейший курс, чтобы хозяин был осведомлен. Курс необычный, немало удививший Темирбаева, – скрытой тропой отряд уходил на запад, через болотистые низины и скалистые плато, частично уцелевшие в Катастрофе. Не на север, как предполагал сам Султан, а куда-то к границам Республики, в сторону Новообского залива.

Темирбаев побарабанил пальцами по краю стола, брякнула ложечка. Он-то считал, что экспедиция пойдет вдоль Енисейского залива, чуть ли не за Полярный круг, к Дудинке или даже выше. Теперь же портовые ворота Сибири и главная северная военно-авиационная база Республики оставались за правым плечом Фэна.

С одной стороны, это было хорошо – на территории опустошенных нефтяных скважин казаки не совались, и лишнего внимания Вэйань избежит. С другой стороны, Темирбаев начинал полагать, что его разыграли. Не как лоха, но как сильную карту, способную сформировать боеспособный отряд.

Земли, в которые шел караван, не входили в даже предполагаемый круг интересов Султана. Тем не менее теперь останавливать поход смысла не имело, что означало – начальник его СБА найдет сектантов, даже если те обосновались в устье Оби.

Ну ничего, Айбар сможет извлечь выгоду и из сложившейся ситуации. Когда экспедиция повернет на Тайгу, Вэйань соберет уцелевших геологов, заставив провести разведку. Не для себя – для Темирбаева. Проверить месторождения, считавшиеся пустыми, взять пробы и замеры. Если понадобится – силой.

Несмотря на тяжелые природные условия, в которые заброшен его отряд, Султан был уверен в конечном успехе операции. Не баб с младенцами послал, лучших людей. Да и наемник с ними, он северные леса хорошо знает, как отдельно отмечали поручители Лешего.

Тревожило другое. Совсем другое, не имеющее отношения ни к пропавшим детям, ни к «чернухе». Стоп-кадр, застывший на соседнем экране, принадлежал видеозаписи, выложенной в сеть Тайги одним из его безов. Кажется, его звали Тахиром, он с самого начала похода взял правило вести своего рода дневник, публикуя съемки.

И вот снял. Как черенок по имени Митяй, с хорошо знакомым телячьим выражением лица подносит чашку горячей каши не кому-нибудь, а зеленоглазой метелке, сидящей у костра. Той самой, ради которой Султан перевернул всю Тайгу, так и не обнаружив ее следов. Той самой. Были и другие ролики – про то, как Митяй довольно смело накатывает на двух «кротов», к кому-то пристававших, как краснеет от вопросов видеооператора. Теперь

все они выстраивались в стройную цепочку, от которой Султана чуть не начинало подташнивать. Особенно от последней записи, где щенок кормит девку, заботливо набрасывая той на плечи свою утепленную куртку.

Теряя контроль, Айбар снова сжал кулаки. Мало того что недоносок украл из города девку, которую Темирбаев уже считал *своей*. Так он еще и всячески охаживал ее, не стесняясь окружающих! Неужели всё просчитал, просясь в отряд даже под угрозой потери пальца? Всё спланировал? Султан никак не мог поверить, что его переиграли. Причем не кто-то матерый, а пятнадцатилетний щенок...

Посмотрим... главное – набраться терпения и ждать, что еще выкинет Митенька. Для этого Айбар уже послал одноглазому поднебеснику все необходимые инструкции. А если черенок и правда положил на девку глаз, что-то замыслив, китаец убьет недоноска. Тихо, чтобы выглядело несчастным случаем. А затем вернет девчонку в Тайгу. Туда, где ее место, определенное Султаном...

Вызов по внутренней сети оторвал Темирбаева от неприятных раздумий. Он снял трубку коммуникатора, отметив, что звонили с первого этажа.

– Господин Султан, – с нужной долей уважения и почтительности пробасил без, охранявший парадное «Шелкового пути», – вы просили напомнить, когда придет автобус.

Ничего не ответив бойцу, Айбар положил трубку. Изучая ролики Тахира, он чуть не забыл, что сегодня в город приезжает новая жительница.

Активируя «балалайку», Темирбаев вышел из-за стола, отправляясь на балкон. Связался с Жанар.

– Не с клиентом? Хорошо, сладкая. Иди вниз, уведи девочек. Ненадолго, пока у меня гости. Да, вообще всех, пусть пока по кабинетам посидят, я скажу, когда выпускать...

Облокотившись на балконные перила, Айбар рассматривал улицу, заполненную людьми, животными и транспортом. Он должен произвести на гостью самое благоприятное впечатление, а снующие под ногами проститутки – не лучшая декорация к представлению.

Пригладив усы, он не сводил взгляда с ярко-желтого автобуса, подкатывающего к одноэтажному зданию автостанции. Шестерка запряженных тяжеловозов, тащивших канареечный короб там, где можно было сэкономить горючку, шумно дышала, колотя копытами. На крыше транспорта, прихваченный киперной лентой и тросами, громоздился багаж.

Та, кого Темирбаев ждал еще вчера, сошла с подножки в числе первых. Озиралась с явным интересом, деловито и вежливо распоряжаясь, куда разгружать чемоданы. Вооруженные до зубов охранники автобуса курили в сторонке, разминали затекшие ноги и с любопытством зубоскалили про новенькую. Тут же вертелся патруль безов, следящий за новоприбывшими и проверявший их по базе данных.

Значит, несмотря на задержку, она все-таки приехала. Айбар улыбнулся. Метелки, «чернуха» и уничтожение врагов города были, конечно, первостепенными задачами, но плох тот стратег, что не заглядывает на пару шагов вперед.

Темирбаев себя плохим стратегом не считал. Прибывшая в Тайгу женщина не была проституткой в годах, как это могло подуматься со стороны большинству зевак. Она была школьной учительницей, заключившей самый необычный контракт в своей жизни. Для этого ей пришлось пересечь на конно-дизельной тяге не одну сотню километров, но обещанная Султаном зарплата и пансион окупали дорожные хлопоты сполна.

Прислушиваясь, как на первом этаже Жанар разгоняет девок по будуарам, Айбар не переставал улыбаться. Тайгинцы любили его. А теперь полюбят еще сильнее, веря каждому слову искренне и без сомнений. Потому что в этом году Султан откроет для них первую школу, где смогут учиться и взрослые, и дети. Бесплатную школу. И пусть преподавательница пока будет лишь одна, ведя всего три-четыре предмета, благодарные жители никогда не забудут, кто именно дал их детям шанс выучиться писать или считать. Кто доказал, что жизнь продолжается и у всех без исключения есть свое собственное будущее.

Айбар взглянул в чистое весеннее небо, теплеющее с каждым днем. Где-то там высоко, бесконечно далеко даже для понимания, парили среди космоса новые миры, путь на которые так жестоко открыла Станция «Наукома». Но, даже обладая знаниями о сути объекта корпорации, Темирбаев не стремился за край планеты. Те, кто умеют устанавливать власть и пользоваться ее плодами, вполне сносно проживут и на Земле. В Тайге, Новосибирске и в конце концов – в одном из уцелевших Анклавов.

CREDITUM XLIII

Ей было очень тяжело. Невероятно тяжело и больно, но никто, даже Лексеич, этого не замечал. Старый ворчливый Лексеич, каждый день получавший от Ильи какие-то подарки, вроде сигарет. Наверное, он и без сигарет ее не выгнал бы, да и вообще ворчал больше для поддержания образа. Но как бы тепло повар к девчонке ни относился, увидеть происходящее в ее голове не мог.

А там шла битва. Настоящая битва, в которой кто-то побеждал, а кто-то проигрывал. И врага, прячущегося среди заболоченных рощ, не мог учуять даже Лесовик.

Кольцо начало смыкаться, едва они проделали по обнаруженной в лесу гати пару верст. Злобное, не похожее ни на что, встреченное Варварой раньше. Хотя нет... больной медведь, напавший на Илью возле вездеходов, где все погибли, был чем-то похож. Но отдаленно, неярко. Того зверя гнала вперед ярость и злоба, жгучая мстительность, вызванная болезнью. Зверей, окружавших караван сейчас, подталкивала необходимость убить любого, ступившего на болотную дорогу.

К счастью, весь день, пока кухня не работала, Лексеич правил лошадами. Сидел спиной к возу, безразличный, дрыхнет его новоиспеченная помощница или в носу ковыряется. А потому старик не мог видеть, какие потоки пота катились по девичьему лицу, сведенному в судорогах. Как вздрагивали плечи, с каким трудом пробивалось дыхание.

С топчана, на котором спала, она давно сползла на пол, забившись в угол телеги, каждый подскок которой на ухабе отдавался в голове резкой пульсирующей болью. Варя смотрела в пустоту. Почти как смотрел Илья тогда в чаще, когда говорил с духами тайги, но губы были сжаты так плотно, что от них отхлынула кровь.

Уходите... Здесь никого нет. Уходите...

Иногда они действительно уходили, сбитые со следа ее приказами, просьбами и ложными следами. Вертелись вокруг дороги, отставая на целые версты. Но уже через пару часов нагоняли снова, бесшумными тенями крадась параллельно движению каравана. Они выжидали, чтобы напасть, и тогда ей снова приходилось стискивать зубы, невольно прижимая к груди худую котомку с пожитками.

Было очень непросто, но Варя точно знала, что, если хотя бы на час даст себе поблажку, забившись сном или потеряв сознание, произойдет беда. И тогда дети, за которыми они идут, навсегда останутся в ловушке ее сна...

Животные тоже чувствовали, но Варвара не знала, как объяснить хоть кому-то, Митяю или Илье, что происходит с лошадьми. Мужчины, даже не подозревая об опасности, списывали всё на болота, раскинувшиеся вокруг. Успокаивали зверей, кому-то даже вкололи лекарство, не пытаясь определить истинную причину их волнений.

Караван, осторожно прощупывавший гать, медленно полз вперед. За ним, укрытые кочками, кустами и поваленными деревьями, наблюдали *они*.

Было сложно сформулировать, на что похожи окружившие караван. С одной стороны, Варя слышала росомх, с другой – в их мыслях было нечто чужое, пойманное в капкан. Что-то чужеродное, чему не место ни в тайге, ни в одном другом лесу необъятного мира.

Уходите... И только злобные темно-красные вспышки в ответ, хаотичные, большие и малые, будто кляксы на свежем снегу. Уходите... не трогайте нас... здесь никого нет... И снова вспышки, вбивающие в ее голову болезненные гвозди. Один за другим, раз за разом. Поверили, свернули на север, чуть не передравшись между собой, а она судорожно втянула

воздух, не в силах даже руки поднять. В горле пересохло, горло просило воды, но пошевелиться Варвара уже не могла.

Лексеич всё же заметил неладное. Обернулся, чтобы полог оправить, да и наткнулся взглядом на ее обескровленное лицо. Седые брови повара взлетели, рот изогнулся, но поводьев старик отпустить не мог. Свесился куда-то за угол повозки, коротко свистнул, резко и тревожно. И уже через несколько секунд в воз пульей влетел Илья, запрыгнувший прямо на ходу.

Склонился над девушкой, отбросил с лица пряди.

– Пить... – одними губами прошептала она, даже не зная, услышит ли ее Лесовик.

Тот разобрал, а может, догадался, что нужно делать. Плотнее задернул тент, чтобы ненароком не заметили с улицы, приложил к ее рту флягу. Мелкими глоточками, чтобы не захлебнулась, напоил. Спрашивать ничего не стал, будто и правда понял, чем тут последние часы Варя занималась.

Сбросил неразлучный рюкзак, вынул коробку с красным крестом на крышке. Пощупал запястье, оттянул веко, приложил приятную прохладную ладонь к шее повыше ключицы. А потом вдруг уколол в то же место, болезненно и подло. Она хотела вскрикнуть, но уже в следующее мгновение по телу разлилось окутывающее тепло, а голова просветлела, будто в прорубь окунули.

– Спасибо, – выдохнула Варвара, потирая виски. – Я думала...

– Что случилось? – негромко, чтобы не услышал даже возница, спросил он, наклоняясь к ней.

– Я не знаю... – в голове всё еще шумело, место укола чесалось, губы подрагивали. Девушка вновь приникла к фляге. – Они мешают... не дают пройти... должны нападать. Но я заставляю их нарушать приказы. Я стараюсь, но так устала.

Илья смотрел строго, но теперь в его взгляде появилось замешательство. И печаль. Он не верил. Или не хотел понять, о чем говорит девушка.

– Их больше десяти, – попробовала еще раз объяснить она. – Они крадутся вдоль гати. Они охраняют ее. Им больно, но они ничего не могут сделать...

Лесовик куснул губу. Из него рвались самые разные вопросы, но мужчина сдерживал их, стараясь понять, о чем толкует девчонка. Варя вздохнула, пытаясь собраться с мыслями. В этот же момент полог повозки рванулся в сторону, а внутрь одним прыжком влетел Митяй. Замер, уставившись в ствол «дыродела», упертого почти в лоб, примирительно поднял руки.

– Пулю захотел, дружище?!

– Не надо, Илья... он просто почувствовал, что со мной что-то не так... – Варвара подняла ослабевшую руку, заставляя Лесовика отвести оружие. – Он не хотел тебя пугать...

– А я и не испугался. – Мягко закрыв взведенный курок, Илья убрал пистолет под куртку. – Полог задерни!

Приказал тихо, но строго, от чего Митяй сразу повиновался. Варя видела волны ревности и досады, исходящие от мальчишки, но паренек понимал, что сейчас не время для споров или выяснения отношений. Закрыв тент, спешно пришнуровал край к борту.

– Что случилось?

– Не пойму, – не дав Варе рта раскрыть, ответил за нее Илья. – То ли приступ, то ли припадок... повар заметил, меня кликнул. А она тут в углу сидит, белее снега. Да вот только объяснить ничего не может.

– Всё я могу. – Варвара слышала себя со стороны, и ей очень не нравился этот слабый, едва различимый голосок. – Когда они вернутся, я не уверена, что смогу снова убедить их уйти...

– О чем это она? – подозрительно поглядывая на девушку, спросил Митяй, стоя лицом к Илье. Вот ведь гады – разговаривали, словно кроме них в повозке и не было никого... – Кто вернется?

– Не знаю. Варя, сможешь еще раз объяснить, что произошло?

– Их десять. Они больные. Их специально заразили... Злые очень. Я не знаю, кто

именно. Дикие, готовые убивать. – Ей казалось, она излагает предельно подробно и ясно, но мужчины смотрели с прежним недоверием, обмениваясь недоумевающими взглядами. – Говорю же, я их убедила уйти. Но они охраняют гать и обязательно вернутся... обязательно. Этому их учили.

– Ты видела кого-то в лесу? – Митяй присел на корточки. Взял плед, под которым девушка обычно спала, набросил на ее плечи. – Видела кого-то чужого?

Вздыхнув от усталости, давящей огромной пуховой периной, она только помотала головой. Как же они не могут понять?!

– Сдается мне, что Варя кое-что *знает*, – вновь ответил за нее Лесовик. Митяй недовольно покосился на мужчину, но смолчал. – Не видит, но чувствует, не так ли?

Она нашла силы, чтобы слабо и неуверенно кивнуть. Илья говорил почти правильно, но чувствами это было назвать сложно. Это было нечто иное...

– В придорожных лесах кто-то есть. Кто-то, угрожающий каравану? – Новый кивок. Варвара с сожалением осознала, что приятное тепло после укола медленно уходит, оставляя тело без сил. – Это люди? Звери?

– Это звери...

Митяй знатно выругался, но прикусил язык на полуслове, виновато оглянувшись на девушку. Та, к счастью, не услышала, уставившись куда-то в дальний угол. Илья сел на деревянный ящик с припасами, снял шапку, пятерней взлохматил короткий ежик волос. В повозке было тепло – грел бок походной печки.

Лесовик ослабил узел шарфа, кивнул, принимая решение.

– Нужно предупредить Вэйаня. – Мальчишка и на этот раз ничего ему не сказал, но теперь хоть смотрел без зависти. – Передай одноглазому, что заметил в чаще опасность. Про девчонку и ее приступ ни слова, ясно? Нужно объявить готовность и ждать нападения... Я смогу подтвердить, если будет нужно.

Варя благодарно взглянула на мужчину снизу вверх, кивнула и облизала потрескавшиеся губы. Девушка знала, как сильно Илья зол, что она не предупредила о наступающей угрозе раньше. Но сил не было даже на стыд или извинения. Когда Варя придет в себя, она обязательно объяснит ему всё. Что хотела спасти, уберечь от гибели. Потому что теперь в дело пойдут ружья, и лесным стражникам точно несдобровать...

Девушка провалилась в забытие примерно через полчаса после разговора в кухонной повозке. Еще через два часа, когда отряд выбрался на просторное каменистое плато, где и гать-то была не очень нужна, на них напали. Несмотря на то что люди Вэйаня и добытчики-волонтеры были готовы, удар всё равно оказался внезапным и смертоносным.

Сначала Илья подумал, что на колонну напали скитальцы. Стая. Сразу дюжина, никак не меньше. Но чуть позже, когда завалили первого зверя, рассмотрев внимательнее, убедился в ошибке. Если скиталец взял основу у бурого сибирского медведя, то предком напавших тварей были скорее росوماхи. Почти лысые, потерявшие всю шерсть, кроме подбрюшья и загривка, они выглядели болезненно и плачевно. Выпавший мех заменяла покрывавшая бока толстая пленка, что очарования животным не добавляло. Однако их невероятные размеры, равно как и огромные когти, тут же уничтожали всю жалобность или нелепость картины. И еще теперь Вебер догадывался, кто именно уничтожил экспедицию профессора Горина...

Напали сразу с двух сторон, подкравшись бесшумно и слаженно, как это издавна умели их немутировавшие предки. До того четко, что, если бы Илья лично не застал атаку, предположил бы, что животные подчиняются единым командам. Они пользовались складками местности, ложбинами и овражками; там, где болото позволяло, – подкрадывались вплавь. И еще, что сначала напугало до одури, совершенно бесшумно, без рева или рычания.

Колонна встала, ошетилившись стволами. И всё равно не успела понять, что враг уже среди повозок и вездеходов. Полупрозрачные размытые фигуры, будто нарисованные прямо на воздухе, вонзились в караван, ответивший криками боли и страха. В вечернее небо взмыло одно человеческое тело, за ним другое. Располоסованные когтями, расшвыранные,

словно кегли, «кроты» падали на камни с резким громким хрустом.

Илья заметил, как проминается под размытой тушей лошадиное тело, похожее на надломленный гранат, и только сейчас смог впервые разглядеть противника. Сжал челюсти, еще не до конца веря увиденному, но руки уже поднимали «Смерч», а глаз вливался в резиновую окантовку прицела.

«Покровы» – армейские системы маскировки, установленные на хищниках, превращали их в идеальную охрану дороги. Не видимые без движения, умеющие отлично лазать по деревьям, росوماхи могли подкрасться почти вплотную, прежде чем беззаботный путник начинал подозревать угрозу. Если бы Варя не предупредила караван, половина членов отряда была бы мертва уже через пару минут после нападения.

Хотя и без того они потеряли многих. Люди, далеко не сразу сообразившие, что на лесных хищниках лежат маскировочные проекции, сумели дать отпор с промедлением. До того, как в расплывчатых силуэтах была обнаружена опасность, под ударами когтей погибли десять человек и несколько коней. Затем началась стрельба, сперва беспорядочная, унесшая жизни еще двоих. Но затем по колонне понеслись приказы людей Вэйяня и мертвыми начали падать атакующие.

Одного Илья убил лично. Стоя на краю кухонной повозки, он высадил в наступающий призрачный силуэт почти половину магазина, прежде чем росوماха рухнула к колесам, чуть не дотянувшись до обезумевших лошадей. Седой повар, размахивая пистолетом, метался среди животных, пытаясь успокоить и не дать понести повозку с дороги. Чувствуя, как та опасно кренится, готовая съехать с гати, Илья спрыгнул.

Перезарядил «Смерч», мельком взглянув на убитого им зверя. Маскировочная проекция гасла, отреагировав на смерть носителя, и теперь был хорошо заметен плоский короб прибора, вшитый почти под затылок мутанта. В академии Веберу приходилось изучать современные средства маскировки, но впервые он видел, чтобы «покров» достигал таких размеров и вшивался не в человека, а в животное.

Колонна стрекотала выстрелами, словно разозленный осиный улей. Кричали люди, их вопли смешивались с конским ржанием и ревом вездеходов, пробовавших маневрировать и выбраться на фланги каравана. С них, тяжело рокоча, лупили безовские пулеметы, отключая один «покров» за другим.

Солдаты Вэйяня вообще действовали слаженно, что Илья отметил с явным облегчением. Вероятно, свою роль играли боевые программы, вшитые в «балалайки», а может быть, и общая сплоченность боевиков Темирбаева. Но пока «кроты» гибнут, беспорядочно мечась вдоль построения, бойцы одноглазого почти не несли потерь...

Варвара очнулась, когда бой закончился. Вскочила, будто ужаленная в самое сознание, и десятки раскаленных игл в мозгу подсказали ей, что вокруг лилась кровь. Закричав, она тут же закусила губу, до боли сжав кулачки. Пошатываясь и шмыгая носом, добралась до борта, высунулась. Вскрикнула, тут же отпрянув обратно.

Звериные тела, перемешиваясь с телами людскими, лежали повсюду. Ошарашенные кони всё еще не могли успокоиться, ломая оглобли и разрывая поводья. Повсюду виднелись раскуроченные повозки и разбросанный скarb.

Вокруг каравана образовалось свободное кольцо оцепления, а жуткий одноглазый китаец с длинной черной косой расхаживал по месту побоища, выкрикивая приказы. Рядом с ним Варя заметила и Илью, и Митяя. Помогая раненым, мужчины оценивали последствия боя, подсчитывали ущерб. По полю бродили выделенные Вэйянем люди – ножами и топорами они вырубали из росомашьих голов блоки «покровов», собирая ценные и необычные трофеи. Девушка больше не слышала больных росوماх – все они, напавшие с болот на людей, были убиты.

В кухонную телегу заглянул Илья, уставший и задумчивый, всё еще не выпускавший из рук автомат. Шарф был натянут на нос, как и у большинства караванщиков, – над гатью повис тяжелый, едкий запах, выделяемый в момент опасности умирающими животными. Мужчина поинтересовался, как девушка себя чувствует, но делал это безучастно, словно

заводная игрушка. На самом деле Лесовика – и это почти обидело Варвару – интересовало совсем другое. Узнав, что девушка больше не ощущает присутствия хищников, он тут же ушел, попросив... приказав сразу дать знать, если она *услышит* что-то еще.

Через какое-то время, выкроив минутку, заглянул и Митяй. Паренек зашел в повозку неспроста – успокоил, посидел рядом, тоже расспросил о самочувствии и напоил чем-то жгучим, от чего клонило в сон. На вопросы, правда, тоже не отвечал, был бледен и подавлен, но за это девушка винить его не могла.

Много позже, когда истекающий кровью караван продолжил путь и встал на ночлег, Варвара всё же узнала силу, с которой по экспедиции был нанесен удар.

Рассказал озлобленный на весь свет Алексеич, одна из лошадок которого атаки не пережила. Восемнадцать человек были убиты или ранены так, что не дожили до следующего утра. Четверо из них оказались солдатами Султана. Один вездеход был уничтожен, вскрытый гигантскими когтями, будто жестяная банка из-под тушенки. Погибли еще пять лошадей, часть которых тут же пошла на мясо. Своих повозок и телег лишились трое владельцев.

Однако теперь, и Варя это чувствовала, караван окружило облако совсем другого *цвета*.

Сейчас, когда вставшая на пути преграда была разрушена, а в принадлежности нападавших росах почти не осталось сомнений, караванщики стали еще тверже, чем сутки назад, все были настроены на одно – убивать! Люди, похищавшие детей, оказались не так просты, как это представлялось на старте. Но пролитая кровь требовала мести, а потому тайгинцы чистили оружие, деля пожитки тех, кто остался прикопанным в глубокой топкой земле...

Девушка со страхом всматривалась в пламя костров, в лица сидящих вокруг них людей, поражаясь, какой глубокой и яркой иногда бывает человеческая ярость.

CREDITUM XLIV

– Терпение?!

– Что там у вас?

– Да так... трехметровые звери, напичканные боевой электроникой, а больше ничего...

Гринивецкий выругался, жестом заставляя подчиненных покинуть кабинет. С компьютера, стоящего перед собой, активировал дополнительный режим безопасности канала.

– Какие еще звери?

– Я-то откуда знаю? – Пружинка был на взводе, хоть и сдерживался, стараясь говорить негромко. – Трансеры. Ты сказал, не лезь под пули, Терпение... а про когти и зубы ты ничего не говорил!

– Успокойся, дружище. – Эдуард торопливо рассматривал снимки поля боя, пересланные его человеком в группе Темирбаева. – Ого... – он присвистнул. – Настоящие боевые трансеры. Вот значит, как наши друзья решили отгородиться от посторонних...

– Твою мать, Терпение, ты ничего не говорил о мутантах!

– Еще раз повторяю, Пружинка, успокойся. Ты не первый год живешь в глуши, где мутанты перестали быть редкостью. Так чего завелся? Я тебе «телка» на какой хрен приставил? – неожиданно вспомнил он про Вебера.

Вечерний звонок застал врасплох, в чем Эдуард не хотел признаваться даже себе, и теперь машинист Гилярова лихорадочно собирал мысли в кучу, оценивая произошедшее.

– Ага, когда эти твари под «покровами» поперли на караван, я только и думал, как бы найти твоего наемника...

– Ты раскрылся?

– Нет... – Пружинка шумно перевел дух.

Ему очень хотелось поговорить с ломщиком более искренне и эмоционально, с щедрым использованием ненормативной лексики. Но время уходило, и он всё же взял себя в руки.

– Почти. Спрятаться под телегой было эффективнее, чем бросаться за помощью под шквальным огнем. Но я был готов...

– Ты молодец, всё сделал правильно. – Нахмурившись, Гринивецкий пытался вычислить координаты, рассматривая набросок карты, присланный шпионом. Получалось, что экспедиция по-прежнему шла на запад, в сторону Новообского залива. – А как сам наемник?

– В полном порядке, что с ним станет? Лично видел, как он завалил пару трансеров. Хладнокровный ублюдок, не поспоришь, и экипирован неплохо...

– Теперь, когда увидел его в деле, тебе стало спокойнее?

– Не знаю, дружище, не знаю...

– Чего ты хочешь, Пружинка?

– Надбавку за риск.

– Действительно?

– Ты сказал, что мы отправляемся в страну заброшенных нефтяных «качалок» и военных городков, Терпение. А теперь я начинаю подозревать, что мы воюем с остатками Мутабор или секретной базой «Фармы», – Пружинка говорил горячо и искренне, но палку не перегибал, прощупывая почву. – Разные вещи, не находишь?

– Это не Мутабор. И не «Фарма». Но разницу ощущаю. Вероятно, наследие Инцидента... – Гринивецкий покачал головой, радуясь, что сейчас шпион не может его видеть. Сделал паузу, словно раздумывая. – Хорошо. Под мое слово. Будет тебе бонус, только выполни операцию.

– Вот и славно, – было слышно, как ломщик улыбается. – Другого и не ждал. Пакет получил полностью?

– Да, всё распаковалось корректно. Будь осторожен.

– Спасибо, ты тоже...

CREDITUM XLV

На этот раз связь была нестабильной, а канал узким, будто змеиная нора. Это позволило установить только голосовой контакт, причем не самый четкий. Но того, чьим электронным образом всегда был Фуцанлун, темно-бронзовый дракон подземелий, бедность условий не тревожила. Главное, что ему вообще удалось зацепиться за спутник, да еще и проверенный. Сделать это быстро и тайно, пока отлучку не заметил никто из членов похода.

Сейчас он не видел своего анимированного чешуйчатого зверя – только его картинку, статичную и омертвевшую. Вместо пещеры, в которой не раз отчитывался о достижениях перед старшим товарищем, – окно защищенного соединения, аналогичное внутренним протоколам «Наукома», создававшим мифическую так называемую над-сеть. Вместо охранных систем, когда-то порхавших по этой пещере шустрыми светляками, в отдельном окне глазного экрана ползли сухие строки иероглифов и столбцы цифр.

Шэнлун себя ждать не заставил, а в соседнем окошке появилось объемное изображение красного дракона. В управлении хорошо знали, что их агент уходит на очень сложные территории, держать связь с которыми было трудно и до Перерождения, поэтому дежурный караулил вызов круглые сутки.

– Здравствуй, товарищ.

– Здравствуйте, товарищ генерал!

И без компьютерного образа тот всё равно оставался ловким коварным змеем, это было слышно даже по дыханию. Но Фуцанлун искренне гордился, что его взяли именно под командование генерала...

– Деятнадцать часов назад наткнулись на первый рубеж сопротивления. – Спутник высокой орбиты мог уйти из зоны контроля в любую минуту, время традиционных вступлений и обменов любезностями прошло. – Как и предполагали аналитики Управления, мутанты, уничтожившие разведотряд Темирбаева, не были случайным фактором. На наш

караван напали десять трансеров, охранявших дорогу. Все данные по столкновению загружаются вам для изучения. Даже поверхностный анализ позволяет предположить, что мы имеем дело не с разработками Мутабор.

– Любопытно... – по всему выходило, что Шэнлун уже получил первые снимки, рассматривая туши убитых росомх, в холке достигавших двух метров. – Это что, системы класса «занавес»?

– Совершенно верно, товарищ. Храмовники не позволяли себе симбиотического совмещения разработок с достижениями других корпораций, производящих вооружение. Предполагаю, что это собственная охранная программа «Братьев-Месяцев».

– Трансеры с боевыми имплантатами, – пробормотал генерал, продолжая изучать фотографии. – Охрана по маякам «свой-чужой». Как в Бразилии... Неужели противник обнаружил еще одну станцию «Фармы» по разработке генавров на основе местной фауны?..

– Мы уничтожили нападавших, движение продолжается. Теперь сомнений нет, мы близки к цели.

– Отличные новости, товарищ капитан. – Фуцанлун ничем не выдал эмоций, будто бы и не заметив неожиданного повышения в чине. – Продолжай работу, будь осторожен. Помни, что мудрый не знает сомнений, а смелый – страха.

– Я был рад нашей беседе...

Индикатор показал, что все необходимые данные переданы адресату, и Фуцанлун оборвал связь. Разобрав и тщательно спрятав в поклаже специальный спутниковый телефон, он прислушался к окружавшему лесу. Рука лежала на рукояти «дыродела», способного вести практически бесшумную стрельбу.

Лес притих, не шумели даже птицы.

Забросив сумку за плечо, «бронзовый дракон» натянул теплую шапку и скользнул к стоянке, на которой разместился караван.

CREDITUM XLVI

– Я могу войти?

– Да, присаживайся.

Как обычно, в личном присутствии Цикла Сентябрь терялась, будто девчонка, не совсем зная, как себя вести. Подошла к огромному креслу, привычно протянула правую руку. Вожак, глядя через огромное окно на нижние ярусы, где хранились экспонаты, даже не повернулся в ее сторону. Выпустил из-под красного балахона кисть, небрежно подтвердил идентификацию. Иногда ей казалось, что в другой руке их лидер всегда сжимает взведенный пистолет...

В отличие от остальных «братьев-месяцев», лидер группы не носил птичью голову. Его наномаска была простой, безликой, серебряно-серой, словно отполированный лист железа или мутное состаренное зеркало. Агрессивная вертикальная грань делила маску строго напополам, вызывая ассоциации со старинными рыцарскими шлемами.

– Присаживайся, брат. – Цикл был единственным из всех, кто знал возраст и пол своих подчиненных, но придерживался установленных правил даже приватно. – У тебя есть новости, и они плохи. Я угадал?

– Да, брат... – Сентябрь, подобрав края балахона, осторожно присела в соседнее кресло.

В толще стекла, за которым виднелись рабочие цеха и лаборатории «Куэн Као», плавали сразу шесть голографических дисплеев, на которые сейчас выдавалась самая актуальная информация о проекте. Прибыв на станцию несколько дней назад, Цикл всё свое время посвящал анализу данных и личному участию в экспериментах.

Она знала, что старший «брат» будет недоволен. Но в правила организации не входило утаивание новостей, даже если они оказывались чудовищными.

– Говори. – Маска цвета отполированного железа повернулась в ее сторону, словно

Цикл покосился, нетерпеливо, но вальяжно.

– Девять часов назад на восточном направлении утерян сигнал с протекторами. Десять особей. Обновленные данные говорят, что все они мертвы.

Цикл ничего не ответил, но Сентябрь слышала, как под балахоном заскрипела кожа алых перчаток, – глава братства сжал подлокотники.

– Я перепроверил трижды...

С помощью «балалайки» машинистка вошла во внутреннюю сеть «Куэн Као». По одному из экранов внутри панорамного окна тут же побежали новые цифры и данные. Клички протекторов, возраст, состояние «покровов» и другая информация. Зеркальная маска повернулась к дисплею, изучая данные об отряде хищников, охранявших восточные подступы.

– Сигнал был потерян вчера вечером. Я думал, стая ушла в дальний охотничий рейд, но сегодня спутник на более стабильном контакте. Они мертвы. Датчики уничтожены.

О, как он сейчас злится, должно быть. Может быть, даже кусает губы под своей гладкой маской, так непохожей на огромные массивные головы, которые заставляет носить остальных. Все знают, как он любит каждую свою зверюгу без исключения, построены протекторы на генокоде местных куньих или южноафриканских крокодилов...

– Мне выслать туда отряд dd? – Сентябрь не знала, как относиться к затянувшемуся молчанию Цикла.

– Нет, – после короткой паузы ответил тот. – Начинайте готовить эвакуацию.

– Прошу прощения?

– Я сказал, готовить эвакуацию! – глухо твякнуло из-под маски. Взмахом руки Цикл свернул данные на всех экранах, легко поднялся из глубокого кресла. – По оранжевому протоколу. Немедленно!

– Будет исполнено... – она сама не помнила, как оказалась на ногах. Попятилась к дверям, не сводя глаз с его неподвижной темно-красной фигуры. Через несколько секунд глава «Братьев-Месяцев» остался в рубке один.

Десять протекторов. Целая стая, на выращивание, боевую подготовку и оснащение «покровами» которых ушла уйма времени и средств братства. Росомахи, перенесшие основательную генетическую переделку. Наследники технологий «Фармы-1», которые наравне с сокровищами Мутабор их всесильная организация вот уже третий год кропотливо выискивает по всему свету. Молниеносные, жестокие, умеющие выслеживать и убивать трупеды.

В свое время находка умирающего корабельного зоопарка корпорации стала их настоящим триумфом. Причем еще более ярким, чем в Бразилии. К сожалению, после крушения большая часть животных проникла на берег, рассеявшись по местным лесам, но для продолжения работ уцелевших экземпляров оказалось достаточно.

И вот теперь половина протекторов, задействованных в проекте «Плод», уничтожена. Вторую стаю они перебросить не успеют, животные запрограммированы на определенный ареал охоты и патрулирования. Это означало, что дорогу на «Куэн Као» рассекретили.

Цикл заметил, как в уголке правого глаза замигал сигнал тревоги, посыпались предписывающие эвакуацию инструкции. Оранжевый протокол, никакой спешки или паники. Сентябрь, добравшись до рабочего места, начала исполнять приказ, готовя станцию к опустошению.

Сделав шаг к выходящему в рабочие цеха окну, старший «брат-месяц» ударил кулаком в толстое стекло, начиненное электроникой. Заскрипел зубами, хрустнул пальцами.

Это не могут быть казаки БАРСа или спецназовцы Гилярова. Во-первых, те стали бы искать базу «братьев» с воздуха, как пытались уже, используя вертолеты и беспилотные летательные аппараты. Во-вторых, Президент не был настолько глуп, чтобы поставить проект «Средний фон» на грань провала, когда до окончания оставались считанные недели или даже дни. Значит, в пределы их северной российской базы вторгся неизвестный отряд. Вооруженный, готовый к драке с десятком протекторов, еще не встречавших сильного

сопротивления ни в Сибири, ни в других уголках мира.

Неужели они оказались так неосторожны, что караван с экспонатами Гилярова удалось выследить? Это было невозможно. Барьер, состоящий из мутантов, отбивал любое желание продвигаться в глубь диких территорий куда эффективнее большого скопления «карманов»...

Новости, принесенные Сентябрем, были на самом деле ужасны. «Куэн Као» обнаружат со дня на день, сомнений нет. А это значит, что операцию «Плод» придется сворачивать, не доведя до победного финала, спешно перебазировавшись куда-то еще. Уносить базы данных, сотни экспонатов, технику и вооружение. Подальше. Например, в Норвегию... Впрочем, планы по отступлению он подготовить еще успеет.

Цикл снова ударил кулаком в стекло. Несильно, больше нервно, вымещая скопившуюся злость. Ему не первый раз приходилось сворачивать операции братства, но в Сибири он подвоха никак не ждал. Ни со стороны русских, ни со стороны поднебесников. Идеальное место, идеальные политические и социальные условия, богатая база человеческих ресурсов. Проклятье... Кулак в третий раз глухо стукнул по стеклу.

Они никогда не готовились к атаке, делая ставку на секретность и возможность поспешного бегства. Поэтому на «Куэн Као» у организации имелось всего двадцать наемников, до Катаклизма служивших в подразделениях dd. Преданные до гробовой доски, плевать хотевшие на необычную деятельность «братьев», умелые вояки, готовые умереть за звонкую монету.

Еще семеро прилетели на прошлой неделе, сопровождая его лично. Двадцать семь стрелков. Не тяжелых бойцов для «горячих точек», скорее – телохранителей, также помогавших транспортировать экспонаты. Хватит ли этого, если станцию будут штурмовать? Цикл был уверен, что да. Лишь бы хватило времени свернуть проект и погрузить бесценные разработки на борт машин...

Цикл вышел из командного центра, зашагав по пустынным коридорам станции. Выбрался наружу, запирая за собой тяжелую овальную дверь.

Три года назад, когда руины старого мира еще догорали, ему стоило немалых трудов найти эту полярную лабу «Фармы-1». Работоспособную, законсервированную, по каким-то причинам не уничтоженную. Может, инженеры корпорации не успели, а может, что-то пошло не так – Цикл был отлично осведомлен, какой хаос охватил мировых гигантов, когда планету опалило предсмертное искажение. А затем Земля вздрогнула, «Куэн Као» поменял координаты, причем на этот раз навсегда, обретя последнее пристанище. В отличие от других крошек, упавших со стола корпораций, Цикл обнаружил лабу вычищенной отнюдь не до основания и вполне готовой к работе.

Снаружи задувал пронзительный ветер, забиравшийся даже под красную мантию. Достигнув угла башенной надстройки, мужчина остановился, обхватив себя за плечи. Гладкая маска цвета отполированного железа повернулась к взлетно-посадочным площадкам, на которых под присмотром наемников дремали летательные машины.

– Февраль? – через «балалайку» Цикл вызвал «брата», отвечавшего за материально-техническое обеспечение проекта. – Я хочу, чтобы вместе с Маем вы провели полную инвентаризацию оборудования «Куэн Као». Через тридцать часов на станцию придут две «Квадры», исходите из их грузоподъемности. Берите только самое необходимое.

Красные пальцы вцепились в холодные металлические перила. Маска медленно повернулась на восток, в ней мелькнули отражения башенных надстроек, решетчатых радаров и сетки железных тросов.

Полоса каменистого плато, отделявшая «Куэн Као» и прибрежную черту от таежной опушки, блестела россыпями свежих луж и ручьев. Они сверкали, будто сотни зеркал, щедро сброшенных с неба, но чудом не разбившихся. Однако сейчас метафора не позабавила Цикла, в обычное время склонного к поэтизированию. Он смотрел на темную лесную полосу, от которой станцию отделяло не больше двухсот метров, и пытался угадать, что именно скрывает в себе таежная чаща...

CREDITUM XLVII

Вот, значит, как... Айбар глотнул настойки и откинулся на спинку кресла. Неожиданный сюрприз, но довольно приятный. На экране монитора, стоящего перед Султаном на столе, раз за разом крутилась видеозапись, присланная Вэйанем и Пружинкой.

В соседнем окне были открыты таблицы с тактико-техническими характеристиками, найденные в сети. Сопоставляя данные с внушительным видом «Куэн Као», Темирбаев размышлял, какую выгоду он сможет извлечь из находки.

В том, что пропадавшие на севере дети, в том числе тайгинские, находились на борту, сомнений почти не осталось. Разведчики одноглазого, детально изучившие станцию и заснявшие ее на «балалайки», смогли разглядеть, как тех грузят на борт огромных летательных аппаратов. Грузят в прямом смысле, но чудовищность происходящего задевала Султана меньше всего.

Выходит, экспедиция столкнулась не с простыми сектантами или каннибалами, как это предполагалось еще неделю назад. Люди, захватившие судно, были совсем не так просты или предсказуемы. Но Темирбаеву, по сути, было откровенно наплевать, что именно таинственная организация делала с пленниками. Гораздо больше его интересовали технологии и другие секреты, спрятанные в недрах корабля. Корабля, так ловко спрятавшегося на северо-западной границе Республики. Так ловко спрятавшегося на самой границе его *личных* владений.

Согласно таблицам, подтвердившим идентификацию судна на 98%, атомный ледокол катамаранного типа носил название «Куэн Као» и до Катастрофы принадлежал структурам, аффилированным с корпорацией «Фарма-1». По официальным данным, передвижная полярная станция занималась изучением таяния льдов, северной флоры и фауны, а также глубоководной разведкой. Водоизмещение больше сотни тысяч тонн, две с половиной сотни метров длиной, двойная атомная турбинная установка, разработанная и сконструированная на «МосТехе» сорок лет назад.

Согласно тем же официальным данным, три с половиной года атомоход считался погибшим, уничтоженным льдами и терроформингом северных побережий России.

Но сейчас Айбар смотрел на картинку, подтверждавшую, что слухи о гибели плавучей лаборатории были, как говорится, преувеличены. Да, теперь судно превратилось в мертвый груз, плотно сев на побережье правым бортом. Сев навсегда. После того как рукотворная Катастрофа превратила Ямал в остров, отрезав от Полярного Урала, Обская и Тазовская губа слились в Новообский залив, похоронив пяток городов и десяток деревень. Зашедший в залив атомный катамаран выбраться в Карское море уже не смог. Или не захотел, больным китом выбросившись на берег...

Однако и до смерти гиганта было далеко. Даже по короткому ролику, присланному Вэйанем, становилось хорошо заметно, что после вечногo прикола атомоход продолжал жить. Кормовая часть правого корпуса трансформировалась в огромный стационарный пандус, на котором разместился настоящий аэродром. На башнях и надстройках активно вертелись радары и «тарелки», обеспечивающие судну маскировку с воздуха и орбиты. Значит, как минимум, один реактор еще работает...

Кто же отыскал такую жемчужину? Кто смог возродить ее, приспособив под свои нужды?

Эта мысль волновала Темирбаева чуть больше, чем судьба похищенных детей, но всё равно не выходила на первые позиции. Как сделать, чтобы теперь находка стала принадлежать ему, хозяину Тайги, – вот какой вопрос лидировал с огромным отрывом.

Задумчиво побарабанив пальцами по краю клавиатуры, Султан допил настойку. Плеснул еще, наслаждаясь приятной тяжестью в голове. До того как об атомоходе узнают в Новосибирске, отправив своих трофейщиков и военных, пройдет не один день. А у него Пружинка – как в воду глядел, подлец! – уже там, в сотнях метров от кроваво-красного

двадцатиметрового борта.

Прикрыв глаза и смакуя терпкий вкус крепкого напитка, Айбар вознес хвалу судьбе и счастливому случаю, позволившему отправить отряд. Все выходило чудесно. Хотя, к сожалению, и без возможности завладеть реакторами...

Как только его безы возьмут корабль, защитные системы рухнут, в этом Султан почти не сомневался. Пружинка может попробовать восстановить маскировку, а боевики займут оборону, но если ломщик не совладеет с чужой сетью? Объект тут же обнаружат российские, сибирские, китайские и черт их знает еще какие спутники. Окопаться и неторопливо разграбить судно шансов не будет – Гиляров первым пошлет солдат. Значит, нужно действовать быстро. Без свидетелей. Забрав всё, что можно унести, и забыв о реакторах.

Всегда оставался вариант самому сообщить в Новосибирск о находке, претендуя на процент, как это было оговорено при поисках «чернухи». Но если речь шла о наследии корпораций, Султан сомневался в щедрости Президента – тут бы голову на шею сохранить. Вот когда Тайга получит всё, что Темирбаев посчитает нужным, они сообщат в столицу об атомоходе. Пустом атомоходе. Причем, если атомное сердце на деле окажется стабильным, получают свою долю прибыли и тут...

Плюс можно попробовать выйти на корпорации, хватило бы времени. Там определенно заинтересуются полярной станцией, Темирбаев был уверен. Возможно, стоит поискать выгоду и здесь?.. А потом отойти в сторонку и пересчитать деньги. Если в Республике начнется грызня за «Куэн Као», Тайга предпочтет наблюдать, а не участвовать.

Айбар придвинулся к столу, переключился в режим шифровки и принялся неспешно печатать.

Неизвестно, когда Фэн сможет повторно выйти на голосовую связь. Теперь всё зависит от того, как скоро Пружинка заарканит новый спутник «Наукома». Потому надежнее отправить текстовой пакет – как только поднебесник окажется в зоне приема, он сразу получит все необходимые инструкции.

«Атаковать судно, пленных брать, особенно гражданских. Вперед посылай «кротов», своих береги. Вести съемку и выкладывать в сеть какие-либо данные о находке строго запрещаю – чужие «балалайки» собрать и под замок. Свидетелей из добровольцев устранять не торопись, оцени гужевые силы и возможности по возвращению. Наемника ликвидируй. Следы сопротивления уничтожить, трупы – тоже».

Вот так – именно так, без всяких сомнений, что Фэн может проиграть предстоящий бой. Задумавшись, Темирбаев сделал приписку:

«Новенького по имени Митяй убей лично. Девку не трогать, вернуть в Тайгу в целости».

Перечитывая ломкие и сухие строчки, Султан вдруг нахмурился. Встал из-за рабочего места, не спеша бросать сообщение в царство Цифры.

Забрав стакан, вышел на балкон, окунаясь в привычный уличный шум. Чувство, пойманное сейчас за хвост, Темирбаев не испытывал очень давно, и вдруг... Сразу вспомнилось: маленький Айбар впервые послан в аптеку за лекарствами для бабушки. Сам, без взрослых. Едва попав во двор, он встречает сверстников, зовущих его играть в подвалы многоэтажек. И только через несколько часов понимает, что забыл о важном поручении.

Страха, что дед сурово накажет, тогда не было совсем. А вот стыд и горечь во рту...

Опершись на перила, Султан отхлебнул настойки. Глотать не стал, а тщательно прополоскал рот, словно пытаясь и сейчас избавиться от подкатившей желчи. Сколько там детей? Десятки? Сотни? В снятом разведкой ролике было заметно шесть или семь капсул, загружаемых на борт конвертоплана, но ведь это явно не все... Он выскребет закрома «Куэн Као» до последней гаечки, а потом убьет всех, кто сможет рассказать о случившемся. Кроме зеленоглазой метелки, разумеется, – ей он заткнет рот другим.

Но это означало, что детей на борту атомохода Вэйаню тоже придется... Десяток? Сотню?

Айбар легко хлопнул ладонью по гладким перилам, смиряясь с *правильностью*

сделанных выводов и принятых решений. Вернулся за стол, торопливо допечатав к письму еще одно краткое распоряжение.

CREDITUM XLVIII

Склонившись над картой, Ростислав терпеливо ждал, пока Гринивецкий прокашляется. Внутренние хвори в последнее время всё чаще донимали машиниста, и Президент подозревал, что немалую лепту в этот процесс внесли нервные потрясения последних месяцев. Скрючившись так, что смотреть жалко, Терпение влажно лаял в платок, стараясь совладать с собой. Справился, виновато посмотрел на Гилярова, но тот с пониманием кивнул в ответ.

Эдуард снова подкатил коляску к столу для конференций. Сейчас бумаги, пепельницы и канцелярия были убраны со стеклянной столешницы, превращенной в большой голографический экран. Над ним-то уже полчаса и колдовали, отключив «балалайки» и коммуникаторы.

– В голове не укладывается, как он туда угодил? – Ростислав потер щеку, рассматривая объемное изображение атомохода, найденное в базах данных Гринивецкого. – Там же раньше Тазовская губа вроде была?

– Она самая. – Бугаев ткнул в стол массивным пальцем, придвигая к себе электронную карту трехлетней давности. – Со второй половины века места почти нежилые. Там и сейчас никто не селится. По официальным данным. После Инцидента системы орбитального слежения накрылись. Месяца три отладить не могли. Вот и потерялся корабль.

– Вероятно... км... кха... – новый приступ прервал фразу. – Простите... Вероятно, «Фарма-1» пыталась спрятать судно. По каким причинам лаба не была уничтожена, сказать сложно, но мы поработаем над этим вопросом.

Утирая рот белоснежным платком, Гринивецкий облокотился на край стола-карты. Ростислав заметил, как на лысой голове Терпения выступили капельки пота. Как бы не слег машинист, это сейчас будет совсем некстати.

– Наверное, судно было оставлено в акватории под прикрытием маскировочных щитов. Когда начались катаклизмы, морское дно изменило рельеф, и «Куэн Као» оказался на мели. Оценить степень повреждения корпуса мы сможем только после захвата, разумеется.

Гиляров покачал головой. После захвата, да... Они чужой рукой потянулись в пламя за вкусным каштаном, даже не подозревая, какая находка их ожидает. Атомоход. Реактор, а может быть – даже два. Лаборатория «Фармы-1», хоть и опустошенная. И всё это – только бонус к проекту «Средний фон», который приблизился к критической отметке.

Преодолеть эту отметку, удержав ситуацию под контролем, – вот первейшая задача. Ведь все разработки «людей-птиц» – это гораздо больше 25% отчислений, полученных в качестве компенсации за мировые торги...

– Значит, ты уверен, что атака на ледокол не поставит под угрозу наши наработки по «Среднему фону»?

Гиляров придвинул к своему краю стола фрагмент карты с юго-восточным побережьем Новообского залива. Приблизил, рассматривая с прищуром.

– Мое умение рассчитывать вероятности еще не подводило вас, Ростислав Михайлович, – со вздохом ответил Гринивецкий. – Люди Султана не для того несли потери, чтобы повернуть, обнаружив *такое*. Напоминаю, что половина отряда – обычные тайгинцы, жаждущие мести за украденных детей. Вторая половина – боевики Темирбаева. Уверен, этим уже отдали приказ на штурм... Султан никогда бы не прошел мимо подобной находки.

– И когда он возьмет «Куэн Као», завладев архивами «Братьев-Месяцев»... – тихонечко протянул Гиляров, выпрямляясь во весь свой немалый рост и хрустя шеей.

– Мы прижмем Султана, перехватив разработки по проекту. Все, включая те, что «братья» собирались выставить на аукцион, – закончил за шефа Терпение, с легкой улыбкой и немимым вопросом взглянув на Бугаева. – Не так ли?

– Без проблем. – Лицо министра безопасности Свободной Сибири осталось бесстрастным, взгляд не отрывался от таблиц с ТТХ атомохода. – Только дай отмашку.

– Напоминаю, Ростислав Михайлович, что есть и страховка – свой человек в экспедиции, – добавил Гринивецкий, уголком платка смахнув пот с виска. – Он вынесет из внутренней сети судна всё, до чего сумеет дотянуться.

– Ты говорил, что у него есть прикрытие?

– Да, этот вопрос тоже решен, человек надежный. Осталось только понять, что делать с...

Над столом повисла тишина.

Верхний свет в кабинете был выключен, за окнами стремительно темнело, а потому лица троих мужчин, склонившихся над широким экраном, подсвечивались только снизу – зловеще и немного неестественно. Обменявшись взглядами, все ждали, кто первым озвучит недосказанное.

– Что делать с инвестициями, – тишину нарушил Бугаев, по-прежнему не меняясь в лице.

Гиляров тоже совладал с эмоциями, а вот щека Эдуарда дернулась.

– Да, – тихо ответил Ростислав. – Осталось понять, что делать с инвестициями...

Всего за время разработки препарата в руки «месяцев» они передали несколько сотен детей. Почти тысячу. И пока всё шло по графику, никто даже задумываться не хотел, что станет с ними, когда вакцина будет окончательно разработана, испытана и передана заказчику. Бугаев, пожалуй, задумывался, но военный жил очень простыми категориями, и угадать ход его помыслов было нетрудно.

Но одно дело, когда от исходников будут избавляться исполнители, и совсем другое...

– Как, по-вашему, Темирбаев поступит с обнаруженными на борту? – постучав по ладони стилусом, Гиляров спросил сразу обоих помощников.

– Убьет, – мгновенно отреагировал майор.

– Вынужден согласиться, – покривил губой Эдуард. – Этому милосердия даже в кредит не дадут...

– И детей? Несколько сотен детей?

– Уверен, что да! – так же резко рубанул Бугаев.

Терпение молчал, что-то взвешивая в уме.

– Или попробует сдать нам. Естественно, не задаром.

– И мы получим несколько десятков или сотен свидетелей. Которые будут рассказывать, что дяденьки в военной форме увозили их куда-то на север, где передавали другим дяденькам. Которые кололи их иглками, облучали неприятными лампами, сажали в тесные камеры и кормили гадостью. – Гиляров продолжал постукивать по ладони пластиковым стерженьком, глядя в угол кабинета через яркую поверхность стола.

– Если Султан вернет нам детей, я возьму эту проблему на себя, – сказал Бугаев, и никому не нужно было пояснять, что именно министр имеет в виду.

Ростислав вздохнул.

Он ждал, когда затеянное его квартетом вернется, безжалостно ударив молотком совести и расплаты. Но не думал, что это произойдет так скоро.

В его глазах уходившие на север дети и подростки уже давно стали безликими инвестициями. Мостом в новую Сибирь, защищенную и снабженную электричеством. Густым плодородным грунтом из плоти и крови, на котором вырастет новое сильное дерево.

Пусть Китай швырнет своих подданных в новые миры. Пусть сильные этого мира наводят пушки на Станцию, трепеща от предвкушения. Пусть. Не отвлекаясь на дразги и мифы, сибиряки построят новую страну. Гиляров построит ее. Он даст людям работу. На вахтах, сродни тем, куда ехали за длинным рублем много лет назад. Он обеспечит вахтовиков новым препаратом, и они восстановят для него атомные станции, пострадавшие после Инцидента. Восстанавливать ведь проще, чем строить заново? А затем он начнет снабжать вакциной тех, кто станет работать на воскрешенных станциях. Столько, сколько

потребуется для строительства надежной энергетики Республики. Столько, сколько потребуется для ремонта и ввода в строй пострадавших ракетных шахт. И только когда мирный атом снова заработает на Сибирь, только когда в Республике окрепнет ядерный щит, а на севере найдут вернувшуюся нефть, только тогда он вздохнет спокойно, восславив Всевышнего.

Ростислав отлично понимал, что обрекает десятки юных сибиряков на гибель, но все эти месяцы *прощался* с ними, едва те попадали в руки «людям-птицам». Теперь же мертвые решили вернуться. Как Земля, так и не сумевшая по-настоящему отдать Аллаху душу. Значит ли это, что Президенту придется убивать их второй раз?..

– Я принял решение, – наконец сказал Ростислав.

Люди, окружавшие его, были отличными... да что там – просто незаменимыми помощниками и товарищами. Но решения принимать ему, и только ему. Особенно такие непростые решения.

Президент придвинул кресло, неловко сел, оказавшись на одном уровне с Терпением. Но смотрел не на машиниста, а через его плечо.

– Семен Львович?

Четвертый мужчина, находившийся в кабинете Президента, медленно поднял голову. Казалось, он настолько погружен в свои мысли, что происходящее за рабочим электронным столом его не интересовало совершенно. С тех пор как за окнами стало темнеть и углы помещения погрузились во мрак, Пономаренко сидел у стены, свесив голову на грудь. Редкие волосы слиплись, пальцы подрагивали.

Можно было даже подумать, что профессор проспал беседу, но Гиляров точно знал, что это не так. Тот слышал каждое слово. Слышал и впитывал факты, от которых в обычное время старательно воротил свой огромный нос...

Ростислав знал профессора не первый год. Умного, преданного, но... белоручку. Да, ученый действительно разрабатывал программу возрождения атомной энергетики Сибири и ручного возведения саркофагов, опираясь на уникальные данные новой вакцины. Но одновременно всеми силами гнал от себя мысли, откуда и какой ценой в Республике вскоре появится концентрированная «плацента».

Поэтому, приглашая Семена Львовича на брифинги и совещания по «Среднему фону», Президент испытывал темное удовольствие, граничащее с садистским.

– Львович? – с нажимом повторил Ростислав, и плечи старика дрогнули в недобром предчувствии.

– Слушаю тебя. – От прежней мизантропии в голосе профессора не осталось ничего, Пономаренко был тих и покорен. Потер горбинку на переносице. – Прости, Михалыч, задумался...

– Готовь цех № 4, – уверенно приказал Гиляров. – Знаю, что еще не закончен. Вариантов всё равно нет. Времени мало, коллеги, так что работаем предельно быстро. Бугаев, выделишь надежных молодцов. Полное оцепление, строгая секретность. Допуск только для высшего персонала. Если Султан вернет нам инве... детей с атомохода, мы спрячем их в Наукограде. Сейчас я не готов принять окончательное решение относительно их дальнейшей судьбы.

CREDITUM XLIX

– Сказал, что через час будем выступать. – Тахир нырнул под тент, наспех растянутый вдоль кухонной повозки. Кроме Митяя, здесь сидели еще двое безов, чистивших оружие.

– Да уже знаю, – ответил парнишка, ставя на место пружину и закрывая затворную раму. – Тебя только за смертью посылать...

Действительно, информация о предстоящем нападении несколько минут назад уже была загружена во всё «балалайки» отряда. «Кротов» это, естественно, не касалось, но им Вэйань всё объяснит на пальцах. Да и не было у них больше «балалаек» – одноглазый еще

вечером в приказном порядке собрал всё, заперев в сейфе командного вездехода. Только Леший не сдал, уперся, гад, хоть силой отнимай. Фэн вроде не стал, хоть теплоты между мужчинами от стычки и не прибавилось.

– Не ворчи, – беззлобно толкнул черенка в плечо Тахир, усаживаясь рядом на бревно и укладывая автомат на колени. Одной могучей затычкой прикончил самокрутку, пяткой вмял окурок во влажную землю. – Ну что, волнуешься?

– Не-а... – протянул Митяй, чувствуя, как неестественно и лживо звучит.

Волновался. Ох, еще как волновался. Сердце стучало ровно и часто, словно колесные пары скоростного газотурбовоза, мышцы то затекали, то вдруг начинали гореть, хоть в пляс пускайся.

– Рацию проверил? В нашем деле она подчас важнее волюны...

– Проверил, в норме всё, – он машинально прикоснулся к наушнику, поправил на горле под шарфом ошейник ларингофона.

– Вот еще, держи, – Тахир, одной рукой разряжая автомат, бросил парню разовый механический шприц.

– Это еще что за хреновина?

– Волшебный пендель, – оскалился без, раздавая такие же инъекции другим коллегам. – Вколешь, когда на опушку выйдем. Время действия минут тридцать, должно хватить для всего дела...

Ну вот, только этого не хватало. Митяй недоверчиво повертел лекарство без маркировки, убрал в нагрудный карман. Может быть, поможет совладать с волнением?

Больше всего он переполошился, когда по лагерю запустили видео, принесенное разведчиками. Снимал, кажется, наемник, причем сделал всё умно – и посты автоматчиков на вышках обнаружил, и огромные винтовые машины на корме щелкнул, и капсулы, через стеклянные крышки которых виднелись...

Митяй помнил, как ему тогда поплохело. Не помогло даже близкое присутствие Вари, тоже смотревшей съемку. Побледнел, как девица красная, чуть без чувств не грохнулся. Потому что вдруг представил, что в одной из этих капсул может находиться директор. Или Алешка. Или его сестренка.

В том, что нелюдей-изуверов будут штурмовать, сомнений не осталось еще вчера, когда разбивали лагерь. Не покажи им детей, неспешно загружаемых на борта леталок, Вэйань, может, и выслал бы переговорщиков. Но теперь...

Теперь они нападут. Воспользуются выигранным временем, нерасторопностью хозяев корабля, утренним туманом, и не думавшим растекаться в стороны. Времени, кстати, выиграли немало – все прошлые сутки, сразу после боя с росомахами, личный китаец Султана гнал караван без усталости и пощады.

Пришлось бросить двух лошадей и одну повозку, потерявшую колесо, а многие волонтеры стонали в голос. Но Митяй даже не думал жаловаться или осуждать командира – если на корабле и знали, что звериный дозор перебит, такого быстрого визита ждать не могли точно. А кто действует внезапно, то и побеждает, так писали в книгах, которые мальчишка зачитывал до дыр.

Дай ему волю, он бы вообще штурмовал ночью. Потому что каждая минута может стоить жизни его товарищам, находящимся на борту. Конечно, если они вообще живы...

Парнишка часто задумывался, почему он пошел с людьми Вэйаня. Ведь лагерные выгнали его. С позором, если так можно сказать. Выставили в чужой и агрессивный лес. Навсегда отказали в праве на жизнь в коммуне. А еще на борту судна вполне могли оказаться Беляш, Косила или им подобные. Судьба любит играть грязно – при штурме старшаки могли выжить, а вот Лёшка или Даша...

Ответа парень не знал. Как не знал, чего вообще в свое время полез на Клёпу, перечеркнув всё, что сделал для Кропоткина. Наверное, так было нужно. Наверное, именно это чувствовал Напильник, незаметно передав ему «дыродел». Наверное, поэтому Алексей приходил в его карцер, подкармливая вареной картошкой. И вот он тут, собирает готовый к

бою «Коловрат», снаряжает магазины и наспех завтракает, догладывая лосиную кость, припасенную с прошлой охоты.

Добрые стволы выдал им Султан, откровенно добрые, не пожадничал. РАН-4, они же былинные «Евпатии Коловраты». На «МосТехе» разработаны еще лет двадцать назад, но надежности не потеряли и теперь. Патрон на 7,62, тридцатка в магазине, в снаряженном состоянии весит меньше трех килограммов. За название и будто в насмешку над анклавовскими «дрелями» пользователи РАНов ласково окрестили их «коловоротами».

Закончив с оружием, Митяй встал, вылез из-под навеса. Холодная морось, висящая в воздухе, тут же приклеилась к лицу, забралась за шиворот. Забросив автомат за спину, паренек обошел телегу, прислушиваясь к происходящему внутри. Он точно знал, что девчонка не спит. Повара видно не было, отошел к вездеходам Фэна – на него и еще двоих слуг ложилось охранение стоянки, пока основная часть отряда пойдет на корабль.

Ухватился за борт, приподнялся и заглянул в щель тента.

– Можно, Варь?

– Забирайся...

Метелка говорила тихо-тихо, почти шептала. После атаки животных, которых она каким-то образом учуяла в болотах вокруг гати, девчонка вообще была сама не своя.

– Ты как?..

– Оклемаюсь... чего пришел?

Митяй, только перебросивший ногу через борт, прищурился, привыкая к густому сумраку. Нырнул под полог, задернул за собой. Присел на корточки у печки, сегодня холодной и безжизненной. Было темно, силуэт Вари едва проглядывался на фоне брезентовой стены.

– На вот. – Парень протянул ей почти полную упаковку. Догадался, что рук толком не видно, и положил на край ящика. – Тут полежит... Пользуйся.

– Чего это?

– Салфетки влажные. На спирт выменял. – Слова не хотели выстраиваться ладно, а будто издевались, откровенно выпячивая смущение. – Знаю, как вы, девки, мыться любите, а с водой у нас тут... Они специальные, лицо там протрешь, ну или еще чего...

Он покраснел, радуясь темноте. Это ж надо такое ляпнуть?..

– Спасибо. Теперь тоже отговаривать будешь?

Он хотел что-то добавить и скрыть неловкость последних слов, но опешил. Ослышался, что ли?

– Чего сказала?

– Спросила, отговаривать будешь тоже? Как Илья?

– Чего это? – он дернул подбородком. Любое сравнение с наемником из ее уст звучало как оскорбление. – От чего мне тебя отговаривать-то вообще?

– Чтобы с вами не шла. На корабль. За детьми.

Варя зачем-то прижимала к груди вещевой мешок, продолжая говорить тихо, мелкорублеными фразами. Так ломко, что пареньку хотелось отбросить оружие, подсесть рядом, обнять за плечи и что-нибудь прошептать на ухо. Прошептать что-то теплое, нежное, так непохожее на всё, что он говорил девчонке до этого... Разозлившись на себя, Митяй поморщил нос и задумчиво куснул грязный ноготь.

– А ты собралась, что ли?

– Да.

– Ну и ладно. – Он пожал плечами, хоть вышло и не очень равнодушно. – Чего мне тебя отговаривать, я ж тебе не батя, как этот Илья...

– Он не мой отец.

– А, ну да, конечно... – как обычно, разговор опять повернул к наемнику, и Митяю стало не по себе. – Ну ладно. Ты это... если надумала-таки, то... ты держись поближе, ладно? Вперед хоть не суйся... я-то ничего, а вот Вэйань будет ругаться, зуб даю.

– Я поняла. Спасибо, Митя.

Окончательно почувствовав себя не в своей тарелке, парень отдернул полог. Стало жарко, будто печка раскочегарилась за считанные секунды, а теплый шарф вдруг сдавил горло.

– Через час идем...

И выпрыгнул, чуть не подвернув ногу.

CREDITUM L

План был составлен неплохо, хотя некоторые детали он бы лично изменил. Если бы позволили, разумеется, но допускать наемника до организации нападения Вэйань не спешил.

Устроившись на пригорке, с которого хорошо просматривался атомоход и отделявшая его равнина, Илья прикинул к биноклю. Силуэт судна выделялся на фоне льда, всё еще покрывавшего залив, будто вырезанный из черной бумаги.

Стрелки поднебесника, вооруженные дальнобойным оружием, занимали свои позиции справа и слева от Вебера. Окапывались вполне умело, без суеты и тихо. Туман, висевший над заливом, работал на бойцов каравана эффективнее маскировочных систем.

На экране, напыленном на глаз, Илья видел, как маяки людей Султана смещаются на указанные координаты. Волонтеров, лишенных электроники, Леший видеть не мог. При этом точно знал, что десятки «кротов», которым план был объяснен по бумажным картам, скапливались на опушке, вытягиваясь в цепь. Вебер точно знал, что штурм не переживет и половина из них, но сомнения или лишние переживания перед боем – последнее, что нужно солдату.

Вероятно, два-три боевых костюма во многом изменили бы картину плана. Спасли бы кучу жизней, сэкономили патроны. Но генералу Темирбаева приходилось рассчитывать атаку на основании существующих реалий, и караванщикам оставалось только надеяться, что противник тоже не оснащен «саранчой».

Хруст веток за спиной заставил его отвлечься от изучения тактической карты. Отложив «Смерч», Илья мягко вытянул из кобуры «дыродел», снимая с предохранителя. Повернулся, выставляя оружие и прицеливаясь.

– Какого рожна ты тут делаешь? – Ствол пистолета был направлен на щуплого машиниста, неумело крадущегося среди деревьев. – Пшшел вон, умник! Тебе в караване приказано оставаться!

– Тихо, Илья... не кричи, – ответил машинист, продолжая приближаться и игнорируя наведенное на себя оружие. Хоть пригнуться не забывал, и то ладно. – Опасность закаляет стойких.

Ну мать же твою перетак... Вебер сжал губы, успев проглотить проклятие. Значит, вот он, его *объект*. У Ильи, признаться откровенно, уже мелькали мысли, что цель погибла в бою с росомахами. Именно там он ждал заветных слов, так и не услышав их. Что же это за человек такой, если не просит помощи при атаке трансеров, но нуждается в прикрытии, когда доходит до штурма корабля? Теперь всё вставало на свои места, недаром Колокольчик подтвердила продолжение операции во время последнего сеанса связи.

Значит, машинист. Скорее всего ломщик. Да не кто-нибудь, а близкий помощник самого Темирбаева. Вот так расклад... В который раз Илья взвешивал в уме, кем был его настоящий заказчик. Выходит, он и Динь-Динь заранее знали о существовании атомохода?

Пружинка подобрался ближе, опускаясь на землю справа от Вебера.

– Ты не думай, Илья, я обузой не стану. Твоя задача – довести меня до корабля и прикрыть внутри, ясно?

– Не называй меня так! – раздражение – тоже не лучший помощник идущего в бой воина, но сейчас Илья ничего не мог с этим поделать. – Зови Лешим, как раньше. Уяснил?

– Уяснил, – невозмутимо ответил паренек. Он вообще держался молодцом, не часто ожидаешь такого от офисной крысы, полжизни подключенной к компьютеру. – Держусь позади, под пули не лезу, в случае чего – прячусь. Всё верно?

– Верно... – Илья покосился на лежащего неподалеку машиниста, продолжая разбирать ситуацию. – Если я упал, ты тоже падаешь. Если я бегу – бежишь за мной. И шарф вот так на лицо натяни – пар дыхания могут заметить с борта...

Теперь, когда он – простой исполнитель – в курсе, что правая рука Султана работает на две стороны, какой будет его дальнейшая участь? Перспективы рисовались весьма беспокойные. Да что там лукавить – откровенно дерьмовые рисовались перспективы, вносящие в план дальнейших действий немало корректив... Варианта два – либо крысу в ставке Султана будут выводить из Тайги вместе с Вебером. Либо его, после выполнения задачи, ликвидируют. Второй сценарий, как ни прискорбно, представлялся наиболее вероятным.

– Оружие есть?

– У меня-то? Откуда бы...

Вебер осмотрел мешковатую куртку ломщика. Под такой хоть рюкзак прячь, видно не станет...

На экране в глазу зажегся сигнал, объявляющий о первой готовности. Начали разворачиваться окна с данными бойцов, собранных в одну сеть.

– Не расслабляйся, – негромко приказал Илья, – сейчас начнем.

– Вижу, – всё так же невозмутимо ответил Пружинка. – Я в системе.

– Как? – Леший и не думал скрывать раздражения, помноженного на недоверие. – «Балалайки» Вэйань лично собирал.

– Но твоя-то на месте, – улыбнулся ломщик, подмигнув, и Илья не нашелся что ответить.

А через минуту началось, вытеснив всё лишнее.

Цепь волонтеров, стараясь выдать себя как можно позже, выступила вперед. Вебер подтянул отложенный «Смерч», включил прицел и тепловизор. Склонился к трубке, чувствуя приятную прохладу раструба.

Где-то впереди, скрытый туманом, темнел «Куэн Као», на мостиках и переходах которого для Ильи тут же зажглись красно-оранжевые силуэты. Снайперы Вэйаня, рассыпанные по гребню холма, повторили действия наемника, включая приборы или надевая специальные очки. Невидимые с борта, они фиксировали действия сразу нескольких охранников, прогуливавшихся по палубам.

Потянулись минуты, но Илья не успел насладиться их карамельностью. Неприятный хруст справа заставил его оторваться от прицела. Пружинка, чуть-чуть не донесший до рта очередную галету, виновато улыбнулся.

– Отвлекаю? Больше не буду... – он скомкал противно шуршащую упаковку, торопливо пряча в карман.

Все-таки странный малый этот парень. Сидит на огневом рубеже, как в ложе театра. Они все странные, дети Цифры, но некоторые в особенности. Может, он тритон? Илья слышал, что пережившие «синдиновый» голод нередко трогались умом... Отбросив мешающие сосредоточиться мысли, он опять приник к прицелу. Как оказалось – вовремя.

Резкий порыв ветра одним широким жестом снес полосу тумана, напоздавшую от корабля и берега. Фигуры «кротов», рассыпанные по плато, будто обнажились.

В «балалайку» поступил сигнал, и Вебер мягко потянул спусковой крючок на себя. «Смерч» знакомо дрогнул, глушитель зажевал и сплюнул грохот выстрела. Похожие щелчки начали раздаваться со всех сторон, но Илья не следил за другими стрелками. Убедившись, что первая выбранная им цель упала, он тут же перевел прицел на следующую, отмеченную раньше. В этот раз не успел – охранника срезала пуля одного из безов, и теперь пришлось выбирать жертву наугад.

Пружинка тихонечко взвыл, то ли от страха, то ли от возбуждения.

Одновременно с началом стрельбы, больше похожей на треск сучьев в костре, из-за холма ринулись вездеходы. В них сидели наименее экипированные или раненые волонтеры, а главной задачей машин было отвлечение внимания. Чуть не столкнувшись на спуске с

холма, транспорты принялись петлять среди зеркальных островков, усеивавших плато. В морозное утреннее небо стартанули столбы черного мазутного дыма.

«Кроты», до этого огибавшие озерца медленно и старательно, теперь побежали. Их задача и единственный шанс уцелеть таился в том, чтобы как можно быстрее, пока с атомохода не ответили плотным огнем, добраться до берега. Не к среднему борту, вдоль которого поднималась сеть хорошо простреливаемых лестниц. А к корме, трансформированной в стационарную постройку, спущенную на берег огромным трапом.

Там, именно там размещались четыре конвертоплана. Две громоздкие четырехвинтовые «Квадры», грациозная «Гарна» и еще один скоростной болид, марку которого Вебер не знал. Именно туда сейчас побегут и они...

Убедившись, что охранники на верхних палубах перебиты, Вэйань послал в «балалайки» отряда приказ выступать. Для тех, кто затылочных чипов не имел, сержанты продублировали команду голосом. Волонтеры, многие из которых уже почти достигли корабля, тоже вступили в бой.

Солдаты, оборонявшие «Куэн Као», на нападение отреагировали оперативно и умно. На открытые пространства больше не совались, а постарались сконцентрировать силы на корме. В редких хлопьях тумана, еще скрывавших атомоход, начали вспыхивать огоньки автоматных выстрелов. По вездеходам дали залп из подствольных гранатометов, и одна машина тут же сгорела, несмотря на маневренность и скорость.

– Пошли! – вставая, Вебер поманил машиниста за собой. – Наш выход.

CREDITUM LI

Впервые он участвовал не в уличной драке или перестрелке с деревенскими – в настоящем бою. Вместе с десятом других безов выскочив из-за низкорослого холма, Митяй припустил так, что ноги начало сводить, а дыхание чуть не остановилось. Стараясь не обращать внимания на боль, он бежал, слыша вокруг себя тяжелый, надрывный хрип остальных. Тахир был где-то рядом, но паренек не вертел головой, чтобы ненароком не сверзиться в каменный мешок со сверкающей водой. Их тут было в достатке – только успевай перепрыгивать.

Митяй бежал, придерживая на груди «коловорот», сделанный, казалось, из свинца. Бежал, жадно ловя ветер раскрытым ртом. Бежал, стараясь смотреть под ноги, а не вперед и вверх, на приближающуюся стену красного корабельного борта. Оттуда стреляли всё чаще, хоть по большей части и по тайгинцам, но мгновенная смерть в любую секунду могла прижужжать и за ним. Или за Варей, наступавшей на пятки...

В голове остались лишь несколько ярких пятен, имевших сейчас значение. Атомоход впереди, лужи внизу, метелка за спиной. Остальное – визг пуль по камням, крики раненых, фырчанье вездеходов и приказы в наушниках словно обесценились, превратившись в декорации. Всё это – ерунда. Главное – добежать, уцелеть и прикрыть бесценное.

Старшаки рычали, когда девка пришла к холму, где собрался отряд. Смотрели злобно, поговаривали про приметы. Когда убедились, что действительно собралась идти, выгнали взашей, заставили вернуться в лагерь. Догадывались, что улизнет из-под присмотра Алексеича, ворчали. На Митяя все косились, но приковать непоседу наручниками приказа не поступало, да и в ссору вступать охотников не нашлось.

И вот теперь она бежала по камням сразу за пареньком, дыша ровно и чисто. Быстро бежала, прытко, на зависть нескольким отставшим. В нужный момент пригибалась, косулей перемахивала заводи, которые сам Митяй предпочитал обогнуть. Лицо метелки покраснелось, волосы выбились из-под платка и капюшона, и парень вдруг почувствовал совершенно непрошеное волнение.

– Сюда! – Тахир взял правее, Митяй метнулся за ним.

До корабля оставалось каких-то сорок-пятьдесят метров, и теперь автоматы защитников ухали куда громче и злее.

– Прячься! – рывкнул на девку Митяй, скатываясь в каменистый окоп.

Перевел дыхание, силясь избавиться от навязчивого стука в ушах. Поднял «Коловрат», наводя на пандус-трап, ведущий в недра атомохода. Над трансформированным куском борта нависали громады летательных аппаратов.

Митяй сделал несколько выстрелов. Не в цель, а чтобы снять напряжение и привыкнуть к оружию, бьющемуся в руках. Звука пальбы почти не услышал из-за гула крови, но отлетевшие гильзы доказали – работает машинка...

Варя приказ послушно исполнила, прыгая следом и затихая. Ну какого черта она вообще поперлась?! Эх, странная девка, надо было силой в лагере оставить. Хоть бы и связанной. Теперь вот приглядывай, а вдруг пуля шальная...

Откуда-то из-за спин продолжали бить снайперы, в числе которых оказался и наемник. Метко валят, молодцы. С этой дистанции Митяй хорошо видел, как на мостиках и балконах ледокола падают люди.

«Кроты» тем временем входили на трап, прячась от пуль за его невысокими бортами. Несколько человек, явно не ожидавших от «сектантов» такого активного сопротивления, повернули назад. Двоих, кто не сделал этого по-тихому, юркнув в складки местности, Тахир расстрелял на месте. Остальные, уже охваченные лихорадкой боя, даже не заметили новых потерь.

Для безов, не имевших встроенных в глаза экранов, сержанты Вэйаня дублировали команды голосом:

– Не лезть, мясо входит первым! Окопаться и ждать остальных. Жданов, откатись, мудака, рано... Сейчас они поднимаются в корабль, за ними первая группа наших. Снайперы, группа прикрытия, огонь по вертолетам! Бить по пилотам и обслуживающему, не давать взлетать!

CREDITUM LII

Стоя на бронированном мостике атомохода, Цикл наблюдал за начавшимся сражением. В отполированной личине наномаски отражалось оконное стекло, в стекле – зеркальная маска старшего «брата-месяца».

Он не спешил уходить, до мелочей просчитав свои возможности и оставшееся от побега время. Нападение произошло раньше, чем можно было предсказать, тут его подловили, почти застали врасплох. Но теперь, когда противник на виду и открыл лицо, можно хладнокровно оценить ситуацию. «Куэн Као» по сути – плавающий город. Точнее, когда-то плававший. Но от того, что ледокол сел на берег, он не перестал быть настоящим лабиринтом, миновать который наскоком не выйдет. Вскрывать внутренние двери, да еще и под огнем охранников, – дело нелегкое...

Как ни прискорбно, но трансформированная часть станции, превращенная в трап больше трех лет назад, сыграла братству дурную службу. Сейчас по ней уже поднимались первые противники, исчезая внутри корабля. Вскоре поднимутся и остальные – еще несколько минут назад командующий приказал оставить первый шлюз без боя. Ничего не поделать...

Цикл никогда не злился на неизбежное, еще в юности научившись принимать самые неприятные ситуации без лишней траты нервов. Трансформация кормы атомохода была именно такой неизбежностью – не оставляющей выбора, а оттого освобождающей и от бесполезных сомнений. В свое время старший «брат-месяц» изучил горы корабельной документации. Старательно, до последней страницы, как делал всё в своей жизни. И пришел к непростому решению, навсегда превратив «Куэн Као» в стационарную базу. В регионе постоянных землетрясений и плавающего ландшафта это было единственным шансом сохранить корабль с пробойной в днище. Даже несмотря на предупреждения Февраля, что на обратное превращение в судно сил реактора уже не хватит...

Высокий мужчина в красном плаще до пят и маске, напоминающей забрало космического шлема, вернулся к приборной панели.

Вооруженный автоматом крепыш у дверей проводил его взглядом, но даже не шелохнулся. Нервничает солдат, сразу видно, но не морщится, даже когда в эфир поступают данные о новых потерях. А еще ему интересно, прямо до одури. Оно и понятно – ситуация внештатная. Впервые за годы контракта наниматель позволил dd попасть во внутренние помещения, доступ в которые имели только «братья».

Из двадцати семи наемников в строю осталось девятнадцать. Двое всегда с Циклом, еще по одному привязано к каждому из пяти «братьев», разбросанных по судну. Остальные отступали, торопливо запирая переборки и готовя засады. Приходилось признать, что в первые минуты штурма снайперы противника поработали крайне технично...

И всё равно они остаются варварами, никчемно вооруженным сбродом, решившим полакомиться неожиданной добычей. Цикл покажет им, какими опасными бывают находки из прошлого. Этот урок он в свое время усвоил на собственной шкуре.

– Август? – после начала перестрелки все присутствовавшие на борту «братья» находились в режиме постоянной конференции.

– Да, всё готово, – мгновенноотреагировал тот. – Вот единственный путь через незаблокированные палубы. – На электронной трехмерной карте «Куэн Као» зажглась извивающаяся зеленая лента, пронзающая уровни и отсеки.

– Сентябрь?

– Жду приказа на уничтожение внутренней сети станции, – ответила машинистка. – Все ценное скопировано на внешние носители.

– Хорошо. Февраль?

– Почти закончил погрузку экспонатов. Всю партию «дельта» придется оставить, системы жизнеобеспечения капсул потребуют лишних затрат энергии и хлопотного демонтажа.

– Хорошо, отключай серию. Остальные?

– Погрузка в разгаре.

– Есть трудности?

– Что делать с прототипами протекторов?

Цикл задумался. Отбил пальцами молниеносную барабанную дробь по краю приборной панели.

На судне находилось несколько экземпляров, причем самых разных, еще не до конца прошедших обработку. Некоторые трансеры и вовсе были экспериментальными, что вообще не гарантировало необходимого результата. А перевозка животных была не только громоздким делом, но и требовала лишних затрат времени...

– Усыплять? – не дождавшись ответа, поинтересовался Февраль.

– Нет. Выпусти. Пусть Август рассчитает точки входа в заблокированную область. Познакомим гостей с нашими новыми разработками.

– Будет исполнено.

CREDITUM LIII

Шагнувшее к звездам человечество научилось обходиться без слов. И дело даже не в искусстве, универсальный язык которого понимали любые национальности планеты. Сходство вызывала возможность мгновенно – почти со скоростью мысли – показать собеседнику образ, который он поймет. Как в каменном веке, когда стены пещер начинали покрываться первыми примитивными рисунками. Пещерные покорители космоса, как часто думал про людей Вэйань, забавляясь необычностью сравнения.

Незнание русской речи ничуть не мешало поднебеснику управлять боем. Все необходимые маневры он тут же отмечал на тактической карте, и уже через несколько секунд их получала вся группа. Приказы отдавались аналогичным образом – поделенный на мелкие звенья отряд ловил сигналы об атаке, отступлении или обороне. Тут же, не задавая лишних вопросов, Фэн мог видеть данные о потерях, раненых и темпах передвижения

отрядов. Наскальная роспись, спроецированная на внутреннюю сторону бѐльма, затягивавшего его левый глаз. Выгоду нужно уметь извлекать даже из самых ужасных и трагичных происшествий...

Сам Вэйань почти достиг судна. Двигался короткими перебежками, прикрываемый со всех сторон четырьмя безами, внимательно высматривая движение на высоких бортах «Куэн Као». Активность была отмечена только внутри, за мощными стеклами, и наступающим на атомоход воинам Султана угрозы не представляла. Все равно Фэн был аккуратен и нетороплив – не хватало еще угодить под пулю, когда большая половина его воинства уже внутри...

Потери были незначительны, он рассчитывал на большее число убитых волонтеров. Снайперы, уничтожившие внешнее охранение корабля, даже перестарались. Погибло шесть или семь «кротов», несмертельно подстрелили двоих подчиненных китайца. Взорванный вездеход тоже можно было списать в потери, но Фэн искренне надеялся пожить в технике в ангарах ледокола.

Тревоги добавлял Пружинка, нарушивший приказ и сунувшийся в дело раньше времени. Недисциплинированный говнюк. Машиниста он заметил среди снайперов, достигших берега за несколько минут до командной группы. Тот держался уверенно, под пули шел умело, но спокойнее от этого одноглазому не становилось – достаточно ломщику чуть-чуть пострадать, Султан будет очень недоволен. Если такой термин вообще применим к хозяину, когда тот впадает в ярость...

Отдышавшись, Вэйань дал своему звену знак продолжать движение. Выскочил из-за камня, поднимая автомат, побежал вперед. Двое снайперов, оставленных на холме, тут же получили приказ бить по корме, где громоздились конвертопланы. Если противник планирует отступление, они должны всеми силами помешать ему осуществить задуманное.

CREDITUM LIV

Они попали в лабиринт – такой была первая мысль, когда штурмующие распределились по входному шлюзу атомохода. Вебер, чуть ли не силой усадивший Пружинку за штабель металлических ящиков, пытался оценить обстановку.

Волонтеры сгрудились у дальней стены, только сейчас, казалось, осознав, во что вообще ввязались. Безы суетились у нескольких массивных дверей, ведущих в глубь корабля. Кажется, принимали решение взрывать транспортные ворота, в которые легко мог пройти небольшой грузовик, – на воротные петли уже навешивались тактические заряды.

За ними наверняка ждет засада, но Илья был практически уверен, что первыми в пролом пойдут не люди Султана, а обычные «кроты». За ними, словно за стадом овец, приглядывала пара безов, готовая пустить в ход оружие, если кто-то из добровольцев вдруг поймет, в какую неприятную ситуацию угодил.

Непослушная зеленоглазая девка тоже была тут, он успел заметить ее фигуру в мелькании маскировочных оливковых комбинезонов. Еще один балласт, не пойми для чего сунувшийся в недра «Куэн Као». Не послушалась, конечно же. Впрочем, другого Вебер и не ждал. Илья вообще потерял надежду понять, что происходит в голове у странной девчонки. Схлопочет пулю, дура. Хоть это и не его дело, но всё равно от такой мысли становилось не по себе.

Радовало, что метелку хотя бы опекали. Наконец-то у Митяя появилась возможность стать рыцарем, о чем он мечтал с их первой встречи. Со своей ролью паренек вроде бы справлялся, хоть и не очень романтично, – грубо запихнул девку в какой-то угол среди автоматических погрузчиков и грузовых лебедек.

– Взрывать собираются? – Пружинка улыбался, как будто было чему. В нескольких метрах от него двое тайгинцев перевязывали простреленную ногу своего товарища.

– Собираются... – Илья с непониманием наблюдал, как машинист расстегивает мешковатую куртку.

Под ней оказался небольшой нагрудный рюкзак, из которого Пружинка вынул плоский черный брикет компьютера. Сорвал шапку, обнажая татуированную лысину, принялся разматывать из кармана провод психопривода.

– Передай парням, чтобы не шумели впустую. – И, не дожидаясь, пока Вебер возразит или попробует его остановить, бросился к корабельному терминалу, вмонтированному в стену возле ближайшей двери.

– Стой, дубина...

– Нет, это ты стой. – Пружинка обернулся, и Вебер поразился изменениям, произошедшим в лице ломщика. – Сейчас я взломаю двери, запущу первый эшелон атакующих программ, а потом мы побежим внутрь. Быстро и не отвлекаясь. Второй отсек по правой руке, это совсем недалеко. Там я ненадолго отрублюсь, а что делать тебе – знаешь.

– Знаю. – Илья чувствовал, что командование в их паре медленно перетекает в руки лысого паренька, но тот оказался весьма напорист. – Охранять.

CREDITUM LV

– Дверь заблокирована, – отчиталась Сентябрь.

От того, что по коридорам лабы теперь расхаживают шесть недоделанных протекторов, становилось не по себе. Но кровь побежала по венам быстрее, и женщину охватило возбуждение, сравнимое с сексуальным.

– Продолжайте погрузку.

Маскировка была отключена уже несколько минут назад – всех мощностей корабля потребовали игры с электронными замками дверей. Сентябрь, чуть ли не последний «месяц» на прежнем рабочем месте, терпеливо ждала приказа уничтожить сеть атомохода, вынужденная до последних минут контролировать его системы. Эта функция теперь полностью легла на машинистку – Август был на корме, помогая упаковывать груз.

За широким окном, через которое открывался вид на один из рабочих залов Февраля, был виден пустеющий на глазах отсек. Вместе с капсулами, в которых они жили, экспонаты один за другим грузились на специальные телеги, управляемые Февралем. Когда такой погрузчик обрастал стеклянными саркофагами, как гроздь винограда, ученый покидал лабу через специальные ворота, увозя бесценный груз на взлетно-посадочное поле.

Экспонаты, не попавшие в программы гемодификации и сохранившие способность ходить, уже были доставлены на борт «Квадр». Обколотых наркотиками, доведенных до состояния овощей, их бережно грузили в конвертопланы, как в давние времена темнокожих рабов на каравеллы. Туда же, в числе первых объектов эвакуации, был доставлен весь запас первичной «плаценты» – главного детища операции «Плод».

– Сентябрь?

– Всё под контролем. Май уже выпустил протекторов, мы блокируем...

В горле пересохло, а вписанная в подкорку латынь стерлась, как мел со школьной доски. Выругавшись по-испански, Сентябрь смотрела на рабочие экраны, в первую секунду не поверив происходящему.

Однако Цикл набирал в свою группу лучших, сумевших уцелеть в последствиях Катаклизма, а потому женщина почти сразу восстановила самообладание. Вцепилась в край стола, вместе с креслом подтягивая себя поближе к компьютерам. Птичья маска нацелилась на один монитор, на второй, на третий.

– Сентябрь? – вожак говорил спокойно и негромко, но требовательности в его голосе приросло. – Отвечать. Что случилось?

– Кажется, у нас проблемы.

Отвечала бездумно и не совсем понимая, что именно говорит. Просто потому, что обязана. Мозг в это время был занят другим.

– Я пытаюсь вернуть контроль над ситуацией.

Особой необходимости пояснять что-то еще не оставалось. Цикл видел всё и сам – он

являлся вторым после машинистки, кто имел прямой доступ к внутренней сети «Куэн Као». А потому мог лично наблюдать, как сеть застыла облачком пара в морозный безветренный день, а затем вдруг просела под мощной, хорошо подготовленной атакой.

– На борту ломщик, – продолжала бормотать Сентябрь. – Управление системой электронных ключей перехвачено...

– Они притащили отмычку. – Цикл тут же вывел женщину из общей конференции, оставшись на связи один на один, но та даже не заметила. – Ты должна его одолеть.

– Это не отмычка. – Тонкие пальцы порхали над клавиатурой, «балалайка» в затылке начала нагреваться от сотен процессов, запущенных одновременно. – Это подготовленный заход с десятком штурмовых программ, почти сразу отнявших управление...

– Уничтожь его, – приказал старший «брат-месяц». – Или уничтожь сеть.

– Я попробую...

Левая рука Сентября скользнула в карман балахона. Уже много месяцев женщина держалась, в прошлом с помощью Цикла сумев перебороть и даже победить пристрастие. Сумела отсрочить смерть, подбирающуюся к каждому из них. Научилась быть сильной *сама*, пусть и потеряв могущество небожителя, которым обладали тысячи тритонов... Но теперь, анализируя данные по прорыву, не требовалось уймы времени, чтобы понять – без дозы одолеть неожиданного противника она не сумеет.

А тот, быстрый и наглый, уже перестраивал лабиринт атомохода. Запечатанные переборки разомкнулись, пути на взлетные полосы тут же заблокировались. Часть наемников, готовивших засады, оказалась отрезана. «Балалайки», подключенные к боевой сети судна, оглохли и ослепли, связь давала перебои.

Но главное и невероятно страшное – еще через минуту Сентябрь увидела, как сетевое хранилище корабля трещит по швам, словно старый комод, в котором принялся шарить грабитель. На пол грохались выдернутые ящики, лопались замки, нижнее белье летело во все стороны, носовые платки и носки отбрасывались прочь – ломщик обеими руками копал содержимое, прорываясь к самому ценному.

CREDITUM LVI

Они находились тут, внутри, сомнений не осталось. Сомнений и вчера не было, но теперь, едва нога переступила борт огромной лодки, застывшей на берегу залива, исчезли последние. Детей, больных, измученных, бьющих в ее сны блестящими алыми лентами, – тут были сотни.

Варя оглохла, причем не от стрельбы или взрывов со всех сторон, – в голове зазвучал постоянный монотонный стон. Пыталась прислушаться, выискивая в этом гуле человеческие голоса, и они тут же исчезали, прячась друг за друга. Пыталась заставить рокот прибоя уйти из сознания – тот разрастался с новой силой.

По-настоящему накатило уже внутри. До огромного борта, ведущей в провал эстакаде и полумрака первого зала девушка добежала легко, иногда чуть не обгоняя Митяя. Ловко перепрыгивала лужи и даже заводи, мягко отводила от себя чужое внимание, если сверху кто-то пытался уловить в прицел. А вот как забежала, так и получила по башке, чуть не споткнувшись.

После этого плелась за парнишкой безвольным щенком на привязи, безропотно и покорно выполняя все распоряжения. Сказано – сесть за здоровенную металлическую шутовину и не высовываться. Она сделает. Сказано – бежать за парнем в ворота, ни с того ни с сего распахнувшиеся в дальней стене, она побежит. И снова будет прятаться, пережидая стрельбу и равнодушно наблюдая за искрами от пуль на железных стенах. Она посидит и понаблюдает. Пытаясь понять, чего хотят от нее силуэты, приходившие по ночам.

Чем могла помочь она – беззащитная девчонка, еще луну назад даже не представлявшая, как выглядит мир вне родного леса? Умереть вместе с ними, разделив боль? Иногда, как рассказывала Любава, женщины их рода шли и на такое.

От подобных предположений становилось неуютно и обидно. Ведь если Варвара права, то вместе с погибающими детьми в небытие уйдет и ее кровь. Исчезнет навеки, не оставив наследницы.

Люди в оливковых комбинезонах, окружавшие ее, куда-то двигались – всё глубже и глубже, вперед, к сердцу огромной лодки, потрясавшей девичье воображение. Поднимались по лестницам, открывали всё новые и новые двери, иногда вступали в перестрелки.

Варвара видела, как смертоносные кусочки свинца находят свои жертвы. Как ранили одного из солдат, потом убили второго. Но гул и рокот в ушах даже не позволяли сочувствовать, а потому она смотрела на падавших окровавленных людей равнодушно, будто глаза ее заменили двумя стеклянными шариками.

Кажется, отряды разделились. Митяй всё еще был рядом – но это как раз логично, парнишка ее не бросит, покуда жив. А вот одноглазый предводитель и еще пяток человек с ним куда-то свернули. Почти не было видно и тайгинцев – казалось, добровольцев бросили на произвол судьбы, предоставив самим себе. Теперь волонтеры бродили по кораблю, кто-то с целью наживы, кто-то в поисках детей, а кто-то – замыслив спрятаться, пока не стихнет бой. То, как эти люди умирали, Варя тоже слышала...

А затем девчонка попала в просторный светлый зал, и рокот в ушах вдруг стих.

Сначала Варвара даже вскрикнула, испугавшись заполнившей мир тишины, но Митяй придержал за руку, и от этого прикосновения стало спокойнее. Двое солдат с нашивками Султана, заглянувшие в зал следом за ними, молча застыли в дверях, потрясенные и подавленные. Осмотревшись, девушка похолодела, а ноги чуть не подкосились.

Ряды высоких стеклянных капсул были повсюду – справа и слева, покуда взгляда хватало. Стояли ровно, почти как невидимые фигуры из ее сна. Наполненные мутноватой жидкостью, в которой что-то плавало...

Варвара согнулась пополам, уже не жалея, что утром обошлась без завтрака. Перетерпев пустые спазмы, утерла перепачканный слюной рот. Сейчас она даже не замечала, как ее пальцы бесстыдно вцепляются в плечо Митяя, заслоняющего девчонку от зрелища. Но заставить не смотреть он не мог, да и сам глаз оторвать был не в силах.

На одной из стен широкого зала кто-то нарисовал не очень ровный красный треугольник, значение которого Варя понять не могла. Зато Митяй, в одной руке сжимавший «коловорот», а другой прикрывавший подругу, вдруг догадался. Сплюнул на чистый блестящий пол, пробормотав:

– Теперь ясно, что за знаки на стенах пустых отсеков. Это греческий алфавит, я читал про такой в лагере... а этот означает «дельта».

CREDITUM LVII

Как он и предполагал, противостоящий ему машинист на уловку купился. Бросился закрывать ложные порты, за считанные минуты расплотившиеся до нескольких сотен. Пружинка добавил еще одну отвлекающую атаку на второй сервер, продолжая перешифровывать права доступа, которыми завладел. Скоро, совсем скоро он станет хозяином «Куэн Као»... Раллер под рукой приятно нагрелся, впервые за очень долгое время включившись в настоящую битву.

«Нет, тебе не победить. Откуда ты вообще мог знать, что на борт проникнет не обыкновенный ломщик, но противник, вооруженный артефактом – самым настоящим раллером?» Пружинка улыбался. Он был увлечен боем, причем не настоящим, с противным визгом пуль, а электронным, в котором сошлись в борьбе два человеческих сознания. Боем, в котором схлестнулись апостолы Цифры, совсем недавно чуть не получившие власть над планетой.

Он видел, как машинист корабля пытается заблокировать доступ к системе энергообеспечения. Это направление мало интересовало Пружинку, поэтому на данном фланге он довольствовался лишь видимостью атаки, не мешая врагу вернуть контроль над

реактором.

Потоки захвата продолжали трудиться, отнимая у корабельной сети права на систему за системой. Краем глаза Пружинка видел изображения с десятков камер, бегущих людей, перестрелки и даже каких-то зверей, мечущихся по коридорам ледокола. Теперь он даже знал, где сидит его оппонент – на одной из верхних палуб, в капитанской башне.

Увидел и невольно вздрогнул, сначала не сообразив, что за существо подключилось сразу к нескольким компьютерам. Затем разглядел жуткую венецианскую маску, бесформенный балахон, быстрые пальцы, летающие по двум клавиатурам. Улыбнулся еще раз. Оригинальный наряд.

Программы, загружаемые не мгновенно, наконец-то завершали инициализацию. Упиваясь собственной мощью, ломщик наблюдал, как одна за другой лопаются директории, начиная сливать информацию на его раллер. Голова кружилась от наркотика и переполняющей силы.

Словно генерал побеждающей армии, он смотрел, как в прямом эфире ворует то, что северные отшельники копили и систематизировали долгие месяцы, если не годы. Конечно, информация засекречена, но взломать ее – уже вторая задача.

Динамическая расшифровка местных кодов, которую он вел, вдруг прервалась, а доступ на несколько баз данных схлопнулся. Человек, носящий птичью маску, оказался не так глуп, как могло показаться в начале операции. Или успел взять себя в руки, теперь налаживая оборону более продуманно и тонко. А еще он вдруг начал работать быстрее, почти достигнув темпа самого Пружинки. Значит, все-таки «синдин»...

Ломщик скорее чувствовал, чем видел или слышал присутствие в комнате своего телохранителя. Интересно, сможет он быстро оклематься, если взлом потребует второй дозы? Или наемнику придется вытаскивать его на руках? Этот вариант был наименее интересен, и Пружинка решил подождать. Если атака захлебнется, он всегда успеет дать себе еще один импульс...

Ударив туда, где это меньше всего ожидалось, ломщик полностью обвалил один из компьютеров противника. Ничего ценного в его недрах больше не наблюдалось, но атака на вспомогательную машину отвлекла внимание и позволила сосредоточиться на основной задаче.

В опустевших глазах Пружинки, уставившегося в потолок, сверхновыми взрывались звезды и целые электронные галактики. Это был вальс – прекрасный и завораживающий. Танец на острых цифрах, где неосторожный шаг может расплосковать ногу в кровь, а убедительный пируэт вызывает в душе настоящий взрыв ярких эмоций. Они танцевали, двое цифровых существ, слившихся со своими машинами. А вокруг, как было заведено уже несколько десятков лет, гудели пули.

CREDITUM LVIII

– Нет, не смогу...

Ей было стыдно, невероятно стыдно за провал, но силы противостоящего ломщика оказались выше.

Атака, которой подверглась ее сеть, планировалась не один день. Программы, штурмовавшие систему, были самыми разнообразными, словно ломщик рассчитывал на разные уровни сопротивления. Наблюдая, как данные по разработкам «плаценты» утекают в чужие руки, Сентябрь была готова заплакать. Не помогла даже доза, взметнувшая ее способности к самым вершинам.

Цикл, конечно, недоволен. Он, наверное, в ярости. Хотя голосом этого не выдавал, продолжая задавать вопросы сдержанно и вежливо. Пользовались рациями – сеть стала нестабильной, и связь между «братьями-месяцами» регулярно падала.

– Я понял тебя, брат. Уничтожь всё, до чего сможешь дотянуться. После этого я жду тебя на корме, мы уходим...

– Снайперы ведут огонь по нашим пилотам.
– Я знаю, двое убиты. Но у меня есть возможности управлять главной «Квадрой».
– Мы не сможем забрать все разработки? – теперь она расстроилась еще сильнее.
Наверное, это от наркотика...
– Узнаем. И еще, Сентябрь?
– Да, брат.
– Готовь ликвидацию.
– Полную?
– К нам в гости заглянули не самые простые люди, брат. «Куэн Као» не должен достаться им.
– Я понял... будет исполнено.
– Молодец. Интервал на сорок минут полета.

Пытаясь отбить атаки вражеского ломщика там, где это еще было возможно, Сентябрь принялась готовить к взрыву атомный реактор ледокола. Противник допустил опрометчивую оплошность, позволив ей сохранить контроль над энергосистемами корабля, и теперь поплатится за это.

Скоро место стоянки «Куэн Као» превратится в выжженный пятак с многокилометровой зоной отчуждения. И еще – в общую могилу тех, кто осмелился напасть на братство.

CREDITUM LIX

– Что это? – Митяй задал вопрос вслух, но сам этого не заметил.
Когда первое отвращение прошло, они медленно двинулись по залу. В тишине, нарушаемой далекими выстрелами, было отчетливо слышно, как скрипят по гладкому полу рифленые подошвы армейских ботинок. Варя, обутая в кожаные мокасины, шла слева и сзади бесшумно, как привидение.
– Это мутанты, Митя.
Отсутствие улыбки на лице Тахира было редкостью и пугало само по себе. Без осунулся, побледнел, сквозь толстые стекла саркофагов заглядывал с опаской и плохо скрываемым отвращением.
– Точнее, это генавры. Но, мне кажется, не самые удачные...
– Что с ними делали? – Митяй шел по проходу параллельно Тахиру между колбами, всё еще не сумев заставить себя взглянуть внутрь.
Что он увидит там? Лицо Напильника? Или Алексея? Плечи парнишки вздрогнули, он сдержал рвоту.
– Знаешь, я не генный инженер, – продолжал бормотать Тахир, но это было лучше, чем тишина и скрип подошв. – Но даже мне заметно, что им пытались привить чужеродные гены...
– Пряток из них делали, что ли? – спросил второй без, бредущий за Тахиром.
– Хрен знает, Вася, хрен знает.
– Это крысы... и тараканы...

Девичий голос, прозвучавший вдруг в помещении, заставил вздрогнуть всех троих мужчин. Митяй обеспокоенно оглянулся на Варю, но она уже опустила глаза. Откуда она знает? Теперь он невольно взглянул на существо в ближайшей камере, убедившись в очевидности ответа. Даже если метелка вдруг *почувствовала*, догадаться несложно и без того.

Тело, когда-то принадлежавшее десятилетнему ребенку, было похоже на огромную личинку насекомого. Искореженное, неестественно розовое, с хитиновыми наростами на плечах. Черты лица не узнавались, настолько перестав быть похожими на человеческие.

– Тараканы и крысы? – задумчиво пробормотал Тахир, не выпуская из рук автомата и постоянно оглядываясь. – Считается, что они наиболее устойчивы к радиации... – он

добавил еще несколько слов, точно и нецензурно оценив экспериментаторов.

– Они еще живы, – снова подала голос девушка, и снова Митяй не удержался – вздрогнул.

Теперь он заставил себя смотреть на пленников «Куэн Као». Не отводя взгляда, какой бы страшной ни была открывшаяся картина. Смотрел на удлинённые ноги, лысые хвостики, утончившиеся скулы и носы. Существа, сделавшие *такое* с детьми, не имели права называться людьми.

Воспоминания о Кропоткине нахлынули с новой силой. Значит, вот для чего была разрушена и опустошена детская коммуна? Значит, вот куда увели тех, с кем Митяй прожил два непростых года, плечом к плечу сражаясь за выживание в мире, перенесшем Толчок...

Он брел среди огромных колб с мутной жидкостью, словно забыв, что в любой момент на них могут напасть враги. Ремень опущенного «Коловрата» шуршал по полу, как поводок убежавшей собаки. Митяй всматривался сквозь толстое стекло, с ужасом и необъяснимым нетерпением надеясь увидеть знакомое лицо.

Нашел, чуть не отшатнувшись. Не директора или Дашу, чего больше всего боялся. Косороев был почти не похож на себя, но высокий лоб и характерный подбородок узнавался. Мутации от введенных препаратов и хирургических операций еще не успели исказить его тело, но кости уже начали трансформацию. И еще Митяй вдруг понял, что будущий старшак жив. И не просто жив – плавая в жидке, подключенный трубками к системе жизнеобеспечения, он видел и понимал всё, что происходило за пределами его капсулы. И еще, похоже, он узнал изгнанника...

Тело встрепенулось, из-под маски вырвались струйки пузырьков. По жидкости пошла рябь, коленка глухо стукнула по стенке колбы. Брови Косилы поднялись, и Митяй без слов понял, о чем просит его бывший подхалим Напильника. Поднял «Коловрат», после чего парнишка сразу закрыл глаза. Безмятежно, с облегчением.

Он выстрелил ему прямо в голову, на которой почти не осталось волос. Пробил и стекло, и лобную кость, и даже затылок – Султан оснастил их мощными машинками. Гигантская пробирка лопнула, под ноги Митяю хлынула густая зеленоватая вода, в воздухе запахло лекарствами. Висящее на специальных ремнях тело Косороева обмякло, руки безвольно повисли.

Тахир и его напарник от неожиданности отпрыгнули за другие саркофаги, выискивая опасность, но поняли почти всё сразу. Подошли, встали рядом, будто хотели поддержать, если Митяй упадет. Весельчак мотнул головой, стараясь не смотреть на убитого подростка.

– Знал?

Митяй молча кивнул в ответ. Его взгляд задержался на «разгрузке» бега, где покачивалась пара гранат. Тот отстегнул болванки, передавая их парню. Варвара, стоявшая за их спинами, беззвучно глотала слезы.

– Ну ты это... мы снаружи подождем, ладно? Догоняй...

CREDITUM LX

За последние годы Циклу редко приходилось стрелять самому. Всё чаще он отдавал приказы, убивая людей чужими руками. Вот так – самостоятельно нажимая на спусковой крючок, он участвовал в бою еще до Катаклизма.

Сейчас такой момент снова настал.

Снайперов, накрывавших корму от леса, они уже миновали, причем после рывка в красном балахоне прибавилась пара дыр. Но до летательных машин остался еще десяток метров, и перестрелка продолжалась.

Пересекая взлетное поле, Цикл вертелся среди брошенных ящиков и погрузчиков бесформенным багровым пятном, отстреливаясь из легкого автоматического пистолета. Нападавших на «Куэн Као» было два типа – откровенный сброд и профессионалы, закованные в кевларовые жилеты и отлично экипированные. Наружу к конвертопланам

первыми, к счастью, вышли именно ополченцы.

Наверное, именно поэтому старший «брат-месяц» отступал так вальяжно, почти не скрываясь, хоть и рваным бегом. Оставшийся в живых наемник прикрывал спину, потягивая короткоствольной «дрелью».

Август уже был на борту, разогревая двигатели. Февраль тоже загрузился в ближайшую «Квадру», причем прямо на их глазах. Винтовочная пуля ранила «брата-месяца», но Цикл хорошо знал, что тело ученого на 60% состоит из имплантатов, подлежащих замене, так что оснований для волнений пока не возникало. Май тоже добрался до конвертопланов, готовя ко взлету его личный скоростной «Ирокез». Октябрь погиб, не сумев выбраться из лабиринта, который должен был стать их спасением, а стал ловушкой...

Из наемников, набранных для охраны ледокола, отступили только четверо, причем еще несколько человек продолжали вести бой в глубинах корабля. Их, отрезанных от верхних палуб вражеским ломщиком, уже не спасти.

И машинистку, до сих пор не покинувшую рабочее место, – тоже.

– Это Цикл, – бросил он в рацию, переключившись на канал Сентября. – Мы еще в рубке, но начинаем отход. Что с системой?

– Всё, что смогла, я уничтожила. – У ломщицы не было сил даже для того, чтобы поддерживать игру в бесполох существ. – Ликвидация атомохода запущена, взрыв через тридцать четыре минуты. Где вы меня подберете?

– Шестая палуба, возле радара. Как только ты спустишься, мы отойдем на корму.

Он подписывал ей смертный приговор с легкостью и без лишних переживаний. В братстве не нужны люди, неспособные выполнить поставленную задачу. И пусть сворованные данные сгорят в ядерном огне («Какая ирония», – мельком пронеслось в голове), – некомпетентность ломщицы это не умаляло. Да и вообще, рано или поздно «синдиновое» наследие прикончит девку, так чего тянуть?

– Иду...

– Мы ждем!

Еще несколько раз выстрелив в сторону палуб, с которых лупили нападавшие, Цикл легким бегом миновал оставшиеся метры. Так же легко впрыгнул в открытый люк «Ирокеза», пряча пистолет под балахон. Наемник нырнул следом, без сил повалился на пол.

К сожалению, сразу две машины придется бросить. Снайперы, бывшие по пилотам, стали неожиданностью, выведя из строя всех, кто мог водить небесную технику. Если бы не умения Мая и Февраля, которому помогал один из dd, они бы вообще не смогли улететь... А вот мобильная неместительная «Гарна» и один из грузовых конвертопланов, загруженных экспонатами, сгорят.

Февраль оценил эти потери как допустимые, а Цикл верил старику. Образцы на борту принадлежали к группам «сигма» и «пси», над ними даже не успели как следует поработать... А вот за потерю атомохода, техники и оборудования боссы Цикла спросят строго – в душе тот уже готовился к непростому разговору, который состоится со дня на день.

– Можно взлетать, – негромко приказал он из-под маски, прикасаясь к правой кисти Мая. – Больше ничего спасти мы не сможем.

– Приказ ясен, – ответил «брат-месяц», поднимая трап.

CREDITUM LXI

Убитого человека в птичьей маске нашел Тахир. Почти сразу после того, как оставил Митяя в зале со стеклянными колбами.

Не опуская оружия, осмотрел, убедившись в двух вещах – перед ним находится человек, и второе: тот был мертв. Сорвав наномаску, он с презрением всматривался в правильные черты гладко выбритого лица. Обычный мужчина, часто так выглядят профессора институтов или мелкие чиновники. А вот что творилось в голове убитого,

Тахиру не постичь никогда...

Васька хлопнул его по плечу, но весельчак уже и сам видел, что творилось в «балалайке». Прямо поверх тактических схем Вэйаня замельтешили экраны, подтверждающие, что безы подключены ко внутренней сети корабля.

– Наслаждайтесь, мои хорошие, – в раздавшемся голосе видеолюбитель с трудом узнал Пружинку, одного из помощников Султана. – Это один из хозяев корабля.

На экранах мелькал бегущий по судну человек в птичьей маске. Он спотыкался, будто раненый, но не позволял себе ни минуты передышки. Подумать только, такой же ряженный...

Тахир с сомнением покосился на лежащий у ног труп.

– Учитывая, что с кормы стартуют сразу два конвертоплана, могу предположить, что его бросили на произвол судьбы. Поэтому, – Пружинка хихикнул, словно пьяный, – объявляю охоту. Фас, мои хорошие...

Тахир выждал немного, хитро прищурившись и глядя на Ваську, но от Вэйаня не поступило никаких опровержений. Более того, зажегся сигнал, позволяющий половине звеньев действительно принять участие в ловле беглеца. Брать предписывалось живым.

– Засек его координаты? – он кивнул напарнику.

– Ага, рядом совсем, – тот подключил к «балалайке» вшитый в рукав планшет, изучая трехмерную карту «Куэн Као». – Можем отказаться первыми...

– Можем, – Тахир присел, поднимая увесистую птичью маску. – И будем. Я этого гаденыша лично возьму, чтобы Митяй порадовался...

CREDITUM LXII

– Всё...

Пружинка шумно выдохнул, выдергивая из затылка шнур. Со стула, на котором сидел в начале атаки, он давно съехал на пол, устроив раллер на коленях, и теперь тяжело поднимался. На губах еще остывала хищная улыбка.

– Новостей несколько, наемник. С какой начать?

Вебер, сидевший в дверном проеме и державший под прицелом коридор, пожал плечами. Он явно нервничал, хоть и не демонстрировал этого...

– С любой.

– Тогда плохие. Через полчаса судно взлетит... Бу-у-х... – он развел пальцы, с довольным глупым лицом изображая взрыв. – Взлетит на воздух. Реактор, знаешь ли. Щелкнет так, что мало не покажется...

У Вебера отвисла челюсть, и он стремительно поднялся с колен, забрасывая ремень «Смерча» на плечо.

– Да подожди ты паниковать, – улыбнулся ломщик, упаковывая шнуры и раллер обратно в сумку на пузе. – Охраны почти не осталось, шесть человек окопались на нижних палубах. И даже после того, как система рухнула и на судне открыты все двери, они оттуда по своей воле не выползут. А на корме – и это хорошая новость – ждут конвертопланы. Чуешь, куда клоню?

– Пошли!

Вебер довольно бесцеремонно выволок его из аппаратной, в которой они провели атаку на сеть «Братьев-Месяцев». Ломщик не упирался, хоть и недовольно морщил нос.

– Дорогу сам вижу, так что не отставай!

CREDITUM LXIII

Они улетали! Улетали, бросив ее! Это не могло быть случайностью, к тому же на корме ее не дожидался личный пилот. Цикл обманул ее, цинично и без малейшей дрожи в голосе. Наказал за провал электронной обороны атомохода, приговорив к казни.

Ноги подкашивались, и Сентябрь облокотилась на перила.

На внешнем балконе было ветрено и холодно, но порывы не могли пробраться под тяжелый балахон и маску. Повернув длинный клюв в сторону залива, машинистка подавленно наблюдала за силуэтами конвертопланов, поднимавшихся над «Куэн Као».

Скоростной «Ирокез» человека, обрекшего ее на смерть, взлетал первым, почти сразу складывая поворотные винты и выдвигая крылья. «Квадра», на борту которой находились бесценные экспонаты, с натугой взмывала следом. По машинам еще стреляли, но пули ручного оружия не причиняли технике ощутимого вреда.

– Ублюдок... – пошипела Сентябрь в рацию, хорошо зная, что Цикл не слушает.

Бросила бесполезную коробку за борт, проводив взглядом.

С гулом и рокотом конвертопланы развернулись на запад, начав разгон и набор высоты.

– Ублюдок... – еще тише прошипела машинистка.

Обессиленная после «синдина» и поединка с вражеским ломщиком, она была размазана не только физически, но и морально. Сжимая в руке пистолет, женщина диковинным пугалом пошла по башенному балкону, даже забыв сорвать ненавистную маску.

Шансов на спасение не оставалось. Водить технику она не умела, «Ирокез» не подчинится. Сдаваться в плен Сентябрь тоже решительно отказывалась. Даже если на корабле еще остались лояльные dd, помочь ей они не смогут – тут бы самим уцелеть. А время... Машинистка посмотрела на циферблат в уголке глазного экрана. Время уходило, и запущенную реакцию не смог бы остановить сам Бог.

Поэтому она просто брела вперед, прислушиваясь к стрельбе, теперь доносящейся значительно реже. Бой подходил к концу, но его победители даже представить не могли, какой им уготован финал. Хотя, впрочем, могли – победивший ее ломщик должен знать, что двигатель «Куэн Као» скоро вспыхнет огненным цветком.

От мыслей отвлек силуэт, выглянувший из-за дальнего угла, и сначала Сентябрь чуть не попала в западню. Кто это был? Октябрь? Тоже не успел на конвертоплан и чудом нашел на корабле еще одного «брата»?

Прятавшийся за поворотом балкона «брат-месяц» выглянул еще раз, нетерпеливо поманив рукой. Маска его качалась, что в другой ситуации выглядело бы довольно забавно. Ранен? Или не умеет носить особенные костюмы братства?

Нет, это не Октябрь. Это ловушка, в которую ее собирались поймать незваные гости. И если уж не осталось выбора, она преподаст им несколько уроков тонкой игры...

Распластавшись вдоль стены, чтобы пистолет был незаметен под складками рукава, женщина двинулась вперед. Кивнула широко, чтобы стало хорошо заметно. Шла медленно, пытаясь понять, будут в нее стрелять или навалятся, чтобы оглушить и заковать в наручники.

Когда до человека в костюме Октября оставалось несколько шагов, ломщица вытянула вперед *левую* руку.

– Рад тебя видеть, брат, – громко сказала она, уже зная, что увидит дальше.

– И я тебя, брат, – пробасило из-под маски, и навстречу протянулась левая рука.

Собрав силы, не до конца вычерпанные «синдином» и сетевой битвой, она крепко взялась за нее. Рванула на себя, притягивая лжебрата поближе, подняла пистолет и одну за другой выпустила в птичью голову Октября сразу три пули. Ох, как давно она мечтала хоть раз в жизни сделать что-то подобное...

Тахир обмяк, даже не успев сообразить, что его убило, а из-за угла уже появлялся Васек, держащий перед собой «Коловрат». Яркая вспышка была последним, что увидела перед смертью лучшая ломщица Цикла.

CREDITUM LXIV

– Вэйань, ответь! – Вебер, быстрым шагом оставлявший позади один коридор за другим, продолжал попытки вызвать лидера. – Ответь, мать твою! Повторяю, на корабле запущена программа самоликвидации, нужно уходить к конвертопланам! Пружинка подтвердит...

– Подтверждаю, – с улыбкой произнес болванчик, тащившийся следом.

Он вообще стал невменяем с тех пор, как вколол себе что-то темно-красное, подключившись к компьютерам «Куэн Као». А уж после того, как отсоединился, совершив задуманное, и вовсе осоловел – плелся по пятам медленно, спотыкаясь, но хоть не отставал. Когда Вебер случайно натолкнулся на одного из тайгинцев, чуть не пустив тому пулю, ломщик послушно спрятался за ближайшим углом.

В сознании на миг мелькнуло – бросить. Ко всем чертям, пусть сам выбирается! Но компьютер, спрятанный на груди Пружинки, махом остудил такие мысли. Именно ради спрятанных в нем данных Вебера заставили прервать выполнение непростого и длительного задания. Ради этих данных, о важности которых можно лишь гадать, его приставили к предателю, заставив опекать. Поэтому с корабля они уйдут вдвоем. Успешно завершат миссию и разбегутся, какие бы сокровища ломщик ни выносил из обреченного атомохода.

Втроем – замыкал «крот», – они возвращались к корме, на которой дожидались спасительные машины. Всё это время Илья пытался выйти на связь с одноглазым поднебесником, но «балалайка» Вэйяня не отвечала. Сигнал тактической карты показывал, что тот находится в одном из рабочих залов, медленно перемещаясь к левому борту, но отвечать китаец отказывался даже пиктограммами.

– Всем офицерам в строю!

Вебер остановился, выскользнул из-за угла, повел стволом автомата по безлюдному коридору. Это был уже сотый или тысячный коридор, который они проверяли, но пока противника не встретили. Вероятно, машинист был прав, те окопались в трюмах.

– Начинайте эвакуацию. Ищите детей, быстрее! Собирайте тайгинцев, кого найдете!

Он не погибнет здесь. Нет. Ни здесь, ни на обратной дороге. Он вернется в Тайгу, сбросит обдолбанного машиниста, заберет груз и вернется к семье. К жене и дочке. К заурядным заданиям в пределах городской черты, и никаких больше буреломов и заброшенных атомоходов. Никогда в жизни Илья еще не был так убежден в своем будущем, загадывать на которое не любил. Сейчас же образ подстегивал, заставлял рваться вперед, бил по нервам и убеждал, что они вырвутся.

– Да тут и не осталось никого, – сонно пробормотал Пружинка, но слишком тихо, никто не разобрал.

Это ничуть не оскорбило машиниста, и он продолжил лепетать, наступая на пятки Лешего:

– Вывозят детишек... Почти никого не осталось. Все экспонаты в транспортных, да, они там... я видел отчеты по закрытию операции...

Вебер обернулся, глаза его сверкнули очень ярко, но болезненно. Сознание с легкой задержкой расшифровало бурчание подопечного, по плечам прокатилась дрожь. Сглотнув комок, он снова прижал пальцы к ларингофону.

– Отступаем к машинам на корму, нужно срочно уходить! Дети собраны в конвертопланах. Повторяю, поиски прекратить! Еще раз всему подразделению: срочная эвакуация, двадцать минут до взрыва! До атомного взрыва, мать вашу!

Несколько точек на карте двинулись к хвосту судна. По одному и мелкими группами безы Султана отходили, не дождавшись приказа Фэна. Двигались параллельным Илье курсом, кто-то ниже по палубам, кто-то выше. Мельком Вебер отметил среди них и маяк «таблетки» Митяя, взмолившись, чтобы неугомонная метелка всё еще была при нем.

CREDITUM LXV

На последствия взрыва Митяй смотреть не стал. Грохот лопавшихся саркофагов и плеск жидкости, их наполнявшей, были лучшим подтверждением того, что обе гранаты выполнили свою работу. Варя, утиравшая слезы, не отпускала его рукава, отчего парнишка чувствовал какую-то необъяснимую горечь и опустошение. В какой жуткий и неподходящий момент они вдруг стали близки, как никогда раньше...

Сектор, обозначенный значком «дельта», остался позади. Было сложно оценить, сколько времени они провели в помещении, заполненном стеклянными тюрьмами, но это было и не важно. Когда вернулась возможность соображать, Митяй разобрал только одно – бормотание ненавистного наемника, заладившего одно и то же.

Когда до парня дошло, о чем именно говорит Леший, сердце вдруг перестало стучать. Атомный взрыв?!

Схватив девчонку за рукав, Митяй бросился вперед, даже не помышляя, что за одним из поворотов их может ждать засада. Проскочили жилые отсеки, кухню, складские коридоры.

И выбежали на мост. Узкий железный мост, протянутый под потолком одного из цехов. Взглянув вниз, парнишка увидел чистые от налета пятна, расположенные ровными рядами. Когда-то там тоже стояли капсулы. Или железные клетки, он бы ничему не удивился. Стояли до того, как их вывезли, причем совсем недавно.

– Бежим! – выдавил он, бросаясь по мосту вперед, и вдруг на противоположном его конце – метрах в двадцати впереди, увидел Вэйаня.

Сначала ударило в грудь, ребра зажглись жидким огнем, стало невозможно дышать, швырнуло назад, прямо в объятия Вари. А потом он услышал звук выстрела.

Перед глазами был потолок. Обычный потолок рабочего цеха, с какими-то хитрыми коммуникациями, коробами проводов и трубами. Почему лежит и что так мешает дышать, понять было сложнее. Еще через пару секунд вернулся слух, и он увидел над собой склоненное лицо девчонки. Напуганное.

Засада. Кевлайкровый бронежилет выдержал пулю, но будут и еще. Нужно предупредить Вэйаня. Попробовав приподняться, Митяй увидел китайца, идущего к ним с противоположной стороны моста. Перед собой тот сжимал «Коловрат», и только теперь до черенка дошло.

Он взглянул на отброшенный автомат, сразу оценив, что не успеет дотянуться ни до него, ни до пистолета на бедре.

Стрелять второй раз поднебесник не спешил – лежащего на мосту молокососа загоразживала метелка. Поэтому Фэн мягко вышагивал вперед, а ствол в его руках даже и не думал дрожать, словно в голову беза был встроен настоящий гироскоп.

Подошел еще на несколько метров, мотнул головой. Коса, заправленная за шарф, почти выбилась наружу, блеснув серебристой оковкой. Не спуская парня с прицела, китаец еще раз мотнул головой, на этот раз нетерпеливо и раздраженно. Девчонка, казалось, поняла, чего от нее хотят, но еще теснее прижалась к подстреленному.

Руки Вари слепо шарили по его груди, пытаясь найти рану, и Митяй наконец нашел в себе силы заговорить:

– Значит, в ней всё дело?

Фэн, остановившись, заинтересованно приподнял бровь.

– В девчонке, да?.. – говорить было больно, но черенок пытался выиграть любую секунду. – Себе решил оставить, сука? Или хозяину своему потащишь?

Вэйань улыбнулся криво и сухо, словно скушал что-то протухшее. Но кивком уважил, тут же качнув стволом «коловорота» – сюда, мол, иди. Варя на этот раз замотала головой так сильно, что русая коса выпрыгнула из-за воротника, мягко хлопнув Митяя по лицу. И почти сразу тот заметил, что с девчонкой что-то не так. Как в тот раз, в кухонной повозке, когда...

– Начинайте эвакуацию, – надрывался забытый наемник на общей волне.

По вискам Вари покатались капли пота. Заплаканные глаза, наоборот, высохли мгновенно, налившись такой яркой зеленью, что показались неживыми. Широкие скулы девчонки отвердели, ноздри раздулись. Исподлобья взглянув на одноглазого, она вдруг четко и неглубоко кивнула.

Зверь появился откуда-то из-за спины Вэйаня. Быстрый, тихий, огромный. Кажется, это была рысь. Когда-то, до тех пор, пока ее котенком не отловили в лесу и привезли на борт «Куэн Као». Теперь это существо перестало быть рысью – животное превратилось в лысую

длинную тварь, не скалившую клыки перед броском на жертву. Приборы на загровке животного не блестели, но Митяй успел заметить следы многочисленных хирургических операций, усеивавших шкуру.

– Ищите детей, быстрее! Собирайте тайгинцев, кого найдете! – продолжал Леший, даже не подозревая, насколько Вэйань сейчас не готов ему отвечать. – Отступаем к машинам на корму!

Фэн свой хлеб ел не первый день и всё же успел почуять опасность.

Присел, одновременно оборачиваясь, начал наводить «коловорот». Не успел буквально чуть-чуть.

Одним огромным прыжком рысь обрушилась на человека, ударом лапы отправляя за перила моста.

Китаец успел вскрикнуть, нажать на спусковой крючок, пули пробили потолок. А затем отправился в семиметровый полет, с глухим хрустом и чавканьем приземляясь туда, где еще сутки назад стояли тюремные клетки. Дребезжа, его автомат откатился в дальний угол зала.

Даже не взглянув на Митяя и девчонку, животное нетерпеливо перебрало лапами, заглядывая за край. Поудобнее приготовилось к новому прыжку, по широкой дуге махнув над перилами вслед за поднебесником. Рывкнул «дыродел», зарычала искаженная вмешательством нелюдей кошка, а потом раздался звук, будто кто-то швырнул в кафельную стену куском сырого мяса.

Только теперь Варя судорожно вздохнула, падая на пылающую грудь парня. Тот застонал, и она отодвинулась.

– Давай, моя хорошая, нужно идти... – Митяй перевернулся на живот, стискивая зубы, но стараясь не подвывать. – Вставай, Варечка.

Было больно, было трудно дышать, в боку опасно кололо и побулькивало, но парню было плевать на всё это. Он точно знал, что вытащит ее из гибельного кошмара.

CREDITUM LXVI

Отступить на борт второй «Квадры» сумели девять безов, включая пойманного пулю Митяя. Снайперы, прикрывавшие бой с холма, тоже были тут, даже успев оповестить службу, остававшуюся в лагере. Когда встает выбор – умереть или побегать, человек обычно выбирает без особых раздумий, поражая возможностями.

Один из безов с сержантскими нашивками попробовал настоять на том, чтобы захватить более скоростную «Гарну», но Илья был непреклонен. Лесовик оставался вторым человеком в отряде, имевшим хоть какое-то представление об управлении машиной, и его слово теперь весило немало.

Варвара, ни на шаг не отходившая от Митяя, распластанного на медицинской полке, знала причину. Еще до того, как вдвоем они выбрались на палубу, кое-как перебежав корму, Лесовик заглянул в причудливую четырехвинтовую машину. Увидел, всё понял, принял решение. Хороший он человек, Илья. Побольше бы таких...

Волонтеров из Тайги, участвовавших в бою против «сектантов», на летное поле выbralось только четверо. Все, кого бойцы Султана встретили по ходу отступления. Остальные до сих пор не знали, что «Куэн Као» близок к гибели, продолжая шарить по его отсекам в поисках врага или наживы. Спасать их означало погибнуть самим.

О том, как погиб Вэйань, знали только Варя и Митяй, честно признавшийся, что китаец прикончил в драке мутант. Командование тут же принял последний выживший сержант, приказавший немедленный взлет.

Вообще, они были довольны – стрелки в оливковых пятнистых одеждах. Особенно лысый парнишка, возле которого крутился Илья. Все обсуждали, что операция была успешной, что им удалось победить и завладеть массой ценной информации. И в особенности оборудованием – когда Темирбаев увидит «Квадру», тяжело приземляющуюся на окраине своего города, он оценит. Даже несмотря на гибель одноглазого помощника...

Задумавшись о Султане, Варвара погрузилась, обменявшись с Митяем многозначительным взглядом.

Они оба понимали, что в Тайгу им возвращаться нельзя, но что делать дальше, не знали. Может быть, поможет Илья, но для этого нужно сначала улететь с корабля.

С неприятной тяжестью в животе ожидая своего первого полета, Варя пыталась успокоиться. Люди давно покорили небо, подражая птицам, так что для тревог нет причины. Да и не может ничего плохого произойти, когда они крадут у приближающейся смерти так много детей. Теперь, когда они были совсем рядом – сонные, уложенные спать в тесные горизонтальные кабинки, гул в ее голове утих, сменившись умиротворением.

За штурвалы сели Лесовик и лысый мужчина, которого все называли Пружинкой. Причем последний зачем-то вставил себе в голову веревку, второй конец засунув в скопление приборов. Сразу после этого девушка снова услышала рокот, но не в себе, а где-то выше, над крышей громоздкой летательной коробки.

Четыре винта «Квадры» завертелись, а затем громадная машина вдруг поднялась над палубой, заставив Варю ойкнуть. Митяй, всё прочитав на ее лице, крепко сжал девичью ладонь, пытаясь улыбнуться.

Неуверенно зависнув над кормой атомохода, конвертоплан развернулся на юго-восток, выставил двигатели в нужный градус и с места рванул вперед. Времени оставалось всё меньше...

Осматриваясь, Варя всё пыталась понять, летят ли они вообще. Никаких особенных новых чувств не испытывала, а окон на грузовом судне почти не было. Да и от Митяя она отходить не хотела даже для того, чтобы взглянуть на проплывающую под брюхом тайгу.

А потом что-то хлопнуло. Те, кто осмелился взглянуть на приборы внешнего наблюдения, увидели сначала яркую вспышку позади, где-то на берегу залива. Затем над лесом приподнялся шар, набирающий яркость. Сотни оттенков, сменяющих друг друга, неслись наперегонки – над тайгой просыпалась смертоносная красота, за полтора столетия уничтожившая не одну жизнь. Шар принялся тускнеть, а на его месте к небесам потянулась поганка длиной в несколько километров, распуская одну шляпку над другой. Гриб постоял, покачиваясь и какое-то время сохраняя форму, а затем начал оседать. Совсем скоро на его месте осталось висеть лишь гигантское облако, похожее на ливневое.

Конвертоплан взбесился, хотя окружавшие ее мужчины и были уверены, что отошли на безопасное расстояние. Прикованные к своим сиденьям люди заболтались в крепежах тряпичными куколками, машина накренилась, чуть не рухнув, но пилоты смогли выровнять курс.

Через какое-то время Варя ощутила, что «Квадра» снижается.

CREDITUM LXVII

Стоянка была необходима, никуда не денешься. Да и Вебер настаивал, а с ним теперь не решался спорить даже сержант. К тому же электромагнитный импульс повредил часть приборов, с которыми стоило разбираться явно не в полете. Поэтому он согласился, помогая опустить «Квадру» точно в центр каменистой поляны на берегу реки. Едва заглохли винты, люди высыпали наружу, тревожно уставившись на счетчики, зажатые в руках.

Его это интересовало мало. От эпицентра взрыва, в который превратился выпотрошенный «Куэн Као», их отделяло больше тридцати километров, а это означало, что непосредственной угрозы нет. Пока, во всяком случае. Расстегнув куртку, он вышел на улицу вслед за всеми, забавляясь, с какими лицами взрослые люди смотрят на северо-запад, где отныне Сибирь обзавелась еще одним «карманом».

Капитан государственной разведки Найвен Денг, в последние годы больше известный под именем Пружинка, взвешивал свои возможности. С одной стороны, он выполнил операцию блестяще, успешно, превосходно. В его руках находились данные по проекту «Фетус», что на латыни означало «плод». Но «Квадра», под завязку забитая этими самыми

«плодами», тоже не давала покоя. Если ему удастся довести машину до границы с Китаем, результат будет еще более впечатляющим.

Несколько лет тяжелой и напряженной работы принесли свои плоды, и Фуцанлун был предельно доволен. Работа пластика, перешившего его тело перед самым Перерождением планеты, оказалась безупречной, как и легенда, с которой он был командирован в Сибирь четыре года назад.

Таланты достойного мужа никогда не покроются пылью в трудолюбивых руках, и судьба Денга – тому лучший пример. Чуть не потерявшийся в плавильной печи сибирского хаоса, агент Фуцанлун сумел самостоятельно выйти на связь с генералом. Наладил канал, передал в центр объемный доклад об активности бывшего депутата Темирбаева и его новой одержимости – поисках нефти. Сам предложил повторное внедрение, наотрез отказавшись от эвакуации, и удачно вступил в эффективное сотрудничество с сибиряками, разыграв карту информатора. Вот путь настоящего мужчины, путь воина и преданного слуги, и переполнявшая поднебесника гармония воодушевляла его лучше новых званий или наград.

Глядя на людишек, толпившихся перед конвертопланом, китаец забавлялся, на каком опасном краю стояли они все, только что избежавшие ядерной вспышки.

Итак, сейчас перед ним было тринадцать противников. Щенок, привязанный к койке, не в счет, трое из obsługi – тоже. Про девку разведчик даже не вспомнил. А вот наемник, приписанный ему Терпением, мог стоять сразу нескольких... Прислонившись к трапу и вдыхая чистый весенний воздух, капитан вооруженных сил Китайской Народной Республики Найвен Денг взвешивал свои силы.

В пистолете под курткой десять патронов, плюс один в стволе. Значит, необходимо завладеть оружием кого-то из убитых безов. Пощелкать их он может внутри, приглашая по одному, пока есть возможность. С другой стороны, оставался риск, что «Квадра» будет сбита, едва достигнув границ Свободной Сибири. Неужели придется возвращаться в Тайгу? Пудрить мозги Темирбаеву, слить часть данных Гринивецкому, хорошо подготовить путь отхода... Но Денг точно знал, что никогда не простит себе брошенные в Сибири экспонаты, которые они никогда не смогут вывезти в Китай. Что «братья-месяцы» делали с детьми, разрабатывая «плаценту», так и останется тайной...

Пожалуй, стоит попробовать. Предупредить центр о полете, обеспечить авиационное прикрытие, запросить поддержку на уровне Правительства – генерал сумеет. Вебер всё еще в кабине, осматривает приборы. Девка внутри, вместе с мальчишкой. Сначала капитан убьет их, потом позовет сержанта. Затем еще одного беза. Потом еще одного. Когда те почуют неладное, он справится с пятью-шестью оставшимися. Дальше дело за «Коловратами», с которыми для обычного ломщика Найвен умел обращаться виртуозно. Пожалуй, стоит попробовать.

Он – обхитривший не только Темирбаева, но и официальный Новосибирск, уж как-нибудь справится. Терпение, кстати, оборвал все провода – хочет знать, чем закончилась вылазка «его» человека. Ничего, с горечью поражений приходит опыт настоящего воина.

Капитан прислушался к ощущениям. Слабость после применения «синдина» почти прошла. Кроме того, он недавно воспользовался стимулятором. После этого проваливается сутки в лежку, но дело того стоит, как, впрочем, и любая победа...

Сунув руку за отворот куртки, Найвен нащупал рукоять пистолета, расстегнул фиксатор. Поднялся по трапу, двигаясь мягко и неспешно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Девчонка и раненый паренек находились там же, где капитан их оставил, – у входа в грузовой отсек в медицинском уголке машины. Паренек дремал, всё еще пристегнутый к койке. Метелка подняла голову, словно хотела что-то спросить, но китаец удостоил ее пустым безразличным взглядом, свернув по салону направо. Всё шло по плану – Вебер так и не покинул кабину.

Открыв дверь, Денг убедился, что наемник по-прежнему занимает место первого пилота, склонившись над электроникой. Отщелкнув предохранитель, Фуцанлун выхватил пистолет, наводя ствол на коротко стриженный затылок. Прицелился, нажал на спуск. И

вдруг осознал, что лишь подумал об этом движении. Рука стала ватной, каменной, сделанной из родниковой воды. Он скосил взгляд, обнаружив, что всё еще собирается вынуть пистолет из секретной кобуры.

И только теперь Найвен вспомнил, какого необычного цвета были глаза девчонки, сидевшей в лазарете. Это были глаза дракона.

Миг назад, едва скользнув взглядом по лицу липового машиниста, она вдруг как-то, самым непостижимым образом, всё поняла. Она *узнала*, в кого превращается безвредный помощник Султана, как животные улавливают исходящий от человека страх.

– Илья!

Крик из-за спины подтвердил опасения Фуцанлуна. Осознанное не укладывалось в рамки привычной логики, но размышлять об этом было уже поздно. Всё еще не совсем управляя рукой, он с нескрываемым сожалением заметил наведенный на себя «дыродел» наемника. Доли секунды понадобились Веберу, чтобы среагировать на вскрик, обнажить оружие, нырнуть за кресло пилота и обернуться. А Денг только сейчас вытянул из-под куртки пистолет, наконец-то начав прицеливаться. Успел послать проклятие своему телу, отказавшему в самый ответственный момент его жизни, и в следующее мгновение Вебер выстрелил.

В тесном отсеке конвертоплана грохнуло, закладывая уши, и уже через секунду Денг смотрел в потолок пассажирского отсека, что-то хрипя. Пуля угодила в верхнюю часть груди, чуть повыше сердца. Девчонка, каким-то образом сумевшая предупредить наемника, взвизгнула, бросаясь к койке с парнишкой. Раненый проснулся, дернулся в ремнях. Застонал от боли, обмяк, ошалелыми глазами осматривая салон и пытаясь хоть что-то понять.

Вебер вышел из кабины, всё еще держа пистолет наготове. Оценив, насколько серьезно ранен машинист, убрал «дыродел» в кобуру.

В салоне тут же сталолюдно. Безы, тыча стволами «коловоротов» в лицо Лешего, ринулись внутрь целой толпой, не меньше пятерых. Взяли под перекрестный прицел, что-то кричали, один склонился над окровавленным капитаном.

– Полегче, парни, не хлопните меня, а то конвертоплан никогда не доберется до Тайги, – держа руки на виду, наемник говорил нарочито медленно, чтобы достучаться до переполошенных вояк.

От холодной уверенности, с которой Вебер стоял перед людьми Темирбаева, те растерялись, хотя оружие и не опустили. Один даже осмелился, подошел и вынул пистолет из кобуры наемника.

– Убейте его... – прохрипел Денг, но услышал лишь собственные хрипы.

– Ну что, бойцы? – Вебер поочередно взглянул в лица окружавших его безов. Остальные и перепуганные «кроты» толпились у выхода, пытаясь уразуметь, что происходит внутри. – Ваш Пружинка работал на «верхолаза» из Новосибирска, я могу это доказать. Уяснили? Поэтому стреляйте или опустите пушки... Я сам поговорю с Султаном.

Как ловко всё вышло для смертельного риска, на который пошел наемник. Взянь, способный без колебаний казнить чужака, мертв, а остальные не столь решительны. Чуть позже на теле капитана Поднебесной бойцы Темирбаева обязательно найдут несколько любопытных гаджетов, подтверждающих обвинение. Да и Терпение прикроет, раскрыв карты в обмен на трофеи с атомохода...

Тем не менее Фуцанлун хотел смеяться, если бы мог не булькать кровью. Глупцы никогда не узнают, на кого в действительности работал всё это время безобидный машинист. Ожидаемая победа обернулась неожиданным провалом, и теперь Поднебесной придется приложить новые усилия, чтобы вернуть раллер с базами «Куэн Као».

Кевлайкровый жилет остановил пулю Лешего и уберек жизнь, но капитан Денг не вправе дать Султану шанс задать лишние вопросы. В нестабильную сеть ушло зашифрованное послание, в котором агент приносил генералу свои извинения. Достигнут ли они адресата?.. После этого «балалайка» получила последний приказ и отформатировалась. Языком активировав капсулу в одном из коренных зубов, китаец принял мгновенный яд, тут

же перестав дышать.

Варя, всё это время прикрывавшая Митяя собой, потеряла последние силы. Сознание ее мигнуло, и девушка мягко сползла на пол пассажирского отсека.

CREDITUM LXVIII

Солнце закатывалось за гребенку сосновых верхушек, оставляя на торопливой речной ленте последние отблески. Тень стала длиннее, добралась до прибрежных камней, нырнула в воду. Похолодало.

Пальцами поглаживая едва ощутимый бугорок под кожей запястья, паренек задумчиво глядел на воду. «Таблетка» Султана подарила ему новую жизнь и биографию. С другой стороны, по ней-то Темирбаев и попытается его вычислить. И метелку, разумеется. Митяй взглянул на обнаженное предплечье, где еще розовел свежий шрам. Когда он наберется сил, ему придется повторить поступок двухлетней давности. Закусив ремень, осторожно и без лишней суеты. Варя поймет и поможет...

Опираясь на удобную палку, подобранную для него поваром Лексеичем, Митяй поднялся на ноги, стараясь не дышать. Корсет почти целиком воровал боль, но ребра всё еще гудели, стоило неловко повернуться. Корсет, а еще руки Вари, умевшие врачевать лучше любого лекарства.

Девушка спала. Еще не оправившись от нападения в болотах, она каким-то образом смогла спасти его от Вэйяня, сразу после этого потратив последние силы на Лешего. Как вообще она смогла определить, что Пружинка нападет на Вебера? А тот – тоже молодец нашелся. Знал ведь давно, что ломщик на две стороны играет, и молчал, чуть не скушав пулю...

Митяй поковылял к конвертоплану, наблюдая за окружавшими машину людьми. Дети, обнаруженные на борту, медленно приходили в себя после обработки наркотиками. Многие пока не могли ходить сами, но им помогали, под руки выводя на свежий воздух. Их, одетых в легкие тюремные робы, кутали во всё подряд – пледы, спальные мешки, свитера и армейские куртки. Сейчас безы больше походили на воспитателей детского сада, возящихся со своими подопечными.

Экспонатов – как цинично числились они в бортовых системах «Квадры» – оказалось полторы сотни. Тайгинских детей, на что искренне надеялись волонтеры, среди них обнаружено не было. А вот кропоткинцев в числе пленников нашлось сразу почти двадцать, хоть и ни одного старшака. Напильник, Беляш, Юлька и все, кому исполнилось больше пятнадцати лет, были убиты во время нападения. Молодняку, в число которого попали новенькие Алешка с сестрой, «повезло» больше.

Как оказалось, почти всех прибывающих в лабораторию размещали по группам по мере поступления. Поэтому многие уведенные из коммуны дети попросту не успели попасть в полноценную экспериментальную программу. Вероятно, это было причиной, по которой отступавшие с такой легкостью оставили груз, надеясь на его уничтожение при взрыве.

Только после того, как Митяй прочитал списки имен и увидел лица, он вдруг понял, что не знает, о чем будет с ними говорить. Принимать благодарности за спасение? Глупо всё это, да и не он спасал детей. Так, рядом постоял, выстрелил пару раз. Тискать в объятьях, радуясь освобождению? Да ну, вот еще... Они и друзьями-то его не были на самом деле. Поэтому парень с легким опасением ждал, когда тот же Алёшка придет в себя, обнаружив среди автоматчиков его – изгнанного старшака.

Митяй добрал до кабины, возле которой болтали наемник, сержант и еще двое безов. Веберу после случившегося с Пружинкой стали доверять чуть ли не как своему. К каждому слову прислушивались. Хотя, конечно, в итоге решать будет Султан...

– Думаю, еще часа три-четыре, – говорил Леший, поглядывая на хронометр. – След облака смещается на север, течение реки тоже в нашу пользу, причин для спешки нет... Мое слово – уходим утром.

Митяй взглянул на бойцов, заметив, как те нервничают, несмотря на благоприятные погодные прогнозы наемника. Он понимал их – ему тоже хотелось оказаться как можно дальше от места, в котором рванул ледокол.

– Еды на всех не хватит, – негромко вставил сержант, оглядываясь на детей.

Несколько десятков их сидело на траве и камнях вокруг конвертоплана, еще не до конца понимая, что происходит. Ответить, как оказались на «Куэн Као», они тоже пока не могли.

– Да и мы тут не на месяц, – мягко пресек дискуссию Вебер. – Лекарств на помощь раненым хватило, воды чистой тоже в достатке. Завтра утром будем в Тайге, там и отъедитесь.

– А с детьми-то что делать? – один из безов воровато покосился в сторону, словно бывшие экспонаты могли его услышать.

– Решим на месте. Скорее всего в Новосибирск, пусть там разбираются. Сектанты ваши решительно непростыми оказались...

– Принимается, – согласился сержант. – Ночуем тут, я попробую выйти на связь с Тайгой. Кто сумеет из наших, поможет тебе приборы чинить, или что там сломалось... Утром на взлет. И еще. Тварину эту закопайте, ага? Только подальше, чтобы дети не увидели.

Все пятеро посмотрели в сторону опушки, где сухими ветками было прикрыто тело убитого машиниста.

– Леший? Поговорить можно?

Илья повернулся к пареньку, провел рукой по коротким волосам.

– Отчего бы не поговорить? Давай... – и неторопливо, чтобы не обгонять хромающего Митяя, пошел вдоль борта. – Надумал чего?

– Нельзя мне в Тайгу. – Парень и сам не ожидал, что так просто, буквально в лоб, выдаст наемнику всю правду. – И Варе нельзя.

– Вот как? – Вебер остановился, взглянул ему в лицо, словно испытывая, не врет ли. Но было заметно, поверил сразу. – Есть предложения?

– Мы с вами завтра не полетим.

Чем больше Митяй говорил, тем проще ему становилось на душе. Ну, ранен он, что с того? Вдвоем они точно что-нибудь придумают. А если не в Новосибирск идти, так можно на Урал податься... Парень вдруг поймал себя на мысли, что Варя может не захотеть идти с ним. Да, причины одинаковые, но это же ничего не означает?

Вебер с тонкой улыбкой наблюдал, как черенок трясет головой, пытаясь избавиться от сомнений или непрошенных страхов.

– Ну, раз ты решил, так и будет. Только знак дай, когда соберетесь уходить, добро?

– Добро.

Леший протянул ему руку – широкую мозолистую ладонь. Митяй замешкался, сглотнул комок, а затем крепко пожал, стараясь не обращать внимания на занывшую грудь.

Наемник ушел, оставив его в одиночестве. Может, не такой уж он и мудак, этот Вебер? Усмехнувшись, Митяй поковылял обратно, огибая нос «Квадры». И вдруг увидел ее. Стояла прямо на пути, будто знала, где подловить. Девочку еще покачивало, глаза были сонными и полуприкрытыми, словно она превратилась в лунатика, решившего прогуляться среди ночи. Легкая пижама, похожая на интернатскую, развевалась под прохладным ветерком.

– А я знала, – заплетающимся языком произнесла Даша и неловко попыталась улыбнуться.

CREDITUM LXIX

Впервые за долгое-долгое время ей снился обыкновенный сон.

В нем, напитанные переживаниями минувшего дня, куда-то бежали люди, сама она бабочкой взлетала в воздух, рычали дикие звери. Словом, привычная для сновидения чепуха

мешалась с остывающими в мозгу девушки эмоциями. Варя вздрагивала, тревожно хватала воздух пальцами, и даже постанывала, один раз чуть не упав с узкой койки.

Но этот суматошный, перевернутый с ног на голову сон, пусть и такой загадочный, был не так страшен, как покинувшее ее сознание кошмары. Даже сравниться не мог с необъяснимой реалистичностью белого купола, под которым она снова и снова встречала тени-силуэты, оказавшиеся детьми. Не мог тягаться с его глубиной и враждебным давлением, под которым было так неприятно и нелегко.

Всё закончилось, это девушка понимала даже сквозь шумный и пятнистый балаган сна. Теперь *они* рядом, пусть и не все. Остальным теперь не помочь, и этот рубец до конца дней останется на ее сердце. Но часть похищенных – тут, в безопасности и относительном покое. Приходят в себя после лекарств, пытаюсь вернуть на законное место вырезанные из памяти ночи, седмицы и целые луны. Недоверчиво косятся на вооруженных мужчин, неуверенно угощаются из сухпайков, вспоминают свои имена.

Варвара распахнула глаза, потеряла щеки. Силы еще не восстановились, она по-прежнему чувствовала себя высушенным на солнце яблоком. Но понимание и вера, что она в состоянии сделать что-то еще – что-то очень важное, заставляли прервать отдых. Отоспится позже, только дай время...

Потянувшись, она опустила ноги с медицинской койки, еще хранившей тепло Митяя. Второго в ее жизни мужчины, к которому в душе распускался цветок. Первому в ее жизни мужчины, которому она спасла жизнь. Одному из тех, кто спас ее собственную.

Впечатления, цепко угнездившиеся в ней от первого знакомства с Тайгой, рассеивались можжевельным дымом. Ошибалась девочка, крепко ошибалась, навсегда похоронив человечность и милосердие. Есть добрые люди вне пределов леса, и она знает тех, кто сумел доказать это делом. Вот, значит, каких людей искали женщины ее рода, уходя на поиски мужей?..

Варвара улыбнулась приятным жгучим мыслям, наспех прибрала рассыпавшуюся челку, забросила за спину косу. Обулась в истертые мокасины, спрыгнула с койки, накинула на плечи тулуп. Она была полностью уверена, что Митяй ее выслушает. И *услышит*.

Более того, она знала, что сейчас парень и без подсказок понимает, сколь неблизким стало вдруг окончательное спасение...

CREDITUM LXX

– Привет, Динь-Динь.

– Привет, Леший.

Ночь окружала, опутывала со всех сторон, превращая в незаметный силуэт среди деревьев. Где-то в нескольких метрах был закопан человек, пытавшийся застрелить его. Если бы не реакция Вари, предупредившей за считанные мгновения *до*, в этой яме лежал бы он сам.

– Что нового?

– Я думала, это ты мне расскажешь, бродяга...

– Решили меня убрать?

Мертвая, глубокая, космическая тишина в эфире, несмотря на драгоценные секунды, уплывающие в никуда. Над головой помигивал спутник, где-то далеко-далеко.

– О чем ты говоришь, Леший?

– О Пружинке, чуть не прострелившем мне башку. Извини, он к телефону подойти не сможет. Никогда. Так почему вы решились? Я дал повод? Или всё дело в ставках?

– Не понимаю, о чем ты. Никто не пытался тебя убить, и если он... Леший, время уходит... Опиши, что произошло? У тебя есть какие-то записи для пересылки?

– Я выйду на связь через пару дней. – Вебер тяжело оперся на древесный ствол и теперь чувствовал, как под пальцами ломается кора. – Если с семьей что-то произойдет, вы никогда не узнаете о том, что случилось на борту «Куэн Као».

Не дожидаясь, пока сигнал прервется, он выключил спутниковый телефон, со злостью выдернул из затылка психопровод. Подождал, пока ярость схлынет, спрятал гаджеты в карманы. Восстановив дыхание, побрел к стоянке.

Раллер, вынесенный с атомохода ломщиком, конечно же достанется Султану. Поэтому нужно как можно скорее вернуться в Тайгу, чтобы завладеть хоть одним козырем, гарантирующим безопасность его девочек. Нужно любой ценой получить обратно груз Горина, пока к Темирбаеву не подоспел новосибирский дублер, обладающий специальным электронным ключом...

На берегу реки чернела громада «Квадры», рядом горел десяток костров. Возле них сидели те, кто не захотел отправляться спать. Самых маленьких уже уложили внутри конвертоплана. Слышались обрывки разговоров и даже детский смех, от чего на сердце Ильи потеплело.

Силуэт Митяя он разглядел заранее, но виду не подал, позволив парнишке подобраться поближе. Чуть отставшая от парня Варя шагала тише, но Вебер заметил и ее.

– Леший?

– Привет, Митяй. Собрались? – было непросто признавать, но он волновался.

– Тут такое дело... – что-то в голосе парня изменилось.

Крепче стал, да, но как тут слабину давать, когда такая девчонка за спиной? Но было кое-что еще, и Илья пока не мог угадать, что именно. Хоть черенок и сбивался, слова подолгу подбирал, но всё равно звучал иначе. Взрослее, может?

– Слушаю.

– Мы не только вдвоем уходим, ладно?

Варя пока молчала, но и без того чувствовалось, что она согласна с каждым словом Митяя. Смотри-ка, уже не настаивает девчонка, чтобы Вебер «взял ее с собой». Пользуясь темнотой, Илья улыбнулся, тепло и с пониманием.

– Не хочешь пояснить?

– Ну, я про детей... нельзя им в Тайгу... я по себе знаю. И в Новосибирск нельзя. Быстрее всего к девчонкам память возвращается... обрывками пока. Я слышал, они вспоминали, как их увозили. Нельзя им обратно. Поэтому я поговорил... я ж тут вроде самый старшак среди них. С нами другие готовы уйти. Всего почти девяносто человек. Самых маленьких, конечно, не потянем, нелегко им в лесах будет.

– А кто постарше – потянете? – Илья не торопился делать выводы, прислушиваясь к себе. Слова парня застали его врасплох, к такому повороту Вебер готов не был. – В дикой тайге, без провизии и оружия?

– Однажды уже потянули, – многозначительно, но очень твердо ответил черенок, и Вебер ему поверил. – Ты это... оружием бы помог, а? Я видел, в «вертушке» небольшой арсенал есть, ну и подумал...

– Допустим, – ровно и негромко ответил Илья.

За все эти дни он устал спорить с людьми, на свой страх совавшими голову в огонь. Кроме того, за время похода Вебер был наслышан про детский лагерь, разгромленный хозяевами «Куэн Као». Да и зеленоглазая поможет, тоже ведь лесная жительница.

– И куда пойдете?

– Еще точно не решили. На запад, наверное. Говорят, есть такое место, где...

CREDITUM LXXI

– Не понимаю, о чем ты.

Гринивецкий пытался сообразить, какую тактику разговора выбрать. Вопрос Вебера выбил почву у него из-под ног, мешая сосредоточиться. А еще отвлекал прямой взгляд Гилярова – требовательный, внимательный, пронзающий насквозь.

– Никто не пытался тебя убить, и если он... – Терпение постарался говорить мягко, вкрадчиво, не отрываясь от таймера, отмерявшего оставшиеся минуты сеанса. – Леший,

время уходит... Опиши, что произошло? У тебя есть какие-то записи для пересылки?

– Я выйду на связь через пару дней.

И отключился. Сам, впервые за всё время сотрудничества.

Эдуард откинулся на спинку инвалидного кресла, ослабевшей рукой выдернул из головы шнур. Широко открыв рот, осторожно отлепил от неба пластинку речевого модулятора, дарившего низкий женский голос. Спутниковый телефон остался лежать на коленях.

– И это всё?

Гиляров, сидевший на диване напротив, вопросительно изогнул бровь.

– Вы сами всё слышали, Ростислав Михайлович. Каждое слово.

Президент кивнул. Ослабил воротник галстука, и без того почти распущенного. Взял чашку с чаем, глотнул, со стуком вернул на блюдце.

– Значит, твой человек в свите Темирбаева не потерялся. – Это был не вопрос, это была констатация факта, и Гринивецкий не ответил. – Да еще и пытался убить собственного телохранителя.

– Выходит, так. У Лешего нет причин врать, он никогда не подставил бы семью. Но наиболее актуальным представляется вопрос: что именно Пружинка смог вынести с атомохода и где сейчас находятся эти данные?

– Что у нас есть еще?

Гиляров встал и подошел к огромной телевизионной панели, занимавшей одну из стен кабинета Гринивецкого. Задумчиво провел рукой по выключенному экрану, зачем-то посмотрел на кончики пальцев, словно ожидал увидеть на них слой пыли.

– Обнаруженный нашими ВВС летательный аппарат приземлился на берегу одного из новых притоков Таза. Есть предположение, что именно на нем Вебер и люди Темирбаева покинули эпицентр взрыва. Ждем вашего приказа, чтобы выслать туда оперативную группу...

Значит, вот как закончилось их сотрудничество с «людьми-птицами». Невесело, что сказать. Атомоход уничтожен, а вместе с ним, надо полагать, сгорели и сибирские инвестиции. Оставалось уповать, что какие-то данные ломщик Гринивецкого с корабля всё же вынес.

– Что, по-твоему, они будут делать дальше?

– Вернутся в Тайгу. Без «посылки» Горина, хранящейся у Султана, Вебер не сможет торговаться за свою семью. Он вернется, заберет груз и только после этого выйдет на связь.

– Ты действительно собирался его ликвидировать? После этого *всего* ?..

– Конечно, нет! – Терпение даже всплеснул рукой, обиженно глядя на шефа. – Такими кадрами не разбрасываются, Ростислав Михайлович... Но я обещаю в самое ближайшее время разобраться, что произошло.

– Разбирайся, Эдик, разбирайся, – отойдя от телеэкрана, Гиляров неспешно зашагал по кабинету, изучая машиниста из-под кустистых бровей. Казалось, он принимает какое-то решение. – Но промедление работает против нас.

– Я почти уверен в прогнозах, но могу экстренно поднять на ноги аналитический отдел, чтобы подтвердить...

– Не нужно, поступим иначе. – Гиляров вынул из кармана зашифрованный телефон, подключил его к своей «балалайке». – Бугаев? Не разбудил? Нужна группа твоих молодцев. Прямо сейчас, да, чтобы часов через пять были готовы. Только подбирай половчее, кто умеет наблюдать и оценивать, а уж потом стрелять. На север полетят, к Темирбаеву в гости. Добро, подобные инструкции позже.

Выключив телефон, Президент задумчиво повертел его в руках, словно забыв о том, что из затылка остался свисать психопривод. Взглянул на Терпение, покачал головой.

– Кстати, Эдик, ты тоже сумку пакуй. Эмпирическим путем прогнозы свои проверишь. А Султану лично передашь, что...

CREDITUM ULTIMUM

Лопаста вертолета нарубали сибирский воздух жирными ломтями, набрасывая на густую зелень лесов и присыпая легкими майскими облаками. Получалось свежо, сочно и по-летнему прозрачно, а горизонт будто бы отодвинулся, расширив границы обозримого.

Но солнечный весенний полдень не радовал. Рассеянно глядя в иллюминатор скоростного армейского транспорта, Вебер невольно вспоминал совсем иную картину.

Вместо рядов мягких сидений вдоль бортов – многэтажные горизонтальные кельи, похожие на пчелиные соты. Вместо мягкого уютного света комфортабельного салона – тревожный полумрак желудка «Квадры», в котором темнели угловатые силуэты боевиков Султана и фигурка девчонки, склонившейся над раненым черенком.

Конечно, эта машина с «Квадрой» не сравнится, даже пробовать не стоит. В отличие от тяжелого транспортника с атомохода летательный аппарат инвалида был скоростной и маневренной переделкой. За основу взяли десантно-штурмовую модель отечественного производства, с которой Веберу довелось познакомиться еще в академии. Непрошенные ассоциации и воспоминания вызывала не техника, а сам полет...

К тому же было мизерное сходство, пусть и всего в двух вещах. Во-первых, он снова летел на юг, хоть и не ускользая от ядерной поганки на побережье Новообского залива. Во-вторых, окружающие снова косились на него враждебно, недоверчиво, напряженно. Он мог разглядеть капельки пота на висках под вязаными шапочками, подрагивающие пальцы, расширенные зрачки. Мог, но не разглядывал, наблюдая за салоном краем глаза и демонстративно уставившись в тайгу под брюхом вертолета.

Стараясь улыбаться как можно приветливее, Илья осторожно поменял позу, покрутив затекшими ступнями. Взгляды шестерых крепышей, сидевших напротив нового пассажира, мгновенно примагнитились к футляру, лежащему на его коленях.

Желая подразнить тигров, охранявших калечного обманщика, Вебер левой рукой вынул из подлокотника бутылку с минеральной водой. Небрежно поднес к губам, сделал полный глоток, чутко отмечая, как натянулась струна, соединяющая запястье с щекой. Продолжая улыбаться и смотреть телохранителям в глаза, он поставил бутылку обратно.

– Полагаешь, в этом еще остается необходимость?

Глаза человека в инвалидном кресле прояснились, когда он закончил работу с «балалайкой», и теперь машинист заинтересованно наблюдал за поведением Вебера.

– Возможно, – ответил Илья, и это было почти правдой. – Но ты точно знаешь, когда я приму решение, Динь-Динь.

– Знаю, знаю... – инвалид покачал лысой головой, презрительно скривился, но больше на выпад не отреагировал ничем. – Но ты должен понимать, что к моему начальнику, способному дать необходимые тебе гарантии, с *этим* не пустят в любом случае...

– Значит, сначала к семье, потом за ответами. – Свободной рукой Вебер почесал заросшую щетиной щеку. – А пока постарайтесь не обращать на это внимания...

Человек с несколькими именами, которого Илья еще недавно знал как девушку и своего связного по имени Колокольчик, снова покачал начисто выбритой головой. Они начинали этот разговор уже не в первый и даже не во второй раз, но иных способов заставить Илью взойти на борт вертолета Терпение найти не смог. Наверное, Бугаев будет не в восторге, когда его головорезы доложат об опасности, которой машинист подверг шестерых гвардейцев, но тут уж ничего не поделать...

Вебер, откровенно довольный пасмурным расположением духа бывшего связного, теперь улыбнулся широко, по-настоящему. Сомнения начинали глодать его душу, причем вполне обоснованные, а оттого Илья старался держаться как можно более дерзко и вызывающе. В конце концов, пока он не убедится в реальности данных обещаний на 100%, ситуация должна оставаться исключительно под его контролем.

...Он успел.

Опередил инвалида меньше чем на пару часов, но успел.

Несмотря на шумное прибытие трофейной «Квадры», чуть не сбитой на подлетах к Тайге, резкую реакцию Темирбаева, долгий разговор Султана с выжившим офицером, взявшим на себя командование остатками отряда. Успел до того, как состоялась его беседа с хозяином городка. Вебер не забудет ее и через десять лет. Успел до того, как на окраине приземлилась еще одна «вертушка», высадившая человека в инвалидном кресле и его «телков».

Он забрал у Султана груз, найденный в брошенных вездеходах Горина. Забрал до того, как хранитель получил какие-либо инструкции из столицы. И выходил встречать гостей из Новосибирска, уже не опасаясь за исход переговоров. Потому что на крышке увесистого матового футляра, который Илья сжимал в левой руке, виднелась небольшая, хорошо закрепленная термическая граната. И проволочная струна, соединяющая ее чеку с запястьем наемника.

Взамен Темирбаев, теперь даже не пытавшийся скрывать неприязнь к Лешему, получил всё, что осталось от его «верного» машиниста. Баш на баш, как говорили тюркские торговцы. И пусть Новосибирск сколько угодно давит на Султана, пытаюсь вернуть ценный раллер, – это перестало быть делом Вебера, вышло из зоны его интересов.

Он еще долго не забудет взгляда, которым Темирбаев провожал его из кабинета. Взгляда внимательного, цепкого, полного целого набора чувств: от зависти до кипучей злобы. Выдержав девятый вал новостей и сюрпризов, обвалившихся на его седеющую голову, Султан замкнулся, превратившись в ходячую лесную корягу, опаленную лесным пожаром. Крепкую, сильную, но обгоревшую дочерна.

– Если со спасенными детьми хоть что-то произойдет, – тихо сказал ему Вебер, не притронувшись к предложенной настойке и глядя прямо в глаза, – я вернусь. И тогда ты пожалеешь, что когда-то впустил меня в город.

– Если бы за каждую угрозу в свой адрес я откладывал по юаню, – хладнокровно ответил ему Айбар Темирбаев по прозвищу Султан, делая глоток и приглаживая роскошные черные усы, – то давно бы купил вид на жительство в любом Анклаве мира.

Выходя из его кабинета буквально за несколько минут до того, как над городом зашумела лопастью еще одна «вертушка», Илья успел заметить, каким постаревшим казался теперь хозяин таежного городка.

Несомненно, «Квадра» стала достойной платой за гибель почти двух десятков безов. Однако стоила ли машина гибели лучшего полевого командира Тайги, нелепо сгинувшего в ядерной вспышке? Об этом можно было только гадать, но сам Вебер считал, что нет.

При этом на уцелевших «кротов» Султан смотрел как на пустое место, словно ему было безразлично, сколько волонтеров выжило, а скольких его город потерял. С тем же окаменевшим лицом выслушивал он рассказ сержанта о ночном дезертирстве Митяя, о десятках малолеток, томящихся в ожидании на борту массивной машины, о предательстве Пружинки и его схватке с наемником. С тем же выражением шел мимо вдов, в голос рыдавших на центральной площади, где совсем недавно их мужья вербовались в отряд.

А уж когда в пригороде зашла на посадку столичная машина, получившая у операторов и зенитчиков Тайги официальное разрешение, морщины Султана превратились в отметины неумелого скульптора, торопливо работавшего по граниту...

Наверное, человек по имени Терпение пытался забрать спасенных детей, Вебер слышал обрывки его напряженного разговора с Темирбаевым. Наверное, ему это не удалось, потому что к вертолету инвалид прикатил в отвратительном настроении и кусая губы. Наверное – а теперь почти всё, окружавшее Илью, строилось исключительно на предположениях, – Султан посчитал спасенных детишек своим трофеем наравне с захваченным безами конвертопланом.

Однако и тут Вебер отдавал бывшему связному должное, к беседе с Ильей тот начисто избавился от дурных эмоций, не позволив гнили гнева подпортить талант переговорщика.

Интересно, на кого же он работал все эти годы?

Вебер искоса взглянул на инвалида, чье кресло было зафиксировано в специальных

зажимах слева от него. Сейчас тот казался безмятежным, умиротворенным, вальяжным. Наверное, это выражение не покинуло бы его лица, даже дерни Илья чеку. Умный человек. И хитрый. Когда несколько часов назад машинист доказывал, что семье Вебера ничего не угрожает, Леший почти поверил, что слышит правду.

Илья выдержал взгляд ближайшего из телохранителей инвалида. Каждый из этой шестерки был похож на сторожевую собаку, которую удерживает невидимый, но очень крепкий поводок. Собаку, готовую рвануться в бой и перегрызть наемнику горло, но всё же послушно выполняющую приказ, перечащий зову крови.

Это сравнение невольно разбудило в памяти еще одну картину – дрожащий от напряжения скиталец на крыше «Ермака». Раненый зверь, которого каким-то немислимым образом удержала Варя. Варвара... Где она сейчас? Вебер отвернулся. Прижался лбом к холодному стеклу иллюминатора, уставившись на расстелившийся под ними темно-зеленый с серыми и коричневыми узорами ковер.

В слова Терпения так хотелось поверить. В то, что Пружинка оказался двойным агентом, и в полную непричастность заказчика к покушению на Илью. Доводы, приводимые инвалидом, казались верными, гладкими, старательно подобранными, как специальные пули в магазине снайперской винтовки.

– Если бы мы планировали убить тебя, Леший, – говорил ему человек в кресле, даже не пытаясь отвести взгляд, – то сделали бы это явно не в глухих лесах. Явно не в ситуации, когда вынесенный с «Куэн Као» раллер может попасть в чужие руки, а бесхозные данные Горина – достаться Султану.

Узнав о том, что раллер предателя теперь принадлежит Темирбаеву, машинист помрачнел, впрочем, довольно быстро восстановив прежнее равновесие. Они оба – и Султан, и человек в коляске – на вполне законных основаниях могли считать Пружинку своей собственностью. Но как именно произойдет дележка его «наследства», Илья не хотел даже фантазировать.

– Это не твоя вина, Леший, – продолжал Терпение, задумчиво рассматривая тушу «Квадры», дремавшей неподалеку. – В условиях нестабильных коммуникаций я рассматриваю твои действия как разумную и единственно верную страховку. Но еще раз повторяю: наш общий босс не имел планов разменивать тебя, словно пешку. Давай вернемся в столицу и забудем о произошедшем, как о неприятном сне.

Да, только это и оставалось. Вернуться и забыть, продолжая входить в обойму надежных людей для решения щекотливых вопросов. Или сгинуть вместе со своими девчонками, проявив норы и необоснованную недоверчивость.

Вебер выбрал первое.

Но до конца словам Терпения пока верить был не готов. Потому и поднялся на борт скоростного вертолета, сжимая в руке термическую гранату, способную если не уничтожить, то как минимум повредить ценный груз.

А вот забыть о происходящем, как забыл бы о сне, хоть и таком тревожном?.. Наверное, с этим будут проблемы. И пусть он сумеет уберечь тайны заказчика, сохранив репутацию чистой, а семью защищенной, память – штука непростая. Именно поэтому Вебер мог бы поспорить, что еще много ночей к нему будут являться они: неумная зеленоглазая девчонка, своенравный паренек – молодой волчонок и десятки детей, уведенных в дикие лесные дебри.

И малыши. Те, кто не сумел уйти с Митяем и его пассивой. Малыши-трофеи, которых решил оставить себе Султан. С какой целью – об этом, как и о многом другом, до возвращения в Новосибирск Илье оставалось лишь гадать.

Но если Вебер узнает, что с головы хоть одного из них где-то там, в далекой Тайге, упал волос, он сдержит данное обещание. И когда он вернется, Темирбаев пожалеет, что оставил его в живых...